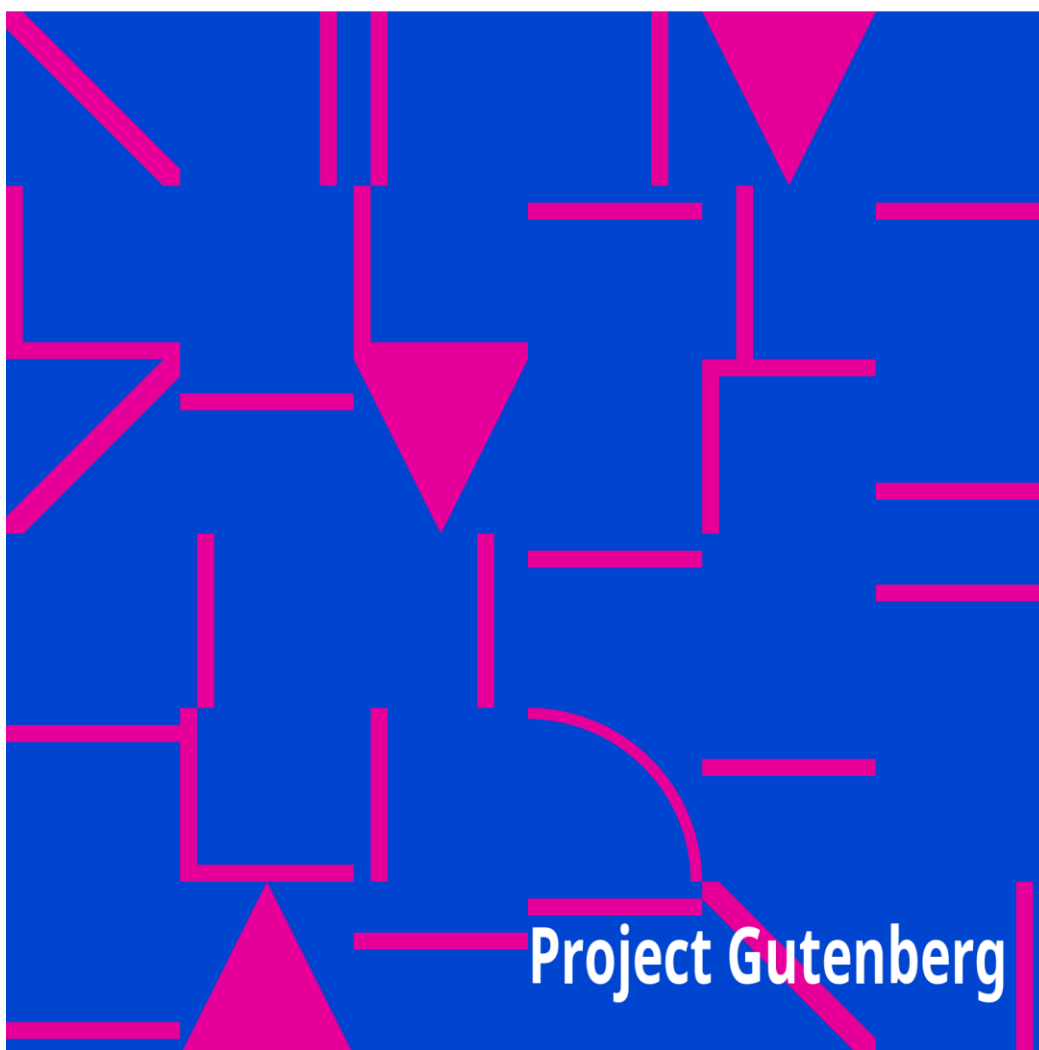

Мифы и легенды кельтской расы

Т. В. Роллестон

Myths & Legends of the Celtic Race

T. W. Rolleston

Project Gutenberg

The Project Gutenberg eBook of Myths & Legends of the Celtic Race.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге, или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Мифы и легенды кельтской расы

Автор: T. W. Rolleston

Дата выхода: 17 октября 2010 [eBook #34081]

Язык: Английский

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ КЕЛЬТСКОЙ РАСЫ ***

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ КЕЛЬТСКОЙ РАСЫ

Королева Маэв

Т. В. РОЛЛЕСТОН

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ КЕЛЬТСКОЙ РАСЫ

КОНСТЕБЛЬ - ЛОНДОН

[стр. 8]

Британское издание, опубликованное компанией "Констебл энд Компани Лимитед", Лондон

Впервые опубликовано в 1911 году издательством George G. Harrap & Co., Лондон

[стр. 9]

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошлое может быть забыто, но оно никогда не умрет. Элементы, которые в самые отдаленные времена вошли в состав нации, сохраняются на протяжении всей ее истории и помогают формировать эту историю, а также накладывают печать на характер и гений народа.

Поэтому изучение этих элементов и признание, насколько это возможно, той роли, которую они действительно внесли в основу и узор жизни нации, должно представлять немалый интерес и важность для тех, кто осознает, что настоящее - дитя прошлого, а будущее - настоящего; Кто не будет считать себя, своих сородичей и сограждан лишь преходящими фантомами, спешащими из тьмы во тьму, но кто знает, что в них огромный исторический поток национальной жизни идет от своего далекого и таинственного истока к будущему, которое во многом обусловлено всеми прошлыми странствиями этого человеческого потока, но которое также, в немалой степени, является тем, что они, своим мужеством, своим патриотизмом, своими знаниями и своим пониманием, выбирают, чтобы сделать его.

Роль, которую сыграла кельтская раса в качестве формирующего влияния на историю, литературу и искусство народа, населяющего Британские острова, - народа, который из этого центра распространил свои владения на столь обширную территорию земной поверхности, - была неоправданно затуманена в популярной мысли. За это в значительной степени ответственно нынешнее использование термина "англосаксы", применяемого к британскому народу в качестве расового обозначения. С исторической точки зрения этот термин вводит в заблуждение. Ничто не оправдывает выделение двух низкорослых германских племен, когда мы хотим указать на расовый характер британского народа. Его использование приводит к таким абсурдам, как тот, который писатель заметил не [pg 10] давно, когда предложенное Папой возведение ирландского епископа в кардиналы было описано в английской газете как вызванное желанием главы католической церкви сделать комплимент "англосаксонской расе".

На самом деле население этих островов, а также типичная и преобладающая часть населения Северной Америки называется не англосаксонским, а англо-кельтским. Именно в этом сочетании германских и кельтских элементов британский народ уникален - именно оно придает ему огонь, пламенность, а в литературе и искусстве - чувство стиля, цвета, драматизма, не свойственные германской земле, и в то же время - продуманность и глубину, почитание древних законов и обычаев, страсть к личной свободе, которые в большей или меньшей степени чужды романским народам юга Европы. Пусть они никогда не станут чуждыми для Британских островов! Нельзя также считать, что кельтский элемент на этих островах привнесен исключительно или даже преимущественно населением так называемой "кельтской окраины". Сейчас этнологам хорошо известно, что саксы ни в коем случае не истребляли кельтское или кельтизированное население, которое они обнаружили в Великобритании. Г-н Э.У.Б. Николсон, библиотекарь Бодлианского университета, пишет в своей важной работе "Кельтские исследования" (1904):

"Названия, которые не были специально придуманы для описания расы, никогда не должны восприниматься как доказательство расы, а только как доказательство общности языка или общности политической организации. Мы называем англичанином человека, который говорит по-английски, живет в Англии и носит явно английскую фамилию (например, Фримен или Ньютон). И все же, судя по статистике "относительной [pg 11] черноты", есть все основания полагать, что Ланкашир, Западный Йоркшир, Стаффордшир, Вустершир, Уорикшир, Лестершир, Ратленд, Кембриджшир, Уилтшир, Сомерсет и часть Сассекса - такие же кельты, как Пертшир и Северный Мюнстер; Чешир, Шропшир, Херефордшир, Монмутшир, Глостершир, Девон, Дорсет, Нортгемптоншир, Хантингдоншир и Бедфордшир более кельтские и равны Северному Уэльсу и Лейнстеру; тогда как Букингемшир и Хартфордшир превосходят даже эту степень и находятся на одном уровне с Южным Уэльсом и Ольстером."¹

Итак, именно для англо-кельтского, а не для "англо-саксонского" народа написан этот рассказ о ранней истории, религии, мифической и романтической литературе кельтской расы. Хочется надеяться, что этот народ найдет в нем вещи, достойные быть запомненными как вклад в общий фонд европейской культуры, но прежде всего достойные внимания тех, кто унаследовал больше, чем любой другой живущий народ, кровь, инстинкты и гений кельтов.

Содержание

- ПРЕДИСЛОВИЕ
 - ГЛАВА I: КЕЛЬТЫ В ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ
 - ГЛАВА II: РЕЛИГИЯ КЕЛЬТОВ
 - ГЛАВА III: МИФЫ ОБ ИРЛАНДСКОМ ВТОРЖЕНИИ
 - ГЛАВА IV: РАННИЕ МИЛИЙСКИЕ КОРОЛИ
 - ГЛАВА V: СКАЗКИ УЛЬТОНСКОГО ЦИКЛА
 - ГЛАВА VI: СКАЗАНИЯ ОССИАНИЧЕСКОГО ЦИКЛА
 - ГЛАВА VII: ПУТЕШЕСТВИЕ МАЭЛДУНА
 - ГЛАВА VIII: МИФЫ И СКАЗАНИЯ КИМРОВ
-

Иллюстрации

- Королева Маэв
- Доисторический тумулус в Нью-Грейндже
- Выравнивание камней в Кермарисе, Карнак
- Поклонение камням в Локронане, Бретань

[стр. 17]

ГЛАВА I: КЕЛЬТЫ В ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Самые ранние упоминания

В хрониках классических народов за пятьсот лет до христианской эры часто встречаются упоминания о народе, связанном с этими народами, иногда в мире, иногда в войне, и, очевидно, занимающем положение большой силы и влияния в Terra Incognita Средней Европы. Греки называли этот народ гиперборейцами или кельтами, последний термин впервые встречается у географа Гекатеса, около 500 года до н.э.²

Геродот, примерно полвека спустя, говорит о кельтах как о жителях "за столбами Геракла", то есть в Испании, а также о Дунае, который поднимается в их стране.

Аристотель знал, что они живут "за Испанией", что они захватили Рим и что они очень дорожат своей воинственной силой. Упоминания, отличные от географических, иногда встречаются даже у ранних писателей. Элланик Лесбосский, историк V века до н. э., описывает кельтов как людей, практикующих справедливость и праведность. У Эфора, около 350 года до н. э., есть три строчки стихов о кельтах, в которых они описываются как люди, использующие "те же обычаи, что и греки" - что бы это ни значило - и находящиеся в самых дружеских отношениях с этим народом, который установил между ними гостевые дружеские отношения. Платон, однако, в "Законах" относит кельтов к расам пьяных и воинственных, и им приписывается много варварства по случаю их вторжения в Грецию и [pg 18] разграбления Дельф в 273 году до н. э. Их нападение на Рим и разграбление им этого города примерно столетием раньше - одна из вех древней истории.

Историю этого народа в то время, когда он был доминирующей силой в Средней Европе, приходится догадываться или реконструировать по разрозненным упоминаниям и рассказам об эпизодах его взаимоотношений с Грецией и Римом, подобно тому как фигуру первобытного чудовища зоолог реконструирует по нескольким окаменевшим костям. До нас не дошли их собственные хроники, не сохранилось никаких архитектурных останков; несколько монет, несколько украшений и оружия из бронзы, украшенных эмалью или тонкими и красивыми узорами в чеканке или рельефной работе - вот почти все видимые следы, которые оставила нам эта некогда могущественная держава о своей цивилизации и владычестве, а также названия, которые в странно измененном виде сохранились на местах их обитания, от Эвксинского до Британских островов. И все же из них, а также из рассказов классических писателей можно с уверенностью сделать вывод, а еще больше - предположить с достаточной степенью вероятности. Великий кельтский ученый, об утрате которого нам недавно пришлось сожалеть, М. д'Арбуа де Жюбенвиль, опираясь на имеющиеся данные, составил убедительный очерк истории кельтов за период до их появления в полном историческом свете после завоеваний [Сезара](#)³, и именно этот очерк, основные черты которого мы приводим здесь.

Истинная кельтская раса

Прежде всего, мы должны отбросить идею о том, что Кельтику когда-либо населяла одна чистая и однородная раса. Истинные кельты, если мы примем в этом вопросе тщательно изученный и детально аргументированный вывод [pg 19] доктора Т. Райса [Холмса](#)⁴, поддерживаемого единодушным мнением античности, были высокой, красивой расой, воинственной и [искусной](#)⁵, чье место происхождения (насколько мы можем проследить) находилось где-то у истоков Дуная, и которые распространили свое господство как путем завоевания, так и путем мирного [pg 20] проникновения в Среднюю Европу, Галлию, Испанию и на Британские острова. Они не истребили исконных доисторических обитателей этих регионов - палеолитические и неолитические расы, строителей дольменов и работников бронзы - но навязали им свой язык, свое искусство и свои традиции, взяв, несомненно, многое от них взамен, особенно, как мы увидим, в таком важном вопросе, как религия. Среди этих рас истинные кельты составляли аристократическую и правящую касту. В этом качестве они стояли в первых рядах вооруженной оппозиции иностранным вторжениям как в Галлии, так и в Испании, Британии и Ирландии. На их долю выпало самое тяжелое бремя войны, конфискаций и изгнаний. Им никогда не хватало доблести, но они не были достаточно сильны и едины, чтобы одержать победу, и погибли в гораздо большей пропорции, чем более раннее население, которое они сами подчинили. Но они исчезли, смешав свою кровь с этими жителями, которых они оплодотворили многими из своих собственных благородных и мужественных качеств. Поэтому характеристики народов, которые в наши дни называют кельтскими и которые продолжают кельтские традиции и язык, в одних отношениях так отличаются от кельтов классической истории и кельтов, создавших литературу и искусство древней Ирландии, а в других - так поразительно похожи. Если взять только физические характеристики, то более кельтские районы Британских островов в настоящее время отличаются темным цветом лица, волос и т.д. Они не очень темные, но они темнее, чем остальная часть королевства.⁶ Но [pg 21] настоящие кельты были, безусловно, светлыми. Даже ирландские кельты двенадцатого века описываются Гиральдом Камбреном как светлая раса.

Золотой век кельтов

Но мы предвосхищаем события и должны вернуться к периоду зарождения кельтской истории. Как астрономы узнали о существовании неизвестной планеты по возмущениям,

которые она вызвала в движениях тех, кто уже находился под непосредственным наблюдением, так и мы можем обнаружить в пятом и четвертом веках до Рождества Христова присутствие великой силы и могущественных движений, происходящих за завесой, которая теперь никогда не будет приоткрыта. Это был золотой век кельтов в континентальной Европе. В этот период кельты вели три великие и успешные войны, которые оказали немалое влияние на ход истории Южной Европы. Около 500 года до н. э. они отвоевали Испанию у карфагенян. Столетие спустя они участвовали в завоевании Северной Италии у этрусков. Они в большом количестве поселились на территории, известной впоследствии как Цизальпинская Галлия, где многие названия, такие как Медиоланум (Милан), Аддуа (Адда), Виро-дунум (Вердуно) и, возможно, Кремона (Крема, Чеснок)⁷, все еще свидетельствуют о том, что они занимали эту территорию. Они оставили более значительный след в лице главного латинского поэта, чье имя, Вергилий, по-видимому, свидетельствует о его кельтском происхождении.⁸ В конце четвертого [pg 22] века они захватили Паннонию, покорив иллирийцев.

Союзы с греками

Все эти войны велись в союзе с греками, с которыми кельты в этот период находились в самых дружеских отношениях. Война с карфагенянами разрушила монополию этого народа на торговлю оловом с Британией и серебром с шахтерами Испании, а сухопутный путь через Францию в Британию, ради которого фокейцы в 600 году до н. э. создали порт Марсель, был окончательно закреплен за греческой торговлей. Греки и кельты в этот период были союзниками против финикийцев и персов. Поражение Гамилькара от Гелона при Гимере на Сицилии произошло в том же году, что и поражение Ксеркса при Саламине. Карфагенская армия в этой экспедиции состояла из наемников из полудюжины различных народов, но в рядах карфагенян нет ни одного кельта, и враждебность кельтов, должно быть, сыграла немалую роль в том, что карфагеняне не смогли оказать помощь персам для свержения их общего врага. Эти факты показывают, что кельты сыграли не последнюю роль в сохранении греческого типа цивилизации от подавления деспотиями Востока и, таким образом, в сохранении в Европе бесценного семени свободы и гуманной культуры.

Александр Великий

Когда при Александре Македонском началось встречное движение Эллады против Востока, кельты снова стали важным фактором.

[pg 23]

В IV веке Македон подвергся нападению фракийских и иллирийских полчищ и был почти уничтожен. Царь Аминтас II был разбит и отправлен в изгнание. Его сын Пердикка II был убит в битве. Когда Филипп, младший брат Пердикки, вззошел на неясный и шаткий трон, который ему и его преемникам предстояло превратить в резиденцию великой империи, ему помогли выступить против иллирийцев завоевания кельтов в долинах Дуная и По. Этот союз был продолжен и, возможно, стал более официальным во времена Александра. Собираясь приступить к завоеванию Азии (334 г. до н. э.), Александр сначала заключил договор с кельтами, "которые жили у Ионического залива", чтобы обезопасить свои греческие владения от нападения во время его отсутствия. Об этом эпизоде рассказывает Птолемей Сотер в своей истории войн Александра.⁹ Он отличается живостью, которая делает его частью подлинной истории, и еще одно необычное свидетельство правдивости этого рассказа было обнаружено де Жубенвилем. Когда кельтские посланники, которые описываются как люди с надменной осанкой и огромным ростом, закончив свою миссию, пили с королем, он спросил их, как говорится, чего они, кельты, больше всего боялись. Посланники ответили: "Мы не боимся никого: мы боимся только одного - чтобы небо упало на

нас; но мы ничего так не ценим, как дружбу такого человека, как ты". Александр попрощался с ними и, повернувшись к своим вельможам, прошептал: "Что за тщеславный народ эти кельты!" Однако ответ, при всей его кельтской бравате и пышности, [pg 24] был не лишен ни достоинства, ни учтивости. Упоминание о падении неба, похоже, дает представление о каком-то первобытном веровании или мифе, смысл которого уже невозможно раскрыть.¹⁰ Примечательна национальная клятва, которой кельты обязывали себя соблюдать договор с Александром. "Если мы не будем соблюдать этот договор, - говорили они, - пусть небо упадет на нас и раздавит нас, пусть земля разверзнется и поглотит нас, пусть море вырвется и захлестнет нас". Де Жубенвиль обращает внимание на отрывок из "Táin Bo Cuailgne" в Книге Лейнстера¹¹, где герои Ольстера заявляют своему королю, пожелавшему оставить их в бою, чтобы встретить атаку в другой части поля: "Небо над нами, и земля под нами, и море вокруг нас. Если только небо не обрушит на землю, где мы расположились лагерем, ливень звезд, или земля не расколется от землетрясения, или волны синего моря не обрушатся на леса живого мира, мы не сдадимся"¹².¹² Такое сохранение своеобразной формулы клятвы на протяжении более тысячи лет и ее повторное появление, после того как о ней впервые услышали кельты Средней Европы, в мифическом романе об Ирландии, безусловно, очень любопытно и, наряду с другими фактами, которые мы отметим далее, убедительно говорит об общности и устойчивости кельтской культуры.¹³

[pg 25]

Разграбление Рима

Мы уже упоминали о двух великих войнах континентальных кельтов; теперь перейдем к третьей, войне с этрусками, которая в конечном итоге привела их к конфликту с величайшей державой языческой Европы и привела к их самому гордому подвигу - разграблению Рима. Около 400 года до н. э. Кельтская империя, похоже, достигла вершины своего могущества. При короле, названном Ливием Амбикатом, который, вероятно, был главой доминирующего племени в военной конфедерации, подобно германскому императору в наши дни, кельты, похоже, были объединены в значительную степень политического единства и проводили последовательную политику. Привлеченные богатыми землями Северной Италии, они проникали через перевалы Альп и после упорных боев с этрускими жителями удерживали там свои позиции. В это время римляне наседали на этрусков снизу, а римляне и кельты действовали в определенном согласии и союзе. Но римляне, презирая, возможно, северных варваров, имели неосторожность обмануть их при осаде Клузиума в 391 году до н. э., места, которое римляне рассматривали как один из оплотов Лациума против северян. Кельты признали римлян, прибывших к ним в священном качестве послов, сражающимися в рядах врага. Последовавшие за этим события, как они дошли до нас, сильно перемешаны с легендами, но есть некоторые штрихи драматической яркости, в которых истинный характер кельтов предстает отчетливо узнаваемым. Нам рассказывают, что они обратились в Рим с просьбой о компенсации за предательство посланников, которые были тремя сыновьями Фабия Амбуста, главного понтифика. Римляне отказались выслушать претензии и избрали Фабиев военными трибунами на [pg 26] следующий год. Затем кельты оставили осаду Клузиума и двинулись напрямик на Рим. Армия продемонстрировала идеальную дисциплину. Не было беспорядочных грабежей и опустошений, ни один город или крепость не подвергались нападению. "Мы идем на Рим", - кричали они стражникам на стенах провинциальных городов, которые с удивлением и страхом наблюдали за тем, как войско неуклонно катится на юг. Наконец они достигли реки Аллии в нескольких милях от Рима, где им навстречу выстроились все имеющиеся в городе силы. Битва произошла 18 июля 390 года, в злополучный день dies Alliensis, который надолго запечатлел в римском календаре

память о самом глубоком позоре, который когда-либо знала республика. Кельты развернули фланг римской армии и уничтожили ее одним мощным ударом. Через три дня они были в Риме и почти год оставались хозяевами города или его руин, пока не был взыскан большой штраф и не свершилось полное возмездие за вероломство в Клузиуме. Почти столетие после заключенного договора между кельтами и римлянами царил мир, а нарушение этого мира, когда некоторые кельтские племена вступили в союз со своим старым врагом, этрусками, в ходе третьей Самнитской войны, совпало с распадом Кельтской империи.¹⁴

Прежде чем оставить историческую часть "Введения", необходимо рассмотреть два вопроса. Во-первых, каковы свидетельства широкого распространения власти кельтов в Средней Европе в этот период? Во-вторых, где находились германские народы и каково было их положение по отношению к кельтам?

[стр. 27]

Кельтские географические названия в Европе

Чтобы ответить на эти вопросы в полной мере, нам пришлось бы (для целей данного тома) слишком глубоко погрузиться в филологические дискуссии, которые может в полной мере оценить только ученый-кельт. Доказательства будут полностью изложены в работе де Жубенвиля, на которую уже часто ссылались. В основе аргументации лежит изучение европейских географических названий. Возьмем кельтское название *Noviomagus*, состоящее из двух кельтских слов: прилагательного, означающего новый, и *magos* (ирландское *magh*) - поле или равнина.¹⁵ В древности было известно девять мест с таким названием. Шесть из них находились во Франции, среди них места, которые сейчас называются Нуайон в Уазе, Нийон в Вогезах, Ньон в Дроме. Три за пределами Франции - Нимег в Бельгии, Неймаген в Рейнской области и Шпейер в Пфальце.

Слово *dunum*, столь часто встречающееся в современных гэльских географических названиях (Дандалк, Данробин и т. д.) и означающее крепость или замок, - еще один типично кельтский элемент в европейских географических названиях. Он очень часто встречается во Франции - например, *Lug-dunum* (Лион), *Viro-dunum* (Верден). Он также встречается в Швейцарии - например, Минно-Дунум (Мудон), Эбуро-Дунум (Ивердон) - и в Нидерландах, где знаменитый город Лейден восходит к кельтскому Луг-Дунум. В Великобритании кельтский термин часто менялся простым переводом на *castra*; так, *Camulo-dunum* стал Колчестером, *Branu-dunum* - Бранкастером. В Испании и Португалии восемь названий, оканчивающихся на *dunum*, упоминаются классическими авторами. В Германии современные названия Кемптон, Карнберг, Лигниц восходят соответственно к кельтским формам Камбо-дунум, Карро-аунум, [pg 28] Луги-дунум, и мы находим Синги-дунум, теперь Белград, в Сербии, Нови-дунум, теперь Исакача, в Румании, Карро-дунум в Южной России, около Днестра, и другой в Хорватии, теперь Пицмеза. Сего-дунум, ныне Родез, во Франции, встречается также в Баварии (Вюрцбург) и в Англии (Сеге-дунум, ныне Уолсенд, в Нортумберленде), а первый термин, сего, прослеживается в Сегорбе (Сего-брига) в Испании. *Briga* - кельтское слово, происходящее от немецкого *burg*, и эквивалентное по значению *dunum*.

Еще один пример: слово *magos*, равнина, которое очень часто встречается как элемент ирландских географических названий, в изобилии встречается во Франции, а за пределами Франции, в странах, уже не являющихся кельтскими, оно появляется в Швейцарии (*Uro-magus*, теперь *Promasens*), в Рейнской области (*Broco-magus*, *Brumath*), в Нидерландах, как уже отмечалось (*Nimègue*), в Ломбардии несколько раз, и в Австрии.

Приведенные примеры ни в коем случае не являются исчерпывающими, но они свидетельствуют о широком распространении кельтов в Европе и их языковой идентичности на обширной территории.¹⁶

Раннее кельтское искусство

Реликвии древних кельтов рассказывают ту же историю. В 1846 году в Халльштате, недалеко от Зальцбурга, в Австрии, был обнаружен большой доримский некрополь. По мнению доктора Артура Эванса, он содержит реликвии, датируемые примерно 750-400 годами до н. э. Эти реликвии в некоторых случаях свидетельствуют о высоком уровне цивилизации и значительной торговле. Здесь и янтарь с Балтики, и финикийское стекло, и золотые листы восточной работы. Найдены железные мечи, рукояти и ножны которых богато украшены золотом, слоновой костью и янтарем.

[pg 29]

Кельтская культура, о которой свидетельствуют останки в Халльштате, позже развилась в так называемую культуру Ла-Тен. Ла-Тен был поселением на северо-восточной оконечности Невшательского озера, и со времени первых исследований этого места в 1858 году там было найдено множество предметов, представляющих большой интерес. Эти древности представляют собой, по мнению доктора Эванса, кульминационный период галльской цивилизации и датируются примерно третьим веком до н.э. О типе найденного здесь искусства следует судить в свете наблюдения, недавно сделанного мистером Ромилли Алленом в его "Кельтском искусстве" (стр. 13):

"Большая трудность в понимании эволюции кельтского искусства заключается в том, что, хотя кельты, похоже, никогда не изобретали новых идей, они обладали необычайной способностью перенимать идеи у различных народов, с которыми их связывали войны или торговля. И если кельт заимствовал какую-то идею у своих соседей, он мог придать ей такой сильный кельтский оттенок, что вскоре она становилась настолько непохожей на то, чем была изначально, что становилась почти неузнаваемой".

В художественной культуре, которая на континенте достигла кульминации в реликвиях Ла Тена, кельты заимствовали некоторые изначально натуралистические мотивы греческих орнаментов, в частности, мотивы пальметты и меандра. Но для кельта было характерно, что он избегал в своем искусстве всякого подражания или даже приближения к естественным формам растительного и животного мира. Он сводил все к чистому украшательству. Что ему нравилось в декоре, так это чередование длинных размашистых кривых и волнистых линий с концентрированной энергией близко расположенных спиралей или боссов, и с помощью этих простых элементов и с помощью нескольких мотивов, заимствованных из греческого искусства, он разработал самую [pg 30] красивую, тонкую и разнообразную систему декора, применяемую к оружию, украшениям, туалетным и бытовым приборам всех видов, из золота, бронзы, дерева и камня, и, возможно, если у нас есть возможность судить, также к текстильным тканям. Одна прекрасная особенность в украшении металлических изделий, похоже, полностью возникла в Кельтике. Эмалирование было неизвестно классическим народам, пока они не научились у кельтов. Уже в третьем веке нашей эры она все еще была чужда классическому миру, как мы узнаем из упоминания Филострата:

"They say that the barbarians who live in the ocean [Britons] pour these colours upon heated brass, and that they adhere, become hard as stone, and preserve the designs that are made upon them."

Доктор Дж. Андерсон пишет в "Трудах Общества антикваров Шотландии":

"Галлы, как и бритты, принадлежащие к одному кельтскому племени, занимались эмалью еще до римского завоевания. Эмальерные мастерские Бибракта с их печами, тиглями, формами, полировочными камнями и сырыми эмалями на различных стадиях приготовления были недавно раскопаны на руинах города, разрушенного Цезарем и его легионами. Но по сравнению с британскими образцами бибракские эмали - работа простого бездельника в этом искусстве. Родиной этого искусства была Британия, и стиль узора, а также ассоциации, в которых были найдены украшенные им предметы, с уверенностью показывают, что оно достигло своей высшей стадии развития до того, как вступило в контакт с римской культурой" ¹⁷.

В Национальном музее в Дублине хранится множество великолепных образцов ирландского декоративного искусства из золота, бронзы, [pg 31] и эмалей, и "сильный кельтский оттенок", о котором говорит мистер Ромилли Аллен, так же ясно виден там, как и в реликвиях из Халльштата или Ла Тена.

Таким образом, все говорит о культурной общности, идентичности расового характера, существовавшей на огромной территории, известной древнему миру как "Кельтика".

Кельты и германцы

Но, как мы уже говорили, эта территория была заселена отнюдь не одними кельтами. В частности, мы должны спросить, кто и где были германцы, тевто-готские племена, которые в конечном итоге заняли место кельтов в качестве великой северной угрозы классической цивилизации?

О них упоминает Пифей, выдающийся греческий путешественник и географ, около 300 года до н. э., но они не играют никакой роли в истории, пока под именем кимвров и тевтонов не приходят в Италию, чтобы быть побежденными Мариусом в конце второго века. Древнегреческие географы до Пифея ничего не знают о них и приписывают все территории, известные сегодня как германские, различным кельтским племенам.

Объяснение, данное де Жубенвилем и основанное им на различных филологических соображениях, заключается в том, что германцы были подвластным народом, сравнимым с теми "несвободными племенами", которые существовали в Галлии и в древней Ирландии. Они жили под властью кельтов и не имели самостоятельного политического существования. Де Жубенвиль считает, что все слова, связанные с законом, правительством и войной, которые являются общими для кельтского и тевтонского языков, были заимствованы последними у первых. Главными среди них являются слова, представленные современными немецкими Reich, империя, Amt, должность, и готским reiks, король, все из которых, несомненно, кельтского происхождения. Де Жубенвиль также относит к заимствованным словам из кельтского [pg 32] слова Bann, приказ; Frei, свободный; Geisel, заложник; Erbe, наследство; Werth, ценность; Weih, священный; Magus, раб (готский); Wini, жена (древневерхненемецкий); Skalks, Schalk, раб (готское); Hathu, битва (древнегерманское); Helith, Held, герой, от того же корня, что и слово Celt; Heer, войско (кельтское choris); Sieg, победа; Beute, добыча; Burg, замок; и многие другие.

Интересна этимологическая история некоторых из этих слов. Например, слово Amt, имеющее столь большое значение в современной немецкой администрации, восходит к древнекельтскому ambhactos, которое образовано из слов ambi - около и actos - причастие прошедшего времени, образованное от кельтского корня AG, означающего действовать. Теперь ambi происходит от примитивного индоевропейского mbhi, где начальный m - это гласный, впоследствии представленный в санскрите буквой а. Этот гласный m стал n в тех

германских словах, которые произошли непосредственно от примитивного индоевропейского языка. Но слово, которое сейчас представлено словом *amt*, в своей самой ранней германской форме выглядит как *ambaht*, что делает очевидным его происхождение от кельтского *ambhactos*.

Опять же, слово *frei* встречается в своей самой ранней германской форме как *frijo-s*, которая происходит от примитивного индоевропейского *prijo-s*. Однако это слово здесь не означает "свободный", оно означает "любимый" (санскр. *priya-s*). В кельтском языке, однако, *prijos* опускает начальную букву *p* - трудности с произношением этой буквы были заметной особенностью древних кельтов; в соответствии с обычным правилом *j* превращается в *dd*, и в современном валлийском языке оно звучит как *rhydd*=free. Индоевропейское значение сохранилось в германских языках в имени богини любви Фрейи и в словах *Freund* - друг, *Friede* - мир. Значение, которое слово несет в сфере гражданского права, имеет кельтское происхождение, [pg 33] и в этом смысле, по-видимому, является заимствованием из кельтского.

Немецкое *Beute*, добыча, грабеж, имеет поучительную историю. Галльское слово *bodi* встречается в таких соединениях, как географическое название *Segobodium* (*Seveux*), а также в различных личных и племенных именах, включая *Boudicca*, более известную нам как "британская королева-воительница" Боадия. Это слово в древности означало "победа". Но плоды победы - это порча, и в этом материальном смысле слово было заимствовано в немецком, французском (*butin*), норвежском (*byte*) и валлийском (*budd*). С другой стороны, в ирландском языке это слово сохранило свое возвышенное значение. В ирландском переводе Хроник *xxix. 11*, где в оригинале Вульгаты есть "*Tua est, Domine, magnificentia et potentia et gloria et victoria*", слово *victoria* передано ирландским *búaidh*, и, как замечает де Жубенвиль, "*ce'est pas de butin qu'il s'agit*". Далее он заявляет: "*Búaidh* сохранило в ирландском языке, благодаря энергичной и настойчивой литературной культуре, то высокое значение, которое оно имело в языке галльской аристократии. Материальный смысл этого слова воспринимался только низшими слоями населения, и именно традиция этого низшего класса сохранилась в немецком, французском и кимрском языках" ¹⁸.

Две вещи, однако, кельты либо не могли, либо не хотели навязывать покоренным германским племенам - их язык и их религию. В этих двух великих факторах расового единства и гордости заложены семена окончательного восстания германцев и свержения господства кельтов. Имена германцев отличаются от имен кельтских божеств, их погребальные обычаи, с которыми связаны самые глубокие религиозные представления примитивных рас, также различны. Кельты, или [pg 34], по крайней мере, их преобладающая часть, хоронили своих мертвых, считая использование огня унижением, которому должны подвергаться преступники, рабы или пленники в тех ужасных человеческих жертвоприношениях, которые являются величайшим пятном на их родной культуре. Германцы же, как и ранние греки, сжигали своих знаменитых мертвецов на кострах - если костер не мог быть использован для всего тела, сжигались самые благородные части, такие как голова и руки, а остальное хоронилось.

Падение кельтской империи

Что именно произошло во время восстания германцев, мы никогда не узнаем; однако несомненно, что примерно с 300 года до н. э. кельты, похоже, утратили политическую сплоченность и общую цель, которой они обладали. Разорванные на части, словно под ударом некоей могучей подземной силы, их племена, подобно лавовым потокам, покатались на юг, восток и запад от своего первоначального дома. Некоторые из них попали в Северную

Грецию, где совершили злодеяние, которое так возмутило их бывших друзей и союзников, разграбив святилище в Дельфах (273 г. до н. э.). Другие, с худшей удачей, возобновили старую борьбу с Римом и погибли в огромном количестве при Сентинуме (295 г. до н. э.) и на озере Вадимо (283 г. до н. э.). Один отряд проник в Малую Азию и основал кельтское государство Галатия, где, как свидетельствует святой Иероним, на кельтском диалекте все еще говорили в IV веке н. э. Другие поступили в наемные войска Карфагена. Бурные войны кельтов против разрозненных германских племен или против других кельтов, представлявших более ранние волны эмиграции и завоевания, шли по всей Средней Европе, Галлии и Британии. Когда все улеглось, Галлия и Британские острова остались практически единственными реликтами кельтской [pg 35] империи, единственными странами, все еще находящимися под кельтским законом и руководством. К началу христианской эры Галлия и Британия попали под иго Рима, и их полная романизация была лишь вопросом времени.

Уникальное историческое положение Ирландии

Только Ирландия никогда не была даже посещена, не говоря уже о покорении, римскими легионерами и сохраняла свою независимость от всех желающих номинально до конца двенадцатого века, но для всех практических целей на добрых триста лет дольше.

Таким образом, Ирландия обладает уникальной особенностью, представляющей интерес: она пронесла исконную кельтскую цивилизацию, кельтские институты, искусство и литературу, а также самую древнюю из сохранившихся форм кельтского языка¹⁹, прямо через пропасть, отделяющую античный мир от современного, [pg 36] языческий мир от христианского, и далее в полный свет современной истории и наблюдений.

Кельтский характер

Не только моральные, но и физические характеристики, приписываемые классическими авторами кельтским народам, отличаются удивительной отчетливостью и последовательностью. Многие из того, что говорится о них, можно, как мы ожидаем, сказать о любом примитивном и неграмотном народе, но остается так много того, что выделяет их среди рас человечества, что если бы эти древние упоминания о кельтах можно было прочесть вслух, не называя имени расы, к которой они относятся, любому человеку, знакомому с ней только по современной истории, он, я думаю, без колебаний назвал бы кельтские народы предметом описания, которое он услышал.

Некоторые из этих ссылок уже цитировались, и нам нет необходимости повторять свидетельства, полученные от Платона, Эфора или Арриана. Но можно привести замечание [pg 37] М. Порция Катона о галлах. "Есть две вещи, - говорит он, - которым преданы галлы: военное искусство и тонкость речи" ("rem militarem et argute loqui").

Рассказ Цезаря

Цезарь дал нам тщательный и критический отчет о них, какими он знал их в Галлии. По его словам, они рвались в бой, но легко сбивались на поражения. Они были крайне суеверны, подчинялись своим друидам во всех общественных и личных делах и считали худшим из наказаний быть отлученными от церкви и не допускаться к религиозным обрядам:

"Те, кто отлучен [за отказ подчиниться друидическому приговору], причисляются к числу мерзких и нечестивых; все люди избегают их общества и разговоров, чтобы не заразиться от них; им не разрешается начинать судебные дела; им не доверяется ни одна должность..... Друиды, как правило, освобождены от военной службы и не платят налогов вместе с остальными..... Поощряемые такими наградами, многие по собственному желанию приходят

в их школы, их присылают друзья и родственники. Говорят, что там они заучивают наизусть огромное количество стихов; некоторые продолжают свое обучение по двадцать лет; не считается законным записывать эти вещи [друидические доктрины], хотя почти во всех публичных сделках и частных счетах они используют греческие символы."

Галлы жаждали новостей, осаждали купцов и путешественников в поисках [сплетен](#)²⁰, легко поддавались влиянию, были сангвиниками, [pg 38] доверчивыми, любили перемены и колебались в своих советах. В то же время они были необычайно остры и умны, быстро схватывали и имитировали любые уловки, которые им казались полезными. Цезарь особо отмечает их изобретательность в борьбе с новыми осадными устройствами римских армий. Об их мужестве он говорит с большим уважением, приписывая их презрение к смерти, по крайней мере, в некоторой степени, их твердой вере в бессмертие души.²¹ Народ, который в прежние времена снова и снова уничтожал римские армии, разграблял Рим и не раз ставил самого Сезара в положение крайней тревоги и опасности, явно не был слабаком, независимо от его религиозных убеждений или практики. Сезар не склонен сентиментально восхищаться своими врагами, но один эпизод при осаде Аварикума заставляет его увековечить доблесть защитников. Римляне возвели над стенами деревянное сооружение, или аггер, которое оказалось неприступным для атак тарана. Галлам удалось поджечь его. Чтобы не дать осаждающим погасить пламя, один из галлов взобрался на часть стены над аггерой и стал сбрасывать на нее шары с талоном и смолой, которые ему подносили изнутри. Вскоре он был сбит снарядом из римской катапульты. Тут же через него перешагнул другой и продолжил дело своего товарища. Он тоже упал, [pg 39] но на его место тут же встал третий, а за ним и четвертый; и этот пост никогда не пустовал, пока легионеры наконец не погасили пламя и не заставили защитников вернуться в город, который был окончательно взят на следующий день.

Страбон о кельтах

Географ и путешественник Страбон, умерший в 24 году н. э. и, следовательно, немного позже Цезаря, может многое рассказать о кельтах. Он отмечает, что их страна (в данном случае Галлия) густо заселена и хорошо обработана - здесь нет нерационального использования природных ресурсов. Женщины плодovиты и являются хорошими матерями. Он описывает мужчин как воинственных, вспыльчивых, спорных, легко провоцируемых, но щедрых и недоверчивых, которых легко победить хитростью. Они проявляли стремление к культуре, и греческие буквы и науки быстро распространились среди них из Массилии; в их городах было установлено государственное образование. Они лучше сражались верхом, чем пешком, и во времена Страбона составляли основу римской кавалерии. Они жили в огромных домах из арочных бревен со стенами из плетня - несомненно, оштукатуренных глиной и известью, как в Ирландии, и густо покрытых соломой. В Галлии были обнаружены города большой важности, и Цезарь отмечает прочность их стен, построенных из камня и дерева. И Цезарь, и Страбон сходятся во мнении, что существовало очень резкое разделение между знатью и жреческим или образованным сословием, с одной стороны, и простым народом - с другой, причем последний находился в строгом подчинении. Это социальное деление, несомненно, примерно соответствует расовому различию между истинными кельтами и покоренным ими аборигенным населением. В то время как Сезар говорит нам, что друиды учили бессмертию души, Страбон добавляет, что они верили в [pg 40] неразрушимость, что подразумевает в некотором смысле божественность, материальной вселенной.

Кельтский воин любил показуху. Все, что придавало жизни блеск и ощущение драматизма, привлекало его. Его оружие было богато украшено, конская упряжь была выточена из бронзы

и эмали, по дизайну не уступая ни одной реликвии микенского или критского искусства, его одежда была расшита золотом. Сцена сдачи Верцингеторикса, когда его героическая борьба с Римом завершилась падением Алезии, заслуживает внимания как типично кельтское сочетание рыцарства и того, что трезвомыслящим римлянам казалось детским [хваством](#)²². Когда он увидел, что дело проиграно, он созвал совет племени и сказал собравшимся вождям, которых он вел через славную, хотя и неудачную войну, что готов пожертвовать собой ради своих все еще верных последователей - они могут послать его голову Сезару, если захотят, или он сам добровольно сдастся, чтобы добиться более легких условий для своих соплеменников. Был выбран последний вариант. Верцингеторикс вооружился самым великолепным оружием, украсил своего коня самыми богатыми атрибутами и, трижды объехав римский лагерь, предстал перед Сезаром и положил к его ногам меч, который был единственной оставшейся защитой галльской независимости. Сезар отправил его в Рим, где он просидел в тюрьме шесть лет и, наконец, был предан смерти, когда Сезар праздновал свой триумф.

Но любовь к великолепию и искусству у кельтов сочеталась с варварством. Страбон рассказывает, как воины возвращались домой после победы с головами [pg 41] павших врагов, свисающими с шеи их лошадей, точно так же, как в ирландской саге герой Ольстера, Кухулайн, представлен как возвращающийся в Эманию из вылазки в Коннахт с головами врагов, свисающими с обода его колесницы. Их домашнее хозяйство было грубым; они ложились спать на землю, сидели на кушетках из соломы, а их женщины работали в поле.

Полибий

Характерная сцена битвы при Кластидии (222 г. до н. э.) описана Полибием. По его словам, [гесаты](#)²³, находившиеся в авангарде кельтской армии, разделись догола, и вид этих воинов с их огромным ростом и светлой кожей, на которой блестели золотые ошейники и браслеты, столь любимые всеми кельтами в качестве украшения, внушал римским legionарам благоговейный страх. Однако когда день закончился, эти золотые украшения отправились в повозках украшать Капитолий Рима; и последний комментарий Полибия о характере кельтов заключается в том, что они, "я говорю не обычно, а всегда, во всем, что они пытаются сделать, движимы своими страстями и никогда не подчиняются законам разума". Как и следовало ожидать, целомудрие, которым славились германцы, никогда, вплоть до недавних времен, не было характерно для кельтов.

Диодор

Диодор Сикул, современник Юлия Цезаря и Августа, путешествовавший по Галлии, в основном подтверждает рассказы Цезаря и Страбона, но добавляет некоторые [pg 42] интересные детали. В частности, он отмечает любовь галлов к золоту. Из него делали даже кирасы. Эта черта также очень заметна в кельтской Ирландии, где было найдено поразительное количество доисторических золотых реликвий, а также известно о существовании многих других, ныне утраченных. Храмы и священные места, говорят Посидоний и Диодор, были полны неохраняемых подношений из золота, к которым никто никогда не прикасался. Он упоминает о большом почтении к бардам и, как и Катон, замечает нечто особенное в речи, которую культивировали образованные галлы: "они не разговорчивый народ и любят выражаться загадками, так что слушателю приходится догадываться о большей части того, что они хотят сказать". Это в точности соответствует литературному языку древней Ирландии, который в той или иной степени является отрывистым и аллюзивным. Друид считался предписанным посредником между Богом и человеком - никто не мог совершить религиозный акт без его помощи.

Аммиан Марцеллин

Аммиан Марцеллин, писавший гораздо позже, во второй половине IV века н. э., также посетил Галлию, которая тогда, конечно, была сильно романизирована. Однако он, как и предыдущие авторы, рассказывает нам об огромном росте, справедливости и высокомерной осанке галльского воина. Он добавляет, что люди, особенно в Аквитании, отличались особой чистотой и правильным поведением - никого нельзя было увидеть в лохмотьях. Галльскую женщину он описывает как очень высокую, голубоглазую и необыкновенно красивую; но к явному восхищению примешивается некая доля благоговения, поскольку он говорит нам, что, хотя вступать в схватку с галльским мужчиной достаточно опасно, ваш случай был действительно отчаянным, если на помощь ему приходила его жена с ее "огромными снежными руками", которые могли наносить удары, как катапульты. Неудержимо [pg 43] вспоминается галерея энергичных, независимых, пылких женщин, таких как Маэв, Грания, Финдабаир, Дейрдре и историческая Боадия, которые фигурируют в мифах и истории Британских островов.

Райс Холмс о галлах

Следующий отрывок из книги доктора Райса Холмса "Завоевание Галлии Сезаром" можно рассматривать как замечательное резюме социальной физиономии этой части Кельтики немного раньше христианской эры, и он близко соответствует всему, что известно об исконной ирландской цивилизации:

"Галльские народы поднялись намного выше состояния дикарей, а кельты внутренних районов, многие из которых уже попали под римское влияние, достигли определенной степени цивилизованности и даже роскоши. Их брюки, от которых провинция получила свое название Gallia Bracata, и их разноцветные тартановые юбки и плащи вызвали удивление завоевателей. Вожди носили золотые кольца, браслеты и ожерелья, и когда эти высокие светловолосые воины выезжали на битву в шлемах, выполненных в виде головы какого-нибудь свирепого зверя и украшенных кивками, в цепных доспехах, с длинными пряжками и огромными звенящими мечами, они производили великолепное впечатление. На многочисленных холмах виднелись обнесенные стенами города и большие деревни - опорные пункты различных племен. Равнины были усеяны десятками хуторов. Дома, построенные из дерева и плетня, были большими и хорошо крытыми соломой. Летом поля желтели от кукурузы. От города к городу тянулись дороги. Через реки перекинута грубые мосты, по которым плыли баржи, груженные товарами. Корабли, действительно неуклюжие [pg 44], но более крупные, чем те, что можно было увидеть на Средиземном море, преодолевали штормы Бискайского залива и перевозили грузы между портами Бретани и побережьем Британии. С товаров, перевозимых по великим водным путям, взималась пошлина, и именно от сбора этих пошлин вельможи получали большую часть своего богатства. У каждого племени была своя чеканка монет, а знание греческого и римского письма не ограничивалось жрецами. Эдуи были знакомы с покрытием меди и олова. Шахтеры Аквитании, Оверни и Берри славились своим мастерством. Действительно, во всем, что касалось внешнего процветания, народы Галлии добились больших успехов с тех пор, как их сородичи впервые вступили в контакт с Римом" [24](#).

Слабость кельтской политики

Однако эта исконная кельтская цивилизация, во многих отношениях столь привлекательная и многообещающая, явно имела какой-то недостаток или неспособность, которая не позволила кельтским народам удержать свои позиции ни в борьбе с древней цивилизацией

греко-римского мира, ни с грубой молодой энергией тевтонских рас. Давайте рассмотрим, что это было.

[pg 45]

Классическое государство

В основе успеха классических государств лежало представление о гражданской общине, πόλις, res publica, как о некой божественной сущности, основе благословения для людей, почтенной для своего возраста, но обновляющейся в молодости с каждым поколением; о власти, которой человек может радостно служить, зная, что даже если его не запомнят в ее записях, его верная служба переживет его собственную ничтожную жизнь и пойдет на возвышение жизни его родины или города на все будущие времена. В этом духе Сократ, когда ему предложили избежать смертного приговора, воспользовавшись предложенным друзьями способом побега из тюрьмы, упрекнул их в том, что они подстрекают его к нечестивому нарушению законов его страны. Ведь страна для человека, говорит он, более свята и почтенна, чем отец или мать, и он должен спокойно повиноваться законам, на которые он согласился, живя по ним всю свою жизнь, или навлечь на себя справедливый гнев их великих братьев, Законов подземного мира, перед которыми в конце концов он должен ответить за свое поведение на земле. В большей или меньшей степени эта возвышенная концепция государства составляла практическую религию каждого человека среди классических народов древности и придавала государству его сплоченность, способность к выдержке и прогрессу.

Тевтонская верность

У тевтонцев связующую силу обеспечивал другой мотив, которому было суждено смешаться с гражданским мотивом и стать в союзе с ним, а часто и преобладая над ним, главным политическим фактором в развитии европейских наций. Это было чувство, которое германцы называли Treue, личная верность вождю, которая в очень [pg 46] ранние времена распространялась на королевскую династию, чувство, глубоко укоренившееся в тевтонской природе, и которое никогда не было превзойдено никаким другим человеческим порывом как источник героического самопожертвования.

Кельтская религия

Ни одно человеческое влияние не бывает чистым и несмешанным. Чувство личной верности не было неизвестно классическим народам. Чувство гражданского патриотизма, хотя и медленно развивалось среди тевтонских рас, в конце концов утвердилось там. Ни то, ни другое чувство не было неизвестно кельту, но была еще одна сила, которая в его случае затмевала и затмевала их, и обеспечивала то политическое вдохновение и объединяющую силу, которую классические народы получали от патриотизма, а тевтоны - от верности. Это была религия; или, возможно, точнее было бы сказать сакердотализм - религия, кодифицированная в догмы и управляемая кастой священников. Друиды, как мы уже видели у Сезара, чьи наблюдения полностью подтверждаются Страбоном и упоминаниями в ирландских [легендах](#)²⁵, были действительно главной властью в Кельтике. Все дела, государственные и частные, подчинялись их власти, а наказаний, которые они могли наложить за любое проявление мирской независимости, хотя и опирались в своей действенности, подобно средневековым запретам католической церкви, только на народное суеверие [pg 47], было достаточно, чтобы подавить самый гордый дух. Здесь кроется настоящая слабость кельтской государственности. Пожалуй, нет закона, более ярко отраженного в учениях истории, чем тот, что народы, управляемые священниками,

черпающими свою власть из сверхъестественных санкций, неспособны к истинному национальному прогрессу именно в той мере, в какой они управляются таким образом. Свободное, здоровое течение светской жизни и мысли, по самой природе вещей, несовместимо с правлением священников. Каким бы ни было вероучение, друидизм, ислам, иудаизм, христианство или фетишизм, каста священников, претендующая на власть в мирских делах в силу вневременных санкций, неизбежно является врагом того духа критики, того притока новых идей, того роста светской мысли, человеческого и рационального авторитета, которые являются элементарными условиями национального развития.

Проклятие Тары

Необычную и очень убедительную иллюстрацию этой истины можно почерпнуть из истории раннего кельтского мира. В шестом веке нашей эры, спустя чуть более ста лет после проповеди христианства святым Патриком, в Ирландии правил король по имени Дермот [Маккервал26](#). Он был Ard Righ, или Верховным королем, этой страны, чья резиденция находилась в Таре, в Мите, и чей пост, с его номинальным и юридическим превосходством над пятью провинциальными королями, представлял собой импульс, который двигал ирландский народ к истинному национальному единству. Первым условием такого единства, очевидно, было создание эффективной центральной власти. Такую власть, как мы уже говорили, теоретически представлял Верховный король. Случилось так, что один из его офицеров был убит при исполнении своих обязанностей вождем по имени Хью Гуайри. Гуайри [pg 48] был братом епископа, который состоял в родстве со святым Руаданом из Лорры, и когда король Дермот послал арестовать убийцу, эти священнослужители нашли ему укрытие. Однако Дермот устроил обыск, вывел его из-под крыши святого Руадана и привел в Тару для суда. Тут же церковники Ирландии выступили против светского правителя, осмелившегося свершить правосудие над преступником, находящимся под защитой духовенства. Они собрались в Таре, постились против [короля27](#) и наложили торжественное проклятие на него и на место его правления. Затем летописец рассказывает, что жене Дермота приснился пророческий сон:

"На зелени Тары стояло огромное и широколиственное дерево, и одиннадцать рабов трудились над ним; но каждый обломок, который они сбивали с него, снова возвращался на свое место и там мгновенно повторялся, пока, наконец, не пришел один человек, который нанес дереву один удар и этим одним ударом повалил его на землю" [28](#).

Дерево - это ирландская монархия, двенадцать рубильщиков - двенадцать святых или апостолов Ирландии, а тот, кто свалил его, - святой Руадан. Мольба короля за свою страну, судьба которой, как он видел, висела на волоске, записана ирландским летописцем с трогательной силой и пронизательностью: [29](#)

[pg 49]

"Увы, - сказал он, - за незаконный поединок, который вы затеяли против меня; видя, что я преследую благо Ирландии, сохраняя ее дисциплину и королевское право, а вы стремитесь к спокойствию и убийству Ирландии".

Но Руадан сказал: "Опустеет Тара во веки веков"; и народный трепет перед церковным приговором возобладал. Преступник сдался, Тара была оставлена, и, за исключением короткого периода, когда сильный узурпатор Бриан Бору пробивался к власти, Ирландия не знала эффективного светского правительства, пока его не навязал ей завоеватель. Последние слова исторического трактата, из которого мы приводим цитату, - это крик отчаяния Дермота:

"Горе тому, кто с духовенством церквей в бой вступает".

Этот примечательный инцидент был подробно описан, потому что он является типичным фактором, чье глубокое влияние на формирование истории кельтских народов мы можем проследить через череду критических событий со времен Юлия Цезаря и до наших дней. Как и когда он возник, мы рассмотрим позже; здесь же достаточно обратить на него внимание. Это фактор, который препятствовал национальному развитию кельтов в том смысле, в каком мы можем говорить о развитии классических или тевтонских народов.

Чем Европа обязана кельтам

И все же полагать, что из-за этого кельт не был реальной силой в Европе, было бы совершенно ошибочно. Его вклад в культуру западного мира был весьма заметным. В течение примерно четырех столетий - примерно с 500 по 900 год н. э. - Ирландия была [pg 50] прибежищем образованности и источником литературной и философской культуры для половины Европы. Стиховые формы кельтской поэзии, вероятно, сыграли главную роль в определении структуры всего современного стиха. Мифы и легенды гэльских и кимрских народов будоражили воображение множества поэтов континента. Правда, сам кельт не создал ни одного великого архитектурного произведения литературы, как не создал он и стабильной или внушительной национальной государственности. Его мышление и чувства были в основном лирическими и конкретными. Каждый предмет или аспект жизни производил на него яркое впечатление и глубоко волновал его; он был чувствителен, впечатлителен до последней степени, но не видел вещей в их более крупных и далеко идущих отношениях. У него было мало дара для создания институтов, для служения принципам; но он был и остается незаменимым и неизменным защитником человечности против тирании принципов, холодности и бесплодности институтов. Институты королевской власти и гражданского патриотизма способны окаменеть и превратиться в бесплодные формулы, сковывая, вместо того чтобы вдохновлять душу. Но кельт всегда был бунтарем против всего, что не имеет в себе дыхания жизни, против любой бездуховной и чисто внешней формы господства. Правда, он слишком стремился наслаждаться прекрасными плодами жизни без долгой и терпеливой подготовки к сбору урожая, но он оказал и еще окажет бесконечную услугу современному миру, настаивая на том, что истинные плоды жизни - это духовная реальность, которая никогда не бывает без боли и потерь, чтобы быть затуманенной или забытой среди огромного механизма материальной цивилизации.

[pg 51]

ГЛАВА II: РЕЛИГИЯ КЕЛЬТОВ

Ирландия и кельтская религия

Мы уже говорили, что ирландцы среди кельтских народов обладают уникальным интересом, поскольку перенесли в свет современных исторических исследований многие черты исконной кельтской цивилизации. Однако есть одна вещь, которую они не перенесли через пропасть, отделяющую нас от древнего мира, - это их религия.

Они не просто изменили ее; они оставили ее позади себя настолько полно, что все записи о ней утеряны. Святой Патрик, сам кельт, который апостолизировал Ирландию в пятом веке, оставил нам автобиографическое повествование о своей миссии, документ, представляющий большой интерес, и самую раннюю из сохранившихся записей о

британском христианстве; но в нем он ничего не говорит нам о доктринах, которые он пришел вытеснить. Гораздо больше о религиозных верованиях кельтов мы узнаем от Юлия Сезара, который подошел к ним совсем с другой стороны. Обильная легендарная литература, которая приняла свою современную форму в Ирландии между седьмым и двенадцатым веками, хотя часто явно восходит к дохристианским источникам, не показывает нам, помимо веры в магию и преданности некоторым церемониальным или рыцарским обрядам, практически ничего, напоминающего религиозную или даже этическую систему. Мы знаем, что некоторые вожди и барды оказывали длительное сопротивление новой вере, и что это сопротивление дошло до битвы при Мойрате в шестом веке, но от этого периода перемен и распрей до нас не дошло никаких отголосков интеллектуальных споров, никакого сопоставления одной доктрины с другой, как, например, в записях о споре Цельса с Оригеном. Литература древней Ирландии, как мы [pg 52] увидим, воплотила в себе множество древних мифов; в ней появляются следы существ, которые, должно быть, когда-то были богами или элементарными силами; но все это было лишено религиозного значения и превращено в романтику и красоту. Тем не менее, как говорит нам Сезар, среди галлов не только существовала очень развитая религиозная система, но мы узнаем из тех же источников, что Британские острова были авторитетным центром этой системы; они были, так сказать, Римом кельтской религии.

Что представляла собой эта религия, мы должны рассмотреть сейчас в качестве введения к мифам и сказаниям, которые более или менее отдаленно возникли на ее основе.

Народная религия кельтов

Но прежде всего мы должны отметить, что кельтская религия отнюдь не была простым делом и не может быть сведена к тому, что мы называем "друидизмом". Наряду с официальной религией существовал целый комплекс народных суеверий и обрядов, который происходил из более глубокого и древнего источника, чем друидизм, и ему суждено было надолго пережить его - ведь он и сейчас еще далеко не мертв.

Мегалитические люди

Религии первобытных народов в основном основываются на обрядах и практиках, связанных с погребением умерших, или берут свое начало в них. Самые ранние люди, населявшие кельтскую территорию на западе Европы, о которых мы имеем хоть какое-то представление, - это раса без имени и известной истории, но по их погребальным памятникам, которых сохранилось огромное количество, мы можем узнать о них очень многое. Это были так называемые мегалитические [люди](#)³⁰, строители дольменов, кромлехов и камерных курганов, которых только во Франции насчитывается более трех [pg 53] тысяч. Дольмены встречаются от Скандинавии на юг, по всей западной части Европы до Гибралтарского пролива и вокруг средиземноморского побережья Испании. Они встречаются на некоторых западных островах Средиземноморья, а также в Греции, где в Микене древний дольмен до сих пор стоит рядом с великолепной усыпальницей Атреиды. Если провести линию от устья Роны на север до Варангер-фьорда, то можно сказать, что, за исключением нескольких средиземноморских примеров, все дольмены в Европе находятся к западу от этой линии. На востоке их нет, пока мы не попадем в Азию. Но они пересекают Гибралтарский пролив и встречаются по всему побережью Северной Африки, а затем на восток через Аравию, Индию и вплоть до Японии.

Дольмены, кромлехи и тумули

Дольмен в Пролике, Ирландия

(После Борлаза)

Дольмен - это своего рода камера, сложенная из вертикальных необтесанных камней и покрытая, как правило, одним огромным камнем. В плане они обычно имеют клиновидную форму, и часто можно заметить следы крыльца или притвора. Основное предназначение дольмена - изображать дом или жилище для мертвых. Кромлех (в народной речи его часто путают с дольменом) - это круговое расположение стоячих камней, часто с дольменом посреди них. Считается, что большинство [pg 54], если не все ныне открытые дольмены, изначально были покрыты большой насыпью из земли или небольших камней. Иногда, как на иллюстрации из Карнака в Бретани, большие проспекты или аллеи образованы из одиночных вертикальных камней, и они, несомненно, имели какое-то назначение, связанное с ритуалом поклонения, проводимым в данной местности. Более поздние мегалитические памятники, как, например, Стоунхендж, могут быть выполнены из тесаного камня, но во всех случаях их грубость конструкции, отсутствие какой-либо скульптуры (за исключением узоров или символов, высеченных на поверхности), очевидная цель создать мощное впечатление за счет грубой силы огромных монолитных масс, а также некоторые вспомогательные черты в их конструкции, которые будут описаны позже, придают этим мегалитическим памятникам любопытное семейное сходство и выделяют их из камерных гробниц ранних греков, египтян и других более развитых рас. В конце концов дольмены уступили место большим камерным курганам или тумулям, как в Нью-Грейндже, которые мы также считаем принадлежащими к мегалитическому народу. Они являются естественным развитием дольмена. Ранние дольменостроители находились на неолитической стадии культуры, их орудия были из полированного камня. Но в курганах находят не только каменные, но и бронзовые, и даже железные орудия - сначала, очевидно, импортные, а затем местного производства.

Происхождение мегалитических людей

Доисторический тумулус в Нью-Грейндж

Фотография Р. Уэлча, Белфаст

О языке, на котором первоначально говорил этот народ, можно только догадываться по следам, оставленным в языке его завоевателей, [кельтов](#)³¹. Но карта распространения или их памятники неудержимо наводят на мысль, что их строители были североафриканского происхождения; что сначала они не привыкли пересекать [pg 55] море на большие расстояния; что они мигрировали на запад вдоль Северной Африки, перешли в Европу там, где Средиземное море у Гибралтара сужается до пролива шириной в несколько миль, и оттуда распространились по западным областям Европы, включая Британские острова, а на востоке проникли через Аравию в Азию. Однако следует иметь в виду, что, будучи изначально, несомненно, отдельной расой, мегалитические люди в конце концов стали представлять собой не расу, а культуру. Человеческие останки, найденные в этих усыпальницах, с их большим различием в форме черепа и т.д., ясно доказывают это.³² Эти и другие реликвии свидетельствуют о том, что дольменостроители в целом представляли собой высший и хорошо развитый тип, знакомый с сельским хозяйством, пастбищами и в некоторой степени с мореплаванием. Сами памятники, которые часто имеют внушительные размеры и предполагают много размышлений и организованных усилий при их строительстве, неоспоримо свидетельствуют о существовании в этот период жречества, которому было поручено заботиться о погребальных обрядах и которое было способно управлять большими человеческими телами. Их умерших, как правило, не сжигали, а хоронили целиком - большие памятники, несомненно, отмечали усыпальницы важных персон, в то время как простых людей хоронили в гробницах, от которых сейчас не осталось и следа.

Кельты равнин

Де Жубенвиль в своем описании ранней истории кельтов рассматривает только две основные группы - кельтов и мегалитических людей. Но А. Бертран в своей очень ценной работе "Религия галлов" выделяет два элемента среди самих кельтов. Кроме мегалитических людей, существуют две группы [pg 56] кельтов - низменные и горные. Низинные кельты, по его мнению, берут начало на Дунае и попадают в Галлию, вероятно, около 1200 г. до н. э. Они

были основателями озерных жилищ в Швейцарии, в долине Дуная и в Ирландии. Они знали толк в металлах и работали с золотом, оловом, бронзой, а к концу своего периода - с железом. В отличие от мегалитических людей, они говорили на кельтском языке³³, хотя Бертран, похоже, сомневается в их подлинном расовом родстве с настоящими кельтами. Возможно, они были скорее кельтизированными, чем собственно кельтами. Они не были воинственными; это был спокойный народ пастухов, земледельцев и ремесленников. Они не хоронили, а сжигали своих мертвых. В одном из их больших поселений, Голасекке, в Цизальпинской Галлии, было найдено 6000 захоронений. В каждом случае тело было сожжено; не было ни одного захоронения без предварительного сожжения.

Этот народ пришел в Галлию не (по словам Бертрана), в основном, как завоеватели, а путем постепенного проникновения, занимая свободные места везде, где они находили их по долинам и равнинам. Они пришли через перевалы Альп, и их отправной точкой была страна Верхнего Дуная, которая, по словам Геродота, "поднимается среди кельтов". Они мирно смешались с мегалитическим народом, среди которого поселились, и не развили ни одного из тех передовых политических институтов, которые взращиваются только в войне, но, вероятно, они внесли мощный вклад в развитие друидической системы религии и бардовской поэзии.

[pg 57]

Кельты гор

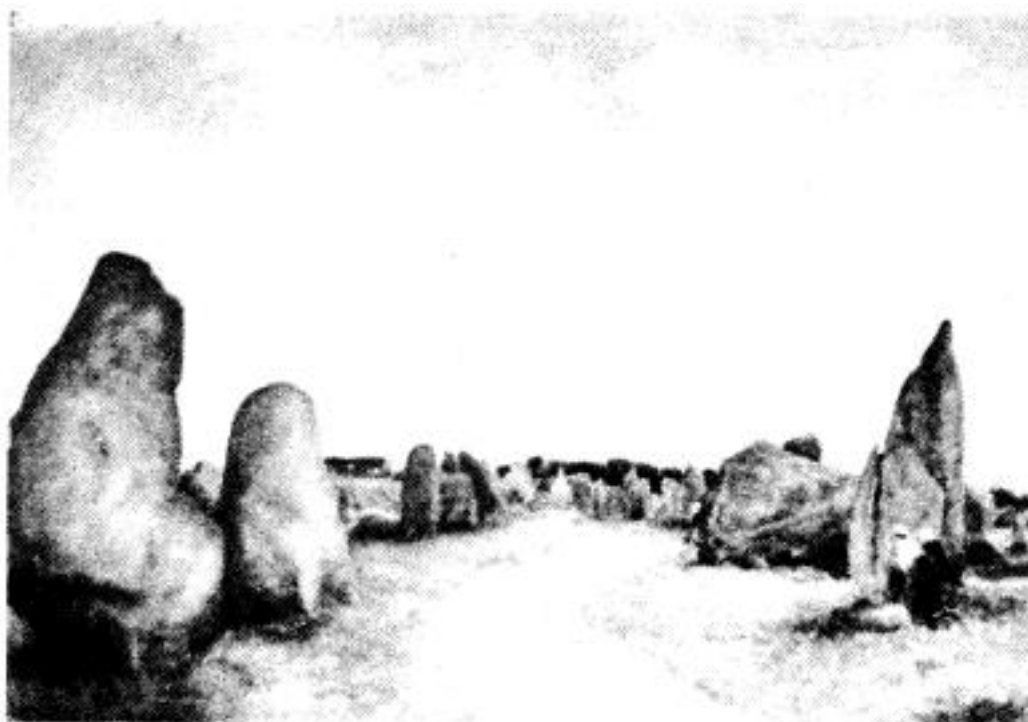
Наконец, у нас есть третья группа, истинно кельтская, которая шла по следу второй. В начале шестого века она впервые появилась на левом берегу Рейна. В то время как Бертран называет вторую группу кельтской, этих он называет галатами и отождествляет их с галатами у греков, галлами и белгами у римлян.

Вторая группа, как мы уже говорили, была кельтами равнин. Третья - кельты гор. Самым ранним местом их обитания, которое мы знаем, были хребты Балкан и Карпат. Их организация представляла собой военную аристократию - они властвовали над подвластным населением, за счет которого жили данью или грабежом. Это воинственные кельты древней истории - грабители Рима и Дельфы, воины-наемники, сражавшиеся за плату и ради любви к войне в рядах Карфагена, а затем и Рима. Они презирали сельское хозяйство и промышленность, их женщины пахали землю, а под их властью простое население превратилось почти в рабов; "plebs pœne servorum habetur loco", как говорит нам Цезарь. Только Ирландия в какой-то степени избежала гнета этой военной аристократии и резкого разделения, которое она провела между классами, но даже там можно найти отражение положения вещей в Галлии, даже там мы находим свободные и несвободные племена и угнетающие и бесчестные поборы со стороны правящего порядка.

Однако если этой правящей расе и были присущи некоторые пороки необузданной силы, то они обладали и многими благородными и гуманными качествами. Они были бесстрашными храбрецами, фантастически рыцарственными, чутко реагировали на притягательность поэзии, музыки и умозрительной мысли. Посидоний обнаружил, что институт бардов процветал среди них около [pg 58] 100 года до нашей эры, а примерно за двести лет до этого Гекатей из Абдеры описывает сложные музыкальные службы, проводимые кельтами на одном из западных островов - вероятно, в Великобритании - в честь их бога Аполлона (Луга).³⁴ Арийцы из арийцев, они имели в себе задатки великой и прогрессивной нации; но друидическая система - не со стороны ее философии и науки, а со стороны ее церковно-политической организации - была их бичом, а подчинение ей - их фатальной слабостью.

Культура горных кельтов заметно отличалась от культуры жителей низин. Их век был веком железа, а не бронзы; их мертвых не сжигали (что они считали позором), а хоронили.

Их территориями были Швейцария, Бургундия, Пфальц, Северная Франция, часть Британии на западе, Иллирия и Галатия на востоке, но небольшие группы кельтов, должно быть, проникали далеко и широко по всей кельтской территории и занимали господствующее положение везде, куда бы они ни приходили.

Выравнивание камней в Кермарисе, Карнак

Артур Г. Белл

По словам Цезаря, в начале его завоевания Галлию населяли три народа, "отличавшиеся друг от друга по языку, обычаям и законам". Эти народы он назвал соответственно белгами, кельтами и аквитанцами. Он размещает их примерно так: белгов - на севере и востоке, кельтов - в центре, а аквитанцев - на западе и юге. Белгæ - это галаты Бертрана, кельтæ - кельты, а аквитанцы - мегалитический народ. Конечно, все они в большей или меньшей степени подверглись кельтскому влиянию, и различия в языке, которые заметил Цезарь, не должны были быть большими; тем не менее, примечательно и вполне соответствует взглядам Бертрана, что Страбон говорит об аквитанцах как о заметно отличающихся от остальных жителей и [pg 59] похожих на иберийцев. Язык других галльских народов, добавляет он, был всего лишь диалектом того же языка.

Религия магии

Это тройное деление в большей или меньшей степени отражено во всех кельтских странах, и его всегда следует иметь в виду, когда мы говорим о кельтских идеях и кельтской религии и пытаемся оценить вклад кельтских народов в европейскую культуру. Мифическая литература и искусство кельтов, вероятно, возникли в основном в той части, которая представлена низинными кельтами Бертрана. Но эта литература песен и саг создавалась бардами для

удовольствия и обучения гордой, рыцарской и воинственной аристократии и, следовательно, неизбежно формировалась под влиянием идей этой аристократии. Но на него также оказали глубокое влияние религиозные верования и обряды, принятые в мегалитическом народе - верования, которые только сейчас медленно исчезают в свете науки. Эти верования можно объединить одним термином "магия". Природа этой религии магии должна быть кратко рассмотрена, поскольку она была мощным элементом в формировании корпуса мифов и легенд, с которыми нам предстоит иметь дело в дальнейшем. И, как заметил профессор Бьюри в своей инаугурационной лекции в Кембридже в 1903 году:

"Для того чтобы заниматься этим самым трудным из всех вопросов, этнической проблемой, той ролью, которую играет раса в развитии народов и влиянии расовых слияний, необходимо помнить, что кельтский мир является одним из главных порталов проникновения в тот таинственный доарийский прамир, от которого, вполне возможно, мы, современные европейцы, унаследовали гораздо больше, чем нам кажется".

[стр. 60]

Окончательный корень слова "магия" неизвестен, но, скорее всего, оно происходит от волхвов, или жрецов Халдеи и Мидии в доарийские и досемитские времена, которые были великими выразителями этой системы мысли, так странно смешавшей в себе суеверие, философию и научные наблюдения. Основопологающей концепцией магии является представление о духовной жизненной силе всей природы. Эта духовная жизненная сила не воспринималась, как в политеизме, как отделенная от природы в виде отдельных божественных личностей. Она была неявной и имманентной природе; неявной, неопределенной, наделенной всем ужасом силы, пределы и природа которой окутаны непроницаемой тайной. В своем отдаленном происхождении она, несомненно, была связана с культом мертвых, поскольку смерть рассматривалась как возвращение в природу и наделение смутными и неконтролируемыми силами духовной силы, ранее воплощенной в конкретной, ограниченной, управляемой и потому менее ужасной форме живой человеческой личности. Однако эти силы не были полностью бесконтрольными. Стремление к контролю, равно как и предположение о средствах его достижения, вероятно, возникло с первых грубых практик искусства врачевания. Медицина в том или ином виде была одной из самых первых потребностей человека. А способность некоторых природных веществ, минеральных или растительных, вызывать телесные и психические эффекты, часто самого поразительного характера, естественно, воспринималась как свидетельство того, что мы можем назвать "магической" концепцией [Вселенной](#)³⁵. Первыми магами были те, кто достиг особых знаний о целебных или ядовитых травах; но "добродетель" того или иного рода приписывалась каждому природному объекту и явлению, [pg 61] со временем возникла своего рода магическая наука, отчасти дитя истинного исследования, отчасти поэтического воображения, отчасти жречества, была кодифицирована в обряды и формулы, привязана к особым местам и объектам и представлена в виде символов. Вся эта тема рассматривается Плинием в замечательном отрывке, который заслуживает подробного цитирования:

Плиний о религии магии

"Магия - одна из немногих вещей, о которых важно поговорить подробнее, хотя бы потому, что, будучи самым обманчивым из всех искусств, она везде и во все времена пользовалась наибольшим доверием. Не стоит удивляться и тому, что она приобрела такое огромное влияние, ведь она объединила в себе три искусства, которые оказывали самое сильное влияние на дух человека. Возникнув, во-первых, из медицины - факт, в котором никто не

может усомниться, - и прикрываясь заботой о нашем здоровье, она проникла в сознание и приняла форму другого лекарства, более святого и глубокого. Во-вторых, с помощью самых соблазнительных и лестных обещаний он задействовал мотив религии - предмета, в котором даже в наши дни человечество пребывает в наибольшем неведении. В довершение всего она прибегла к искусству астрологии, а каждый человек жаждет знать будущее и убежден, что это знание можно получить с небес. Таким образом, удерживая умы людей в этих тройных узах, она распространила свою власть над многими народами, и на Востоке ей подчиняются короли королей.

"На Востоке, несомненно, она была изобретена - в Персии и Зороастром.³⁶ Все авторитеты сходятся в этом. [pg 62] Но разве не было больше одного Зороастра?... Я заметил, что в древние времена, да и почти всегда, можно найти людей, ищущих в этой науке вершину литературной славы - по крайней мере, Пифагор, Эмпедокл, Демокрит и Платон пересекали моря, изгнанники, по правде говоря, а не путешественники, чтобы обучиться этому. Вернувшись на родину, они превозносили притязания магии и поддерживали ее тайную доктрину..... У латинских народов есть ранние следы этого, как, например, в наших Законах двенадцати [таблиц](#)³⁷ и других памятниках, как я уже говорил в одной из предыдущих книг. На самом деле, только в 657 году после основания Рима, в консульство Корнелия Лентула Красса, сенатский консилиум запретил приносить в жертву человеческие существа; этот факт доказывает, что до этого времени эти ужасные жертвоприношения совершались. Галлы были очарованы этим, и так вплоть до наших дней, ведь именно император Тиберий подавил друидов и все стада пророков и знахарей. Но что толку в запретах на искусство, которое преодолело океан и проникло даже в пределы природы?" (Hist. Nat. xxx). (Hist. Nat. xxx.).

Плиний добавляет, что первым человеком, который, как он может установить, написал на эту тему, был Остан, сопровождавший Ксеркса в его войне против греков и распространявший "зародыши своего чудовищного искусства" повсюду в Европе.

Магия не была, как считал Плиний, исконной ни в Греции, ни в Италии, но была настолько прижилась в Британии и проводилась с таким тщательным ритуалом, что [pg 63] Плиний говорит, что могло показаться, будто это они научили ей персов, а не персы их.

Следы магии в мегалитических памятниках

Внушительные реликвии их культа, которые оставили нам мегалитические люди, полны признаков их религии. Возьмем, к примеру, замечательный курган Мане-эр-Х'оук в Бретани. Этот памятник был исследован в 1864 году М. Рене Галлесом, который описывает его как абсолютно нетронутый - поверхность земли не нарушена, и все осталось таким, каким его оставили строители.³⁸ У входа в прямоугольную камеру стояла скульптурная плита, на которой был начертан таинственный знак, возможно, тотем вождя. Сразу же при входе в камеру была найдена красивая подвеска из зеленой яшмы размером с яйцо. На полу в центре камеры лежала необычная конструкция, состоящая из большого кольца из жадита, слегка овальной формы, с великолепным наконечником топора, также из жадита, острие которого упиралось в кольцо. Топор был хорошо известным символом власти или божества и часто встречается в наскальных рисунках бронзового века, а также в египетских иероглифах, минойской резьбе и т. д. На небольшом расстоянии от них лежали две большие подвески из яшмы, затем наконечник топора из белого [нефрита](#)³⁹, потом еще одна подвеска из яшмы. Все эти предметы были расставлены с явным намерением en suite, образуя прямую линию, которая точно совпадала с одной из диагоналей камеры, идущей с северо-запада на юго-восток. В одном из углов камеры был найден 101 наконечник топора из нефрита, жадита и [pg 64] фибrolита. Не было ни следов костей, ни золы, ни погребальной урны; сооружение

представляло собой кенотаф. "Не присутствуем ли мы здесь, - спрашивает Бертран, - при какой-то церемонии, связанной с магическими практиками?"

Хиромантия в Гавр'инисе

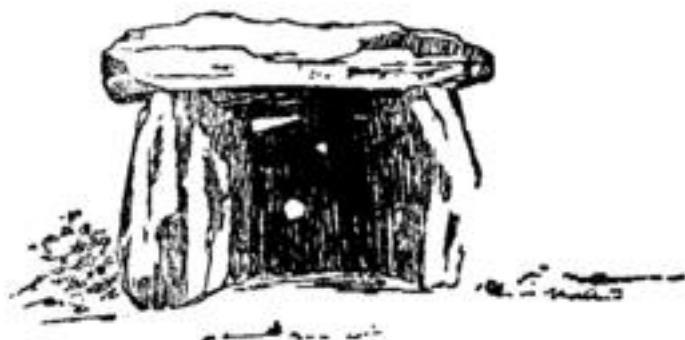
Инспектор Национального музея древностей Альберт Мэтр сделал очень любопытное наблюдение в связи с великим могильным памятником Гавр'инис. Здесь, как и в других мегалитических памятниках Ирландии и Шотландии, были обнаружены камни, изваянные с необычным и характерным для рисунком в виде волнистых и концентрических линий. Если рассмотреть под лупой любопытные линии, прорисованные на человеческой руке у корней и кончиков пальцев, то окажется, что они имеют точное сходство с этими узорами мегалитической скульптуры. Один кажется почти слепком другого. Эти линии на человеческой руке настолько отчетливы и своеобразны, что, как известно, они были приняты в качестве метода идентификации преступников. Может ли это сходство быть [pg 65] результатом случайности? Ничего подобного этим своеобразным скоплениям скульптурных линий никогда не было найдено, кроме как в связи с этими памятниками. Не отсылаем ли мы здесь к хиромантии - магическому искусству, широко практиковавшемуся в древние и даже в современные времена? Рука как символ власти была хорошо известной магической эмблемой и в значительной степени вошла даже в христианскую символику - обратите внимание, например, на огромную руку, изваянную на нижней стороне одной из рук креста Муиредаха в Монастербойсе.

Камни из Бретани, изваянные в виде отпечатков ног, топоров, "следов пальцев" и т. д.

(Sergi)

Камни с отверстиями

Дольмен в Трие, Франция

(После Гейльхабо)

Еще одна необычная и пока необъяснимая особенность, которая встречается во многих из этих памятников, от Западной Европы до Индии, - наличие небольшого отверстия, проделанного в одном из камней, составляющих камеру. Было ли это отверстие предназначено для духа мертвых? Или для подношений им? Или канал, через который откровения из мира духов должны были прийти к жрецу или магу? Или оно сочетало в себе все эти признаки? Выдолбленные камни, не являющиеся частью дольмена, конечно же, являются одними из самых распространенных реликвий древнего культа, и до сих пор почитаются и используются в практиках, связанных [pg 66] с деторождением и т.д. Здесь мы, несомненно, должны интерпретировать эмблему как символ секса.

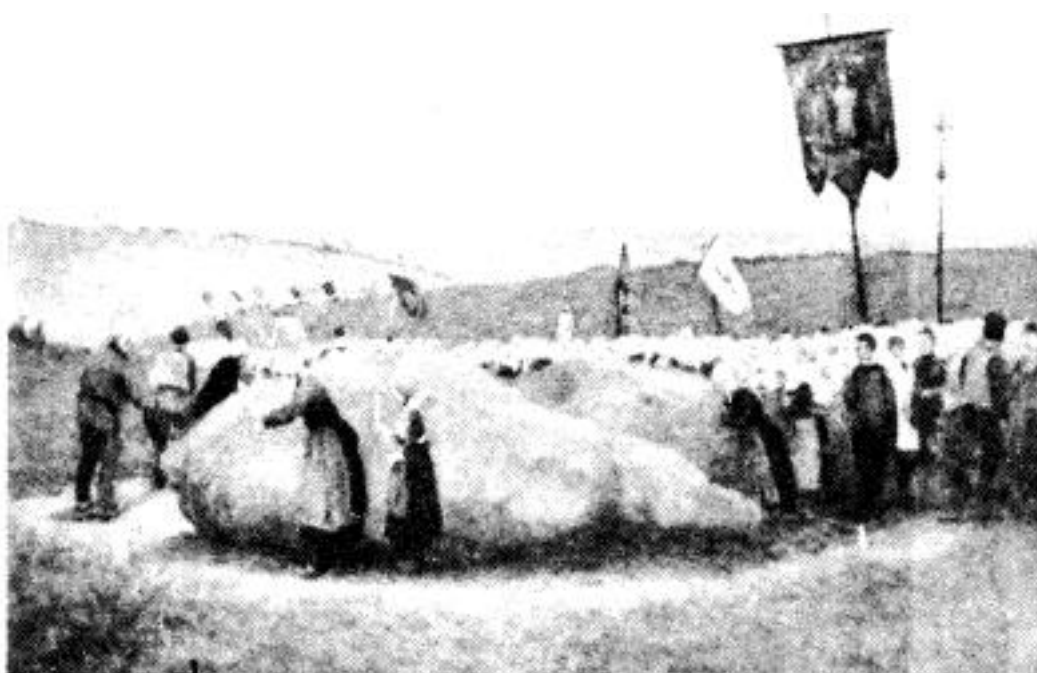

Дольмены в Декане, Индия

(По материалам Медоуза-Тейлора)

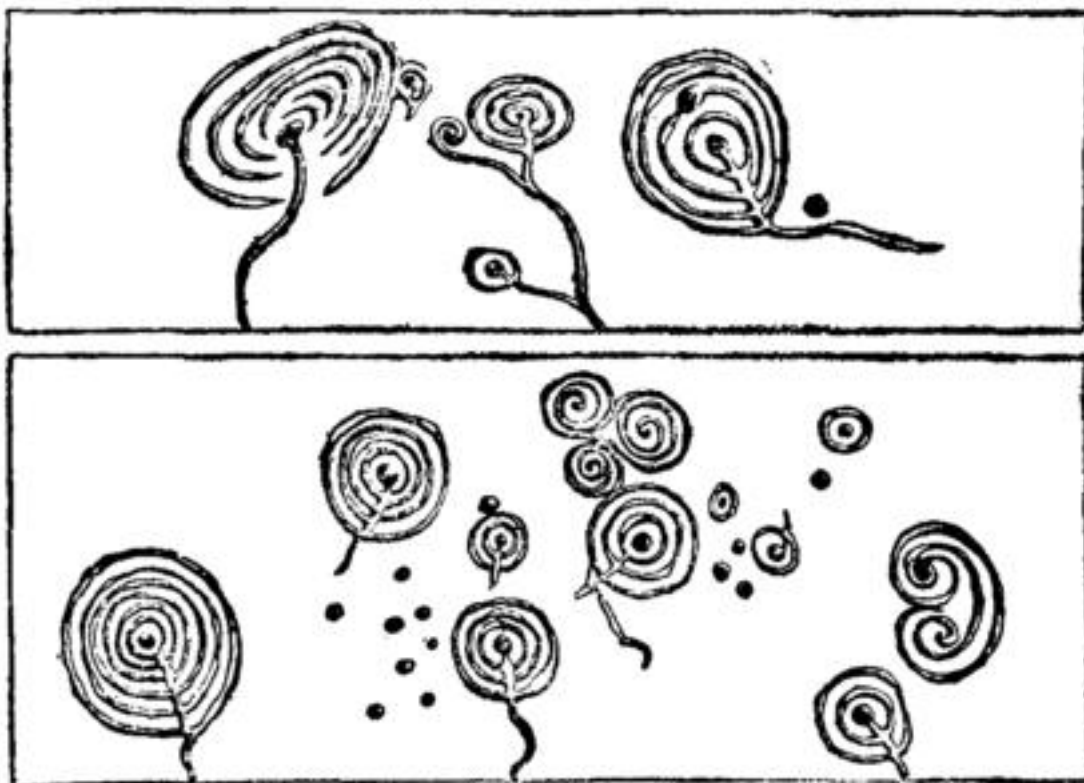
Поклонение камням

Помимо небесных тел, объектами почитания у этого первобытного народа были реки, деревья, горы и камни. Поклонение камням было особенно распространено, и его не так легко объяснить как поклонение объектам, обладающим движением и жизненной силой. Возможно, объяснение почитания больших и изолированных масс необработанного камня можно найти в их сходстве с искусственными дольменами и кромлехами.⁴⁰ Ни одно суеверие не оказалось более живучим. В 452 году н. э. мы находим Арльский синод, осуждающий тех, кто "почитает деревья, колодцы и камни", и это осуждение было повторено Карлом Великим, а также многочисленными синодами и соборами вплоть до недавних времен. Однако на рисунке, который здесь воспроизводится и который был недавно сделан на месте мистером Артуром Беллом⁴¹, изображен этот самый акт поклонения, который все еще в полной силе в Бретани, и показаны символы и сакральная организация христианства, фактически поставленная на службу этому бессмертному язычеству. По словам мистера Белла, духовенство принимает участие в этих представлениях с большой неохотой, но вынуждено делать это под влиянием местного мнения. Священные колодцы, вода из которых якобы исцеляет от болезней, до сих пор очень распространены в Ирландии [pg 67], а культ вод Лурда, несмотря на его принятие церковью, можно упомянуть в качестве примечательного примера на континенте.

Поклонение камням в Локронане, Бретань

Чашечно-кольцевые знаки

Чашечно-кольцевые знаки из Шотландии

(По рисунку сэра Дж. Симпсона)

Еще одна необычная эмблема, на значение которой пока не удалось пролить свет, часто встречается в связи с мегалитическими памятниками. На прилагаемых иллюстрациях показаны ее примеры. В поверхности камня сделаны чашеобразные углубления, которые часто окружены концентрическими кольцами, а от чаши проведены одна или несколько

радиальных линий к точке за пределами окружности колец. Иногда эти линии соединяют систему чашек, но чаще они заканчиваются немного за пределами самого широкого из колец. Эти странные знаки встречаются в Великобритании и Ирландии, в Бретани и в различных местах [pg 68] Индии, где они называются махадео.⁴² Я также нашел любопытный пример - поскольку он, похоже, таковым является - в "Памятниках Новой Испании" Дюпаи. Он воспроизведен в "Древностях Мексики" лорда Кингсборо, том iv. На круглой вершине цилиндрического камня, известного как "Триумфальный камень", высечена центральная чаша с девятью концентрическими кругами вокруг нее и каналом, прорезанным прямо от чаши через все круги к ободу. За исключением того, что рисунок здесь богато украшен и точно прорисован, он очень похож на типичную европейскую маркировку чаши и кольца. В том, что эти знаки что-то означают и что, где бы они ни были найдены, они означают одно и то же, вряд ли можно сомневаться, но что это за значение, пока остается загадкой для антикваров. Можно предположить, что это диаграммы или планы мегалитических усыпальниц. Центральное углубление представляет собой собственно место захоронения. Круги - это стоячие камни, валы и валы, которые часто окружали его; а линия или канал, проведенный из центра наружу, представляет собой подземный подход к усыпальнице. Очевидный "аллейный" замысел канала ясно виден в приведенных ниже разновидностях, которые я взял у Симпсона. Поскольку гробница была также священным местом или святилищем, появление ее изображения среди других резьбы священного характера вполне естественно; оно, по-видимому, символически указывает на то, что это место было священной землей. Насколько это предположение может быть применимо к мексиканскому примеру, я не могу сказать.

Разновидности чашечно-кольцевых знаков

[pg 69]

Тумулус в Нью-Грейндж

Одним из самых значительных и богато украшенных скульптурой европейских мегалитических памятников является большой камерный курган Нью-Грейндж, расположенный на северном берегу Бойна в Ирландии. Этот курган и другие, расположенные по соседству с ним, фигурируют в древнеирландской мифологической литературе в двух разных образах, объединение которых имеет большое значение. С одной стороны, они считаются местами обитания Сидхе (произносится Ши), или Сказочного народа, который, вероятно, представляет собой божества древних ирландцев, а с другой - традиционно являются местами захоронения кельтских королей языческой Ирландии. История погребения короля Кормака, который, как предполагается, услышал о христианской вере задолго до того, как ее проповедовал в Ирландии Святой Патрик, и который приказал не хоронить его на королевском кладбище у Бойна из-за его языческих ассоциаций, указывает на то, что это место было центром языческого культа, включавшего в себя нечто большее, чем просто погребение королевских особ в его окрестностях. К сожалению, эти памятники не сохранились: они были вскрыты и разграблены датчанами в IX [веке](#)⁴³, но

сохранилось достаточно свидетельств, чтобы показать, что они были погребальными по своему происхождению, а также связаны с культом первобытной религии. Самый важный из них, курган Нью-Грейндж, был тщательно исследован и описан мистером Джорджем Коффи, хранителем коллекции кельтских древностей в Национальном музее в Дублине.⁴⁴ Со стороны он выглядит как большой курган или холм, ныне заросший кустарником. В поперечнике он составляет около 280 футов, [pg 70] в наибольшем диаметре, а в высоту - около 44 футов. За его пределами находится широкий круг из стоячих камней, первоначально насчитывавших, кажется, тридцать пять штук. Внутри этого круга находится ров и вал, а поверх этого вала был уложен круглый бордюр из больших камней длиной от 8 до 10 футов, положенных на ребро и ограничивающих то, что оказалось огромной насыпью из сыпучих камней, ныне заросшей, как мы уже говорили, травой и кустарником. Именно во внутренней части этого кургана и находится весь интерес памятника. В конце семнадцатого века рабочие, убравшие с кургана дорожный материал, наткнулись на вход в проход, который вел во внутреннее помещение и был отмечен тем, что межевой камень под ним богато украшен резьбой в виде спиралей и ромбов. Этот вход выходит точно на юго-восток. Проход сложен из вертикальных плит необработанного камня, покрытых такими же плитами, и варьируется от почти 5 футов до 7 футов 10 дюймов в высоту; его ширина составляет около 3 футов, и он тянется на 62 фута прямо в сердце кургана. Здесь она заканчивается крестообразной камерой высотой 20 футов, крыша которой, своего рода купол, сложена из больших плоских камней, перекрывающих друг друга внутри, пока они почти не сходятся на вершине, где все закрывает большой плоский камень. В каждом из трех углублений крестообразной камеры стоит большой каменный бассейн или грубый саркофаг, но следов погребения сейчас не осталось.

Символическая резьба в Нью-Грейндж

Все камни необработаны и не обработаны, они были выбраны для своей цели из русла реки и других близлежащих мест. На их плоских поверхностях, полученных путем раскалывания плит из оригинальных каменоломен, обнаружена резьба, которая составляет уникальный интерес этого странного памятника. За исключением большого камня со спиральной резьбой и еще одного у входа в курган, [pg 71] намерение этих скульптур, похоже, не было декоративным, разве что в очень грубом и примитивном смысле. Здесь нет попытки покрыть данную поверхность системой орнамента, соответствующей ее размеру и форме. Узоры, как бы, нацарапаны на стенах как попало и где попало.⁴⁵ Среди них везде выделяется спираль. Сходство некоторых из этих рисунков с предполагаемыми следами пальцев на камнях в Гавр'инисе очень примечательно. Встречаются также тройные и двойные спирали, а также ромбы и зигзаги. В западной нише найдена необычная резьба, изображающая что-то похожее на пальмовую ветвь или лист папоротника. Рисунок этого предмета натуралистичен, и трудно интерпретировать его, как это склонен делать мистер Коффи, как просто фрагмент так называемого узора "селечной кости".⁴⁶ Похожий узор пальмового листа, но с ребрами, расположенными под прямым углом к центральной оси, встречается в соседнем кургане Даут в Лафкре, а также в сочетании с солярной эмблемой, свастикой, на небольшом алтаре в Пиренеях, изображенном Бертраном.

Вход в тумулус в Нью-Грейндж

Фотография Р. Уэлча, Белфаст

Символ корабля в Нью-Грейндже

Еще одна примечательная и, если судить по Ирландии, необычная фигура изваяна в западной нише в Нью-Грейндже. Различные критики интерпретировали ее как знак каменщика, фрагмент финикийской письменности, группу цифр, и, наконец (и, несомненно, правильно), мистер Джордж Коффи как грубое изображение корабля с людьми на борту и поднятым парусом. Примечательно, что прямо над ним находится небольшой круг, составляющий, по-видимому, часть дизайна. Другой пример встречается в Дауте.

[pg 72]

Солнечный корабль (с парусом?) из Нью-Грейнджа, Ирландия

Значение этой маркировки, как мы увидим, возможно, очень велико. Было обнаружено, что на некоторых камнях в кургане Локмариакера в [Бретани](#)⁴⁷ есть несколько очень похожих фигур, одна из которых показывает круг в таком же относительном положении, как и в Нью-Грейндже. На этом камне также изображен топор, египетский иероглиф, обозначающий божество, и хорошо известная магическая эмблема. В брошюре доктора Оскара Монтелиуса о наскальных рисунках [Швеции](#)⁴⁸ мы находим репродукцию (также приведенную в книге Дю

Шайю "Эпоха викингов") грубого наскального рисунка, изображающего несколько кораблей с людьми на борту, и круг, четвертованный крестом - несомненно, солярной эмблемой - прямо над одним из них. То, что эти корабли (которые, как и в ирландском примере, часто представлены так кратко, что являются просто символами, которые никто не смог бы идентифицировать как корабль, если бы подсказку не давали другие и более сложные изображения) так часто рисовались в сочетании с солнечным диском просто для развлечения или в качестве чисто декоративного объекта, кажется мне наиболее [pg 73] невероятным. Во времена мегалитического народа могильный памятник, средоточие религиозных идей, вряд ли стал бы покрываться пустыми и бессмысленными каракулями. "Человек, - как хорошо сказал сэр Дж. Симпсон, - всегда соединял вместе вещи священные и вещи погребальные". В большинстве случаев в этих надписях нет и проблеска декоративного замысла. Но если у них был символический замысел, то что же они символизируют?

Солнечный корабль из Лок-Мариакера, Бретань

(После Фергюсона)

Солнечный корабль из Халланде, Швеция

(По Монтелиусу)

Символ корабля в Египте

Этот символ корабля, с фактическим изображением солнечной эмблемы или без него, очень древний и [pg 74] очень часто встречается в погребальном искусстве Египта. Оно связано с поклонением Ра, которое появилось за 4000 лет до н. э. Его значение как египетского символа хорошо известно. Корабль назывался Лодкой Солнца. Это было судно, на котором бог Солнца совершал свои путешествия; в частности, путешествие, которое он совершал по ночам к берегам потустороннего мира, неся с собой на своем корабле души блаженных мертвецов. Бог Солнца, Ра, иногда изображается в виде диска, иногда в виде других эмблем, парящих над сосудом или находящихся внутри него. Любой, кто ознакомится с расписными или скульптурными саркофагами в Британском музее, найдет множество примеров. Иногда встречаются изображения живительных лучей Ра, изливающихся на лодку и ее обитателей. Так, на одной из шведских наскальных рисунков кораблей в Бакке (Бохуслен), приведенной Монтелиусом, корабль, переполненный фигурами, изображен под диском с тремя

нисходящими лучами, и еще один корабль с двухлучевым солнцем над ним. Можно добавить, что в кургане Даута, который находится рядом с курганом Нью-Грейндж и полностью соответствует тому же характеру и периоду, лучевые фигуры и четвертованные круги, очевидно, солярные эмблемы, встречаются в изобилии, как и в Лафкре и других местах в Ирландии, и еще одна фигура корабля была идентифицирована в Дауте

Египетская солнечная кора, XXII династия

(Британский музей)

[pg 75]

Египетская солнечная кора, с богом Хнему и сопутствующими божествами

(Британский музей)

В Египте солнечная лодка иногда изображается с одной лишь солнечной эмблемой, иногда - с фигурой бога с сопровождающими божествами, иногда - с толпой пассажиров, представляющих человеческие души, а иногда - с фигурой одинокого трупа на подставке. На мегалитической резьбе также иногда изображена солнечная эмблема, а иногда нет; лодки иногда заполнены фигурами, а иногда пусты. Когда символ однажды принят и понят, достаточно любого его условного или краткого изображения. Я полагаю, что полная форма мегалитического символа - это лодка с фигурами в ней и с солнечной эмблемой над головой. Эти фигуры, если предположить, что вышеизложенная интерпретация дизайна верна, должны быть приняты за изображения мертвых, направляющихся в потусторонний мир. Они не могут быть божествами, поскольку изображения божественных сил в человеческом облике были совершенно неизвестны мегалитическому народу даже после прихода кельтов - впервые они появляются в Галлии под римским влиянием. Но если эти фигуры представляют умерших, то перед нами явно истоки так называемой "кельтской" доктрины бессмертия. Резьба, о которой идет речь, является докельтской. Они найдены там, куда кельты никогда не проникали. Тем не менее, они указывают на существование именно той доктрины потустороннего мира, которая со времен Сезара [pg 76] и далее ассоциируется с кельтским друидизмом, и эта доктрина была отчетливо египетской.

Египетская кора с фигурой Ра, держащего Анх, заключенный в солнечный диск. XIX династия

(Британский музей)

Наветы"

В связи с этой темой я могу обратить внимание на теорию г-на У.К. Борласа о том, что типичный дизайн ирландского дольмена должен был изображать корабль. На Менорке есть аналогичные сооружения, которые в народе называют *navetas* (корабли), настолько отчетливо сходство. Но, добавляет он, "задолго до того, как пещеры и наветы Минорки стали мне известны, я сформировал мнение, что то, о чем я так часто говорил как о "клиновидной форме", наблюдаемой столь повсеместно в наземных планах дольменов, было вызвано первоначальной концепцией корабля". Из погребений в Скандинавии мы знаем, что в ряде случаев были обнаружены настоящие корабли. На кладбищах железного века в той же стране, а также на более южных балтийских побережьях, корабль был признанной формой ограждения могилы".⁴⁹ Если мнение г-на Борласа верно, то мы имеем здесь очень сильное подтверждение символического намерения, которое я приписываю солнечной корабельной резьбе мегалитических людей.

Символ корабля в Вавилонии

Символ корабля, как можно заметить, можно проследить примерно до 4000 года до н. э. в Вавилонии, где у каждого божества был свой особый корабль (у бога Сина он назывался "Корабль света"), а его изображение несли в процессии на литавах, сформированных как корабль. [Ястроу50](#) полагает, что это возникло в те времена, когда священные города Вавилонии располагались на берегу Персидского залива, а религиозные процессии часто совершались по воде.

[pg 77]

Символ ног

Однако есть основания полагать, что некоторые из этих символов появились раньше, чем любая известная мифология, и были, так сказать, по-разному мифологизированы разными народами, получившими их из этого неизвестного ныне источника. Примечательным примером является символ двух ног. В Египте ноги Осириса составляли одну из частей, на которые было разрезано его тело, в известном мифе. Они были символом владения или посещения. "Я пришел на землю, - говорится в "Книге мертвых" (гл. xvii.), - и двумя ногами своими овладел, я - Тму". Символ ступни или отпечатка ноги очень широко распространен. Он встречается в Индии как отпечаток ступни Будды,⁵¹ его изображают на дольменах в Бретани,⁵² он встречается в наскальных рисунках в Скандинавии.⁵³ В Ирландии его выдают за отпечатки ступней святого Патрика или святого Колумбы. Самое странное, что его безошибочно находят в Мексике.⁵⁴ Тайлер в своей "Первобытной культуре" (ii. p. 197)

ссылается на "церемонию ацтеков во время второго праздника бога солнца Тескатлипоки, когда они посыпали маисовую муку перед его святилищем, а его верховный жрец смотрел, пока не увидел божественные следы, а затем крикнул, чтобы объявить: "Наш Великий Бог пришел"."

Символ двух ног

Анкх на мегалитических нарезках

Существуют очень убедительные доказательства связи мегалитических людей с Северной Африкой. Так, как отмечает [pg 78] Серги, многие знаки (вероятно, числовые), найденные на табличках из слоновой кости на кладбище в Накаде, открытом Флиндерсом Петри, встречаются и на европейских дольменах. Несколько более поздних египетских иероглифических знаков, включая знаменитый Анкх, или *crux ansata*, символ жизненной силы или воскрешения, также встречаются в мегалитической резьбе.⁵⁵ На основании этих соответствий Летурно сделал вывод, "что строители наших мегалитических памятников пришли с юга и были связаны с расами Северной Африки".⁵⁶

Анкх

Доказательства на основе языка

Подойдя к этому вопросу с лингвистической стороны, Рис и Бринмор Джонс приходят к выводу, что африканское происхождение - по крайней мере, приблизительное - первобытного населения Великобритании и Ирландии является весьма вероятным. Здесь показано, что кельтские языки сохраняют в своем синтаксисе хамитский и особенно египетский тип.⁵⁷

Египетские и "кельтские" идеи бессмертия

Известные на сегодняшний день факты, как мне кажется, не дают нам оснований строить какие-либо теории относительно реального исторического родства строителей дольменов Западной Европы с людьми, создавшими удивительную религию и цивилизацию Древнего Египта. Но когда мы рассматриваем все линии доказательств, которые сходятся в этом направлении, кажется очевидным, что такая связь существовала. Египет был классической страной религиозного символизма. Он подарил Европе [pg 79] самый красивый и самый популярный из всех своих религиозных символов - образ божественной матери и [ребенка](#)⁵⁸. Я полагаю, что она также дала первобытным жителям Западной Европы глубокий символ бродячих духов, направляемых в мир мертвых Богом Света.

Религия Египта, как и религия любого другого народа, чьи идеи, как нам известно, были развиты в столь древние времена, сосредоточилась на доктрине будущей жизни. Дворцовые и грандиозные гробницы, тщательно разработанный ритуал, впечатляющая мифология, огромное возвышение касты жрецов - все эти черты египетской культуры были тесно связаны с их доктриной бессмертия души.

Для египтянина развоплощенная душа не была тeneвым симулякром, как считали классические народы, - будущая жизнь была всего лишь продолжением настоящей; праведник, заняв в ней свое место, оказывался среди своих родственников, друзей, работников, с задачами и удовольствиями, очень похожими на земные. Судьбой нечестивца было уничтожение; он становился жертвой невидимого чудовища, называемого Пожирателем мертвых.

Когда классические народы впервые начали интересоваться идеями кельтов, их больше всего поразила кельтская вера в бессмертие, которая, по словам галлов, была "передана друидами". Классические народы верили в бессмертие; но какую картину Гомер, Библия греков, дает о потерянных, деградировавших, обесчеловеченных существах, которые представляют собой ушедшие души людей! Возьмем, к примеру, описание духов женихов, убитых Одиссеем, когда Гермес провожает их в подземный мир:

[стр. 80]

"Теперь были вызваны души мертвых килленским Гермесом.....

Коснувшись жезла, они пробудились, и повиновались ему, и шли за ним, повизгивая,

Как летучие мыши в темных, таинственных глубинах пещеры.

Пищат, порхая вокруг, если одна из них упадет.

где они висели на скале, прижавшись друг к другу;

Так и души стаям визжали за ним, как Гермес-помощник

Проводил их во мрак по сырым и заплесневелым тропам "[59](#).

Классические писатели справедливо считали, что кельтская идея бессмертия была совершенно иной. Она была одновременно и более возвышенной, и более реалистичной; она подразумевала подлинное сохранение живого человека, каким он является в настоящее время, во всех его человеческих отношениях. Они с удивлением отмечали, что кельт давал деньги в долг по векселю, который должен был вернуть в следующем мире.[60](#) Это абсолютно египетская концепция. И именно такая аналогия пришла в голову Диодору, когда он писал о кельтской идее бессмертия - она не была похожа ни на что из того, что он знал в Египте.[61](#)

Доктрина переселения

Многие древние писатели утверждают, что кельтская идея бессмертия воплотила в себе восточную концепцию переселения душ, и для объяснения этого была придумана гипотеза, что они узнали эту доктрину от Пифагора, который представлял ее в классической древности. Таким образом, Сезар сказал: "Главный пункт их [друидов] учения состоит в том, что душа не погибает и что после смерти она переходит из одного тела в другое". А Диодор: "Среди них преобладает учение Пифагора, согласно которому души людей бессмертны и через определенный срок возобновляют [pg 81] жизнь, принимая на себя новое тело". Следы этой доктрины, безусловно, присутствуют в ирландских легендах. Так, ирландский вождь

Монган, который является исторической личностью и чья смерть зафиксирована около 625 года н.э., как говорят, заключил пари о месте смерти короля по имени Фотада, убитого в битве с мифическим героем Финном Мак Кумхалом в третьем веке. Он доказывает свою правоту, призывая на помощь реваншиста из потустороннего мира Килту, который на самом деле был убийцей Фотада и который правильно описал, где находится гробница и каково ее содержимое. Он начинает свой рассказ, обращаясь к Монгану: "Мы были с тобой", а затем, повернувшись к собравшимся, продолжает: "Мы были с Финном, пришедшим из Альбы....". "Тише, - говорит Монган, - нехорошо с твоей стороны раскрывать секрет". Секрет, конечно, в том, что Монган был реинкарнацией Финна.⁶² Но в целом свидетельства показывают, что кельты придерживались этой доктрины совсем не так, как Пифагор и восточные люди. Трансмиграция не была для них частью порядка вещей. Оно могло произойти, но в целом не происходило; новое тело, которое принимали умершие, облакало их в другое, не в этом мире, и, насколько мы можем судить по древним авторитетам, с этой формой будущей жизни не было связано никаких представлений о моральном возмездии. Это была не столько статья веры, сколько идея, которая преследовала воображение и которую, как указывает предостережение Монгана, не следует выносить на чистый свет.

Как бы она ни зарождалась, несомненно, что вера в бессмертие лежала в основе кельтского друидизма.⁶³ Цезарь четко подтверждает это и заявляет [pg 82], что доктрина была выдвинута друидами скорее для поощрения мужества, чем по чисто религиозным причинам. Интенсивная вера в потусторонний мир, которой придерживались кельты, безусловно, является одним из самых могущественных средств в руках священства, владеющего ключами от этого мира. Друидизм существовал на Британских островах, в Галлии и вообще, насколько нам известно, везде, где была кельтская раса среди населения, строящего дольмены. В Цизальпинской Галлии были кельты, но там не было дольменов и друидов.⁶⁴ Совершенно ясно, что когда кельты пришли в Западную Европу, они нашли там народ с могущественным жречеством, ритуалом и внушительными религиозными памятниками; народ, погруженный в магию, мистицизм и культ подземного мира. Из этих фактов я делаю вывод, что друидизм в его основных чертах был навязан воображению и чувствительной натуре кельта - кельта с его "необыкновенной способностью" к восприятию идей - более ранним населением Западной Европы, мегалитическим народом, в то время как, по их мнению, он находится в некоторой исторической связи, которую я не в состоянии рассмотреть более детально, с религиозной культурой Древнего Египта. Много неясного все еще царит в этом вопросе, и, возможно, так будет всегда, но если в этих [pg 83] предположениях есть хоть что-то, то мегалитические люди были выведены на шаг или два из атмосферы жуткой тайны, которая их окружала, и показано, что они сыграли очень важную роль в религиозном развитии Западной Европы и в подготовке этой части мира к быстрому распространению особого типа христианства, который имел место в ней. Бертран в своей интереснейшей главе "L'Irlande Celtique"⁶⁵ указывает, что очень скоро после обращения Ирландии в христианство мы видим, что страна покрыта монастырями, чья полная организация, кажется, указывает на то, что они были действительно друидическими колледжами, преобразованными в массовом порядке. О том, какими были эти колледжи в Галлии, нам рассказал Цезарь. Они были очень многочисленны. Несмотря на суровую учебу и дисциплину, толпы людей стекались в них ради власти, которой обладал друидический орден, и гражданских иммунитетов, которыми пользовались его члены всех рангов. Там изучали искусства и науки, заучивали наизусть тысячи стихов, закрепляющих учения друидизма. Все это очень похоже на то, что мы знаем об ирландском друидизме. Такая организация без особого труда перешла бы в христианство того типа, который был установлен в Ирландии. Вера в магические обряды сохранилась бы - раннее ирландское христианство, как явствует из его обильной агиографии, было столь же пропитано

магическими идеями, как и друидическое язычество. Вера в бессмертие останется, как и прежде, кардинальной доктриной религии. Превосходство сакрального ордена над мирской властью осталось бы непоколебимым; по-прежнему было бы верно, как сказал Дион Хризостом о друидах, что "это они повелевают, а короли на золотых тронах, обитающие в [pg 84] великолепных дворцах, являются лишь их служителями и слугами их мысли" [66](#).

Сезар о друидической культуре

О религиозной, философской и научной культуре, которой руководили друиды, Цезарь отзывается с большим уважением. "Они обсуждают и передают молодежи, - пишет он, - многие вещи, касающиеся звезд и их движений, масштабов вселенной и нашей земли, природы вещей, силы и величия бессмертных богов" (bk. vi. 14). Мы бы многое отдали за то, чтобы узнать некоторые подробности описанного здесь учения. Но друиды, хотя и были хорошо знакомы с письмом, строго запрещали излагать свои доктрины в письменном виде; это было чрезвычайно мудрым решением, поскольку они не только окружали свое учение атмосферой тайны, которая так сильно действует на человеческий разум, но и гарантировали, что оно никогда не сможет быть эффективно опровергнуто.

Человеческие жертвоприношения в Галлии

Однако в странный диссонанс с возвышенными словами Цезаря вступает отвратительная практика человеческих жертвоприношений, распространенность которой он отметил среди кельтов. Заключенных и преступников, а если это не удавалось, то и невинных жертв, возможно, детей, заключали по несколько человек в огромные плетеные рамы и там сжигали заживо, чтобы завоевать расположение богов. Практика человеческих жертвоприношений, конечно, не является специально друидической - она встречается во всех частях как Старого, так и Нового Света на определенном этапе культуры и, несомненно, сохранилась со времен мегалитических людей. Тот факт, что он должен был сохраниться в кельтских землях после того, как в остальном [pg 85] был достигнут достаточно высокий уровень цивилизации и религиозной культуры, можно проследить на примере Мексики и Карфагена, и в обоих случаях это, несомненно, связано с бесконтрольным господством жреческой касты.

Человеческие жертвоприношения в Ирландии

Бертран пытается отделить друидов от этих практик, от которых, по его словам, в Ирландии, как ни странно, "не осталось и следа", хотя там, как и везде в Кельтике, друидизм был всесилен. Однако мало сомнений в том, что в Ирландии также когда-то преобладали человеческие жертвоприношения. В очень древнем трактате "Диннсенхус", сохранившемся в "Книге Лейнстера", говорится, что на Мойслауте, "Равнине поклонения", стоял большой золотой идол, Кром Круах (Кровавый полумесяц). Ему гэлы приносили в жертву детей, молясь о хорошей погоде и плодородии: "Они просили у него молоко и кукурузу в обмен на своих детей - как велик был их ужас и стон!" [67](#).

И в Египте

В Египте, где национальный характер был заметно покладистым, любящим удовольствия и мало способным к фанатичной экзальтации, мы не находим никаких записей о подобных жестоких обрядах в монументальных надписях и росписях, как ни обильна информация, которую они дают нам обо всех особенностях национальной жизни и религии. [68](#) Мането, действительно, [pg 86] египетский историк, писавший в третьем веке до нашей эры, говорит нам, что человеческие жертвоприношения были отменены Амасисом I в начале XVIII династии - около 1600 г. до н.э. Но полное молчание других записей показывает нам, что

даже если верить Мането, в исторические времена эта практика должна была быть очень редкой, и на нее должны были смотреть с отвращением.

Имена кельтских божеств

Какими были имена и атрибуты кельтских божеств? Здесь мы находимся в глубоком неведении. Мегалитические люди не представляли своих божеств в конкретной личной форме. Камни, реки, колодцы, деревья и другие природные объекты были для них адекватными символами или наполовину символами, наполовину реальными воплощениями сверхъестественных сил, которые они почитали. Но образное мышление арийского кельта этим не ограничивалось. О существовании личных богов с отдельными титулами и атрибутами сообщает нам Цезарь, который приравнивает их к различным фигурам римского пантеона - Меркурию, Аполлону, Марсу и так далее. Лукан упоминает триаду божеств, *Æsus*, *Teutates* и *Taranus*⁶⁹; примечательно, что в этих именах мы, похоже, находимся в присутствии истинно кельтской, то есть арийской, традиции. Так, *Æsus*, по мнению Беллогета, происходит от арийского корня *as*, означающего "быть", который дал имя Асура-Масда (мудрец) персам, *Æsun* умбрийцам, Аса (божественное существо) скандинавам. *Teutates* происходит от кельтского корня, означающего "доблестный", "воинственный", и указывает [pg 87] божество, эквивалентное Марсу. Таранус (? *Tor*), согласно де Жубенвилю, - бог молнии (*taran* в валлийском, корнуэльском и бретонском языках означает "громовой удар"). Вотивные надписи, посвященные этим богам, были найдены в Галлии и Британии. Другие надписи и скульптуры свидетельствуют о существовании в Галлии множества второстепенных и местных божеств, которые для нас сейчас в основном просто имена или даже не имена. В том виде, в котором они дошли до нас, эти представления несут явные следы римского влияния. Скульптуры представляют собой грубые копии римского стиля религиозного искусства. Но мы встречаем среди них фигуры гораздо более дикие и странные - боги с тройными лицами, боги с ветвистыми рогами на лбу, змеи с головами барана и другие непонятные теперь символы более древней веры. Очень примечательно частое появление позы "Будды" со скрещенными ногами, столь распространенной в религиозном искусстве Востока и Мексики, а также тенденция, столь известная в Египте, объединять богов в триады.

Цезарь о кельтских божествах

Цезарь, который пытается вписать галльскую религию в рамки римской мифологии - а именно это делали сами галлы после завоевания, - говорит, что они считали Меркурия главным из богов и смотрели на него как на изобретателя всех искусств, как на божество, возглавляющее торговлю, как на хранителя дорог и проводника путешественников. Можно предположить, что для галлов, как и для римлян, он был проводником мертвых и путешественников в потусторонний мир. Многие бронзовые статуи Меркурия галльского происхождения до сих пор сохранились, и это имя было принято галлами, о чем свидетельствуют многие географические [названия](#)⁷⁰. Аполлон считался [pg 88] божеством медицины и врачевания, Минерва - инициатором искусств и ремесел, Юпитер управлял небом, а Марс руководил войной. Несомненно, здесь Сезар классифицирует по пяти типам и римским именам большое количество галльских божеств.

Бог подземного мира

По словам Цезаря, наиболее заметным божеством галлов был (по римской номенклатуре) Дис, или Плутон, бог подземного мира, населенного мертвыми. От него, как утверждал Цезарь, произошли все галлы, и по этой причине, по словам Цезаря, они начали отсчет двадцати четырех часов дня с наступлением ночи.⁷¹ Имя этого божества не приводится.

Д'Арбуа де Жубенвиль считает, что вместе с Исусом, Тевтатом, Тараном, а в ирландской мифологии - с Балором и фоморами, он олицетворяет силы тьмы, смерти и зла, и кельтская мифология, таким образом, интерпретируется как вариант универсального солярного мифа, воплощающего концепцию вечного конфликта между Днем и Ночью.

Бог света

Бог света появляется в Галлии и Ирландии как Lugh, или Lugus, который оставил свои следы во многих географических названиях, таких как Lug-dunum (Leyden), Lyons и т.д. Луг появляется в ирландской легенде с ярко выраженными солнечными атрибутами. Когда он встречает свое войско перед великой битвой с фоморами, они чувствуют себя, говорится в саге, как будто видят восход солнца. Однако, как мы увидим, он также является богом подземного мира, принадлежащим, как и его мать Этлинн, дочь Балора, к Силам Тьмы.

[pg 89]

Кельтское представление о смерти

Дело в том, что кельтское представление о царстве смерти полностью отличалось от греческого и римского и, как я уже отмечал, напоминало египетскую религию. Потусторонний мир был не местом мрака и страданий, а светом и освобождением. Солнце было таким же богом того мира, как и этого. Зло, боль и мрак, несомненно, существовали, и, несомненно, эти принципы были воплощены ирландскими кельтами в их мифах о Балоре и фоморах, о которых мы еще услышим; но то, что они особенно ассоциировались с идеей смерти, я считаю ложным предположением, основанным на ошибочных аналогиях, взятых из представлений классических народов. Здесь кельты следовали североафриканским или азиатским представлениям, а не европейским ариям. Только осознав, что кельты, какими мы их знаем в истории, начиная с распада средневропейской кельтской империи и далее, представляли собой уникальную смесь арийских и неарийских черт, мы сможем прийти к истинному пониманию их вклада в европейскую историю и влияния на европейскую культуру.

Пять факторов в культуре древних кельтов

Подводя итог изложенным выводам, можно, как мне кажется, выделить пять различных факторов в религиозной и интеллектуальной культуре кельтских земель, какими мы их находим до притока классических или христианских влияний. Во-первых, перед нами масса народных суеверий и магических обрядов, включая человеческие жертвоприношения. В разных местах они варьировались в большей или меньшей степени, но в основном были связаны с местными особенностями, которые считались воплощением или проводниками божественной или дьявольской силы. Во-вторых, несомненно, существовало [pg 90] вдумчивое и философское вероучение, главным объектом поклонения которого было Солнце, как эмблема божественной силы и постоянства, а главной доктриной - бессмертие души. В-третьих, существовало поклонение олицетворенным божествам - Исусу, Тевтату, Лугу и другим, которые представляли собой природные силы или хранителей общественных законов. В-четвертых, на римлян произвело глубокое впечатление существование среди друидов квазинаучного учения о природных явлениях и устройстве Вселенной, о деталях которого мы, к сожалению, практически ничего не знаем. Наконец, мы должны отметить преобладание священнической организации, которая управляла всей системой религиозного и светского образования и [литературы](#)⁷², которая тщательно ограничивала это образование привилегированной кастой, и которая, в силу своего интеллектуального превосходства и атмосферы религиозного благоговения, которой она была окружена, стала

главной властью, социальной, политической и религиозной, в каждой кельтской стране. Я говорил об этих элементах как об отдельных, и мы действительно можем различать их в мыслях, но на практике они были неразрывно переплетены, и друидическая организация пронизывала и упорядочивала все. Можем ли мы теперь, спрашивается, различить, что среди них кельтского, а что докельтского и, вероятно, неарийского происхождения? Это более сложная задача; однако, учитывая все аналогии и вероятности, я думаю, мы не ошибемся, если отнесем к мегалитическому народу особые доктрины, ритуал и сакральную организацию друидизма, а к кельтскому элементу - персонифицированные божества, с жаждой познания и спекуляций; в то время как народные суеверия были лишь локальной формой, принятой концепциями, столь же широко распространенными, как и человеческая раса.

[pg 91]

Кельты наших дней

Ввиду несомненно смешанного характера населения, называемого в наши дни "кельтским", часто утверждается, что это название не имеет никакого отношения к этнологическим фактам. Мол, кельтов, сражавшихся с Цезарем в Галлии и с англичанами в Ирландии, больше нет - они погибли на тысяче полей сражений от Алезии до Бойна, а вместо них на поверхность вышла более древняя расовая прослойка. Настоящих кельтов, согласно этому мнению, можно найти только в высоких румяных горцах Пертшира и северо-западной Шотландии, а также в нескольких семьях старой правящей расы, все еще сохранившихся в Ирландии и Уэльсе. Во всем этом, я думаю, следует признать, есть большая доля правды. Однако не следует забывать, что потомки мегалитических людей в наши дни, с физической стороны, глубоко пропитаны кельтской кровью, а с духовной - кельтскими традициями и идеалами. И опять же, обсуждая эти вопросы расового характера и его происхождения, никогда не следует полагать, что характер народа можно проанализировать, как анализируют химическое соединение, раз и навсегда зафиксировав его составные части и определив его будущее поведение и судьбу. Расовый характер, каким бы сильным и стойким он ни был, не является мертвой вещью, отлитой в железной форме и впоследствии неспособной к изменениям и росту. Он - часть живых сил мира; он пластичен и жизненно важен; в нем скрыты потенции, которые различные причины, такие как удачное скрещивание с другой, но не слишком отличной породой, или - в другой сфере - принятие нового религиозного или социального идеала, могут в любой момент раскрыть и привести в действие.

В одном я лично убежден: над проблемой этического, социального и интеллектуального развития людей, составляющих так называемую [pg 92] "кельтскую окраину" Европы, следует работать по кельтскому образцу; поддерживая кельтскую традицию, кельтскую литературу, кельтскую речь - словом, поощряя все те кельтские черты, единственным сознательным наследником и хранителем которых является сейчас эта смешанная раса. На это она откликнется, этим она может быть глубоко тронута; урожай никогда не подводил тех, кто с мужеством и верой вбивал свой плуг в это богатое поле. С другой стороны, для того чтобы эта работа была успешной, она не должна выполняться в педантичном, узком, нетерпимом духе; не должно быть цепляния за внешние формы прошлого только потому, что кельтский дух когда-то нашел в них выражение. Не стоит забывать, что в раннем Средневековье кельты из Ирландии были самыми заметными исследователями, самыми заметными пионерами религии, науки и спекулятивной мысли в Европе.⁷³ Современные исследователи проследили следы их света на половине языческого континента, а школы Ирландии были переполнены иностранными учениками, которые нигде больше не могли получить

образование. Тогда кельтский дух играл свою истинную роль в мировой драме, и большей роли он никогда не играл. Наследие этих людей следует беречь, но не как музейную диковинку; ничто не может быть более противным их свободному, смелому, авантюрному духу, чем позволить этому наследию окаменеть в руках тех, кто претендует на наследство их имени и славы.

Мифическая литература

После содержащегося в этой и предыдущей главах очерка ранней истории кельтов и сил, [pg 93] которые ее сформировали, мы перейдем к изложению мифической и легендарной литературы, в которой их дух живет и сияет наиболее полно. Здесь мы не будем касаться литературы, которая не является кельтской. Все, что другие народы сделали из мифов и сказаний, изначально кельтских, - например, артурианские легенды, - нам здесь делать нечего. Никто теперь не может сказать, сколько в них кельтского, а сколько нет. А в подобных вопросах, как правило, именно окончательная переработка имеет реальное значение и ценность. Все, что мы даем, мы даем без дополнений и переделок. Истории, конечно, часто приходится обобщать, но в них не должно быть ничего, что не пришло непосредственно из кельтского сознания и не существует сегодня в той или иной разновидности кельтского языка, гэльской или кимрской.

[стр. 94]

ГЛАВА III: МИФЫ ИРЛАНДСКОГО ВТОРЖЕНИЯ

Кельтская космогония

Среди тех тайных доктрин о "природе вещей", которые, как говорит нам Сезар, друиды никогда не записывали, было ли что-нибудь в природе космогонии, какого-нибудь рассказа о происхождении мира и человека? Несомненно, было. Было бы странно, если бы у кельтов, одних среди всех рас мира, не было никакого мифа о мире. Зрелище вселенной со всеми ее огромными и загадочными явлениями на небе и на земле вызывало у каждого народа, способного к тому или иному, сначала воображение, а затем умозрительный разум. Кельты обладали и тем, и другим в избытке, однако, за исключением одной фразы о "неразрушимости" мира, переданной нам Страбоном, мы ничего не знаем ни об их ранних фантазиях, ни об их рассуждениях на эту тему. Ирландия обладает обширной легендарной литературой. Все это, несомненно, приняло свою нынешнюю форму в христианские времена; однако в ней сохранилось столько существенного язычества, что было бы странно, если бы под влиянием христианства из этих древних текстов было вычеркнуто все, что указывало на нехристианскую концепцию происхождения вещей, - если бы христианские редакторы и передатчики никогда не дали нам даже малейшего проблеска существования такой концепции. Но дело в том, что они его не дают; в древнейшей легендарной литературе ирландских гэлов, которая является самой старой из существующих кельтских литератур, нет ничего, что соответствовало бы вавилонскому завоеванию Хаоса, или дикому норвежскому мифу о создании Мидгарда из трупа Ймира, или египетскому сотворению вселенной из первобытной воды Тотом, Словом Божьим, или даже примитивному фольклору [pg 95] концепций, встречающихся почти в каждом дикарском племени. В том, что у друидов была какая-то доктрина на этот счет, сомневаться не приходится. Но, решительно ограничив его рамками посвященных и запретив все мирские спекуляции на эту тему, они, похоже, полностью подавили инстинкт мифотворчества в отношении вопросов космогонии среди

всего народа и обеспечили, что когда их собственный орден погибнет, их учение, каким бы оно ни было, должно умереть вместе с ними.

Поэтому в ранних ирландских рассказах о начале вещей мы видим, что рассказчики начинают не с мира, а с собственной страны, с Ирландии. К этим повествованиям о ранних вторжениях и колонизациях было принято добавлять рассказ из Писания о сотворении мира и человека, и это показывает, что нечто подобное было необходимо; но что занимало место библейского повествования в дохристианские времена, мы не знаем и, к сожалению, теперь уже вряд ли узнаем.

Циклы ирландской легенды

Ирландская мифическая и легендарная литература, как мы имеем ее в наиболее древней форме, можно сказать, делится на четыре основных раздела, которых мы и будем придерживаться в нашем изложении в этом томе. В хронологическом порядке это Мифологический цикл, или Цикл вторжений, Ультонский или Конорийский цикл, Оссианский или Фенийский цикл, а также множество разнообразных сказаний и легенд, которые трудно вписать в какие-либо исторические рамки.

Мифологический цикл

Мифологический цикл состоит из следующих разделов:

[pg 96]

1. Приход Партолана в Ирландию.
2. Приход Немеда в Ирландию.
3. Приход Фирболгов в Ирландию.
4. Вторжение Туатха Де Дананн, или народа бога Дана.
5. Вторжение милезийцев (сыновей Миледа) из Испании и завоевание ими народа Дана.

С милезийцев мы начинаем входить в нечто похожее на историю - в ирландской легенде они представляют кельтскую расу; предполагается, что от них произошли правящие семьи Ирландии. Народ Дана - это, очевидно, боги. Доданайские поселенцы или захватчики - огромные призрачные фигуры, смутно вырисовывающиеся сквозь туман традиции и не имеющие четкой характеристики. Рассказы о них многочисленны и противоречивы, и мы можем привести здесь только самые древние повествования.

Пришествие Партолана

Кельты, как мы узнали от Цезаря, считали себя потомками бога подземного мира, бога мертвых. Считается, что Партолан пришел в Ирландию с запада, где за бескрайним Атлантическим океаном располагалась Ирландская сказочная страна, страна живых, то есть страна счастливых мертвецов. Его отца звали Сера (? Запад). Он прибыл со своей королевой [Дални74](#) и множеством спутниц обоего пола. Ирландия - и это образный штрих, призванный навести на мысль о чрезвычайной древности, - тогда физически была совсем другой страной, нежели сейчас. Тогда в Ирландии было всего три озера, девять рек и только одна равнина. Другие озера были постепенно добавлены [pg 97] во время правления Партоланов. Одно из них, озеро Рури, как говорят, вырвалось наружу, когда рыли могилу для Рури, сына Партолана.

Фоморы

Говорят, что партоланам пришлось сражаться со странной расой, называемой фоморианами, о которых мы еще услышим в последующих частях этой книги. Это был огромный, неправильной формы, жестокий и свирепый народ, представлявший, надо полагать, силы зла. Один из них носил имя Кенчос, что означает "Безногий", и, таким образом, был связан с Витрой, богом зла в ведантистской мифологии, у которого не было ни ног, ни рук. С целым сонмом этих демонов Партолан сражался за владычество над Ирландией и изгнал их за северные моря, откуда они время от времени досаждали стране при ее последующих правителях.

Кончилось все тем, что род Партолана поразил мор, и, собравшись на Старой равнине (Сенмаг), чтобы удобнее было хоронить своих мертвых, они все погибли там, а Ирландия вновь осталась пустой для повторного заселения.

Легенда о Туане Мак Карелле

Кто же рассказал эту историю? Это заставляет нас упомянуть об одной очень любопытной и интересной легенде - одной из многочисленных легендарных повествований, в которых дошли до нас эти сказания мифического периода. Она содержится в так называемой "Книге коровы Дун", рукописи, датируемой примерно 1100 годом н. э., и называется "Легенда о Туане Мак Карелле".

Святой Финнен, ирландский аббат VI века, по преданию, отправился искать гостеприимства у вождя по имени Туан мак Карелл, который жил неподалеку от монастыря Финнена в Мовилле, графство Донегал. Донегал. Туан отказал ему [pg 98] в приеме. Тогда святой сел на пороге дома вождя и постился целое [воскресенье](#)⁷⁵, после чего угрюмый воин-язычник открыл ему дверь. Между ними установились добрые отношения, и святой вернулся к своим монахам.

"Туан - отличный человек, - сказал он им, - он придет к вам, утешит вас и расскажет вам старые истории Ирландии" [76](#).

Этот гуманный интерес к старым мифам и легендам страны, как можно заметить, является столь же постоянной, сколь и приятной чертой в литературе раннего ирландского христианства.

Вскоре после этого Туан нанес ответный визит святому и пригласил его и его учеников в свою крепость. Они спросили его о имени и родословной, и он дал поразительный ответ. "Я человек из Ольстера", - сказал он. "Меня зовут Туан сын Карелла. Но когда-то меня звали Туан сын Старна, сына Сера, а мой отец, Старн, был братом Партолана".

"Расскажи нам историю Ирландии", - сказал тогда Финнен, и Туан начал. Партолан, сказал он, был первым из людей, поселившихся в Ирландии. После великого мора, о котором уже рассказывалось, он один остался в живых, "ибо не бывает такой бойни, из которой не вышел бы один человек, чтобы рассказать о ней". Туан был один в стране, и он скитался от одной пустующей крепости к другой, от скалы к скале, ища убежища от волков. Двадцать два года прожил он в одиночестве, обитая в пустынных местах, пока наконец не впал в крайнюю дряхлость и старость.

"Тогда Немед, сын Агномана, вступил во владение Ирландией. Он [Агноман] был братом моего отца. Я [pg 99] видел его со скал и все время избегал его. Я был длинноволосым, когтистым, дряхлым, седым, голым, жалким, несчастным. Однажды вечером я заснул, а когда

проснулся, то превратился в оленя. Я снова был молод и весел сердцем. Тогда я запел о приходе Немед и его рода, а также о своем собственном преображении..... "Я облекся в новую форму, в кожу грубую и серую. Победа и радость легки для меня; совсем недавно я был слаб и беззащитен".

Затем Туан становится королем всех оленей Ирландии, и так оставалось все дни Немед и его рода.

Он рассказывает, как немедийцы отплыли в Ирландию на флоте из тридцати двух барков, в каждом из которых было по тридцать человек. Они плутали по морям полтора года, и большинство из них погибло от голода и жажды или в результате кораблекрушения. Спаслись только девять человек - сам Неймед с четырьмя мужчинами и четырьмя женщинами. Они высадились в Ирландии и со временем увеличили свою численность до 8060 мужчин и женщин. Затем все они таинственным образом умерли.

И снова старость и дряхлость обрушились на Туана, но его ждало еще одно превращение. "Однажды я стоял у устья своей пещеры - я до сих пор помню это - и понял, что мое тело изменилось, приняв другую форму. Я был диким кабаном. И я спел об этом песню:

"Сегодня я вепрь..... Было время, когда я сидел в собрании, выносящем приговоры Партолану. Ее пели, и все хвалили мелодию. Как приятен был звон моих блестящих суждений! Как приятен он был прекрасным девушкам! Моя колесница ехала величественно и красиво. Мой голос был серьезен и сладок. Мой шаг был быстрым и твердым в битве. Мое лицо было полно очарования. А сегодня, вот! Я превратился в черного вепря".

"Вот что я сказал. Да, несомненно, я был диким вепрем. Затем я снова стал молодым, и я был рад. Я [pg 100] был королем кабаньих стад в Ирландии; и, верный любому обычаю, я обходил свою обитель, когда возвращался в земли Ольстера, в те времена, когда на меня обрушивались старость и нищета. Ведь именно там всегда происходили мои превращения, и потому я возвращался туда, чтобы дожидаться обновления своего тела".

Далее Туан рассказывает, как Семион, сын Стариата, поселился в Ирландии, от него произошли Фирболги и еще два племени, сохранившиеся до исторических времен. Снова наступает старость, силы покидают его, и он претерпевает очередное превращение; он становится "великим морским орлом" и снова радуется возрожденной молодости и бодрости. Затем он рассказывает, как появился народ Дана, "боги и лжебоги, от которых, как всем известно, произошли ирландские ученые мужи". После них пришли сыновья Миледа, которые покорили народ Дана. Все это время Туан сохранял облик морского орла, пока однажды, обнаружив, что ему предстоит очередное превращение, не постился девять дней; "затем на меня напал сон, и я превратился в лосося". Он радуется своей новой жизни, много лет избегая ловушек рыбаков, пока наконец его не поймал один из них и не привел к жене Карелла, вождя страны. "Женщина возжелала меня и съела сама, целиком, так что я перешел в ее чрево". Он рождается заново и становится Туаном, сыном Карелла; но память о его предыдущем существовании, обо всех его превращениях и обо всей истории Ирландии, свидетелем которой он был со времен Партолана, все еще остается с ним, и он преподает все это христианским монахам, которые бережно хранят их.

Эта дикая сказка с атмосферой седой древности и детского удивления напоминает нам о превращениях валлийского Талиессина, который тоже стал орлом, [pg 101] и указывает на доктрину переселения души, которая, как мы видели, преследовала воображение кельтов.

Теперь нам предстоит добавить несколько деталей к наброску последовательных колонизаций Ирландии, составленному Туаном мак Кареллом.

Немедийцы

Немедийцы, как мы уже видели, были сродни партоланам. Оба они пришли из таинственных областей мертвых, хотя более поздние ирландские предания, пытавшиеся примирить эту мифическую материю с христианством, придумали для них происхождение от патриархов из Писания и земные земли, такие как Испания или Скифия. И тем, и другим приходилось постоянно сражаться с фоморами, которых поздние легенды выдают за пиратов из-за моря, но которые, несомненно, являются божествами, олицетворяющими силы тьмы и зла. Не существует легенды о том, что фоморы пришли в Ирландию, и они ни в какое время не считались постоянной частью населения. Они существовали вместе с самим миром. Немед победоносно сражался с ними в четырех великих битвах, но вскоре после этого умер от чумы, которая унесла с собой 2000 его людей. После этого фоморы смогли установить свою тиранию над Ирландией. В этот период у них было два короля - Морк и Конанн. Оплотом власти фоморианцев был остров Тори, который возвышается дикими скалами и обрывами в Атлантике у побережья Донегала - подходящее место для этой расы тайн и ужаса. Они взимали непосильную дань с народа Ирландии, две трети всего молока и две трети детей этой земли. Наконец немедийцы поднимают восстание. Во главе с тремя вождями они высаживаются на острове Тори, захватывают башню Конанна, а сам Конанн падает от [pg 102] руки вождя немедийцев Фергуса. Но в этот момент в битву вступает Морк со свежим войском и полностью уничтожает немедийцев, которые погибают все, кроме тридцати человек:

"Все мужчины Эрина были в битве,

после прихода фоморийцев;

Всех их поглотило море,

Остались только трижды десять".

Поэма Эохи О'Фланна, ок. 960 Г. Н.Э.

Тридцать оставшихся в живых покидают Ирландию в отчаянии. Согласно древнейшему поверью, они погибли полностью, не оставив потомков, но более поздние рассказы, которые пытаются сделать из всех этих мифов трезвую историю, представляют одну семью, семью вождя Британа, как поселившуюся в Великобритании и давшую название этой стране, а две другие вернулись в Ирландию после долгих скитаний как Фирболги и Люди Дана.

Приход Фирболгов

Кем были Фирболги и что они представляли собой в ирландской легенде? Название, по-видимому, означает "Люди из мешков", и в более поздние времена для его объяснения была придумана легенда. Говорили, что, поселившись в Греции, они подверглись притеснениям со стороны жителей этой страны, которые поставили их носить землю из плодородных долин на скалистые холмы, чтобы сделать из последних пашню. Они выполняли свою задачу с помощью кожаных мешков; но в конце концов, устав от притеснений, они сделали из своих мешков лодки или корабли и отплыли на них в Ирландию. Ненний, однако, говорит, что они пришли из Испании, поскольку, по его мнению, все различные расы, населявшие Ирландию,

изначально пришли из Испании; а "Испания" у него - это рационалистическая интерпретация кельтских слов, обозначающих Землю мертвых.⁷⁷ Они пришли тремя [pg 103] группами, Фир-Болг, Фир-Домнан и Галиоин, которые обычно обозначаются как Фирболги. Они не играют большой роли в ирландской мифической истории, и на протяжении всего времени им присущ определенный характер раболепия и неполноценности.

Один из их королей, [Эочи](#)⁷⁸ мак Эрк, взял в жены Тальтиу, или Телту, дочь короля "Великой равнины" (Земли мертвых). У Телты был дворец в месте, которое сейчас называется в ее честь Телтаун (правильно Телтин). Там она умерла, и даже в средневековой Ирландии в ее честь ежегодно проводилось большое собрание или ярмарка.

Приход людей Дана

Теперь мы переходим к самому интересному и важному из мифических захватчиков и колонизаторов Ирландии - народу Дана. Название Туатха Де Дананн означает буквально "народ бога, чья мать - Дана". Дана также иногда носит другое имя - Бригит, богиня, которую языческая Ирландия очень почитала, и чьи черты во многом переданы в легенде христианской святой Бригит шестого века. Ее имя также встречается в галльских надписях как "Brigindo", а в нескольких британских - как "Brigantia". Она была дочерью верховного главы народа Дана, бога Дагды, "Доброго". У нее было три сына, у которых, как говорят, был один общий единственный сын по имени Экне, то есть "Знание" или "Поэзия".⁷⁹ Таким образом, можно сказать, что Экне - это бог, чьей матерью была Дана, а раса, которой она дала свое имя, является самым ярким представителем [pg 104] сил Света и Знания, которые мы имеем в ирландских мифах. Следует помнить, что только среди всех этих мифических рас Туан Мак Карелл дал народу Даны имя "боги". Однако в том виде, в котором ирландские легенды о них дошли до нас, они предстали не как боги. Христианское влияние низвело их до ранга фей или отождествило с падшими ангелами. Они были покорены милесианами, которые представляются как совершенно человеческая раса, и которые до недавнего времени поддерживали с ними всевозможные любовные и военные отношения. Однако даже в поздних легендах народ Дана предстает в некотором великолепии и возвышенности, напоминая о том высоком положении, с которого он был свергнут.

Народные и бардовские представления

Не следует также забывать, что народное представление о данайских божествах, вероятно, во все времена отличалось от бардовского и друидического, или, другими словами, ученого, представления. Последняя, как мы увидим, представляет их как богов-предводителей науки и поэзии. Это не народная идея; это плод кельтского, арийского воображения, вдохновленного строго интеллектуальной концепцией. Простые люди, представлявшие в основном мегалитический элемент населения, по-видимому, представляли свои божества как земные силы -ei terreni, как они прямо названы в "Книге Армага" VIII [века](#)⁸⁰, - [председательствовавшие](#) не над наукой и поэзией, а скорее над сельским хозяйством, контролировавшие плодородие земли и воды и обитавшие в холмах, реках и озерах. В бардовской литературе арийская идея занимает видное место; другую можно найти в бесчисленных народных сказках и народных приметах; но, конечно, в каждом случае приходится сталкиваться со значительным [pg 105] взаимопроникновением двух концепций - между ними не было резкой разделительной линии в древние времена, и ее нельзя провести сейчас.

Сокровища данайцев

Туан Мак Карелл говорит, что они пришли в Ирландию "с небес". В более поздней традиции это переплелось с рассказом о том, как они возникли из четырех великих городов, чьи названия дышат феерией и романтикой - Фалиас, Гориас, Финиас и Муриас. Здесь они учились наукам и ремеслам у великих мудрецов, один из которых был возведен на престол в каждом городе, и из каждого они привезли с собой волшебное сокровище. Из Фалиаса привезли камень, называемый Лиа Фейл, или Камень Судьбы, на котором стояли верховные короли Ирландии, когда их короновали, и который, как считалось, подтверждал избрание законного монарха, грохоча под ним, когда он занимал свое место на нем. Настоящий камень, который использовался при открытии царствования, с незапамятных времен находился в Таре и был отправлен оттуда в Шотландию в начале шестого века для коронации Фергуса Великого, сына Эрка, который умолял своего брата Муртага Мак Эрка, короля Ирландии, одолжить его. Древнее пророчество гласило, что там, где находится этот камень, должен воцариться король скотской (то есть ирландско-милезийской) расы. Это и есть тот самый знаменитый камень из Скоуна, который так и не вернулся в Ирландию, а был перевезен в Англию Эдуардом I в 1297 году и теперь является Коронационным камнем в Вестминстерском аббатстве. Старое пророчество также не оправдалось, поскольку через Стюартов и Фергуса Мак Эрка можно проследить происхождение британской королевской семьи от исторических королей Милезийской Ирландии.

Вторым сокровищем данайцев был непобедимый меч Луга Длинной Руки, о котором мы услышим позже, и этот меч прибыл из города [pg 106] Гориаса. Из Финиаса пришло волшебное копье, а из Муриаса - Котел Дагды, сосуд, который обладал тем свойством, что мог накормить целую толпу людей, никогда не опустошаясь.

С этими владениями, согласно версии, приведенной в "Книге вторжений", народ Дана пришел в Ирландию.

Данайцы и Фирболги

Они были занесены на землю волшебным облаком и впервые появились в Западном Коннахте. Когда облако рассеялось, Фирболги обнаружили их в лагере, который они уже укрепили в Мойрейне.

Фирболги отправили одного из своих воинов по имени Сренг, чтобы тот побеседовал с таинственными новоприбывшими; а народ Дана, со своей стороны, отправил воина по имени Брес, чтобы тот представлял их. Послы с большим интересом осмотрели оружие друг друга. Копья данайцев, как нам сказали, были легкими и остроконечными, а копья Фирболгов - тяжелыми и тупыми. Противопоставление силы науки и грубой силы - вот очевидный замысел легенды, и мы вспоминаем греческий миф о борьбе олимпийских богов с титанами.

Брес предложил Фирболгу разделить Ирландию поровну между двумя расами и объединиться, чтобы в будущем защищать ее от всех желающих. Затем они обменялись оружием и вернулись каждый в свой лагерь.

Первая битва при Мойтуре

Фирболги, однако, не были впечатлены превосходством данайцев и решили отказаться от их предложения. Сражение произошло на равнине [Мойтура](#)⁸¹ [pg 107] на юге Ко-Майо, недалеко от места, которое сейчас называется Конг. Фирболгов возглавлял их король Мак Эрк, а данайцев - Нуада из Серебряной Руки, получивший свое имя благодаря одному из эпизодов этой битвы. Говорят, что в бою ему отрубили руку, и один из искусных мастеров,

которыми изобиливали ряды данайцев, сделал ему новую из серебра. С помощью своих магических и лечебных искусств данайцы одержали победу, а царь Фирболгов был убит. Но затем последовало разумное соглашение: Фирболгам выделили провинцию Коннахт, а данайцам досталась остальная Ирландия. Уже в XVII веке летописец Мак Фирбис обнаружил, что многие жители Коннахта ведут свое происхождение от тех самых Фирболгов. Вероятно, они были настоящей исторической расой, и конфликт между ними и народом Дана может быть фрагментом реальной истории, наделенной некоторыми чертами мифа.

Изгнание короля Бреса

Нуада из Серебряной Руки должен был стать правителем данайцев, но его увечье запрещало это, так как ни один человек с дефектами не мог быть королем в Ирландии. Поэтому данайцы выбрали себе в правители Бреса, который был сыном данайской женщины по имени Эри, но отец которого был неизвестен. Это был другой Брес, не тот посланник, который заключил договор с Фирболгами и был убит в битве при Мойтуре. Брес, хотя и был силен и красив на вид, не обладал даром короля, ибо не только позволил врагу Ирландии, фоморам, возобновить угнетение и налогообложение в стране, но и сам облагал своих подданных высокими налогами; и был настолько скуп, что не оказывал гостеприимства ни вождям, ни знати, ни арфистам. Отсутствие щедрости и гостеприимства всегда считалось худшим из пороков [pg 108] в ирландском принце. Рассказывают, что однажды к его двору прибыл поэт Корпри, который оказался в маленькой, темной комнате без огня и мебели, где после долгой задержки ему подали три сухих лепешки и ни капли эля. В отместку он сочинил сатирическое четверостишие, посвященное своему грубому хозяину:

"Без еды, поданной быстро,

Без молока коровьего, на котором теленок может расти,

Без жилища, пригодного для человека в мрачную ночь,

Без средств для развлечения бардовской компании...

Да будет таково состояние Бреса".

Считалось, что поэтическая сатира в Ирландии обладает некой магической силой. Короли боялись ее; даже крысы могли быть истреблены ею.⁸² Это четверостишие Корпри с восторгом повторялось в народе, и Бресу пришлось отказаться от своей гарантии. Считалось, что это первая сатира, когда-либо созданная в Ирландии. Тем временем, поскольку Нуада получил свою серебряную руку благодаря искусству своего лекаря Дианшета, или, как гласят некоторые версии легенды, еще более великий лекарь, сын Дианшета, заставил настоящую руку вновь прирасти к культе, он был избран королем вместо Бреса.

Последний в гневе и обиде обратился к своей матери Эри, умоляя ее дать ему совет и рассказать о своей родословной. Тогда Эри объявила ему, что его отец - Элата, царь фоморов, который тайно пришел к ней из-за моря, а уходя, подарил ей кольцо, повелев никогда не дарить его никому, кроме того, на чей палец оно подойдет. Она принесла кольцо, и оно подошло Бресу, который вместе с ней спустился на берег, где высадился фоморский любовник, и они вместе отплыли к дому его отца.

Тирания фоморианцев

Элатха узнал кольцо и дал своему сыну войско, с которым тот должен был вновь завоевать Ирландию, а также послал его за помощью к величайшему из фоморских королей, Балору. Балор был прозван "Злым глазом", потому что взгляд его одного глаза мог убить, как молния, тех, на кого он смотрел в гневе. Однако он был уже так стар и немощен, что огромное веко опустилось над смертоносным глазом, и его приходилось поднимать с помощью веревок и шкивов, когда наступало время обратить его на врагов. Нуада не смог выстоять против него, как Брес в бытность свою королем; а страна все еще стонала под гнетом фоморов и жаждала защитника и искупителя.

Пришествие Луга

Теперь в мифе появляется новая фигура, не кто иной, как Луг, сын Киана, бог Солнца par excellence всей Кельтики, чье имя мы все еще можем найти во многих исторических местах на континенте.⁸³ Чтобы объяснить его появление, мы должны на мгновение оставить древние рукописные авторитеты, которые здесь неполны, и должны дополнить их народным преданием, которое, к счастью, было обнаружено и записано в устной форме в девятнадцатом веке великим ирландским антикваром О'Донованом.⁸⁴ [pg 110] В этой народной сказке сохранились имена Балора и его дочери Этлинн (последнее в форме "Ethnea"), а также имена некоторых других мифических персонажей, но имя отца Луга слабо повторяется в Маккинили; имя самого Луга забыто, а смерть Балора описана в манере, не соответствующей древнему мифу. В рассказе, который я привожу здесь, сохраняются старинные имена и мифические очертания, но они дополняются там, где это необходимо, из народной сказки, опуская из последней те современные черты, которые не согласуются с мифом.

Итак, история гласит, что Балор, фоморский король, услышал в друидическом пророчестве, что его убьет внук. Его единственным ребенком была дочь-младенец по имени Этлинн. Чтобы предотвратить гибель, он, как и Акрисий, отец Данаи в греческом мифе, заточил ее в высокую башню, которую построил на обрывистом мысу Тор-Мор на острове Тори. Он отдал девушку под присмотр двенадцати матрон, которым было строго-настрого поручено не позволять ей видеть человеческие лица или даже узнать, что существуют существа другого пола, чем она сама. В этом уединении Этлинн выросла - как и все принцессы, живущие в заточении, - и превратилась в девицу непревзойденной красоты.

Случилось так, что на материке жили три брата: Киан, Саван и Гобан Кузнец, великий оружейник и искусник из ирландского мифа, который соответствует Вейланду Смиту в германской легенде. У Киана была волшебная корова, молоко которой было настолько обильным, что каждый жаждал обладать ею, и ему приходилось держать ее под строгой охраной.

Балор решил завладеть этой коровой. Однажды Киан и Саван пришли в кузницу, чтобы сделать для себя оружие, и принесли с собой прекрасную сталь. Киан ушел в кузницу, оставив [pg 111] Савана присматривать за коровой. Тут появился Балор, принявший облик маленького рыжеволосого мальчика, и рассказал Савану, что он подслушал, как братья в кузнице придумывали план, как использовать всю прекрасную сталь для своих мечей, оставив Савану только обычный металл. Последний в ярости отдал мальчику коровью привязь и бросился в кузницу, чтобы положить конец этому гнусному замыслу. Балор тут же схватил корову и потащил ее через море на остров Тори.

Киан решил отомстить Балору и для этого обратился за советом к друидессе по имени Бирог. Переодевшись в женскую одежду, он с помощью магических заклинаний переплыл море, где сопровождавшая его Бирог представилась опекунам Этлинн, что они - две благородные

дамы, выброшенные на берег при побеге от похитителя, и попросила приюта. Их приняли; Киан нашел способ получить доступ к принцессе Этлинн, пока матроны были уложены Бирогом под чары заколдованного сна, а когда они проснулись, Киан и друидесса исчезли, как и пришли. Но Этлинн подарила Киану свою любовь, и вскоре ее опекуны обнаружили, что она беременна. Опасаясь гнева Балора, матроны убедили ее, что все это было лишь сном, и ничего не сказали об этом; но в положенный срок Этлинн родила трех сыновей.

Весть об этом событии дошла до Балора, и в гневе и страхе он приказал утопить трех младенцев в водовороте у ирландского побережья. Гонец, которому было поручено выполнить это повеление, завернул детей в простыню, но когда он нес их к назначенному месту, булавка простыни оторвалась, и один из детей выпал и упал в маленькую бухту, называемую по сей день Порт-на-Делиг, или Пристанище Булавки. Двое других [pg 112] были должным образом утоплены, и слуга доложил, что его миссия выполнена.

Но ребенок, упавший в бухту, был под охраной друидессы, которая доставила его в дом отца, Киана, а Киан отдал его на воспитание своему брату-кузнецу, который обучил ребенка своему ремеслу и сделал его искусным во всех ремеслах и работах. Этого ребенка звали Луг. Когда он вырос до юношеского возраста, данайцы отдали его в подчинение Дуаху, "Темному", королю Великой равнины (Сказочной страны, или "Страны живых", которая также является Страной мертвых), и здесь он жил, пока не достиг зрелого возраста.

Луг, конечно же, был назначенным искупителем народа данаев от их рабства. О его пришествии рассказывается в истории, которая раскрывает солнечные атрибуты универсальной силы и показывает его, как и Аполлона, как божество-предводитель всех человеческих знаний, всех художественных и медицинских навыков. Он пришел, как рассказывается, чтобы поступить на службу к Нуаде из Серебряной Руки, и когда привратник в царском дворце Тары спросил его, что он умеет делать, тот ответил, что он плотник.

"Нам не нужен плотник, - сказал привратник, - у нас есть отличный плотник Лухта, сын Лухада". "Я тоже кузнец", - сказал Луг. "У нас уже есть мастер-кузнец", - сказал привратник. "Тогда я воин", - сказал Луг. "Нам он не нужен, - сказал привратник, - пока у нас есть Огма". Далее Луг перечисляет все профессии и искусства, какие только может придумать: поэт, арфист, ученый, лекарь, прядильщик и так далее, - и всегда получает ответ, что при дворе Нуады уже есть человек, достигший высших успехов в этом искусстве. "Тогда спросите короля, - сказал Луг, - есть ли у него на службе человек, сведущий в каждом из этих искусств, и если есть, я останусь здесь [pg 113] дольше и не буду стремиться войти в его дворец". После этого Луг был принят, и ему была присвоена фамилия Ильданах, что означает "Всеремесленник", князь всех наук; другое имя, которое он обычно носил, было Луг Ламфада, или Луг Длинной Руки. Как отмечает де Жюбенвиль, здесь мы вспоминаем галльского бога, которого Цезарь отождествляет с Меркурием, "изобретателем всех искусств", и которому галлы ставили множество статуй. Ирландский миф дополняет эту информацию и сообщает нам кельтское имя этого божества.

Когда Луг пришел из Страны живых, он принес с собой множество волшебных даров. Это и лодка Мананана, сына морского бога Лира, которая знала мысли человека и могла плыть куда угодно, и конь Мананана, который мог одинаково передвигаться по суше и морю, и страшный меч Фрагарах ("Ответчик"), который мог прорубить любую почту. Так снаряженный, он появился однажды перед собранием данайских вождей, собравшихся платить дань посланцам фоморских угнетателей; и когда данайцы увидели его, то, как говорят, почувствовали себя так, словно увидели восход солнца в сухой летний день. Вместо того чтобы платить дань, они под предводительством Луга напали на фоморийцев, и все они

были убиты, кроме девяти человек, и те были отправлены назад, чтобы сообщить Балору, что данайцы бросили ему вызов и впредь не будут платить дань. Тогда Балор приготовился к битве и велел своим капитанам, когда они покорят данайцев, прикрепить остров тросами к своим кораблям и отбуксировать его далеко на север, в фоморские области льда и мрака, где он больше не будет их беспокоить.

Поиски сыновей Туренна

Луг, со своей стороны, тоже готовился к финальной битве; но для обеспечения победы ему требовались определенные магические инструменты [pg 114], и теперь их нужно было раздобыть. История поиска этих предметов, которая, кстати, рассказывает и о конце отца Луга, Киана, является одной из самых ценных и любопытных в ирландской легенде и входит в триаду мифических сказаний, которые считались цветком ирландской романтики.⁸⁵

Киан, как гласит история, был послан Лугом на север, чтобы призвать боевых людей данайцев в Ольстере к борьбе с фоморами. По пути, пересекая равнину Муртхемни близ Дандалка, он встречает трех братьев, Бриана, Иучара и Иучарбу, сыновей Туренна, между домом которого и домом Киана существовала кровная вражда. Он пытается избежать их, переодевшись в форму свиньи и присоединившись к стаду, которое кочует по равнине, но братья обнаруживают его, и Бриан ранит его броском копья. Киан, понимая, что его конец близок, умоляет позволить ему вернуться в человеческий облик, прежде чем его убьют. "Мне легче убить человека, чем свинью", - говорит Брайан, который в дальнейшем играет главную роль во всех приключениях братьев. Затем Киан предстает перед ними в облике человека, из груди которого струится кровь от копья Брайана. "Я перехитрил вас, - кричит он, - ибо если бы вы убили свинью, то заплатили бы только эрик (штраф за кровь) свиньи, но теперь вы заплатите эрик человека; никогда не было большего эрика, чем тот, который вы заплатите; и оружие, которым вы меня убьете, расскажет историю мстителю за кровь".

"Тогда ты будешь убит совсем без оружия", - [pg 115] говорит Бриан, и они с братьями забивают его камнями до смерти и закапывают в землю глубиной в рост человека.

Но когда вскоре после этого Луг проходит той дорогой, камни на равнине кричат и рассказывают ему об убийстве его отца от рук сыновей Туренна. Он обнаруживает тело и, поклявшись отомстить, возвращается в Тару. Здесь он обвиняет сыновей Туренна перед верховным королем, и ему разрешают казнить их или назвать эрика, которого он примет в качестве освобождения от этого наказания. Луг выбирает эрик и называет его следующим образом, скрывая под именами обычных предметов вещи огромной цены и требующие неслыханных трудов: Три яблока, шкура свиньи, копье, колесница с двумя лошадьми, семь свиней, гончая, вертел для приготовления пищи и, наконец, три крика на холме. Братья обязуются заплатить штраф, и тогда Луг объявляет его значение. Три яблока - это те, что растут в Саду Солнца; свиная шкура - волшебная кожа, которая исцеляет все раны и болезни, если ее надеть на страдальца, и принадлежит она королю Греции; копье - волшебное оружие, принадлежащее королю Персии (эти названия, конечно, всего лишь причудливые обозначения мест в таинственном мире Фаэрии); семь свиней принадлежат королю Асалу из Золотых Столбов; их можно убивать и съедать каждую ночь, а на следующий день найти целыми; вертел принадлежит морским нимфам затонувшего острова Финкори; а три крика должны раздаваться на холме свирепого воина Мокаэна, который со своими сыновьями дал обет не позволять никому возвышать голос на этом холме. Выполнить хотя бы одно из этих предприятий было бы практически невыполнимой задачей, и братья должны осуществить их все, прежде чем они смогут снять с себя вину и наказание за смерть Киана.

Далее повествуется о том, как сыновья Туренна с бесконечной смелостью и находчивостью выполняют одну за другой все свои задачи, но когда все они выполнены, кроме захвата кухонного вертела и трех криков на холме Моказн, Луг с помощью волшебства заставляет их забыться, и они возвращаются в Ирландию со своими сокровищами. Они, особенно копье и свиная шкура, нужны Лугу, чтобы помочь ему в борьбе с фоморами; но его месть не завершена, и, получив сокровища, он напоминает братьям о том, что еще предстоит завоевать. В глубоком унынии они начинают понимать, как с ними играют, и с грустью отправляются в путь, чтобы завоевать, если удастся, остатки Эрика. После долгих скитаний они обнаруживают, что остров Финкори находится не над, а под водой. Брайан в волшебном "водном платье" спускается на него, видит триста пятьдесят нимф в их дворце и забирает золотой вертел с их очага. Испытание на холме Моказн - последнее. После отчаянной схватки, закончившейся гибелью Моказна и его сыновей, смертельно раненные братья возносят свои голоса в трех слабых криках, и таким образом эрик исполняется. Однако, когда они возвращаются в Ирландию, в них еще теплится жизнь, и их престарелый отец Туренн обращается к Лугу с просьбой одолжить волшебную свиную шкуру, чтобы исцелить их; но непримиримый Луг отказывается, и братья вместе с отцом умирают. Так заканчивается эта история.

Вторая битва при Мойтуре

Вторая битва при Мойтуре произошла на равнине на севере провинции Слайго, которая примечательна тем, что на ней до сих пор разбросано множество могильных памятников. Первая битва, конечно же, была той, которую данайцы вели с Фирболгами, а Мойтура, о которой идет речь, находилась гораздо южнее, в Ко. Майо. [pg 117] Битва с фоморийцами описывается с поразительным обилием чудесных происшествий. Мастера данайцев - кузнец Гобан, ремесленник (или ювелир) Кредне и плотник Лухта - с волшебной быстротой чинят сломанное оружие данайцев: три удара молота Гобана делают копье или меч, Лухта прикладывает к нему рукоять, и оно сразу же приклеивается, а Кредне своими щипцами втыкает в него заклепки так же быстро, как он их делает, и они летят на свои места. Раненых исцеляет волшебная свиная кожа. Равнина оглашается шумом битвы:

"Страшен был гром, прокатившийся над полем битвы; крики воинов, битье щитов, звон и лязг мечей, прямых, с рукоятками из слоновой кости, музыка и гармония "дротиков", вздохи и взмахи копий и копий" ⁸⁶.

Смерть Балора

Фоморы приводят своего чемпиона Балора, под взглядом которого падают Нуада из Серебряной Руки и другие данайцы. Но Луг, воспользовавшись случаем, когда веко опустилось от усталости, приблизился к Балору и, когда оно снова начало подниматься, метнул в глаз огромный камень, который вонзился в мозг, и Балор, как и предсказывало пророчество, лежал мертвый от руки своего внука. После этого фоморийцы были полностью разгромлены, и нет никаких сведений о том, что они когда-либо вновь обретали власть или совершали какие-либо масштабные грабежи в Ирландии. Луг, Ильданах, был возведен на престол вместо Нуады, и миф о победе солнечного [pg 118] героя над силами тьмы и грубой силы был завершен.

Арфа Дагды

Здесь можно привести любопытный случай, касающийся власти, которую данайцы могли осуществлять с помощью музыкальных заклинаний. Рассказывают, что летучие фоморийцы взяли в плен арфиста Дагды и унесли его с собой. Луг, Дагда и воин Огма последовали за ними и неизвестно как попали в пиршественный зал фоморийского лагеря. Там они увидели арфу, висевшую на стене. Дагда воззвал к ней, и она тут же перелетела в его руки, убив по пути девять человек фоморян. Обращение Дагды к арфе очень необычно и вызывает некоторое недоумение:

"Приди, яблочко-сладкий журчатель, - взывает он, - приди, четырехугольная рама гармонии, приди, Лето, приди, Зима, из уст арф, мешков и труб" [87](#).

Аллюзия на лето и зиму наводит на мысль о существовавшей в индийской музыке практике приписывания определенных музыкальных ладов разным временам года (и даже разному времени суток), а также о египетской легенде, упоминаемой в "Истории музыки" Берни, где предполагалось, что три струны лиры отвечают соответственно трем временам года - весне, лету и [зиме](#) [88](#).

Когда Дагда завладел арфой, то, как говорится в сказке, сыграл на ней "три благородные струны" [pg 119], которыми должен владеть каждый великий мастер игры на арфе, а именно: струну плача, которая заставляла слушателей рыдать, струну смеха, которая веселила их, и струну дремоты, или колыбельную, которая погружала всех в глубокий сон. И под покровом этого сна данайский чемпион вырвался и сбежал. Можно заметить, что во всей легендарной литературе Ирландии владение музыкой - искусством, влияние которого более всего напоминает таинственное заклинание или дар Фаэри, - является прерогативой народа Дана и его потомков. Так, в "Беседе древних", сборнике рассказов, составленном примерно в XIII или XIV веке, святого Патрика знакомят с менестрелем Каскорахом, "красивым, кудрявым, темнобровым юношей", который играет столь сладостные мелодии, что святой и его свита засыпают. Каскорач, как нам рассказывают, был сыном менестреля из племени данаев. Писец святого Патрика, Бродган, замечает: "Хороший слепок твоего искусства - то, что ты нам подарил". "Он и в самом деле был хорош, - сказал Патрик, - если бы только не зазвучали в нем чары фей, которые в него вселились; за исключением этого ничто не могло бы более походить на небесную гармонию". [89](#) Некоторые из самых красивых старинных ирландских народных мелодий - например, "Кулин" - по преданию, были подслушаны смертными арфистами на празднествах народа фей.

Имена и характеристики божеств Данаана

Я могу завершить рассказ о данайском завоевании некоторым описанием главных данайских богов и их атрибутов, которое будет полезно читателям последующих страниц. Лучшее из того, с чем я знаком, можно найти в "Критической [pg 120] истории Ирландии" мистера Стэндиша О'Грейди. [90](#) Эта работа не менее примечательна своей критической пронизательностью - она была опубликована в 1881 году, когда о научном изучении кельтской мифологии мало кто слышал, - чем истинно бардовским воображением, родственным воображению самих древних мифотворцев, которое воссоздает мертвые формы прошлого и наполняет их дыханием жизни. Широкие очертания, в которых мистер О'Грейди изложил типичные черты главных персонажей данаанского цикла, вряд ли нуждаются в корректировке в наши дни, и они очень пригодились мне при составлении следующего краткого изложения темы.

Дагда

Дагда Мор был отцом и вождем народа Дана. С ним и его деяниями связано определенное представление о необъятном. Во второй битве при Мойтуре его удары сметают целые ряды врагов, а его копье, когда он опускает его на марше, прочерчивает в земле борозду, подобную фоссе, которой отмечают разграбление провинции. В некоторых записях об этом божестве присутствует элемент гротескного юмора. Когда фоморы дают ему пищу во время его визита в их лагерь, кашу и молоко выливают в большую яму в земле, и он ест ее ложкой, достаточно большой, чтобы в ней могли лежать вместе мужчина и женщина. Этой ложкой он выскребает яму, когда каша готова, и беззаботно запихивает в горло землю и гравий. Мы уже видели, что, как и все данайцы, он владеет музыкой, а также другими магическими способностями, и владеет арфой, которая по его зову взлетает в воздух. "Тенденция приписывать жизнь неодушевленным вещам проявляется в гомеровской литературе, но оказывает очень большое влияние в мифологии [pg 121] этой страны. Живое, огненное копье Луга; волшебный корабль Мананана; меч Конари Мора, который пел; меч Кухулина, который говорил; Лиа Фейл, Камень Судьбы, который с радостным ревом падал под ноги законным королям; волны океана, ревушие от ярости и печали, когда королям грозит опасность; воды Эйвон-Диа, замирающие от страха во время могучего поединка между Кухулайном и Фердией, - вот лишь несколько из многих примеров."⁹¹ Легенда более поздних времен рассказывает, как однажды, после смерти великого ученого, все книги в Ирландии упали с полок на пол.

Ангус Ōg

Ангус Ōg (Ангус Молодой), сын Дагды у Боанны (реки Бойн), был ирландским богом любви. Его дворец должен был находиться в Нью-Грейндже, на реке Бойн. Четыре яркие птицы, которые вечно вились вокруг его головы, должны были быть его поцелуями, обретающими прекрасную форму, и под их пение любовь зарождалась в сердцах юношей и девушек. Однажды он заболел от любви к деве, которую увидел во сне. Он рассказал о причине своей болезни своей матери Боанне, которая искала девушку по всей Ирландии, но не смогла ее найти. Тогда позвали Дагду, но и он был в растерянности, пока не призвал на помощь Бова Рыжего, короля данайцев Мунстера - того самого, с которым мы встречались в сказке о детях Лира, и который был искусен во всех тайнах и чарах. Бов взялся за поиски и по прошествии года объявил, что нашел прозорливую деву у озера, называемого Озером Пасти Дракона.

[pg 122]

Ангус отправляется к Бову и, пробыв у него три дня, приводится на берег озера, где видит трижды пятьдесят дев, идущих парами, каждая пара связана цепью из золота, но одна из них выше остальных на голову и плечи. "Это она!" - восклицает Ангус. "Скажи нам, под каким именем она известна". Бов отвечает, что ее зовут Каэр, она дочь Итала Анубала, князя данайцев Коннахта. Ангус сетует, что у него недостаточно сил, чтобы увести ее от ее спутников, но, по совету Бова, обращается за помощью к Айлеллу и Маэв, смертным королем и королеве Коннахта. Затем Дагда и Ангус оба отправляются во дворец Айлелла, который пирует с ними неделю, а затем спрашивает о причине их прихода. На это он отвечает: "Мы не властны над Итамом Анубалом". Однако они отправляют к нему послание, в котором просят руки Каэр для Ангуса, но Итал отказывается отдать ее. В конце концов его осаждают объединенные силы Айлелла и Дагды и берут в плен. Когда Каэр снова требует от него, он заявляет, что не может выполнить просьбу, "ибо она могущественнее меня". Он объясняет, что из года в год она живет попеременно в облике девы и лебедя, "а первого ноября следующего года, - говорит он, - ты увидишь ее со ста пятьюдесятью другими лебедями на озере Пасть Дракона".

Ангус отправляется туда в назначенное время и взывает к ней: "О, приди и поговори со мной!" "Кто зовет меня?" - спрашивает Каэр. Ангус объясняет, кто он такой, и тут же превращается в лебедя. Это знак согласия, и он погружается в воду, чтобы соединиться со своей любовью в озере. После этого они вместе летят во дворец на Бойне, издавая при этом такую божественную музыку, что все слушатели засыпают на три дня и ночи.

Ангус - особое божество и друг прекрасных [pg 123] юношей и девиц. Дэрмот из Точки Любви, последователь Финна мак Кумхала и любовник Грании, о котором мы услышим позже, был воспитан вместе с Ангусом во дворце на Бойне. Он был типичным любовником ирландской легенды. Когда он был убит диким кабаном в Бен-Бульбене, Ангус оживил его и унес с собой, чтобы разделить с ним бессмертие в своем сказочном дворце.

Лен из Килларни

О Бове Рыжем, брате Дагды, мы уже слышали. Говорят, что у него был золотых дел мастер по имени Лен, который "дал древнее имя озерам Килларни, некогда известным как Лоха-Лейн, озерам Лена из Многих Молотов. Здесь, у озера, он творил, окруженный радугой и ливнями огненной росы" [92](#).

Луг

Луг уже был описан. [93](#) У него больше солнечных атрибутов, чем у любого другого кельтского божества; и, как мы знаем, его поклонение было широко распространено по всей континентальной Кельтике. В сказке о походе сыновей Туренна нам рассказывают, что Луг подошел к фоморам с запада. Тогда Брес, сын Балора, встал и сказал: "Я удивляюсь, что солнце сегодня встает на западе, а в другие дни - на востоке". "Если бы это было так", - ответили его друиды. "А что это, как не солнце?" - сказал Брес. "Это сияние лица Луга из Длинной Руки", - ответили они.

Луг был отцом милезийской девы Дектеры, Кухулина, самой героической фигуры в ирландской легенде, в истории которого явно присутствует сильный элемент солнечного мифа. [94](#)

[pg 124]

Мидир Гордый

Мидир Гордый - сын Дагды. Его сказочный дворец находится в Бри Лейт, или Слив Каллари, в графстве Лонгфорд. Лонгфорд. Он часто появляется в легендах, связанных частично с людьми, частично с данаанскими персонажами, и всегда представлен как тип великолепия в одежде и личной красоте. Когда он появляется перед королем Эохи на холме Тара, его описывают так: [95](#)

"Случилось так, что Эохайд Айрем, король Тары, встал в один прекрасный день в летнюю пору; он поднялся на возвышенность [Тары](#) [96](#), чтобы посмотреть на равнину Брега; прекрасен был цвет той равнины, и на ней прекрасно цвели цветы, сияющие всеми известными оттенками. И когда вышеупомянутый Эохи огляделся вокруг себя, он увидел на возвышенности у себя под боком молодого незнакомого воина. Туника на воине была пурпурного цвета, волосы золотисто-желтые и такой длины, что доходили до плеч. Глаза молодого воина были блестящими и серыми; в одной руке он держал прекрасное острое копье, в другой - щит с белой центральной частью и золотыми самоцветами на нем. И Эохайд замолчал, ибо знал, что никого подобного не было в Таре накануне вечером, и ворота, ведущие в Лисс, не были тогда открыты" [97](#).

[pg 125]

Лир и Мананан

Лир, как замечает мистер О'Грейди, "предстает в двух различных формах. В первой он - огромное, безличное присутствие, соизмеримое с морем; фактически, греческий Океанус. Во втором случае он - отдельная личность, незримо обитающая на Слив Фуад" в графстве Ко. Армаг. Мы мало слышим о нем в ирландских легендах, где атрибуты морского бога в основном передаются его сыну, Мананану.

Это божество - одно из самых популярных в ирландской мифологии. Он был повелителем моря, за которым или под которым, как предполагалось, находилась Страна Молодости или Острова Мертвых; поэтому он был проводником человека в эту страну. Он был мастером фокусов и иллюзий и владел всевозможными волшебными вещами: лодкой под названием "Подметальщик океана", которая подчинялась мыслям тех, кто плыл на ней, и обходилась без весел и парусов, конем Аонбарром, который мог одинаково передвигаться по морю и суше, и мечом "Ответчик", против которого не могли устоять никакие доспехи. Белые гребни волн назывались Конями Мананана, и солнечному герою Кухулайну было запрещено их видеть - это означало ежедневную смерть солнца при его заходе в западные волны. Мананнан носил огромный плащ, который мог принимать любой цвет, подобно широкому морскому полю, если смотреть на него с высоты; и, как защитник острова Эрин, говорили, что, когда враждебные силы вторгались на него, они слышали его громовой топот и хлопанье его могучего плаща, когда он гневно обходил их лагерь ночью. Остров Мэн, смутно видневшийся с ирландского побережья, считался тронем Мананана и получил свое название от этого божества.

[pg 126]

Богиня Дана

Величайшей из данаанских богинь была Дана, "мать ирландских богов", как она названа в одном из ранних текстов. Она была дочерью Дагды и, как и он, ассоциировалась с идеями плодородия и благословения. По мнению д'Арбуа де Жубенвиля, она была идентична богине Бригит, которой так широко поклонялись в Кельтике. Говорят, что Бриан, Иухар и Иухарба были ее сыновьями - на самом деле они представляют собой одного человека, что соответствует обычной ирландской моде представлять божественную силу в виде триады. Имя Брайана, возглавляющего все подвиги [братьев98](#), происходит от более древней формы - Бренос, и под этим именем скрывался бог, которому кельты приписывали свои победы в Аллии и Дельфах, ошибочно принятый римскими и греческими летописцами за земного вождя.

Морриган

Существовала также необычная богиня по имени [Морриган99](#), которая, похоже, воплощала в себе все самое порочное и ужасное из сверхъестественных сил. Она любила настраивать людей на войну и сама сражалась среди них, превращаясь во множество страшных обликов и часто паря над сражающимися армиями в облике ворона. Однажды она встретила Кухулина и предложила ему свою любовь в облике человеческой служанки. Он отказался, и она преследовала его потом всю жизнь. Однажды, сражаясь с ним посреди ручья, она превратилась в водяного змея, а затем в массу водорослей, пытаясь опутать и утопить его. Но он победил и ранил ее, и после этого она [pg 127] стала его другом. Перед его последней

битвой она прошла ночью через Эмайн Маха и в знак предупреждения сломала шест его колесницы.

Волна Клины

Одной из самых примечательных достопримечательностей Ирландии является Тонн Клиодна, или "Волна Клины", на берегу моря в бухте Гландор, в графстве Корк. История о Клионе существует в нескольких версиях, которые не согласуются друг с другом, за исключением того, что она, по-видимому, была данайской девой, жившей когда-то в стране Мананана, Стране Юности за морем. Сбежав оттуда со смертным возлюбленным, как гласит одна из версий, она высадилась на южном побережье Ирландии, а ее возлюбленный, Киван из Завивающихся Замков, отправился охотиться в лес. Клина, оставшаяся на берегу, убаюкивалась сном под сказочную музыку, которую играл менестрель Мананан, когда огромная морская волна поднялась и унесла ее в Сказочную страну, оставив возлюбленного в запустении. Отсюда это место и получило название "Берег волны Клины".

Богиня Айне

Другой популярной богиней была Айне, покровительница Мюнстера, которую до сих пор почитают жители этого графства. Она была дочерью данаана Овела, приемного сына Мананана и друида. Она в некотором роде богиня любви, постоянно вдохновляющая смертных на страсть. Говорят, что она была изнасилована Эйлилом Олумом, королем Мюнстера, который был убит в результате ее магических искусств, и эта история повторяется в более поздние времена о другом смертном любовнике, который, однако, не был убит, Фицджеральде, которому она родила знаменитого волшебника Эрла.¹⁰⁰ Многие из аристократических [pg 128] семей Мюнстера претендовали на происхождение от этого союза. Ее имя до сих пор связывают с "Холмом Айне" (Ноккайни), расположенным неподалеку от Лох-Гура в Мюнстере. Все данайские божества в народном воображении были богами земли, dei terreni, связанными с идеями плодородия и роста. Об Айне мало слышно в бардовской литературе, но она занимает видное место в фольклоре окрестностей. По приказу своего сына, графа Джеральда, она за одну ночь засадила весь Ноккайни горохом. Ей поклонялись и, возможно, до сих пор поклоняются в канун летнего месяца крестьяне, которые ночью носили вокруг ее холма факелы из сена и соломы, привязанные к шестам и зажженные. После этого они расходились по своим возделанным полям и пастбищам, размахивая факелами над посевами и скотом, чтобы принести удачу и увеличение поголовья на следующий год. В одну из ночей, как рассказывает мистер Д. Фицджеральд¹⁰¹, собравший местные предания о ней, церемония была пропущена из-за смерти одного из соседей. Однако ночью крестьяне видели, как факелы в большем количестве, чем когда-либо, кружили по холму, а впереди шла сама Айне, направляя и отдавая приказы процессии.

"В другую ночь Святого Иоанна несколько девушек допоздна засиделись на холме, наблюдая за клиарами (факелами) и участвуя в играх. Внезапно среди них появилась Айне, поблагодарила их за оказанную ей честь, но сказала, что теперь хочет, чтобы они отправились домой, так как они хотят, чтобы холм был в их распоряжении. Она дала им понять, кого она [pg 129] подразумевает под ними, и, позвав нескольких девушек, заставила их посмотреть сквозь кольцо, и вот холм оказался до невидимости заполненным людьми."

"Здесь, - заметил мистер Альфред Натт, - мы имеем античный ритуал, проведенный на месте, освященном одной из античных сил, за которым наблюдают и в котором участвуют сами эти силы. Нигде, кроме как в Гельдоме, нельзя найти столь яркой иллюстрации идентичности класса фей с почтенными силами, чтобы обеспечить благосклонность которых, обряды и

жертвоприношения, первоначально свирепые и кровавые, а теперь являющиеся лишь симулякрom их первозданной формы, совершались на протяжении бесчисленных веков "102.

Синенд и Колодец Знаний

Существует необычный миф, который, хотя и призван объяснить название реки Шеннон, выражает кельтское почитание поэзии и науки в сочетании с предупреждением о том, что к ним нельзя приближаться без опасности. Говорят, что богиня Синенд, дочь Лодана, сына Лира, отправилась к некоему колодцу под названием Колодец Коннла, который находится под морем - то есть в Стране Юности, в Сказочной стране. "Это колодец, - говорится в бардовском повествовании, - у которого растут орешники мудрости и вдохновения, то есть орешники поэтической науки, и в тот же час распускаются их плоды, их цветение и их листва, а затем падают на колодец тем же ливнем, который поднимает на воде королевский всплеск пурпура". Когда Синенд подошла к колодцу, мы не знаем, какие обряды или приготовления она пропустила, но разгневанные воды вырвались вперед, захлестнули ее и смыли на берег Шеннона, где она и умерла, дав реке свое название. 103 Этот миф об орешнике вдохновения и [pg 130] знания и их связи с родниковой водой проходит через все ирландские легенды и прекрасно передан живым ирландским поэтом, мистером Г.У. Расселом, в следующих стихах:

"Хижина на склоне горы, спрятанная в травянистом уголке,

С дверью и окном, распахнутыми настежь, куда могут заглядывать дружелюбные звезды;

Кролик робкий может забежать, ветры могут войти свободно.

Которые бродят вокруг горного трона в живом экстазе.

"А когда солнце садится за горизонт, и пурпур наполняет воздух,

Мне кажется, что священный орешник роняет там ягоды,

из звездных плодов, развевающихся там, где течет Колодец Коннла;

Я уверен, что бессмертные воды текут при каждом дуновении ветра.

"Я думаю, когда Ночь возвышается над землей и стряхивает дрожащую росу,

Что все высокие и одинокие мысли, что будоражат мой дух.

Это всего лишь сияющая ягода, упавшая в пурпурный воздух,

И с волшебного дерева жизни плоды падают повсюду".

Приход милезийцев

После Второй битвы при Мойтуре данайцы властвовали в Ирландии до прихода милезийцев, сыновей Миледа. В ирландской легенде они представлены как полностью человеческая раса, однако в своем происхождении они, как и другие захватчики Ирландии, восходят к божественным и мифическим предкам. Миле, чье имя встречается в качестве бога в кельтской надписи из Венгрии, представлен как сын Биле. Биле, как и Балор, - одно из имен бога смерти, то есть подземного мира. Они пришли из "Испании" - обычного термина, используемого поздними рационализирующими историками для обозначения Страны мертвых.

Их приход в Ирландию происходил следующим образом: Ит, дед Миледа, жил в большой башне, которую его отец Брегон построил в "Испании". Однажды ясным зимним днем, глядя с этой высокой башни на запад, он увидел вдали побережье Ирландии и решил отправиться в неведомый край.

[pg 131]

Он отправился в путь с девятью воинами и высадился в Коркадине, на юго-западе. В связи с этим эпизодом я могу процитировать очень красивый и интересный отрывок из "Ирландского мифологического цикла" де Жюбенвиля: [104](#)

"Согласно неизвестному писателю, которого цитирует Плутарх, умерший около 120 года нашей эры, а также Прокопий, писавший в шестом веке нашей эры, "Земля мертвых" - это западная оконечность Британии, отделенная от восточной непроходимой стеной. На северном побережье Галлии, гласит легенда, живет народ мореплавателей, чье дело - перевозить мертвых с континента в их последнюю обитель на острове Британия. Разбуженные ночью шепотом некоего таинственного голоса, мореплаватели встают и спускаются на берег, где их ждут чужие [корабли](#) [105](#), а в них - невидимые существа, под тяжестью которых суда погружаются почти до краев. Они поднимаются на борт и одним взмахом весла, говорится в одном тексте, за один час, говорится в другом, достигают места назначения, хотя на их собственных судах, при помощи парусов, им потребовалось бы не менее дня и ночи, чтобы достичь побережья Британии. Когда они приплывают к другому берегу, невидимые пассажиры высаживаются на берег, и в это же время разгруженные корабли поднимаются над волнами, и раздается голос, объявляющий имена новоприбывших, которые только что пополнили ряды жителей Страны мертвых.

"Одного взмаха весла, одного часа плавания, не более, достаточно для полуночного путешествия, которое переносит [pg 132] мертвых с галльского континента в их последнюю обитель. Какой-то таинственный закон, несомненно, сводит воедино ночью огромные пространства, которые днем разделяют владения живых и мертвых. Именно этот закон позволил Иту одним прекрасным зимним вечером увидеть из башни Брегона, расположенной в Стране мертвых, берега Ирландии или земли живых. Это явление произошло зимой, ибо зима - это своего рода ночь; зима, как и ночь, опускает барьеры между областями Смерти и Жизни; как и ночь, зима придает жизни видимость смерти и как бы подавляет страшную бездну, лежащую между ними".

Говорят, что в это время Ирландией правили три данайских короля, внуки Дагды. Их звали Маккуилл, Макхехт и Макгрене, а их жен - соответственно Банба, Фохла и Эриу. Здесь показана кельтская привычка представлять божественные личности в виде триад. Эти триады представляют по одному человеку, и мифический характер этого персонажа очевиден из имени одного из них, МакГрене, Сына Солнца. Имена трех богинь в разное время применялись к Ирландии, но только имя третьей, Эриу, сохранилось, и в датальном падеже, Эринн, является поэтическим названием страны и по сей день. То, что Эриу - жена Мак-Грене, означает, как замечает де Жюбенвиль, что бог Солнца, бог дня, жизни и науки, вступил в брак с этой страной и правит ею.

Высадившись на берег, Ит обнаруживает, что данайский король Нейт только что был убит в битве с фоморами, а три сына, Маккуилл и остальные, находятся в крепости Айлих, в Ко. Донегал, чтобы разделить земли между собой. Сначала они [pg 133] приветствуют Иту и просят его решить вопрос с их наследством. Ит высказывает свое мнение, но в заключении его прорывается восхищение вновь открытой страной: "Поступай, - говорит он, - по законам справедливости, ибо страна, в которой ты живешь, хороша: она богата фруктами и медом,

пшеницей и рыбой; и в жару, и в холод она умеренна". Из этого панегирика данайцы делают вывод, что 1-й замышляет что-то против их земли, хватают его и предают смерти. Однако его спутники возвращают ему тело и увозят его на своих кораблях в "Испанию"; тогда дети Миледа решают отомстить за это злодеяние и готовятся к вторжению в Ирландию.

Ими командовали тридцать шесть вождей, у каждого из которых был свой корабль с семьей и последователями. Говорят, что двое из этой компании погибли в пути. Один из сыновей Миледа, взобравшись на мачту своего судна, чтобы осмотреть побережье Ирландии, упал в море и утонул. Другая - Скена, жена поэта Амергина, сына Миледа, умерла в пути. Миледийцы похоронили ее, когда высадились на берег, и назвали это место в честь нее "Инверскена"; так в древности называлась река Кенмар в графстве Керри.

"Сыновья Миледа прибыли в Ирландию в четверг, первого мая, в семнадцатый день луны. Партолан также высадился в Ирландии первого мая, но в другой день недели и луны; и именно в первый день мая пришла моровая язва, которая за одну неделю полностью уничтожила его род. Первое мая было священным для Белтене, одного из имен бога Смерти, бога, который дает жизнь людям и забирает ее у них снова. Поэтому именно в день праздника [pg 134] этого бога сыновья Миледа начали завоевание Ирландии "[106](#).

Поэт Амергин

Говорят, что когда поэт Амергин ступил на землю Ирландии, он напевал странную и мистическую молитву:

"Я - Ветер, что дует над морем,

Я - волна океана;

Я - рокот биллов;

Я - Окс семи битв;

Я - Стервятник на скале;

Я - луч Солнца;

Я - прекраснейшее из растений;

Я - Кабан в доблести;

Я - лосось в воде;

Я - озеро на равнине;

Я - ремесло ремесленника;

Я - слово науки;

Я - острое копья, дающее бой;

Я - бог, который создает в голове человека огонь мысли.

Кто просвещает собрание на горе, если не я?

Кто говорит о возрасте луны, если не я?

"Кто показывает место, где солнце уходит на покой, если не я?"

Де Жюбенвиль, чьему переводу я в основном следовал, замечает по поводу этого странного изречения:

"В этом сочинении не хватает порядка, идеи, основные и второстепенные, перемешаны без всякой методики; но смысл не вызывает сомнений: филе [поэт] - это Слово науки, это бог, который дает человеку огонь мысли; и поскольку наука не отличается от своего объекта, поскольку Бог и природа едины, существо филе смешивается с [pg 135] ветрами и волнами, с дикими животными и оружием воина" ¹⁰⁷.

Амергину приписываются еще два стихотворения, в которых он призывает на помощь землю и физические особенности Ирландии:

"Я взываю к земле Ирландии,

Сияющее, сияющее море;

Плодородную, плодородную гору;

Прозрачный, прохладный лес!

Изобильная река, изобилующая водой!

Озеро, изобилующее рыбой!" ¹⁰⁸

Суд над Амергином

Высадившись, милезийцы направляются к Таре, где их ожидают три короля данайцев, которые призывают их отдать остров. Данайцы просят три дня на размышление: уйти ли им из Ирландии, покориться или дать сражение; решение, по их просьбе, они предлагают оставить Амергину. Амергин выносит приговор - "первый приговор, который был вынесен в Ирландии". Он соглашается, что милезийцы не должны застать врасплох своих противников: они должны отойти от берега на расстояние девяти волн, а затем вернуться; если после этого они завоюют данайцев, то земля будет принадлежать им по праву битвы.

Милезийцы подчиняются этому решению и садятся на корабли. Но едва они удалились на это мистическое расстояние в девять волн, как колдовство данайцев подняло туман и бурю - побережье Ирландии скрылось от их глаз, и они рассеялись по океану. Чтобы выяснить, природный это [pg 136] или друидический шторм, от которого они страдают, человека по имени Аранан посылают на верхушку мачты, чтобы узнать, дует ли там ветер или нет. Его сбрасывают с раскачивающейся мачты, но, падая навзничь, он кричит своим товарищам: "Бури нет". Амергин, который как поэт, то есть друид, берет на себя инициативу во всех критических ситуациях, произносит заклинание, обращенное к земле Эрин. Ветер стихает, и они, радуясь, поворачивают свои носы к берегу. Но один из милезийских владык, Эбер Донн, в жестокой ярости ликует от перспективы предать мечу всех жителей Ирландии; тут же снова поднимается буря, и многие милезийские корабли, в том числе и Эбер Донн, становятся основателями. Наконец остатки милезийцев добрались до берега и высадились в устье Бойна.

Поражение данайцев

Затем следует великая битва с данайцами в [Теллтауне](#) ¹⁰⁹. Три короля и три королевы данайцев со многими их людьми были убиты, и дети Миледа - последнего из мифических захватчиков Ирландии - вступили в права владения Ирландией. Но народ Дана не отступает. С помощью своего волшебного искусства они набрасывают на себя вуаль невидимости,

которую могут накинута или снята по своему усмотрению. Отныне существует две Ирландии - духовная и земная. Данайцы обитают в духовной Ирландии, которую разделит между ними их великий повелитель Дагда. Там, где человеческий глаз видит лишь зеленые курганы и валы, остатки разрушенных крепостей или усыпальниц, возвышаются сказочные дворцы побежденных божеств; там они устраивают свои пиры под вечным солнцем, питаются волшебным мясом и элем, которые дарят [pg 137] им вечную молодость и красоту; и оттуда они выходят временами, чтобы встретиться со смертными людьми в любви или на войне. Древняя мифическая литература представляет их как героических и великолепных по силе и красоте существ. В более поздние времена, по мере усиления христианского влияния, они превратились в фей, народ [сидхе110](#), но никогда не исчезали полностью; и по сей день Страна Юности и ее обитатели живут в воображении ирландского крестьянина.

Смысл мифа о Данаане

Все мифы, созданные первобытным народом, являются символами, и если мы можем узнать, что именно они символизируют, то получаем ценный ключ к духовному облику, а иногда и к истории народа, от которого они произошли. Смысл мифа о данаанах в том виде, в каком он представлен в бардовской литературе, хотя и претерпел немало искажений, прежде чем дошел до нас, совершенно ясен. Данааны представляют собой кельтское почитание науки, поэзии и художественного мастерства, смешанное, конечно, с более ранним представлением о божественности сил Света. В их битве с Фирболгами ясно изображена победа интеллекта над тупостью и невежеством - сравнение тяжелого, тупого оружия Фирболгар с легкими и пронзительными копьями народа Дана является показателем, который невозможно не принять. Опять же, в их борьбе с гораздо более могущественным и опасным врагом, фоморианцами, мы, очевидно, увидим борьбу сил Света со злом более позитивного толка, чем то, что представляют собой Фирболги. Фомориане олицетворяют не простую тупость или [pg 138] глупость, а силы тирании, жестокости и алчности - моральную, а не интеллектуальную тьму.

Смысл милезийского мифа

А вот миф о борьбе данайцев с сыновьями Миледа истолковать сложнее. Как получилось, что повелители света и красоты, владеющие всеми силами мысли (представленными магией и колдовством), уступили человеческому роду и были лишены им с таким трудом завоеванного наследства? Что означает это уменьшение их силы, которое сразу же произошло, когда на сцену вышли милезийцы? Милезийцы не были на стороне сил тьмы. Ими руководил Амергин, яркое воплощение идеи поэзии и мысли. К ним относились с величайшим почтением, и все главные семьи Ирландии вели свое происхождение от них. Так было ли Королевство Света разделено само с собой? А если нет, то к какой концепции в ирландском сознании мы должны отнести миф о вторжении и победе милезийцев?

Единственный ответ, который я вижу на этот загадочный вопрос, - предположить, что милезийский миф возник гораздо позже других и в своих основных чертах был продуктом христианского влияния. Народ Дана владел страной, но это были языческие божества - они не могли быть прародителями христианской Ирландии. От них нужно было так или иначе избавиться, заменив их расой с менее постыдным происхождением. Так милезийцы были привезены из "Испании" и наделены основными чертами, только более очеловеченными, народа Дана. Но к последним, в отличие от обычного отношения раннего христианства, в истории их свержения относятся очень нежно. [pg 139] Одна из них удостоилась чести дать свое имя острову, жестокость одного из завоевателей по отношению к ним была наказана смертью, и хотя они лишены власти над землей, они все еще наслаждаются жизнью в

прекрасном мире, который своим волшебным искусством они сделали невидимым для смертных. Они уже не боги, но больше, чем люди, и часто встречаются случаи, когда они выходят из своего сказочного мира, попадают в лоно христианства и вступают в небесное блаженство. Двумя случаями такого искупления данаев мы и завершим эту главу о мифах о вторжении в Ирландию.

Первый - это странная и прекрасная история о превращении Детей Лира.

Дети Лира

Лир был данайским божеством, отцом морского бога Манананана, который постоянно встречается в волшебных сказках милезийского цикла. Он последовательно женился на двух сестрах, вторую из которых звали [Аоифе111](#). Она была бездетна, но прежняя жена Лира оставила ему четверых детей: девочку по имени [Фионуала112](#) и трех мальчиков. Сильная любовь Лира к детям вызвала ревность мачехи, и в конце концов она решила их уничтожить. Заметим, кстати, что народ Дана, хотя и задуман как не подверженный влиянию времени и по природе своей бессмертный, тем не менее подвержен насильственной смерти как от рук друг друга, так и от смертных.

С этой целью Аоифе отправляется в путешествие к соседнему данайскому королю Бову Красному, взяв с собой четверых детей. Прибыв в одинокое место у озера Дерриварагх в Вестмите, она [pg 140] приказывает своим слугам убить детей. Они отказываются и упрекают ее. Тогда она решает сделать это сама, но, как гласит легенда, "ее женственность одолела ее", и вместо того, чтобы убить Детей, она превращает их колдовскими чарами в четырех белых лебедей и возлагает на них следующую участь: триста лет они должны провести на водах озера Дерривараг, триста - в проливе Мойл (между Ирландией и Шотландией), и триста - в Атлантике у Эрриса и Инишглори. После этого, "когда женщина Юга спарится с мужчиной Севера", чары должны закончиться.

Когда дети не приходят с Аойф во дворец Бова, ее вина обнаруживается, и Бов превращает ее в "воздушного демона". Она улетает с воплями, и больше о ней ничего не слышно. Но Лир и Бов разыскивают детей-лебедей и обнаруживают, что они не только обладают человеческой речью, но и сохранили характерный для данаев дар создавать чудесную музыку. Со всех концов острова к озеру Дерриварагх съезжаются компании данаанцев, чтобы послушать эту дивную музыку и пообщаться с лебедями, и в это время в стране воцаряется великий мир и кротость.

Но наконец настал день, когда им пришлось покинуть общину своих сородичей и отправиться на поиски жизни среди диких скал и вечно сердитого моря северного побережья. Здесь они познали самое страшное - одиночество, холод и шторм. Им было запрещено приземляться, зимними ночами их перья примерзали к скалам, а штормы часто раздирали их на части. Как поет Фионуала:

"Жестока к нам была Аоифе.

Которая играла с нами своей магией,

И выгнала нас на воду...

Четырех прекрасных белоснежных лебедей".

[pg 141]

"Наша ванна - пенистый рассол,
В бухтах, охраняемых красными скалами;
Для медовухи за отцовским столом
Мы пьем из соленого, синего моря.
"Три сына и единственная дочь,
В расщелинах холодных скал обитали,
Суровые скалы, жестокие к смертным...
Мы сегодня ночью полны тоски".

Фионуала, старшая из четверых, играет главную роль во всех их делах, а младших детей нежно материт, укутывая их своим оперением в морозные ночи. Наконец приходит время вступить в третий и последний период своей судьбы, и они отправляются в полет к западным берегам Майо. Здесь им тоже приходится несладко; но вот на землю пришли милезийцы, и молодой фермер по имени Эврик, живущий на берегу залива Эррис, узнает, кто и что такое лебеди, и дружит с ними. Ему они рассказывают свою историю, и через него она, как предполагается, была сохранена и передана по наследству. Когда близится последний срок их страданий, они решают отправиться во дворец своего отца Лира, который, как нам говорят, живет на холме Белого поля в Армаге, чтобы узнать, как у него идут дела. Они так и делают; но, не зная, что случилось с приходом милезийцев, они потрясены и озадачены, обнаружив лишь зеленые курганы, заросли и крапиву там, где когда-то стоял - и до сих пор стоит, только его не видно, - дворец их отца. Их глаза зажмурены, как мы понимаем, потому что им уготована более высокая судьба, чем возвращение в Страну юности.

На берегу залива Эррис они впервые слышат звук христианского колокола. Он доносится из часовни отшельника, обосновавшегося в этом месте. Лебеди сначала пугаются "тонкого, страшного [pg 142] звука", но потом подходят и знакомятся с отшельником, который наставляет их в вере, и они вместе с ним поют церковные службы.

Случилось так, что принцесса Мюнстера Деока ("женщина Юга") обручилась с вождем Коннахта по имени Лаиргнен и попросила его в качестве свадебного подарка достать для нее четырех чудесных поющих лебедей, слава о которых дошла до нее. Он просит их у отшельника, который отказывается их отдать, и тогда "человек с Севера" силой хватает их за серебряные цепи, которыми их связал отшельник, и утаскивает в Деоку. Это их последнее испытание. В ее присутствии с ними происходит ужасное превращение. Лебединое оперение спадает, и перед ними предстают не сияющие формы данайских божеств, а четыре исхудавших, снежноволосых и жалких человеческих существа, сжавшихся в дряхлой старости. Ларгнен в ужасе бежит прочь, а отшельник готовится немедленно принять крещение, ведь смерть стремительно приближается к ним. "Положите нас в одну могилу, - говорит Фионуала, - Конна по правую руку от меня, Фиахру - по левую, а Хью - перед моим лицом, ибо там они обычно находились, когда я укрывал их много зимних ночей на морях Мойла". Так и было сделано, и они отправились на небеса; но отшельник, говорят, скорбел о них до конца своих земных [дней](#)¹¹³.

Во всех кельтских легендах нет более нежной и прекрасной истории, чем эта о Детях Лира.

Повесть об Этне

Но воображение кельтского барда всегда с восторгом играло на сюжетах этих переходных сказок, [pg 143] где темой было примирение языческого порядка с христианским. Та же концепция воплощена в сказке об Этне, которую мы сейчас расскажем.

Говорят, что у Мананана мак Лира была дочь, которую отдали на воспитание данайскому принцу Ангусу, чей сказочный дворец находился в Бруг-на-Бойне. Это большой могильный холм, который сейчас называется Нью-Грейндж, на реке Бойн. В это же время у управляющего Ангуса родилась дочь, которую звали Этне и которую отдали юной принцессе в подручные.

Этне выросла прекрасной и нежной девушкой, но однажды обнаружилось, что она не принимает никакой пищи, хотя все остальные домочадцы питались, как обычно, волшебными свиньями Мананана, которых можно было съесть сегодня, а завтра снова оживить для пира. Мананан был вызван, чтобы разобраться в этой загадке, и в результате выяснилась следующая любопытная история. Один из вождей данайцев, который был в гостях у Ангуса, пораженный красотой девушки, попытался овладеть ею силой. Это пробудило в чистом духе Этне ту нравственную природу, которая свойственна человеку и которой не знают данайские божества. Как гласит сказка, "демон-хранитель" покинул ее, и на его место пришел ангел истинного Бога. После этого события она полностью воздерживалась от пищи Фаэри и по воле Бога питалась чудесным образом. Однако через некоторое время Мананан и Ангус, отправившиеся в путешествие на Восток, привезли оттуда двух коров, молоко которых никогда не иссякало, и, поскольку они должны были прийти из священной земли, Этне впредь жила на их молоке.

Предполагается, что все это произошло во время правления Эремона, первого милезийского короля всей Ирландии [pg 144], который был современником царя Давида. Таким образом, к моменту прихода святого Патрика Этне должно было быть около пятнадцатисот лет. Данаане взрослеют с детства до зрелости, и тогда на них не влияет течение времени.

Однажды летним днем данайская принцесса, чьей служанкой была Этне, отправилась со всеми своими девицами купаться в реке Бойн. Когда после этого Этне переодевалась, то, к своему ужасу, обнаружила - и этот случай, конечно же, был проявлением божественной заинтересованности в ее судьбе, - что она потеряла Вуаль Невидимости, которая здесь понимается как магический амулет, надеваемый на лицо, дающий ей вход в данайскую сказочную страну и скрывающий ее от глаз смертных. Она не могла найти дорогу обратно во дворец Ангуса и бродила по берегам реки, тщетно разыскивая своих спутников и дом. Наконец она пришла в обнесенный стеной сад и, заглянув в ворота, увидела внутри каменный дом странного вида и человека в длинной коричневой мантии. Этот человек был христианским монахом, а дом - маленькой церковью или ораторией. Он позвал ее внутрь, а когда она рассказала ему свою историю, привел ее к святому Патрику, который завершил ее принятие в человеческую семью, проведя обряд крещения.

Далее следует странно патетический эпизод, который показывает нежность, почти сожаление, с которым раннее ирландское христианство оглядывалось на потерянный мир язычества. Однажды, когда Этне молилась в маленькой церкви на берегу Бойна, она вдруг услышала шум в воздухе, и бесчисленные голоса, как казалось, с большого расстояния, оплакивали и звали ее по имени. Это были ее сородичи из Данаана, которые все еще тщетно искали ее. Она вскочила, чтобы ответить, но ее охватило такое сильное волнение, что она упала в обморок [pg 145] на пол. Через некоторое время она пришла в себя, но с того дня ее поразила смертельная болезнь, и через некоторое время она умерла, положив голову на

грудь святого Патрика, который совершил над ней последние обряды и постановил, чтобы церковь была названа в ее честь Килл Этне - имя, несомненно, носила в то время, когда была написана эта история, какая-то реальная церковь на берегах Бойна.¹¹⁴

Христианство и язычество в Ирландии

Эти и многие другие легендарные случаи, которые можно было бы привести, хорошо иллюстрируют отношение ранних кельтских христиан, по крайней мере в Ирландии, к божествам более древней веры. Они, кажется, исключают мысль о том, что во времена обращения Ирландии языческая религия была связана с жестокими и варварскими практиками, на которые национальная память оглядывается с ужасом и отвращением.

[pg 146]

ГЛАВА IV: РАННИЕ МИЛЕЗИЙСКИЕ КОРОЛИ

Данайцы после миллийского завоевания

Короли и герои милезийской расы теперь занимают первый план в легендарной истории Ирландии. Но, как мы уже отмечали, божества данаев ни в коем случае не забыты. Сказочная страна, в которой они обитают, обычно недоступна для смертных, но она всегда рядом; невидимые барьеры могут быть преодолены смертными людьми, и сами данайцы часто выходят из них; смертные могут завоевывать невест Фаэри, которые через некоторое время таинственным образом покидают их, а женщины рожают славных детей от сверхъестественных отцов. Однако какими бы ни были данааны в первоначальных дохристианских представлениях ирландских кельтов, было бы ошибкой полагать, что в легендах, дошедших до нас, они предстают в свете богов, как мы понимаем этот термин. В большинстве своем они ослепительно красивы, бессмертны (с ограничениями), обладают таинственной силой колдовства и чародейства. Но им ни на секунду не приписывается ни моральное управление миром, ни (в бардовской литературе) поклонение. Они не умирают естественной смертью, но могут быть убиты как друг другом, так и смертными, и в целом смертная раса оказывается сильнее. Их сила, когда они вступают в конфликт с людьми (как это часто случается), заключается в хитрости и иллюзии; когда вопрос может быть справедливо решен между соперничающими силами, побеждает человек. Ранние цари и герои милезийской расы, действительно, часто изображаются настолько наделенными сверхъестественной силой, что невозможно провести четкое различие между ними и людьми Дана в этом отношении. [pg 147] Данайцы - гораздо более благородные и возвышенные существа, какими они предстают в бардовской литературе, чем феи, в которых они в конце концов превратились в народном воображении; можно сказать, что они занимают промежуточное положение между ними и греческими божествами, изображенными у Гомера. Но истинное поклонение кельтов, как в Ирландии, так и в других странах, было, по-видимому, обращено не к этим поэтическим олицетворениям их идеалов силы и красоты, а к элементарным силам, представленным реальными природными явлениями - камнями, реками, солнцем, ветром, морем. Самой обязательной клятвой было поклясться ветром и солнцем или призвать какую-то другую силу природы; ни одно имя данайского божества не встречается в ирландской клятвенной формуле. Однако когда на более поздних этапах бардовской литературы, а тем более в народных представлениях, данайские божества стали превращаться в фей, мы видим, что на первый план выходит персонаж, вероятно, более древний, чем тот, что приписывается им в литературе, и в

некотором смысле более величественный. В литературе очевидно, что изначально они были представителями науки и поэзии - интеллектуальных способностей человека. Но в народном сознании они представляли, вероятно, во все времена и, конечно, в более поздние христианские времена, не интеллектуальные силы, а те, что связаны с плодородием земли. Они были, как их называет отрывок из Книги Армага, *dei terreni*, богами земли, и к ним обращались и продолжают обращаться крестьяне с просьбами об увеличении и плодородии. Литературное представление о них явно друидического происхождения, другое - народное; и народное и, несомненно, более древнее представление оказалось более живучим.

Но эти особенности ирландской мифологии лучше проявятся в реальных сказках, чем в любом критическом обсуждении их; к сказкам мы и вернемся.

[pg 148]

Милезийское поселение в Ирландии

У милезийцев было три предводителя, когда они отправились на завоевание Ирландии - Эбер Донн (Бурый Эбер), Эбер Финн (Справедливый Эбер) и Эремон. Первому из них, как мы уже видели, не позволили вступить на землю - он погиб в наказание за свою жестокость. Когда победа над данайцами была одержана, два оставшихся брата обратились к друиду Амергину, чтобы тот вынес решение относительно их прав на заветное владение. Эремон был старшим из них, но Эбер отказался подчиниться ему. Так началась история Ирландии, увы, с раздоров и ревности. Амергин решил, что земля должна принадлежать Эремону всю его жизнь, а после его смерти перейти к Эберу. Но Эбер отказался подчиниться этому решению и потребовал немедленного раздела вновь завоеванной территории. На это согласились, и Эберу досталась южная половина Ирландии, "от Бойна до волны Клины" ¹¹⁵, а Эремон занял север. Но и в этом случае братья не могли быть в мире, и через некоторое время между ними вспыхнула война. Эбер был убит, а Эремон стал единоличным королем Ирландии, которой он управлял из Тары, традиционной резиденции той центральной власти, которая всегда была мечтой ирландского ума, но никогда не была реальностью ирландской истории.

Тирнмас и Кром Круах

О королях, сменивших Эремона, о битвах, которые они вели, о лесах, которые они очистили, о реках и озерах, которые разлились в их правление, мало что можно рассказать, пока мы не дойдем до правления Тиернмаса, пятого по счету после Эремона. Считается, что он [pg 149] ввел в Ирландии поклонение Кром Круаху на Мойслауте (Равнине [Поклонения](#)¹¹⁶) и погиб сам с тремя четвертями своего народа во время поклонения этому идолу в ноябрьский сочельник, когда начиналось царствование зимы. Кром Круах, несомненно, был солнечным божеством, но среди данайских божеств нет ни одной фигуры, хоть сколько-нибудь похожей на него. Говорят, что Тирнмас также нашел первую золотую жилу в Ирландии и ввел пестрые цвета в одежду людей. Раб мог носить только один цвет, крестьянин - два, солдат - три, богатый землевладелец - четыре, провинциальный вождь - пять, а оллав, или королевская особа, - шесть. Оллав - термин, применявшийся к определенному друидическому рангу; он означал то же самое, что и "доктор", в смысле ученого человека - мастера наук. Характерной чертой оллава является то, что он наделен знатностью, равной знатности короля.

Оллав Фола

Самым выдающимся Оллавом Ирландии был также король, знаменитый Оллав Фола, который, как предполагается, был восемнадцатым из Эремона и правил около 1000 года до н. э. Он был Ликургом или Солоном Ирландии, дав стране законодательный кодекс, а также разделив ее, под руководством верховного короля в Таре, на провинциальных вождей, каждому из которых были предоставлены соответствующие права и обязанности. Оллаву Фола также приписывают основание института, который, независимо от его происхождения, приобрел огромное значение в Ирландии - великой трехгодичной ярмарки или фестиваля в Таре, где собирались подкороли и вожди, барды, историки и музыканты со всех частей Ирландии, чтобы составить генеалогические записи родовых вождей, принять законы, рассмотреть спорные дела, решить вопросы престолонаследия и так [pg 150] далее; все эти политические и законодательные труды облегчались песнями и пиршествами. Строгий закон гласил, что в это время все вражды должны быть отброшены; ни один человек не мог поднять руку на другого или даже возбудить судебный процесс, пока проходило собрание в Таре. Оллав Фола считался традиционным основателем всех политических и национальных институтов такого рода, так же как Гобан Кузнец был основателем искусства и ремесел, а Амергин - поэзии. Но имел ли милезийский король какую-то более объективную реальность, чем другие, более очевидно мифические фигуры, сказать трудно. Предполагается, что он был похоронен в большой гробнице в Лафкру, в Вестмите.

Кимбай и основание Эмайн Мача

С Кимбеем (Cimbaoth), около 300 года до н.э., мы приходим к вехе в истории. "Все исторические записи об ирландцах до Кимбея были сомнительны", - так, с поразительной для своей эпохи критичностью, писал историк XI века Тирна из Клонмакна. ¹¹⁷ Многие сомнительно и в последующих, но мы, безусловно, находимся на более твердой исторической почве. С правлением Кимбея становится известен один великий факт: мы имеем основание королевства Ольстер, в центре которого находится Эмайн Маха, имя, напоминающее ирландскому студенту о легендарном великолепии и героизме. Сегодня Эмайн Мача представляет собой травянистые валы большой крепости-холма недалеко от Ард Мача (Армаг). Согласно одной из дериваций, предложенных в "Истории Ирландии" Китинга, Эмайн происходит от eo, bodkin, и tuin, песок, таким образом, слово эквивалентно [pg 151] "брошь", а Эмайн Мача означает Брошь Мача. Ирландская брошь представляла собой большое круглое колесо из золота или бронзы, пересеченное длинным штырем, а большой круглый вал, окружавший кельтскую крепость, можно было бы образно уподобить броши великанши, охранявшей свой плащ или территорию. ¹¹⁸ Легенда о Маче рассказывает, что она была дочерью Красного Хью, принца из Ольстера, у которого было два брата, Диторба и Кимбей. Они договорились, что каждый из них по очереди будет пользоваться сорантией Ирландии. Сначала достался Красный Хью, но после его смерти Маха отказалась от королевства и сразилась за него с Диторбой, которого покорил и убила. Затем она столь же мастерски заставила Кимбея жениться на ней и стала править всей Ирландией как королева. Остальную часть этой истории я передаю словами Стэндиша О'Грейди:

"Пять сыновей Диторбы, изгнанные из Ольстера, бежали через Шеннон и на западе королевства устроили заговор против Мача. Тогда королева одна спустилась в Коннахт и нашла братьев в лесу, где они, утомленные погоней, готовили убитого ими кабана и резвились у разожженного ими костра. Она предстала перед ними в самом мрачном облике богини войны, вся красная, страшная и отвратительная, как сама война, но с яркими и горящими глазами. Один за другим братья воспламенялись от ее зловещей красоты, и одного за другим она одолевала и связывала их. Затем она взвалила на спину груз своих

чемпионов и вернулась с ними на север. Копьем из своей броши она начертила на равнине круг города Эмайн Маха, чьи валы и траншеи [pg 152] были построены пленными принцами, работавшими, как рабы, под ее командованием".

"Основная идея всех легенд этого типа, - замечает мистер О'Грейди, - заключается в том, что если люди не могут овладеть войной, то война овладеет ими; и что те, кто стремится к Ард-Ришип [верховному королевству] всего Эрина, должны иметь на своей стороне богов войны" ¹¹⁹.

Мача - пример смешения атрибутов данаев и человеческой расы, о котором я уже говорил.

Лаэри и Ковак

Следующим королем, о котором идет речь в легенде, является Угайни Великий, который, как говорят, правил не только всей Ирландией, но и большей частью Западной Европы, а также женился на галльской принцессе по имени Кесаир. У него было два сына, Лаэри и Ковак. Первый унаследовал королевство, но Ковак, снедаемый и большой завистью, захотел убить его и попросил совета у друида, как это можно сделать, поскольку Лаэри, справедливо подозревая, никогда не посещал его без вооруженного эскорта. Друид велел ему притвориться мертвым и передать брату, что он лежит на своем тюфяке, готовый к погребению. Ковак так и сделал, а когда прибыл Лаэри и склонился над предполагаемым трупом, Ковак пронзил его в сердце, а также убил одного из его сыновей, Эйлилла, ¹²⁰ который при нем присутствовал. Затем Ковак вззошел на трон, и сразу же болезнь оставила его.

Легенды о Маоне, сыне Айлиля

Однако он жестоко поступил с сыном Айлиля по имени Маон, о котором сложено множество легенд [pg 153] . Маон, будучи ребенком, был приведен в присутствие Ковака, и там, по словам Китинга, его заставили проглотить часть сердец отца и деда, а также мышью с ее птенцами. От отвращения ребенок потерял дар речи, и, видя, что он немой, а значит, безобидный, Ковак отпустил его. После этого мальчик попал в Мюнстер, в королевство Фераморк, королем которого был Скориат, и оставался с ним некоторое время, а затем отправился в Галлию, страну своей прабабушки Кесаир, где его стражники сказали королю, что он наследник престола Ирландии, и к нему отнеслись с большим почтением, и он вырос в благородного юношу. Но в сердце Мориат, дочери короля Фераморка, он оставил страсть, которую невозможно было утихомирить, и она решила вернуть его в Ирландию. Она снабдила арфиста своего отца, Крафтини, множеством богатых подарков и написала для него любовную песню, в которой изложила свою страсть к Маону и к которой Крафтини сочинил чарующую мелодию. Прибыв во Францию, Крафтини отправился ко двору короля и нашел повод излить Маону свою любовь. Красота и страсть песни так сильно взволновали его, что к нему вернулась речь, и он разразился похвалами в ее адрес, и с тех пор не мог больше молчать. Тогда галльский король снарядил его вооруженным отрядом и отправил в Ирландию, чтобы вернуть свое королевство. Узнав, что Ковак находится в местечке под названием Динриг, Маон со своим отрядом галлов внезапно напал на него и убил его там же, со всеми его вельможами и стражниками. После резни друид из компании Ковака спросил одного из галлов, кто их предводитель. "Моряк" (Loingseach), - ответил галл, имея в виду капитана флота - то есть Маона. "Он умеет говорить?" - спросил друид, который уже начал подозревать правду. "Он [pg 154] говорит" (Labraidh), - ответил тот; и отныне за Маоном, сыном Эйлилла, закрепилось имя "Лабра-мореход", и больше он не был известен ни под каким другим. Затем он разыскал Мориат, женился на ней и десять лет правил Ирландией.

От этого нашествия галлов традиционно происходит название провинции Лейнстер. Они были вооружены копьями с широкими сине-зелеными железными наконечниками, называемыми laighne (произносится "лайна"), и поскольку им были выделены земли в Лейнстере и они поселились там, провинция была названа по-ирландски Laighin ("Лай-ин") в их честь - провинция копьеносцев.[121](#)

О Лабре Маринере, после его воцарения, рассказывают любопытную историю. Говорят, что он привык стричь волосы только раз в год, а человека, который это делал, выбирали по жребию и сразу после этого предавали смерти. Причиной этого было то, что у него, как и у царя Мидаса из аналогичного греческого мифа, были длинные уши, как у лошади, и он не хотел, чтобы об этом уродстве стало известно. Однако однажды случилось так, что человек, выбранный для стрижки волос, оказался единственным сыном бедной вдовы, слезы и мольбы которой убедили короля оставить его в живых при условии, что он поклянется Ветром и Солнцем не рассказывать никому о том, что он увидит. Клятва была дана, и юноша вернулся к матери. Но вскоре тайна так овладела его разумом, что он впал в тяжелую болезнь и был близок к смерти, когда мудрый друид позвал его, чтобы исцелить. "Эта тайна [pg 155] убивает его, - сказал друид, - и он никогда не поправится, пока не раскроет ее. Поэтому пусть он идет по большой дороге, пока не дойдет до места, где сходятся четыре дороги. Пусть он повернет там направо, и первому дереву, которое встретится ему на пути, пусть он расскажет свой секрет, и он избавится от него и выздоровеет". Так юноша и сделал; первым деревом оказалась ива. Он приложился губами к коре, прошептал ей свой секрет и пошел домой, легкомысленный, как в старые добрые времена. Но случилось так, что вскоре после этого арфист Крафтини сломал свою арфу и ему понадобилась новая, и, как на счастье, первое подходящее дерево, к которому он подошел, оказалось той самой ивой, у которой была тайна короля. Он срубил ее, сделал из нее свою арфу и в тот вечер, как обычно, выступил в королевском зале; и тут, к всеобщему изумлению, как только арфист коснулся струн, собравшиеся гости услышали, как они звонко произносят слова: "Два лошадиных уха у Лабра-Маринера". Тогда король, видя, что тайна раскрыта, снял капюшон и открыто показал себя; и больше ни один человек не был предан смерти из-за этой тайны. Мы видели, что сила музыки Крафтини в свое время излечила немоту Лабра. Ощущение чего-то магического в музыке, как будто через нее говорят сверхъестественные силы, постоянно повторяется в ирландских легендах.

Цикл легенд о Конари Море

Теперь мы переходим к циклу легенд, в центре которого находится или, скорее, завершается замечательная фигура верховного короля Конари Мора - цикл настолько насыщен великолепием, тайной и романтикой, что для того, чтобы сделать его справедливым, потребуется гораздо больше места, чем можно уделить ему в рамках этой [работы122](#).

[pg 156]

Этайн в Сказочной стране

Предварительные события цикла происходят в "Стране Юности", мистической стране народа Дану после того, как ее покинули дети Миледа. У Мидира Гордого, сына Дагды, данайского принца, жившего на Слив Каллари, была жена по имени Фуамнах. Через некоторое время он взял себе другую невесту, Этайн, чья красота и грация были вне конкуренции, так что "прекрасна, как Этайн" стало пословичным сравнением для любой красоты, превосходящей все остальные стандарты. Фуамнах позавидовала сопернице и, превратив ее в бабочку, подняла бурю, которая изгнала ее из дворца, и семь лет она металась туда-сюда по всему Эрину. Но наконец случайный порыв ветра задул ее в окно

дворца фей Ангуса на Бойне. Бессмертные не могут быть скрыты друг от друга, и Ангус знал, кто она такая. Не в силах полностью освободить ее от чар Фуамнаха, он построил для нее солнечную беседку и посадил вокруг нее всевозможные цветы с медовым ароматом, на которых она жила, пока была с ним, а в тайне ночи он возвращал ей ее собственный облик и наслаждался ее любовью. Однако со временем ее убежище обнаружил Фуамнах; снова волшебная буря обрушилась на нее и погнала прочь, и на этот раз ее постигла необычная судьба. Занесенная во дворец ольстерского вождя по имени Этар, она упала в чашу с питьем жены Этара, как раз когда та собиралась пить. Ее проглотил сквозняк, и в положенный срок, [pg 157] перейдя в утробу жены Этара, она появилась на свет как смертное дитя и выросла до девичества, ничего не зная о своей настоящей природе и происхождении.

Эохи и Этайн

Примерно в это время верховный король Ирландии [Эохи123](#), оставшись без жены и побуждаемый вельможами своей страны взять себе королеву - "ибо без тебя, - говорили они, - мы не приведем наших жен на собрание в Таре", - отправился на поиски справедливой и благородной девы, которая разделила бы его трон. Посланники сообщают, что Этайн, дочь Этара, - самая прекрасная дева в Ирландии, и король отправляется к ней. Далее следует часть описания, которая является одной из самых искусных и великолепных в кельтской, а возможно, и в любой другой литературе. Эохи находит Этайн с ее служанками у источника воды, куда она отправилась, чтобы вымыть волосы:

"В руке у нее был чистый серебряный гребень, гребень был украшен золотом; а рядом с ней, как для умывания, стоял серебряный таз, на котором были выбиты четыре птицы, а на ободках таза - маленькие яркие драгоценные камни карбункулы. Вокруг нее развевалась ярко-пурпурная мантия, а под ней - другая мантия, украшенная серебряной каймой: верхняя мантия была застегнута на груди золотой брошью. На ней была туника с длинным капюшоном, закрывавшим голову; она была тугая и блестящая, из зеленого шелка с красной золотой вышивкой, и застегивалась на груди чудесными застегжками из серебра и золота, так что люди видели, как яркое золото и зеленый шелк сверкают на солнце. На голове у нее было два локона золотых волос, [pg 158] и каждый локон был заплетен в четыре пряди; на конце каждой пряди был маленький золотой шарик. И вот та дева распустила волосы, чтобы вымыть их, и две руки ее просунула через проймы своего одеяния. Каждая из ее рук была белой, как снег в одну ночь, а каждая щека - румяной, как наперстянка. Зубы на ее голове были ровные и мелкие, и они блестели, как жемчуг. Глаза ее были голубыми, как гиацинт, губы - нежными и пунцовыми; очень высокими, мягкими и белыми были ее плечи. Нежными, полированными и белыми были ее запястья; пальцы длинные и очень белые; ногти красивые и розовые. Белая, как снег или пена волны, шея; длинная, стройная и мягкая, как шелк. Бедрa ее были гладкими и белыми; колени - круглыми, крепкими и белыми; лодыжки - прямыми, как правило плотника. Ноги ее были стройны и белы, как океанская пена; глаза ее были ровно посажены, а брови - синеvато-черные, такие, какие бывают у жуков. Никогда до тех пор глаза людей не видели деvy прекраснее ее и более достойной любви; и казалось им, что она, должно быть, одна из тех, что пришли из курганов фей "[124](#).

Король сватался к ней, сделал ее своей женой и привез в Тару.

История любви Эйлилл

Случилось так, что у короля был брат по имени Эйлилл, который, увидев Этайн, был так сражен ее красотой, что заболел от сильной страсти и исхудал почти до смерти. Пока он находился в таком состоянии, Эочи пришлось совершить королевский [pg 159] по Ирландии. Он оставил своего брата, о причине болезни которого никто не подозревал, на попечение

Этайн, попросив ее сделать для него все возможное, а если он умрет, похоронить его с надлежащими церемониями и установить над его могилой камень Огам.¹²⁵ Этайн навещает брата; она расспрашивает его о причине болезни; он говорит с ней загадками, но наконец, движимый ее нежностью, он прорывается с признанием в своей страсти. Его описание тоски безнадежной любви - лирика необычайной интенсивности. "Она ближе, чем кожа, - плачет он, - она как битва с призраком, она захлестывает, как наводнение, она - оружие под водой, она - страсть к эху". Под "оружием под водой" поэт подразумевает, что любовь подобна одному из тайных сокровищ феи в царстве Мананан - чудесному и недостижимому.

Теперь Этайн в некотором недоумении; но она с наивным добродушием решает, что, хотя она ничуть не влюблена в Эйлиля, она не может видеть, как мужчина умирает от тоски по ней, и обещает быть его женой. Возможно, здесь мы должны понимать, что ею движет сказочная природа, не знающая добра и зла и живущая только удовольствиями и страданиями. Следует, однако, заметить, что в ирландских мифах в целом этот, так сказать, "фейский" взгляд на мораль является общепринятым как среди данайцев, так и среди смертных - и те и другие поражают своей моральной безответственностью.

Теперь Этайн устраивает свидание с Эйлилом в доме за пределами Тары - ведь в королевском дворце она не совершит то, что называет "славным преступлением". Но накануне назначенного дня Эйлилл впадает в глубокую [pg 160] дремоту и пропускает назначенную встречу. Существо в его облике все же приходит к Этайн, но лишь холодно и горестно рассказывает о своем недуге и снова уходит. Когда они встречаются вновь, ситуация полностью меняется. В зачарованном сне Эйлиля его нечестивая страсть к королеве полностью угасла. Этайн же осознает, что за видимыми событиями скрываются тайны, которых она не понимает.

Мидир Гордый

Вскоре объяснение следует. Существо, пришедшее к ней в облике Эйлиля, было ее данайским мужем, Мидиром Гордым. Теперь он приходит свататься к ней в своем истинном облике, прекрасный и благородно одетый, и умоляет ее лететь с ним в Страну Юности, где она отныне будет в безопасности, поскольку ее гонитель Фуамнах мертв. Именно он пролил на глаза Эйлиль волшебную дрему. Описание сказочной страны, в которую он ее приглашает, дано в стихах великой красоты:

Страна юности

"О светловолосая женщина, пойдешь ли ты со мной в чудесную страну, полную музыки, где волосы желты, как примула, а тело бело, как снег?

Там никто не говорит "мой" или "твой" - зубы белые, а брови черные; глаза сверкают разноцветными огнями, а на каждой щеке - оттенок наперстянки.

Приятны глазу равнины Эрина, но пустынно они для Великой равнины.

Эринский эль пьянит, но эль Великой равнины пьянит сильнее.

Одно из чудес этой земли в том, что молодость не сменяется старостью.

Ровные и сладкие ручьи текут по ней; медовуха и вино в изобилии; мужчины там [pg 161] все честные, без изъяна; женщины зачинают без греха.

Мы видим вокруг себя со всех сторон, но никто не видит нас; облако греха Адама скрывает нас от их взора.

"О госпожа, если ты придешь к моему сильному народу, чистое золото будет на голове твоей, мясо твое будет свиная плоть [несоленая126](#) , новое молоко и медовуху ты будешь пить со мной там, о светловолосая женщина".

Я подробно остановился на этой замечательной лирике, потому что, хотя в ней явно прослеживаются христианские и аскетические идеи, в целом она представляет собой языческое и мифическое представление о Стране Юности, стране мертвых.

Однако Этайн отнюдь не готова уйти с незнакомцем и покинуть верховного короля ради человека "без имени и рода". Мидир рассказывает ей, кто он такой, и всю свою историю, о которой в своем нынешнем воплощении она ничего не знает; и добавляет, что с момента рождения Этайн в Стране Юности до ее рождения смертным ребенком у жены Этара прошло тысяча двенадцать лет. В конце концов Этайн соглашается вернуться с Мидиром в свой древний дом, но только при условии, что король согласится на их разлуку, и Мидиру приходится довольствоваться этим до поры до времени.

Игра в шахматы

Вскоре после этого он появляется перед королем Эохи, как уже [говорилось127](#) , на холме Тара. Он говорит царю, что пришел сыграть с ним партию в шахматы, и приносит шахматную доску из серебра с фигурами из золота, усыпанными драгоценными камнями. Быть искусным шахматистом было необходимым достижением королей и вельмож в [pg 162] Ирландии, и Эохи с увлечением включается в игру. Мидир позволяет ему выигрывать партию за партией, а в оплату за проигрыши выполняет для Эохи всевозможные задания, отвоевывая землю, расчищая леса и строя дамбы через болота - здесь мы имеем оттенок популярного представления о данайцах как о божествах земли, связанных с земледелием и плодородием. Наконец, возбудив коварство Эоха и заставив его поверить, что он лучший игрок, он предлагает заключительную партию, ставки в которой зависят от желания победителя после окончания игры. Эочи терпит поражение.

"Моя ставка тебе проиграна", - сказал Эочи.

"Если бы я пожелал, она давно была бы проиграна", - ответил Мидир.

"Что ты хочешь от меня?" - спросил Эочи.

"Чтобы я обнял Этайн и получил от нее поцелуй", - ответил Мидир.

Некоторое время король молчал, а потом сказал: "Через месяц ты придешь, и то, чего ты желаешь, будет тебе даровано".

Мидир и Этайн

Эохи предчувствовал недоброе, и когда наступил назначенный день, он приказал окружить дворец Тары большим количеством вооруженных людей, чтобы не пустить Мидира. Однако все было напрасно: когда король сидел на пиру, а Этайн разносила вино, Мидир, еще более величественный, чем прежде, внезапно появился среди них. Держа копьё в левой руке, правой он обхватил Этайн, и пара легко поднялась в воздух и исчезла через окно в крыше дворца. Разгневанные и озадаченные, король и его воины выскочили из дверей, но все, что они смогли увидеть, - это двух белых лебедей, которые кружили в воздухе над дворцом, а затем [pg 163] улетели в долгий, уверенный полет в сторону сказочной горы Сливенамон. Так королева Этайн вернулась к своим сородичам.

Война со Сказочной страной

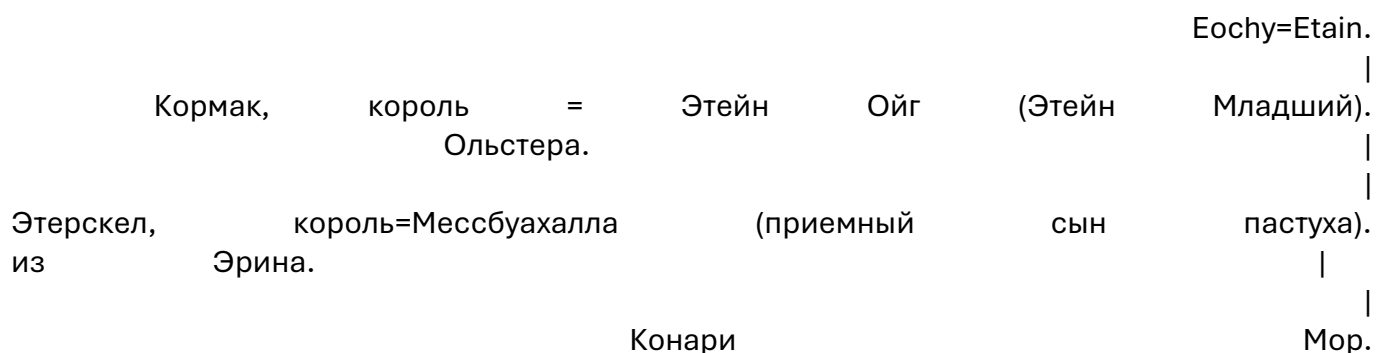
Эохи, однако, не смирился с поражением, и началась самая ранняя, на мой взгляд, война с Фейрилендом со времен первого отторжения данайцев. После тщетных поисков жены в Ирландии он призвал себе на помощь друида Далана. В течение года Далан пытался всеми доступными ему способами выяснить, где она находится. В конце концов он совершил, как представляется, волшебную операцию особой силы: "Он сделал три жезла из тиса, и на жезлах он написал огам; и с помощью ключей мудрости, которые у него были, и огама ему было открыто, что Этайн находится в кургане фей Бри-Лейт, и что Мидир перенес ее туда".

Тогда Эохи собрал свои силы, чтобы взять штурмом и разрушить сказочный курган, в котором находился дворец Мидира. Говорят, что он девять лет раскапывал один курган за другим, а Мидир и его народ восстанавливали разрушения так быстро, как только они были сделаны. Наконец Мидир, доведенный до последней крепости, предпринял хитрость: он предложил отдать Этейн и послал ее с пятьюдесятью подручными к царю, но сделал их всех настолько похожими друг на друга, что Эохи не смог отличить истинную Этейн от ее изображений. Сама же она, по преданию, дала ему знак, по которому он мог ее узнать. Мотив сказки, включая выбор смертного, а не бога, напоминает прекрасную индуистскую легенду о Дамаянти и Нале. Эохи вновь обрел свою царицу, которая прожила с ним до самой его смерти, десять лет спустя, и родила ему дочь, которую, как и его самого, называли Этайн.

[pg 164]

Повесть о Конари Море

От этой Этайн в конце концов произошел великий король Конари Мор, который сияет в ирландской легенде как высший тип королевского великолепия, власти и благодеяния, и чье свержение и смерть были подстроены данайцами в отместку за опустошение их священных жилищ Эохию. Сказка, в которой рассказывается о смерти Конари, - одна из самых древних и варварских по замыслу среди всех ирландских легенд, но она обладает великолепием воображения, с которым не может соперничать ни одна другая. К этой великой истории примыкает сказание об Этайн и Мидире, которое ирландцы называли *ríomscel*, "вводное сказание", показывающее более отдаленное происхождение описываемых событий. Генеалогия Конари Мора поможет читателю понять связь событий.

Закон Гейса

Сказка о Конари впервые знакомит нас с законом или институтом гейса, который в дальнейшем играет очень важную роль в ирландской легенде: нарушение или соблюдение гейса часто становится поворотным пунктом в трагическом повествовании. Поэтому мы должны немного задержаться, чтобы объяснить читателю, что именно представлял собой этот особый институт.

В "Ирландском словаре" Дайнина слово geis [pg 165] (произносится "гайш" - множественное число, "гайша") объясняется как "узы, заклинание, запрет, табу, магическое предписание, нарушение которого ведет к несчастью и смерти".¹²⁸ Каждый ирландский вождь или знатная персона имел определенные geise, свойственные ему, которые он не должен был нарушать. Иногда эти гейсы были связаны с рыцарским кодексом - так, Дэрмот из Места Любви, когда Грания обращается к нему с просьбой забрать ее от Финна, имеет приказ не отказывать женщине в защите. Или же они могут быть просто суеверными или фантастическими - так, Конари, как одному из его гейсов, запрещено следовать за тремя красными всадниками по дороге, а также убивать птиц (как мы увидим, его тотемом была птица). Ольстерскому чемпиону Фергусу мак Рою запрещено отказываться от приглашения на пир; на этом построена трагедия "Сыновья Уснаха". Совершенно неясно, кто налагал эти гейсы и как кто-либо узнавал, каковы его личные гейсы - все это, несомненно, было делом друидов. Но они считались священными обязательствами, и их нарушение грозило самыми страшными несчастьями. Изначально, несомненно, они рассматривались как средство поддержания надлежащих отношений с потусторонним миром - миром Фаэри - и были сродни известной полинезийской практике "табу". Однако я предпочитаю сохранить ирландское слово как единственно подходящее для ирландской практики.

Приемный пастух

Теперь мы вернемся к судьбе правнука Этайн, Конари. Ее дочь, Этайн Ойг, как мы уже видели из генеалогической таблицы, вышла замуж за Кормака, короля Ольстера. Она не родила своему мужу ни одного ребенка, кроме одной дочери. Озлобленный ее [pg 166] бесплодием и тем, что у него нет наследника, король выдал Этайн замуж, а ее младенца приказал бросить в яму. "Тогда два его раба отводят ее к яме, и она улыбается им смешной улыбкой, когда они опускают ее в нее".¹²⁹ После этого они не могут оставить ее умирать и относят ее к пастуху Этерскела, короля Тары, который воспитывает и учит ее, "пока она не стала хорошей вышивальщицей, и не было в Ирландии королевской дочери дороже ее". Отсюда и имя, которое она носила - Мессбуахалла ("Messboo 'hala"), что означает "приемное дитя пастуха".

Боясь, что ее обнаружат, пастухи держат девицу в плетеном домике, имеющем лишь отверстие в крыше. Но одному из людей короля Этерскела хватило любопытства забраться наверх и заглянуть внутрь, и он увидел там самую прекрасную деву в Ирландии. Он доносит об этом королю, и тот приказывает проделать в стене отверстие и вывести девицу, ибо король был бездетен, а друид предсказал ему, что женщина незнатного рода родит ему сына. Тогда король сказал: "Вот женщина, которая была мне предсказана".

Происхождение и рождение Конари

Однако перед освобождением ее посещает пришелец из Страны Юности. Огромная птица спускается к ней через окно в крыше. На полу хижины с него спадает птичье оперение, и он предстает в образе славного юноши. Как Даная, как Леда, как Этлинн, дочь Балора, она отдает свою любовь богу. Перед тем как они расстанутся, он говорит ей, что ее отведут к королю, но что она родит своему данайскому возлюбленному сына [pg 167], которого будут звать Конари, и что ему будет запрещено охотиться за птицами.

Так родился Конари, вырос в мудрого и благородного юношу, и его взял на воспитание лорд по имени Деса, три правнука которого росли с ним с самого детства. Их звали Ферли, Фергар и Ферроган; и Конари, говорят, очень любил их и учил их своей мудрости.

Конари Верховный король

Затем король Этерскел умер, и нужно было назначить преемника. В Ирландии старший сын не наследовал трон или вожество по праву, но самый способный и лучший из семьи в то время должен был быть выбран кланом. В этой сказке мы имеем любопытный рассказ об этом выборе с помощью гадания. Устраивался "бычий пир" - то есть зарезался бык, и прорицатель "наедался досыта и пил его бульон"; затем он ложился спать, где над ним произносилось заклинание, внушающее истину. Тот, кого он видел во сне, становился королем. Так и в Эгире, в Ахее, как отмечает Уитли Стокс, жрица Земли пила свежую кровь быка, прежде чем спуститься в пещеру для пророчества. Сновидец кричал во сне, что видит обнаженного мужчину, идущего к Таре с камнем в праще.

Праздник быка состоялся в Таре, но Конари в это время вместе со своими тремя приемными братьями играл в игру на равнинах Лиффи. Они разделились, и Конари отправился в сторону Дублина, где увидел перед собой стаю огромных птиц, дивных по цвету и красоте. Он погнался за ними на своей колеснице, но птицы проносились на расстоянии броска копья впереди, светились и снова летели, не давая ему догнать их, пока они не достигли морского берега. Тогда он спустился с колесницы и достал пращу, чтобы бросить в них, после чего они [pg 168] превратились в вооруженных людей и бросились на него с копьями и мечами. Один из них, однако, защитил его и сказал: "Я Немглан, царь птиц отца твоего, и тебе запрещено бросаться на птиц, ибо здесь нет никого, кто бы не был твоим сородичем". "До сегодняшнего дня, - сказал Конари, - я не знал этого".

"Отправляйся в Тару сегодня ночью, - сказал Немглан, - там будет пир быков, и через него ты станешь королем. Человек, который будет голым и пойдет в конце ночи по одной из дорог в Тару, взяв с собой камень и пращу, - он-то и станет королем".

И вот Конари снял с себя одежду и обнаженным отправился ночью в Тару, где на всех дорогах дежурили вожди, имевшие при себе смену королевских одежд, чтобы одеть человека, который должен прийти согласно пророчеству. Когда Конари встретил их, они одели его, привели в дом, и он был провозглашен королем Эрина.

Гейзы Конари

Здесь приводится длинный перечень его богов, которые, как говорят, были объявлены ему Немгланом. "Птичье правление будет благородным, - сказал он, - и таковы будут твои правила:

"Не ходи ни направо вокруг Тары, ни налево вокруг [Брегии](#)¹³⁰.

Ты не должен охотиться на злых зверей Черны,

Не выходи каждую девятую ночь за пределы Тары.

Ты не должен спать в доме, из которого после захода солнца виден свет костра, или в котором свет виден извне.

Ни один из трех красных не должен идти перед тобой в дом Красного.

В твоё правление не должно совершаться никаких насилий".

[pg 169]

После захода солнца ни одна женщина в одиночку, ни один мужчина в одиночку не должны входить в дом, в котором ты находишься.

Ты не должен вмешиваться в ссору между двумя твоими рабами".

После этого Конари вступил в правление, которое ознаменовалось справедливыми сезонами и щедрыми урожаями, всегда ассоциирующимися в сознании ирландцев с правлением хорошего короля. В порты заходили иностранные корабли. Дубовые мачты для свиней поднимались до колен каждую осень; реки кишели рыбой. "Никто не убивал другого в Эрине во время его правления, и каждому в Эрине голос его товарища казался таким же сладким, как струны лютни. С середины весны до середины осени ни один ветер не потревожил ни одного коровьего хвоста".

Начало мести

Однако смута пришла из другого источника. Конари запретил все набеги и грабежи, и три его приемных брата, урожденные бродяги, восприняли это плохо. Гордые и своенравные, они продолжали свои злодеяния и в конце концов были схвачены с поличным. Конари не стал приговаривать их к смерти, как умоляли его люди, но пощадил их ради родства с приемными братьями. Однако их изгнали из Эрина и велели отправиться в заморский набег, если таковой потребуется. На море они встретили другого изгнанного вождя, Ингсела Одноглазого, сына короля Британии, и, объединив с ним силы, напали на крепость, в которой в то время находились отец, мать и братья Ингсела, и все были уничтожены за одну ночь. Тогда Ингсилу пришлось просить их помощи в набеге на земли Эрина, и, собрав множество других людей, объявленных вне закона, включая семерых Мане, сыновей Айллелла и Маэва из Коннахта, а также Ферли, Фергара и Феррогана, они двинулись в поход на Ирландию, высадившись на дублинском побережье близ Хаута.

[pg 170]

Тем временем Конари под влиянием махинаций данайцев нарушал одну за другой свои гейсы. Он улаживает ссору между двумя своими крепостными в Мюнстере, и, возвращаясь в Тару, они видят, что вокруг нее пылают костры и клубятся дым. По их мнению, на страну совершает набег воинство с севера, и, чтобы спастись от него, Конари приходится повернуть направо вокруг Тары, а затем налево - вокруг равнины Брегия. Но дым и пламя были иллюзией, созданной народными феями, которые теперь приближают испытания для обреченного короля. По пути мимо Брегии он преследует "злых зверей Черны" - кем бы они ни были, - "но он не видел их, пока погоня не закончилась".

Обитель да Дерга и три красных

Теперь Конари нужно было найти место для ночлега, и он вспоминает, что находится неподалеку от жилища лейнстерского владыки Да Дерга, которое дало название этой бардовской сказке.¹³¹ Конари был щедр к нему, когда Да Дерга приезжал в Тару, и он решил заручиться его гостеприимством на ночь. Да Дерга жил в огромном зале с семью дверями недалеко от нынешнего города Дублина, вероятно, в Доннибруке, на большой дороге на юг. Когда кавалькада едет туда, происходит зловещее происшествие - Конари замечает перед ними на дороге трех всадников, одетых в красное и едущих на красных конях. Он вспоминает свое предсказание о "трех красных" и посылает вперед гонца, чтобы тот приказал им отстать. Но как бы гонец ни хлестал своего коня, ему не удастся приблизиться к трем красным всадникам ближе, чем на длину копья. Он кричит им, чтобы они повернули назад и следовали за королем, но один из них, оглянувшись через плечо, иронично советует ему искать "великие [pg 171] новости из Хостела". Снова и снова к ним направляется гонец с обещаниями большой награды, если они отстанут, а не будут преследовать Конари. Наконец один из них произносит мистическую и страшную песнь. "Гони, сын мой, великую весть. Устали кони, на которых мы едем, - кони из курганов фей. Хотя мы и живы, но мы мертвы. Велики знамения: уничтожение жизни; кормление воронов; раздоры бойни; смачивание

острия меча; щиты с разбитыми босами после заката. Славься, сын мой!" Затем они скачут вперед и, сойдя с красных коней, пристегивают их к portalу "Обители Да Дерга" и садятся внутрь. "Дерга", как можно пояснить, означает "красный". Таким образом, Конари в Красном доме сопровождали три красных всадника. "Все мои чувства", - предчувственно замечает он, - "захватили меня этой ночью".

Сбор войск

С этого момента история Конари Мора приобретает характер сверхъестественной обширности и таинственности, воображение барда-повествователя расширяется, как бы приближаясь к кризису. Наступила ночь, и пиратский отряд Ингсела расположился лагерем на берегу Дублинской бухты. Они слышат шум королевской кавалькады, и дальновидный гонец отправляется узнать, в чем дело. Он приносит весть о блестящем и многочисленном войске, которое последовало за Конари в Хостел. Слышен грохот - Ингсель спрашивает Феррогана, что это может быть - это великан-воин Мак Кехт ударяет кремнем по стали, чтобы разжечь огонь для королевского пира. "Дай Бог, чтобы Конари не было там сегодня ночью", - взывают сыновья Десы; "горе, чтобы он попал под удар своих врагов". Но Ингсель напоминает им об их договоре - он отдал им на разграбление собственного отца и братьев; они не могут отказаться поддержать его в [pg 172] нападении, о котором он размышляет с Конари в общежитии. Отблески костра, зажженного Мак Кехтом, теперь видны пиратам, просвечивая сквозь колеса колесниц, запряженных в открытые двери пансиона. Еще один гейс Конари был разбит.

Теперь Ингсель и его команда приступают к сооружению большого капища из камней, каждый вносит по одному камню, чтобы в память о битве остался памятник, а также запись о числе убитых, когда каждый оставшийся в живых снова убирает свой камень.

Морриган

Сцена переносится в общежитие, куда прибыл отряд короля и готовится к ночлегу. Одинокaя женщина подходит к двери и просит разрешения войти. "Каждая из двух ее голеней была длинной, как луч ткача, и темной, как спина оленя-жука. На ней была сероватая шерстяная мантия. Ее волосы доходили до колен. Рот ее был вывернут на одну сторону головы". Это была Морриган, данайская богиня Смерти и Разрушения. Она прислонилась к дверному косяку дома и злобно смотрела на короля и его компанию. "Ну, о женщина, - сказал Конари, - если ты ведьма, что ты видишь для нас?" "Истинно вижу я, - ответила она, - что ни пададь, ни плоть твоя не уйдут из места, в которое ты пришел, кроме того, что птицы унесут в своих когтях". Она просит разрешения. Конари заявляет, что его геи запрещают ему принимать одинокого мужчину или женщину после захода солнца. "Если уж так случилось, - говорит она, - что у короля не нашлось места в доме для трапезы и постели одинокой женщины, то они достанутся ему отдельно от того, кто обладает щедростью". "Тогдапусти ее", - говорит Конари, - "хотя это мой гейс".

[pg 173]

Конари и его свита

Далее следует длинный и блестящий отрывок, описывающий, как Ингсель отправляется разведать, как обстоят дела в пансионе. Заглядывая через колеса колесниц, он записывает все, что видит, и описывает сыновьям Десы внешний вид и снаряжение каждого принца и могучего человека из свиты Конари, а Ферроган и его брат рассказывают, кто он такой и какие разрушения произведет в предстоящей битве. Вот Кормак, сын Конора, короля

Ольстера, справедливый и добрый; вот три огромных, черных и чернокудрых воина пиктов; вот управляющий Конари, со щетинистыми волосами, который разрешает все споры - слышно, как падает игла, когда он повышает голос, и несет служебный посох размером с мельничный вал; Воин Мак Кехт, который лежит, подтянув колени, - они похожи на два голых холма, глаза - на озера, нос - на горную вершину, меч блестит, как река на солнце. Там же находятся три сына Конари, золотоволосые, в шелковых одеждах, любимые всеми домочадцами, с "манерами зрелых дев, сердцами братьев и доблестью медведей". Услышав о них, Ферроган плачет и не может идти дальше, пока не пройдет несколько часов ночи. Там же находятся три фоморийских заложника ужасного вида; Коналл из Побед со своим кроваво-красным щитом; Дуфтах из Ольстера со своим волшебным копьем, которое при предчувствии битвы нужно держать в вареве из снотворных трав, иначе оно вспыхнет на рукояти и полетит на расправу; и три великана с острова Мэн с гривами лошадей, доходящими им до пят. Странный и неземной оттенок вносит описание трех обнаженных и истекающих кровью фигур, свисающих на веревках с крыши - это дочери Бав, еще одно [pg 174] название Морриган, или богини войны. "Три ужасных предзнаменования", - загадочно говорит сказка, - "это три, которых убивают в любое время". Вероятно, мы должны рассматривать их как провидческие существа, предвещающие войну и смерть, видимые только Ингселу. Зал с отдельными покоями полон воинов, виночерпиев, музыкантов, жонглеров, совершающих чудесные подвиги, и Да Дерга со своими помощниками, разносящими еду и напитки. Сам Конари описывается как юноша; "он обладает пылом и энергией короля и советом мудреца; мантия, которую я видел вокруг него, подобна туману майского дня - в каждом оттенке она прекраснее, чем в другом". Рядом с ним лежит его меч с золотой рукоятью - он на длину предплечья вырвался из ножен, сияя, как луч света. "Он - самый мягкий, самый кроткий и самый совершенный король из всех, что приходили в мир, даже Конари, сын Этерскеля... Велика нежность сонного, простого человека, пока ему не посчастливилось совершить доблестный поступок. Но если его ярость и отвага пробудятся, когда в доме на него набросятся чемпионы Эрина и Альбы, Разрушение не будет совершено, пока он там... печально было угасание этого царствования".

Чемпионы в доме

Затем Ингсель и сыновья Десы идут на приступ и окружают Хостел:

"Помолчите немного!" - говорит Конари, - "что это?".

"Чемпионы в доме", - говорит Коналл из Побед.

"Здесь есть воины для них", - отвечает Конари.

"Они понадобятся сегодня ночью", - отвечает Коналл.

Один из сыновей Десы первым вбегает в общежитие. Ему отрубают голову и снова изгоняют из нее. Затем начинается великая борьба. Хостел поджигают, но [pg 175] тушат огонь вином или любыми жидкостями, которые в нем находятся. Конари и его люди выходят вперед - сотни людей убиты, а бродяги на время разгромлены. Но Конари, который совершал чудеса сражений, изнывает от жажды и не может больше ничего сделать, пока не получит воды. По совету своих чародеев бродяги перекрыли реку Доддер, протекавшую через Хостел, и все жидкости в доме были вылиты на костры.

Смерть Конари

Король, умирающий от жажды, просит Мак Кехта принести ему напиток, и Мак Кехт обращается к Коналу с вопросом, принесет ли он напиток для короля или останется

защищать его, пока Мак Кехт будет это делать. "Предоставь защиту короля нам, - говорит Коналл, - а сам отправляйся на поиски напитка, ибо его требуют от тебя". Тогда Мак Кехт, взяв золотой кубок Конари, бросается вперед, прорываясь сквозь окружающее воинство, и идет искать воду. Затем Коналл, Кормак Ольстерский и другие чемпионы поочередно выходят вперед, истребляя множество врагов; одни возвращаются израненные и усталые к маленькому отряду, собравшемуся в гостинице, а другие прорубают себе путь сквозь кольцо врагов. Коналл, Сенча и Дуфтах поддерживают Конари до конца; но Мак Кехт долго не возвращается, Конари погибает от жажды, и тогда трое героев пробиваются к выходу и спасаются, "израненные, сломленные и искалеченные".

Тем временем Мак Кехт носится по Ирландии в неистовых поисках воды. Но народ фей, которые здесь явно являются стихийными силами, управляющими силами природы, запечатал все источники против него. Он тщетно пытается найти Колодец Кесаира в Уиклоу; он идет к великим рекам, Шеннону и Слейни, Банну и Барроу - все они прячутся при его приближении; озера [pg 176] также отказывают ему; наконец он находит озеро Лох-Гара в Роскоммоне, которое не успело вовремя спрятаться, и там он наполняет свою чашу. Утром он возвращается в гостиницу с драгоценным и с таким трудом добытым напитком, но обнаруживает, что все защитники мертвы или разбежались, а двое из рейверов в это время отрубают голову Конари. Мак Кехт отрубил голову одному из них и бросил огромный камень-столб в другого, который убегал с головой Конари. Бритва упала замертво на месте, а Мак Кехт, взяв голову своего хозяина, влил ей в рот воды. После этого голова заговорила, похвалила и поблагодарила его за содеянное.

Рана Мак Кехта

Тут мимо проходила женщина и увидела, что Мак Кехт лежит на поле измученный и раненый.

"Подойди сюда, о женщина", - говорит мак Кехт.

"Я не смею идти туда, - говорит женщина, - из ужаса и страха перед тобой".

Но он уговаривает ее подойти и говорит: "Не знаю, муха ли это, комар или муравей, что колет меня в рану".

Женщина посмотрела и увидела мохнатого волка, зарывшегося в рану по самые плечи. Она схватила его за хвост и вытащила наружу, и он вынул из него "всю пасть свою".

"Воистину, - говорит женщина, - это муравей из Древней земли".

И Мак Кехт взял его за горло и ударил по лбу, так что тот умер.

"Жив ли господин твой?"

Повесть заканчивается в поистине героическом ключе. Коналл Победоносный, как мы уже видели, после смерти короля вырвался на свободу и добрался до Телтина, где [pg 177] нашел своего отца, Аморгина, в сарае перед его домом. Щитоносец Коналла был изранен тремядесятью копьями, и до Тельтина он дошел с половиной щита, мечом и обломками двух копий.

"Быстры волки, которые охотятся за тобой, сын мой", - сказал отец.

"Вот что ранило нас, старый герой, - злой конфликт с воинами", - ответил Коналл.

"Жив ли твой господин?" - спросил Аморгин.

"Он не жив", - ответил Коналл.

"Клянусь Богом, как клянутся великие племена Ольстера: трус тот, кто выходит из боя живым, оставив своего господина со своими врагами на смерть".

"Мои раны не белые, старый герой", - сказал Коналл. Он показал ему свой щит-наруч, на котором было трижды по пятьдесят ран от копий. Рукоять меча, которую щит не защищал, была изувечена и искалечена, изранена и пробита, только сухожилия держали ее на теле без разрыва.

"Этой рукой сражались сегодня ночью, сын мой", - говорит Аморгин.

"Верно, старый герой, - отвечает Коналл из Побед. "Многие из тех, кого она напоила смертью сегодня ночью перед Хостелом".

Так заканчивается история Этайн, свержения Сказочной страны и мести фей правнуку верховного короля Эохи.

[pg 178]

ГЛАВА V: СКАЗКИ УЛЬТОНСКОГО ЦИКЛА

Проклятие Маха

Центр интереса к ирландской легенде теперь смещается с Тары в Ольстер, и множество героических сказаний собирается вокруг Ольстерского короля Конора мак Несса, вокруг Кухулина,¹³² его великого вассала, и рыцарского ордена Красной ветви, который имел свою резиденцию в Эмайн Маха.

Легенда об основании Эмайн Мача уже была рассказана.¹³³ Но Мача, которая была не простой женщиной, а сверхъестественным существом, вновь появляется в связи с историей Ольстера в очень любопытной истории, которая должна была объяснить странную слабость или беспомощность, которая в критические моменты иногда, как считалось, обрушивалась на воинов провинции.

Легенда гласит, что богатый ольстерский фермер по имени Крундчу, сын Агномана, живший в уединенном месте среди холмов, однажды обнаружил в своем дуне молодую женщину большой красоты и в великолепном одеянии, которую он никогда раньше не видел. Крундчу, как нам рассказывают, был вдовцом, его жена умерла, родив ему четырех сыновей. Незнакомка, не говоря ни слова, принялась за домашние дела, приготовила ужин, подоила корову и взяла на себя все обязанности хозяйки дома. Ночью она ложилась рядом с Крундчу и в дальнейшем жила с ним как его жена, и они очень любили друг друга. Ее звали Мача.

Однажды Крундчу собрался отправиться на большую ярмарку или собрание ультонцев, где были пиры и скачки, турниры и музыка, и всевозможные веселья. Мача умоляла своего мужа [pg 179] не ехать. Он упорствовал. "Тогда, - сказала она, - по крайней мере, не говори обо мне в собрании, ибо я могу жить с тобой только до тех пор, пока обо мне не говорят".

Было замечено, что здесь мы имеем самое раннее появление в постклассической европейской литературе известного мотива феи-невесты, которая может оставаться со

своим смертным возлюбленным только при соблюдении определенных условий, например, чтобы он не шпионил за ней, не обращался с ней и не спрашивал о ее происхождении.

Крандчу пообещал выполнить предписание и отправился на праздник. Здесь два коня короля уносили приз за призом на скачках, а народ кричал: "Нет в Ирландии более быстрой лошади, чем королевская пара".

"У меня дома есть жена, - сказал Крандчу в минуту забвения, - которая может бегать быстрее этих лошадей".

"Схватите этого человека, - сказал разгневанный король, - и держите его, пока его жена не будет приведена на состязание".

И отправились гонцы за Махой, и привели ее к собранию; и была она беременна. Царь велел ей готовиться к скачкам. Она объяснила свое состояние. "Мой час близок", - сказала она. "Тогда изрубите ее мужчину на куски", - приказал царь своим стражникам. Мача обратилась к прохожим. "Помогите мне, - вскричала она, - ведь каждого из вас родила мать! Дайте мне немного времени, пока я не освобожусь". Но король и вся толпа в своей дикой жажде спорта не желали медлить. "Тогда подгоняйте коней, - сказала Мача, - и за то, что вы не пожалели, на вас падет еще более тяжкая участь!" И она помчалась на лошадях, обогнала их, но, подъехав к цели, издала сильный крик, и схватки охватили ее, и она родила детей-близнецов. Но когда она издала этот крик, все зрители почувствовали [pg 180] себя охваченными муками, подобными ее собственным, и сил у них было не больше, чем у женщины в муках. И Маха пророчествовал: "С этого часа позор, который вы на меня обрушили, ляжет на каждого мужчину Ольстера. В часы величайшей нужды вы будете слабы и беспомощны, как роженицы, и это будет продолжаться пять дней и четыре ночи, и до девятого поколения будет на вас проклятие". Так и случилось, и вот причина слабости ульстонцев, от которой обычно страдали воины этой провинции.

Конор мак Несса

Главным поводом для проявления этой слабости стал случай, когда Маэв, королева Коннахта, совершила знаменитый набег на скот в Квельгне (Тайн Бо Куайльгне), который стал темой величайшего сказания в ирландской литературе. Теперь нам предстоит рассказать о предварительной истории, предшествующей созданию этого эпического сказания, и представить его главных героев.

Фахтна Великан, король Ольстера, взял в жены Нессу, дочь Ехида Желтая Пятка, и она родила ему сына по имени Конор. Но когда Фахтна умер, Фергус, сын Роя, его сводный брат, стал его преемником, а Конор был тогда еще совсем юнцом. Фергус полюбил Нессу и женился бы на ней, но она поставила условия. "Пусть мой сын Конор поцарствует один год, - сказала она, - чтобы его потомство было потомками короля, и я согласна". Фергус согласился, и юный Конор вззошел на трон. Но столь мудрым и процветающим было его правление и столь прозорливыми его суждения, что по истечении года народ, как и предвидела Несса, захотел, чтобы он остался королем; и Фергус, любивший пиры и погони больше, чем тяготы царствования, был доволен этим, и некоторое время оставался при дворе Конора, великий, почитаемый и счастливый, но уже не король.

[pg 181]

Красная ветвь

переночевать. Была найдена хижина, где они и расположились на отдых, но один из них, исследуя дальше, пришел к знатному особняку у реки, и, войдя в него, был встречен юношей великолепной наружности. С незнакомцем была прекрасная женщина, его жена, и пятьдесят девиц, которые радостно приветствовали ольстерского воина. И узнал он в них Дектеру и ее девиц, по которым они скучали три года, и славного юношу Луга Длинной Руки, сына Этлинна. Он вернулся со своим рассказом к королю, и тот немедленно послал за Дектерой, чтобы она пришла к нему. Та, сославшись на болезнь, попросила отсрочки, и так прошла ночь, а утром в хижине воинов Ольстера был найден новорожденный младенец мужского пола. Это был подарок Дектеры Ольстеру, и для этого она заманила их во дворец фей у Бойна. Ребенка воины забрали домой и отдали сестре Дектеры, Финчум, которая в то время [pg 183] кормила грудью своего собственного ребенка, Коналла, и мальчика называли Сетанта. И часть Ольстера от Дандалка на юг до Усны в Мите, которая называется Равниной Мертемни, была выделена ему в наследство, а в более поздние времена его крепость и место жительства находились в Дандалке.

Говорят, что друид Моранн пророчествовал над младенцем: "Его хвала будет в устах всех людей; возницы и воины, короли и мудрецы будут рассказывать о его деяниях; он завоюет любовь многих. Этот ребенок отомстит за все ваши обиды; он будет давать бой у ваших бродов, он будет решать все ваши ссоры".

Гончая Каллана

Когда мальчик Сетанта достаточно подрос, он отправился ко двору Конора, чтобы его воспитывали и обучали вместе с другими сыновьями принцев и вождей. Именно тогда произошло событие, благодаря которому он получил имя Кухулайн, под которым его стали называть впредь.

Однажды днем король Конор и его вельможи собирались на пир, на который их пригласили в дом богатого кузнеца по имени Куллан в Квелгни, где они также намеревались провести ночь. Сетанта должен был сопровождать их, но когда кавалькада отправилась в путь, он был занят игрой в херли со своими товарищами и велел королю ехать вперед, сказав, что последует за ним позже, когда закончит свою игру. Королевская компания прибыла к месту назначения, когда уже наступила ночь. Каллан принял их радушно, и в большом зале они веселились за мясом и вином, пока хозяин дома запирает ворота своей крепости и выпускает наружу огромного и свирепого пса, который каждую ночь охранял одинокий особняк и под защитой которого, как говорили, Каллан боялся не меньше, чем наступления целой армии.

[pg 184]

Но они забыли о Сетанте! Посреди смеха и музыки пира раздался страшный звук, от которого все мгновенно поднялись на ноги. Это был громогласный вой гончей Каллана, высунувшей язык при виде приближающегося чужака. Вскоре шум сменился воем яростной схватки, но, бросившись к воротам, они увидели в свете фонарей юношу и гончую, лежавшую мертвой у его ног. Когда гончая бросилась на него, он схватил ее за горло и вырвал жизнь, ударив о боковые столбы ворот. Воины с ликованием и удивлением проводили юношу, но вскоре торжество прекратилось, ибо стоял их хозяин, молчаливый и скорбный над телом своего верного друга, который погиб за безопасность своего дома и никогда больше не будет его охранять.

"Дай мне, - сказал тогда юноша Сетанта, - детеныша этой гончей, о Каллан, и я научу его быть для тебя всем тем, чем был его отец. А пока дай мне щит и копье, и я сам буду охранять твой дом; никогда гончая не охраняла его лучше, чем я".

И вся компания рукоплескала такому щедрому обещанию, а на месте, в память о первом подвиге, отроку дали имя [Кухулайн135](#), Гончая Куллана, и под этим именем он был известен до самой смерти.

Кухулайн принимает оружие

Когда он подрос и приблизился к тому времени, когда ему можно было взять в руки оружие, однажды случилось так, что он проходил мимо места, где друид Катбад [pg 185] обучал нескольких своих учеников искусству гадания и предсказания. Один из них спросил у Катбада, какое предприятие в тот же день может быть благоприятным; и Катбад, произнеся заклинание прорицания, сказал: "Юноша, который возьмется за оружие в этот день, станет из всех людей Эрина самым известным в великих делах, но жизнь его будет коротка и скоротечна". Кухулайн прошел дальше, словно не замечая этого, и предстал перед королем. "Что ты хочешь?" - спросил Конор. "Взять в руки мужское оружие", - ответил Кухулайн. "Да будет так", - сказал король и протянул юноше два больших копья. Но Кухулен покачал их в руке, и шесты раскололись и сломались. И так он поступил со многими другими; и колесницы, на которых его сажали ездить, он разбивал на куски ударами ноги, пока наконец к юноше не подвели военную колесницу самого короля, два его копья и меч, и их он не смог сломать, что бы он ни делал; так что это снаряжение он сохранил.

Ухаживание за Эмер

К тому времени юный Кухулайн вырос таким прекрасным и благородным юношей, что каждая дева или матрона, на которую он смотрел, была им околдована, и люди Ольстера советовали ему взять себе жену. Но ни одна из них не нравилась ему, пока наконец он не увидел прекрасную деву Эмер, дочь Форгалла, владыки [Луска136](#), и решил сватать ее в невесты. Он запряг колесницу и вместе с Лаэгом, своим другом и возницей, отправился в Дун Форгалл.

Когда он приблизился, дева была со своими спутницами, дочерьми вассалов Форгалла, и учила их вышивать, ибо в этом искусстве она превосходила всех женщин. Она обладала "шестью дарами [pg 186] женственности - даром красоты, даром голоса, даром сладкой речи, даром рукоделия, даром мудрости и даром целомудрия".

Услышав издалека гром конских копыт и грохот колесницы, она велела одной из девиц пойти на вал Дуна и рассказать ей о том, что она видела. "Едет колесница, - сказала дева, - запряженная двумя конями с запрокинутыми головами, свирепыми и сильными; один из них серый, другой черный. Они дышат огнем из своих пастей, а комья дерна, которые они выбрасывают за собой во время скачки, похожи на стаю птиц, которые следуют за ними по пятам. В колеснице - смуглый, печальный человек, самый приятный из мужчин Эрина. Он одет в малиновый плащ с золотой брошью, а на спине у него малиновый щит с серебряным ободом, испещренным фигурками зверей. С ним в качестве возницы - высокий, стройный, веснушчатый человек с вьющимися рыжими волосами, которые удерживает бронзовая коса, с золотыми пластинами по обе стороны лица. Козлом из красного золота он подгоняет лошадей".

Когда колесница остановилась, Эмер вышла навстречу Кухулайну и приветствовала его. Но когда он стал добиваться от нее любви, она рассказала ему о силе и своенравии своего отца Форгалла и о силе защитников, которые охраняли ее, чтобы она не вышла замуж против его воли. И когда он стал настаивать на своем, она сказала: "Я не могу выйти замуж раньше моей сестры Фиал, которая старше меня. Она со мной здесь - она превосходна в рукоделии". "Я люблю не Фиаль", - сказал Кухулен. Потом, когда они разговаривали, он увидел грудь девы над лоном ее плаща и сказал ей: "Прекрасна эта равнина, равнина благородного ига".

"Никто не приходит на эту равнину", - ответила она, - "кто не убил сотни своих, а твои подвиги еще впереди".

Тогда Кухулайн покинул ее и поехал обратно в Эмайн Мача.

[pg 187]

Кухулайн в стране Ската

На следующий день Кухулайн задумался о том, как ему подготовиться к войне и к подвигам, которых требовал от него Эмер. Он слышал о могучей женщине-воительнице по имени Скатха, которая жила в Стране [Теней137](#) и могла научить юных героев, пришедших к ней, чудесным ратным подвигам. И отправился Кухулайн за границу, чтобы найти ее, и много опасностей пришлось ему встретить, черные леса и пустынные равнины пересечь, прежде чем он смог получить весть о Скатхе и ее земле. Наконец он пришел на Равнину Неудачи, через которую нельзя было перебраться, не погрязнув в ее бездонных болотах или липкой глине, и пока он раздумывал, что ему делать, он увидел идущего навстречу юношу с лицом, сияющим как [солнце138](#), и сам вид которого вселял в его сердце радость и надежду. Юноша дал ему колесо и велел катить его перед собой по равнине и следовать за ним, куда бы оно ни пошло. И Кухулайн пустил колесо в ход, и по мере того, как оно катилось, от его обода исходил свет, подобный лучам, а жар от него прокладывал твердую дорогу через трясины, по которой Кухулайн благополучно следовал.

Когда он миновал Равнину Неудачи и спасся от зверей Гибельного Глена, он подошел к Мосту Скачков, за которым лежала страна Скатха. Здесь он нашел по ту сторону много сыновей ирландских князей, которые пришли учиться военным подвигам у Скатхи, и они играли в херли на зеленой площадке. Среди них был и его друг Фердия, сын Фирболга, Даман; и все они спрашивали его о [pg 188] новостях из Ирландии. И когда он рассказал им все, то спросил Фердию, как ему пройти к дуну Ската. Мост Прыжков был очень узким и высоким, он пересекал ущелье, где далеко внизу бурлило кипящее море, в котором плавали хищные чудовища.

"Ни один из нас не переходил этот мост, - сказала Фердия, - потому что есть два подвига, которым Скатха обучает в последнюю очередь, и один из них - прыжок через мост, а другой - удар Gae Bolg.[139](#) Ведь если человек ступит на один конец этого моста, середина сразу же поднимется и отбросит его назад, а если он прыгнет на нее, то может не удержаться на ногах и упасть в залив, где его поджидают морские чудовища."

Но Кухулайн дождался вечера, когда восстановил силы после долгого пути, и попытался перейти мост. Трижды он подбегал к нему издали, собрав все свои силы, и стремился вскочить на середину, но трижды она упиралась в него и отбрасывала назад, а его спутники смеялись над ним за то, что он не дождался помощи Скатхи. Но на четвертый прыжок он оказался на середине моста, одним прыжком перемахнул через него и предстал перед сильной крепостью Скатхи; она удивилась его мужеству и силе и приняла его в свои ученики.

Год и один день прожил Кухулайн у Скатхи, и все подвиги, которым она его учила, он усвоил легко, а в последнюю очередь она научила его владеть Гэ Болгом и дала ему это страшное оружие, которым, по ее мнению, не владел ни один чемпион до него. А использовать Gae Bolg следовало так: его бросали ногой, и если он попадал в тело врага, то заполнял своими колючками все конечности и щели. Пока Кухулайн жил со Скатхой, его другом, превыше всех друзей, и соперником в мастерстве и доблести была Фердия, и перед расставанием они поклялись любить и помогать друг другу, пока будут живы.

Кухулайн и Айфа

Когда Кухулен находился в Стране Теней, случилось так, что Скатх начал войну с народом принцессы Айфы, которая была самой свирепой и сильной из женщин-воинов мира, так что даже Скатх боялся встретиться с ней в поединке. Поэтому, отправляясь на войну, Ската подмешала в питье Кухулайна сонную траву, чтобы он не просыпался четыре с половиной часа, а к этому времени войско уже было далеко в пути, ибо она боялась, что зло настигнет его раньше, чем он наберется сил. Но снадобье, которое другому человеку помогло бы день и ночь, продержалось у Кухулина только один час; когда же он очнулся, то схватил оружие и поехал за хозяином по следам его колесницы, пока не доехал до них. Тогда, говорят, Скатха вздохнула, ибо знала, что его не удержать от войны.

Когда войска встретились, Кухулайн и два сына Скатхи совершили великие подвиги против врага и убили шестерых самых могучих воинов Айфы. Тогда Айфа послала весть Скате и вызвала ее на единоборство. Но Кухулайн заявил, что встретится с прекрасной фурией вместо Скатхи, и прежде всего спросил, что она ценит больше всего. "Больше всего Айфа любит, - ответила Скатха, - двух своих коней, колесницу и возницу". Тогда они сошлись в единоборстве, и все чемпионские приемы, которые они знали, тщетно пробовали друг на друге, пока наконец удар Айфы не раздробил меч Кухулина до рукояти. [pg 190] Тогда Кухулен воскликнул: "Ах, я! Смотрите, колесница и кони Айфы упали в долину!" Айфа оглянулась, и Кухулайн, бросившись к ней, обхватил ее за талию, перекинул через плечо и понес обратно в лагерь Скатха. Там он повалил ее на землю и приставил нож к ее горлу. Она умоляла сохранить ей жизнь, и Кухулайн даровал ее при условии, что она заключит прочный мир со Скатхой и даст заложников за выполнение обещания. Она согласилась, и они с Кухулайном стали не только друзьями, но и любовниками.

Трагедия Кухулина и Коннлы

Перед тем как Кухулайн покинул Страну Теней, он подарил Айфе золотое кольцо, сказав, что если она родит ему сына, то его отправят искать отца в Эрин, как только он вырастет настолько, что его палец будет впору для кольца. И сказал Кухулайн: "Поручите ему, чтобы он не давал о себе знать, чтобы никогда не сворачивал с дороги ни для кого и никогда не отказывался от боя. И пусть его зовут Коннла".

В более поздние времена рассказывали, что однажды, когда король Конор Ольстерский и лорды Ольстера были на празднике на улице Следов, они увидели, как по морю к ним приближается маленькая лодка из бронзы, а в ней - молодой парень с позолоченными веслами в руках. В лодке лежала груда камней, и время от времени юноша забрасывал один из них в пращу и бросал в летящую морскую птицу так, что птица живьем падала к его ногам. И много других чудесных подвигов совершил он. Затем, когда лодка приблизилась, Конор сказал: "Если бы взрослые мужчины из страны этого парня приплыли сюда, они бы точно размололи нас в порошок. Горе той земле, в которую придет этот мальчик!"

[pg 191]

Когда мальчик сошел на берег, к нему послали гонца Кондери, который велел ему убираться. "Я не поверну назад ради тебя", - сказал юноша, и Кондери повторил то, что сказал королю. Тогда против него был послан Коналл из Побед, но юноша метнул в него большой камень, и свист и ветер сбили его с ног, а юноша бросился на него и связал ему руки ремнем своего щита. И так человек за человеком; кто-то был связан, а кто-то убит, но отрок бросил вызов всей силе Ольстера, чтобы повернуть его назад, и не назвал ни своего имени, ни рода.

"Пошлите за Кухулайном", - сказал тогда король Конор. И послали они гонца в Дандалк, где Кухулен был с Эмер, женой своей, и велели ему явиться, чтобы сразиться с чужеземным мальчиком, которого не смог одолеть Коналл из Побед. Эмер обняла Кухулайна за шею. "Не уходи, - умоляла она. "Это, конечно, сын Айфы. Не убивай своего единственного сына". Но Кухулен сказал: "Постой, женщина! Будь это сам Коннла, я бы убил его за честь Ольстера", - и, запрягая колесницу, поехал в Стрэнд. Там он нашел мальчика, который бросал свое оружие и совершал с ним чудесные подвиги. "Восхитительна твоя игра, мальчик, - сказал Кухулен, - кто ты и откуда пришел?" "Я не могу открыть этого", - ответил юноша. "Тогда ты умрешь", - сказал Кухулен. "Да будет так", - сказал юноша, и некоторое время они сражались на мечях, пока юноша не отцепил локон волос Кухулина. "Хватит пустяков", - сказал Кухулен, и они сомкнулись друг с другом, но парень сел на камень и стоял так твердо, что Кухулен не мог его сдвинуть, и в упорной борьбе две ноги парня глубоко погрузились в камень и оставили следы, откуда и пошло название "Полоса следов". Наконец они оба упали [pg 192] море, и Кухулайн был близок к тому, чтобы утонуть, пока не вспомнил о Gae Bolg, и он обрушил это оружие на юношу, и оно вспороло ему живот. "Вот чему не научил меня Скатха", - воскликнул юноша. "Горе мне, ибо я ранен!" Кухулайн посмотрел на него и увидел кольцо на его пальце. "Это правда", - сказал он; и, взяв мальчика на руки, вынес его на берег и положил перед Конором и лордами Ольстера. "Вот мой сын для вас, люди Ольстера", - сказал он. И мальчик сказал: "Это правда. И если бы у меня было пять лет, чтобы расти среди вас, вы бы завоевали весь мир со всех сторон и правили бы вплоть до Рима. Но раз уж все так сложилось, укажи мне на знаменитых воинов, которые находятся здесь, чтобы я мог узнать их и уйти от них до своей смерти". Тогда их одного за другим подвели к нему, и он поцеловал их, и отпустил своего отца, и тот умер; и люди Ольстера сделали ему могилу и установили камень-столб с великой скорбью. Это был единственный сын Кухулина, и этого сына он убил.

Эта история в том виде, в каком я ее здесь привел, датируется девятым веком и содержится в "Желтой книге Лекана". Существует множество других гэльских версий этой истории в поэзии и прозе. Это одно из самых ранних появлений в литературе хорошо известной с тех пор темы убийства отцом сына-героя. Персидское изложение этой темы в сказке о Сохрабе и Рустуме стало известно благодаря прекрасной поэме Мэтью Арнольда. В ирландской версии следует отметить, что отец не без подозрения относится к личности своего антагониста, но он сражается с ним под влиянием того страстного чувства преданности своему князю и провинции, которое было наиболее характерной чертой Кухулина.

Чтобы завершить историю Айфы и ее сына, мы предвосхитили события, а теперь вернемся назад, чтобы снова подхватить нить.

[pg 193]

Первая вылазка Кухулайна

После года и одного дня обучения военному делу под началом Скатха Кухулайн вернулся в Эрин, желая испытать свою доблесть и завоевать Эмер для своей жены. Он запряг свою колесницу и отправился в поход на броды и марши Коннахта, ибо между Коннахтом и Ольстером постоянно вспыхивали стычки.

И сначала он подъехал к Белому каирну, что на самой высокой из гор Морна, и осмотрел землю Ольстера, расстилавшуюся под солнечными лучами далеко внизу, и велел своему вознице назвать каждый холм, равнину и дун, которые он видел. Затем, повернувшись на юг, он окинул взглядом равнины Брегии, и возница указал ему на Тару и Телтин, и Бруг-на-Бойна, и великий дун сыновей Нехтана. "Неужели это, - спросил Кухулайн, - те сыновья Нехтана, о которых говорят, что от их рук пало больше людей Ольстера, чем осталось на земле?" "То же

самое", - ответил возница. "Тогда давайте поедem туда", - сказал Кухулен. Так, нехотя, возница доехал до крепости сыновей Нехтана, и там, на зелени перед ней, они нашли камень-столб, а вокруг него - бронзовый ошейник с письменами на огаме. Кухулайн прочел ее, и в ней говорилось, что любой человек, достигший совершеннолетия и способный носить оружие, который придет на эту зелень, должен держать геи за то, что он уйдет, не вызвав на единоборство одного из жителей дуна. Тогда Кухулен обхватил камень руками и, раскачивая его взад-вперед, вырвал наконец из земли и бросил в реку, протекавшую неподалеку. "Конечно, - сказал возница, - ты ищешь насильственной смерти, и теперь ты найдешь ее без промедления".

[pg 194]

Тогда Фоил, сын Нехтана, вышел из дуна и, увидев Кухулина, которого он считал всего лишь мальчишкой, раздосадовался. Но Кухулайн велел ему принести оружие, "ибо я не убиваю ни гонцов, ни посланников, ни безоружных людей", и Фоил вернулся в дун. "Ты не сможешь убить его, - сказал тогда возница, - ибо он неуязвим магической силой для острия или края любого клинка". Но Кухулайн положил в пращу шар из закаленного железа, и когда Фоил появился, он метнул в него шар так, что тот ударил его в лоб и прошел сквозь мозг и череп; и Кухулайн взял его голову и привязал к ободу своей колесницы. И с другими сыновьями Нехтана, выходящими вперед, он сражался и убивал их мечом или копьем; а затем он выстрелил из дуна, оставил его в пламени и поехал дальше, ликуя. По дороге он увидел стадо диких лебедей, шестнадцать из них он сбил живыми из пращи и привязал к колеснице; увидев стадо диких оленей, которых не могли обогнать его кони, он пустился в погоню и преследовал их пешком, пока не поймал двух больших оленей, и с помощью веревок и ремней прикрепил их к колеснице.

Но в Эмайн Мача прибежал разведчик короля Конора, чтобы сообщить ему новости. "Вот, одинокая колесница стремительно приближается по равнине; вокруг нее порхают дикие белые птицы, к ней привязаны дикие олени; она вся украшена окровавленными головами врагов". И Конор посмотрел, кто приближается, и увидел, что Кухулайн в боевой ярости и готов нести смерть вокруг себя, кого бы он ни встретил; тогда он поспешно отдал приказ, чтобы отряд женщин Эмании вышел ему навстречу и, сняв с себя одежду, стоял обнаженным на дороге. Так они и сделали, и когда юноша увидел их, то, пораженный стыдом, склонил голову на обод колесницы. Тогда люди Конора мгновенно схватили его [pg 195] и погрузили в приготовленный чан с холодной водой, но вода закипела вокруг него, а шесты и обручи чана разорвались на части. Так они делали снова и снова, и наконец ярость покинула его, и его естественный вид и облик были восстановлены. Тогда они облачили его в свежие одежды и пригласили на пир в королевский пиршественный зал.

Победа Эмера

На следующий день он отправился к дворцу Форгалла Хитрого, отца Эмера, и перепрыгнул через высокие валы дворца "лососевым прыжком героя", которому научился у Скатха. Тогда могучие люди Форгалла бросились на него, и он нанес всего три удара, но каждый удар убил восемь человек, а сам Форгалл упал безжизненным, спрыгнув с вала дуна, чтобы спастись от Кухулайна. Так он унес Эмер и ее приемную сестру, а также два груза золота и серебра. Но за пределами дуна сестра Форгалла подняла против него войско, и на него обрушилась боевая ярость, и яростны были удары, которые он наносил, так что брод Глондата обагрился кровью, а дерн на Крофоте был втоптан в кровавую трясиину. Сотню он убил на каждом брое от Олбини до Бойна; и так Эмер была завоевана, как она хотела, и он привел ее в Эмайн Маха и сделал своей женой, и они больше не расставались, пока он не умер.

Кухулен - чемпион Эрина

Однажды владыка Ольстера по имени Брикриу с Ядовитого Языка устроил пир, на который пригласил короля Конора и всех героев Красной Ветви, а поскольку ему всегда нравилось разжигать вражду между мужчинами или женщинами, он устроил между героями спор о том, кто является чемпионом земли Эрин. В конце концов было решено, что первенство [pg 196] должно принадлежать троим из них, а именно Кухулайну, Коналу Победоносному и Лаэри Триумфальному. Чтобы решить между этими тремя, из озера, в глубине которого он обитал, был вызван демон по имени Грозный. Он предложил героям испытание на храбрость. Любой из них, сказал он, может отрубить себе голову сегодня, если завтра он, претендент на первенство, сам положит свою голову под топор. Коналл и Лаэри уклонились от испытания, но Кухулайн принял его и, произнеся над своим мечом заклинание, отрубил голову демону, который тут же поднялся и, взяв в одну руку кровоточащую голову, а в другую - топор, погрузился в озеро.

На следующий день он появился вновь, целый и невредимый, чтобы потребовать исполнения уговора. Кухулен, дрожащий, но решительный, положил голову на колодку. "Вытяни шею, негодяй, - крикнул демон, - она слишком коротка, чтобы я мог нанести удар". Кухулен делает то, что ему велено. Демон трижды взмахивает топором над своей жертвой, с треском обрушивает приклад на блок, а затем велит Кухулайну подняться невредимым, чемпионом Ирландии и ее самым смелым человеком.

Дейрдре и сыновья Усны

Теперь нам предстоит перейти к истории, в которой Кухулен не принимает никакого участия. Это главная из предварительных историй к "Скотомогильнику Квелгни".

Говорят, что среди лордов Ольстера был один по имени Фелим сын Далла, который в один день устроил большой пир для короля. И пришел король со своим друидом Катбадом, и Фергус Мак Рой, и многие герои Красной ветви, и пока они веселились над жареным мясом, пшеничными лепешками и греческим вином, пришел гонец из женских покоев [pg 197] и сообщил Фелиму, что его жена только что родила ему дочь. Все лорды и воины выпили за здоровье новорожденного, а король попросил Катбада провести гадание по обычаю друидов и предсказать, что ждет младенца Фелима в будущем. Катбад смотрел на звезды и составлял гороскоп ребенка, и его охватило сильное беспокойство; в конце концов он сказал: "Младенец будет самым прекрасным среди женщин Эрина и выйдет замуж за короля, но из-за нее на провинцию Ольстер обрушатся смерть и разорение". Тогда воины хотели предать ее смерти на месте, но Конор запретил им. "Я отвращу гибель, - сказал он, - ибо она не выйдет замуж за чужого короля, а станет моей подругой, когда достигнет совершеннолетия". И он забрал ребенка и отдал его своей кормилице Леваркам, а имя ему дали Дейрдре. И Конор поручил Леваркаму, чтобы дитя воспитывалось в крепком дуне в уединении большого леса, и чтобы ни один юноша не видел ее или она его, пока она не достигнет брачного возраста для свадьбы с королем. И жила она там, не видя никого, кроме своей кормилицы и Катбада, да иногда короля, уже пожилого человека, который время от времени наведывался в дун, чтобы убедиться, что все в порядке с жителями и что его повеления соблюдаются.

Однажды, когда приближалось время свадьбы Дейрдре и Конора, Дейрдре и Леваркам оглянулись на крепостной вал своего дуна. Была зима, ночью выпал сильный снег, и в морозном воздухе деревья стояли, словно выточенные из серебра, а зелень перед доном была сплошным белым полотном, только в одном месте скуллион убил теленка на ужин, и

кровь теленка лежала на снегу. И когда Дейрдре смотрела, ворон слетел с дерева неподалеку и начал пить кровь. "О сестра, - воскликнула вдруг Дейдра, - таким, а не похожим на Конора, был бы мужчина, которого я бы полюбила: его волосы - как крыло ворона, щеки - цвета крови, а кожа - белая, как снег". "Ты изобразила человека из рода Конора", - сказала кормилица. "Кто он?" - спросила Дейдра. "Это Найси, сын Усны, [140](#) чемпион Красной ветви", - ответила кормилица. Тогда Дейрдре стала упрашивать Леваркама привести ее поговорить с Найси; и поскольку старуха любила девушку и не хотела отдавать ее замуж за престарелого короля, она наконец согласилась. Дейрдре умоляла Найси спасти ее от Конора, но он не соглашался, пока наконец ее мольбы и красота не покорили его, и он поклялся быть ее. Тогда тайно ночью он пришел с двумя своими братьями, Арданом и Айнле, и унес Дейрдре с Леваркамом, и они, спасаясь от преследования короля, отплыли на корабле в Шотландию, где Найси поступил на службу к королю пиктов. Но и здесь они не могли успокоиться, ибо король увидел Дейрдре и хотел отнять ее у Найси, но Найси с братьями бежал, и в уединении Глен-Этив они устроили себе жилище у озера, и жили в диком лесу охотой и рыбной ловлей, не видя никого, кроме себя и своих слуг.

Шли годы, а Конор не подавал никаких знаков, но не забывал, и его лазутчики рассказывали ему обо всем, что случилось с Найси и Дейрдре. Наконец, решив, что Найси и его братья устали от одиночества, он послал близкого друга Найси, Фергуса, сына Роя, просить их вернуться и обещать, что все будет прощено. Фергус отправился в путь с радостью, и с радостью услышали Найси и его братья эту весть, но Дейрдре предвидела зло и хотела бы отправить Фергуса домой одного. [Но Найси упрекнул ее за сомнения и подозрения и велел запомнить, что они находятся под защитой Фергуса, чью защиту не посмеет нарушить ни один король в Ирландии; и наконец они собрались в путь.

Когда они высадились в Ирландии, их встретил Барух, владыка Красной ветви, у которого неподалеку был свой дун, и он пригласил Фергуса на пир, который приготовил для него этой ночью. "Я не могу остаться, - сказал Фергус, - ибо сначала я должен доставить Дейрдре и сыновей Усны в Эмайн Маха". "Тем не менее, - сказал Барух, - ты должен остаться со мной на эту ночь, ибо отказываться от пира - это геи". Дейрдре умоляла его не покидать их, но Фергус соблазнился пиром и побоялся нарушить свой гейс, и он велел двум своим сыновьям Иллану Справедливому и Буйно Рыжему возглавить отряд вместо него, а сам остался с Барухом.

И вот партия пришла в Эмайн Мача, и их поселили в доме Красной Ветви, но Конор их не принял. После вечерней трапезы, когда он сидел, много и молча пил, он послал гонца, чтобы тот попросил Леваркама явиться к нему. "Как дела у сыновей Усны?" - спросил он ее. "Все хорошо", - ответила она. "При твоём дворе находятся три самых доблестных чемпиона Ольстера. Воистину, королю, у которого есть эти трое, не нужно бояться врагов". "А как дела у Дейрдре?" - спросил он. "Она здорова, - ответила кормилица, - но она прожила много лет в диком лесу, и труд и забота изменили ее - мало что осталось от ее прежней красоты, о король". Тогда король отпустил ее и снова сел пить. Но через некоторое время он позвал к себе слугу по имени Трендорн и велел ему пойти в дом Красной Ветви и отметить, кто там был и что они делали. Но когда Трендорн пришел, дом был на ночь заколочен и заперт, и он никак не мог попасть внутрь, и наконец он [pg 200] взобрался на лестницу и заглянул в высокое окно. И увидел он там братьев Найси и сыновей Фергуса, которые разговаривали, чистили оружие или готовились ко сну, а Найси сидел перед ним с шахматной доской, и играла с ним в шахматы прекраснейшая из женщин, каких он когда-либо видел. Но пока он с удивлением смотрел на эту благородную пару, вдруг одна из них заметила его и с криком поднялась, указывая на лицо у окна. Подняв голову, Найси увидел его и, схватив с доски шахматную доску, метнул ее в лицо шпиона, и она выбила ему глаз. Тогда Трендорн

поспешно спустился и с окровавленным лицом вернулся к королю. "Я видел их, - воскликнул он, - я видел самую прекрасную женщину в мире, и, если бы Найси не выбил мне глаз, я бы и дальше смотрел на нее".

Тогда Конор встал, позвал своих стражников и велел им привести к нему сыновей Усны за то, что они покалечили его посланника. И стражники пошли; но первым их встретил Буино, сын Фергуса, со своей свитой и острием меча прогнал их назад; Найси же и Дейрдре продолжали спокойно играть в шахматы: "Ибо, - сказал Найси, - не подобает нам пытаться защищаться, пока мы находимся под защитой сыновей Фергуса". Но Конор отправился в Буино и, одарив его большими землями, перекупил его, чтобы тот оставил его. Тогда Иллан встал на защиту обителю Красной Ветви, но два сына Конора убили его. И тогда наконец Найси и его братья схватили оружие и бросились на врага, и многие из них пали перед натиском. Тогда Конор обратился к друиду Катбаду с просьбой наложить на них чары, чтобы они не сбежали и не стали врагами провинции, и поклялся не причинять им вреда, если они будут взяты живыми. Тогда Катбад наколдовал озеро слизи, которое, казалось, вот-вот [pg 201] ноги сыновей Усны, и они не могли оторвать от него ног, а Найси подхватил Дейрдре и посадил ее себе на плечо, ибо им казалось, что они тонут в слизи. Тогда стражники и слуги Конора схватили и связали их и привели к королю. И король призывал человека за человеком выйти вперед и убить сыновей Усны, но никто не послушался его, пока наконец не пришел Оуэн, сын Дурахта и принц Фернейский, взял меч Найси и одним ударом снес головы всем троим, и так они умерли.

Тогда Конор насильно взял Дейрдре, и целый год она жила с ним во дворце в Эмайн Маха, но за все это время она ни разу не улыбнулась. В конце концов Конор сказал: "Что ты ненавидишь больше всего на свете, Дейрдре?" И она сказала: "Себя и Оуэна, сына Дурахта", а Оуэн стоял рядом. "Тогда ты отправишься к Оуэну на год", - сказал Конор. Но когда Дейрдре села на колесницу позади Оуэна, она не отводила глаз от земли, ибо не хотела смотреть на тех, кто так мучает ее; и Конор, насмехаясь над ней, сказал: "Дейрдре, твой взгляд между мной и Оуэном - это взгляд овцы между двумя баранами". Тогда Дейрдре вскочила и, бросившись головой вперед с колесницы, ударилась головой о камень и упала замертво.

И когда ее похоронили, говорят, что из ее могилы и из могилы Найси выросли два тисовых дерева, верхушки которых, когда они выросли, встретились друг с другом над крышей большой церкви Армага, переплелись, и никто не мог их разлучить.

Восстание Фергуса

Когда Фергус Мак Рой вернулся домой в Эмайн Мача после пира, на который его пригласил Барух, и нашел [pg 202] сыновей Усны убитыми, а одного из своих собственных сыновей - мертвым, а другого - предателем, он восстал против Конора в гневе и проклятиях и поклялся отомстить за него огнем и мечом. И сразу же отправился он в Коннахт, чтобы взять на службу оружие Айлелла и Маэв, которые были королем и королевой той страны.

Королева Маэв

Но хотя королем был Айлелл, Маэв была правительницей по правде, и распоряжалась всем по своему усмотрению, и брала себе мужей, каких хотела, и увольняла их по своему желанию; ибо была она свирепа и сильна, как богиня войны, и не знала никаких законов, кроме своей необузданной воли. Говорят, она была высокой, с длинным бледным лицом и волосами, желтыми, как спелая кукуруза. Когда Фергус пришел к ней в ее дворец в Раткрогане в Роскоммоне, она подарила ему свою любовь, как дарила ее многим прежде, и они вместе задумали, как напасть на провинцию Ольстер и опустошить ее.

Коричневый бык из Квелгни

Так случилось, что Маэв владела знаменитым красным быком с белой передней частью и рогами по имени Финнбенах, и однажды, когда они с Айлеллом подсчитывали свои владения и сравнивали их друг с другом, он насмехался над ней, потому что Финнбенах не хотел оставаться в руках женщины, а перешел в стадо Айлелла. Тогда Маэв в досаде отправилась к своему управляющему Мак Роту и спросила его, есть ли где-нибудь в Эрине бык, столь же прекрасный, как Финнбенах. "Воистину, - сказал управляющий, - есть, ибо бурый бык из Квелгни, принадлежащий Дару, сыну Фахтна, - самый могучий зверь, какой только есть в Ирландии". И после этого Маэв стало казаться, что у нее нет ни стада, ни [pg 203] стада, которые бы вообще чего-нибудь стоили, если бы она не владела Бурым Быком из Квелгни. Но это было в Ольстере, а ольстерцы знали, какими сокровищами владеют, и Мэв знала, что они не отдадут быка, не поборовшись за него. Поэтому они с Фергусом и Айлеллом договорились совершить поход на Ольстер за Бурым Быком и таким образом вступить в войну с провинцией, ибо Фергус жаждал мести, Мэв - борьбы, славы и быка, а Айлелл - удовлетворения Мэв.

Отметим, что этот поединок за быка, который является основной темой величайшего из кельтских легендарных сказаний, "Тейн Бо Куайльгне", имеет более глубокий смысл, чем кажется на первый взгляд. В ней заложена древняя часть арийской мифологии. Бурый бык - кельтский аналог индуистского божества неба Индры, представленного в индуистских мифах как могучий бык, чей рев - это гром и который выпускает дожди, "как коров, идущих на пастбище". Выступление западных войск (Коннахта) для захвата этого быка символизирует наступление Ночи. Быка защищает солнечный герой Кухулайн, который, однако, в конце концов, оказывается поверженным, а бык на время попадает в плен. Два животных в кельтской легенде, вероятно, олицетворяют небо в разных аспектах. Они описаны с пышностью и торжественностью, которые показывают, что это не обычные звери. Когда-то, как нам говорят, они были свинопасами народа Дана. "Они последовательно превращались в двух воронов, двух морских чудовищ, двух воинов, двух демонов, двух червей или животных-кукол и, наконец, в двух коней".¹⁴¹ Бурый бык описывается как имеющий спину, достаточно широкую, чтобы на ней могли играть пятьдесят детей; когда он сердится на своего сторожа, он впечатывает [pg 204] человека в землю на тридцать футов; он уподобляется морской волне, медведю, дракону, льву, писатель нагромождает образы силы и дикости. Таким образом, мы имеем дело не с обычным набегом на скот, а с мифом, черты которого прослеживаются под одеждой, которую дало ему пылкое воображение неизвестного кельтского барда, сочинившего "Тейн", хотя точный смысл каждой детали, возможно, трудно установить.

Первой попыткой Маэва завладеть быком было отправление посольства к Даре с просьбой одолжить его на год; в качестве вознаграждения предлагалось пятьдесят телок, а также сам бык, и если Дара решит поселиться в Коннахте, то получит там столько же земли, сколько сейчас в Ольстере, и колесницу стоимостью трижды семь кумалов,¹⁴² а также покровительство и дружбу Маэва.

Сначала Дара был в восторге от такой перспективы, но ему рассказали о болтовне посланцев Маэва и о том, что если бык не будет отдан добровольно, то его возьмут силой; и он отправил ответное послание с отказом и неповиновением. "Давно известно, - сказала Маэв, - что бык не будет уступлен честным путем; теперь он будет завоеван нечестным". И вот она разослала гонцов по всем сторонам, чтобы созвать своих хозяев на поединок.

Прибытие царицы Маэв

И пришли все могучие люди Коннахта - сначала семь Майне, сыновей Айлелла и Маэв, каждый со своей дружиной; и Кет и Анлуан, сыновья Маги, с тридцатью сотнями вооруженных людей; и желтоволосый Фердия со своей компанией Фирболгов, буйных великанов [pg 205], которые любили войну и крепкий эль. Пришли также союзники Маэва - отряд людей из Лейнстера, которые настолько превосходили остальных в воинском мастерстве, что их разбили и распределили по ротам Коннахта, чтобы они не представляли опасности для войска; и Кормак, сын Конора, с Фергусом Мак Роем и другими изгнанниками из Ольстера, которые восстали против Конора за его предательство сыновей Усны.

Ольстер под проклятием

Но перед тем, как войска направились к Ольстеру, Маэв послала своих шпионов в эту страну, чтобы они рассказали ей о готовящихся там приготовлениях. И соглядатаи принесли дивный рассказ, который обрадовал сердце Мэв, ибо они сказали, что на провинцию опустилось проклятие [ультонцев143](#). Король Конор лежал в муках в Эмайн Маха, его сын Кускрид - в своей островной крепости, Оуэн, принц Ферни, был беспомощен, как ребенок; Кельтчар, огромный седой воин, сын Утекара Хорнскина, и даже Коналл из Побед лежали, стоная и корчась на своих ложах, и не было в Ольстере руки, способной поднять копье.

Пророческие голоса

Тем не менее Маэв отправилась к своему главному друиду и спросила у него, каков будет ее собственный жребий в войне. И друид сказал только: "Кто придет в безопасности или не придет, ты сама придешь". Но на обратном пути она вдруг увидела, что перед колесницей стоит юная дева с локонами желтых волос, спадавших ниже колен, и одетая в зеленую мантию; золотым челноком она ткала на станке ткань. "Кто ты, девушка?" - спросила Маэв, [pg 206] - "и что ты делаешь?" "Я - пророчица Федельма из кургана фей в Крогане, - ответила девушка, - и я сплетаю четыре провинции Ирландии для похода в Ольстер". "Как ты видишь наших хозяев?" - спросила Мэв. "Я вижу их всех пунцовыми, красными", - ответила пророчица. "Но герои Ольстера все в муках - никто не может поднять копье против нас", - сказала Маэв. "Я вижу, что все воины в масках", - сказала Федельма. "Я вижу человека небольшого роста, но на челе его свет героя - юноша юный и скромный, но в бою дракон; он подобен Кухулайну из Муртемни; он совершает чудесные подвиги с оружием; от него ваши убитые будут лежать толстым слоем" [144](#).

На этом видение ткачихи исчезло, и Маэв поехала домой в Раткроган, удивляясь тому, что она видела и слышала.

Кухулен отдает войска под командование Гейзе

На следующий день войска отправились в путь, и Фергус Мак Рой повел их, а когда они приблизились к границам Ольстера, велел им внимательно следить, чтобы Кучулейн из Муртемни, охранявший перевалы Ольстера на юге, не настиг их врасплох. Кухулайн и его отец [Суалтам145](#) находились на границах провинции, и Кухулайн по предупреждению, посланному ему Фергусом, заподозрил приближение большого войска и велел Суалтаму отправиться на север, в Эманию, и предупредить людей Ольстера. Но сам Кухулайн не захотел оставаться там, ибо сказал, что у него есть свидание со служанкой жены бодаха Лаэри (фермера), поэтому он отправился в лес и там, стоя на одной ноге, [pg 207] и используя только одну руку и один глаз, срубил дубовый саженец и скрутил его в круглую острогу. На нем он вырезал огамскими буквами, как было сделано чародейство, и наложил на всех Маэв зарок не проходить мимо этого места, пока кто-нибудь из них при сходных условиях не сделает такое же чародейство; "И я исключая моего друга Фергуса Мак Роя", - добавил он и

написал его имя в конце. Затем он положил колдовство вокруг камня-столба Ардкуллина и отправился в путь, чтобы продолжить свидание с [подругой146](#).

Когда воины Маэва пришли в Ардкуллин, колдовство на камне-столбе было найдено и принесено Фергусу, чтобы он расшифровал его. Среди воинов не нашлось никого, кто мог бы повторить подвиг Кухулина, и тогда они ушли в лес и расположились на ночлег. Пошел сильный снегопад, и все они были в большом затруднении, но на следующий день взошло великолепное солнце, и по белой равнине они двинулись в Ольстер, считая, что запрет продлится только одну ночь.

Брод Вилочного столба

Кухулайн упорно шел по их следу и по оставленным ими следам определил, что численность войска составляет восемнадцать триуха кетов (54 000 человек). Обойдя их, он встретил их впереди и вскоре наткнулся на две колесницы с разведчиками, посланными вперед Маэвом. Он убил их, каждого вместе с водителем, и, одним взмахом меча вырезав из дерева вилообразный шест с четырьмя зубцами, вогнал его глубоко в речной брод у места, называемого [Атгоула147](#), и насадил на каждый зубец по окровавленной голове. Когда подошли воины, они удивились и испугались [pg 208] этого зрелища, и Фергус объявил, что им приказано не переходить этот брод, пока один из них не вырвет шест так же, как он был вбит, кончиками пальцев одной руки. Тогда Фергус съехал в воду, чтобы совершить этот подвиг, и семнадцать колесниц сломались под ним, пока он тянул шест, но в конце концов он вырвал его; а поскольку было уже поздно, воины расположились лагерем на этом месте. Эти приемы Кухулина были призваны задержать захватчиков до тех пор, пока люди Ольстера не оправятся от слабости.

В эпосе, приведенном в "Книге Лейнстера" и других древних источниках, есть длинная пауза, в которой Фергус объясняет Маэву, кто это такой - "мой маленький ученик Сетанта", - который таким образом досаждал хозяину, и пересказывает его мальчишеские подвиги, о некоторых из которых уже рассказывалось в этом повествовании.

Возница Орлама

На следующий день отряд продолжил свой путь, и следующая встреча с Кухулайном показывает героя в более добром настроении. Он слышит шум рубимого леса и, зайдя в него, обнаруживает там возницу, принадлежащего сыну Айлелла и Маэва, который рубит столбы для колесниц из остролиста: "Потому что, - говорит он, - мы сильно повредили наши колесницы в погоне за знаменитым оленем Кухулайном". Кухулен, который, надо помнить, в обычное время был маленькой и невыразительной фигурой, но в битве он увеличивался в размерах и претерпевал страшные искажения, символизирующие берсеркову ярость, помогает погонщику в его работе. "Мне, - спрашивает он, - срезать жерди или подстричь их для тебя?" "Обрежь сам", - отвечает погонщик. Кухулен берет жерди за верхушки и тянет их к ветвям пальцами ног, затем проводит по ним пальцами, и они становятся такими гладкими и [pg 209] отполированными, как будто их строгал плотник. Водитель смотрит на него. "Сомневаюсь, что эта работа, которую я тебе поручил, не является твоей настоящей работой", - говорит он. "Кто же ты такой?" "Я тот самый Кухулин, о котором ты рассказываешь только сейчас". "Конечно, я всего лишь мертвец", - говорит погонщик. "Нет, - отвечает Кухулен, - я не убиваю ни погонщиков, ни гонцов, ни безоружных людей. Но беги, скажи своему хозяину Орламу, что Кухулен собирается его навестить". Водитель бежит, но Кухулен опережает его, первым встречает Орлама и отрубает ему голову. На мгновение Маэвы видят, как он потрясает перед ними этим кровавым трофеем; затем он исчезает из виду - это первый взгляд на их преследователя.

Боевое безумие Кухулина

Далее следует несколько разрозненных эпизодов. Воинство Маэва распространяется и опустошает территории Брегии и Мертемни, но не может продвинуться дальше в Ольстер. Кухулайн постоянно витает над ними, истребляя их по двое и по трое, и никто не знает, где он пронесется в следующий раз. Сама Маэв приходит в ужас, когда пули невидимого стрелка убивают белку и домашнюю птицу, сидящих у нее на плечах. Затем, когда гнев Кухулина становится все яростнее, он со сверхъестественной силой обрушивается на целые роты коннахтцев, и сотни людей падают под его натиском. Затем описывается характерное искажение или риастрад, охватившее его в боевом исступлении. Он стал страшным и многоликим существом, какого еще не знали. Каждая его частица трепетала, как камыш в бегущем потоке. Его икры, пятки и окорока сдвинулись вперед, ступни и колени - назад, а мышцы шеи выделялись, как голова маленького ребенка. Один [pg 210] глаз был глубоко запрятан в голову, другой выпячен, рот встретился с ушами, пена лилась из пасти, как руно трехлетней мокрицы. Биение его сердца напоминало рык льва, бросающегося на добычу. Над его головой вспыхнул свет, и "волосы его спутались, как ветви красного терновника, просунутые в щель забора..... Выше, толще, жестче, длиннее мачты большого корабля была перпендикулярная струя сумрачной крови, которая из самой центральной точки его скальпа выстрелила вверх и разлетелась по четырем кардинальным точкам, отчего образовался волшебный туман, напоминающий дымчатую пелену, которая окутывает царственное жилище, когда король в сумерках зимнего дня приближается к нему" ¹⁴⁸.

Таковы были образы, с помощью которых гэльские писатели передавали идею сверхчеловеческого неистовства. Говорят, что при виде Кухулина в пароксизме сотня воинов Маэва упала замертво от ужаса.

Договор у брода

Маэв попыталась соблазнить его великой щедростью, чтобы он оставил дело Ольстера, и вступила с ним в беседу, стоя на противоположных сторонах поляны, через которую они разговаривали. Она внимательно осмотрела его, и ее поразила его маленькая и мальчишеская внешность. Ей не удалось отвратить его от верности Ольстеру, и смерть опустилась на коннахтцев еще гуще, чем прежде; люди боятся выходить на грабеж двадцатками и тридцатками, а по ночам камни из пращи Кухулайна непрерывно свистят по лагерю, калеча и раня. Наконец, при посредничестве Фергуса, было достигнуто соглашение. Кухулен обязался не преследовать воинов, если они [pg 211] будут высылать против него по одному воину, с которыми Кухулен должен был встретиться в бою у брода на реке Ди, который сейчас называется Фердийским бродом. ¹⁴⁹ Пока шел бой, воины могли двигаться дальше, но когда он заканчивался, они должны были разбить лагерь до утра следующего дня. "Лучше потерять одного человека в день, чем сотню", - сказал Маэв, и договор был заключен.

Фергус и Кухулен

Далее рассказывается о нескольких одиночных поединках, в которых Кухулен неизменно одерживает победу. Маэв даже уговаривает Фергуса выступить против него, но Фергус и Кухулайн ни за что не хотят сражаться друг с другом, и Кухулайн, по договоренности с Фергусом, делает вид, что летит перед ним, под обещание Фергуса, что он сделает то же самое для Кухулайна, когда потребуется. Как было выполнено это обещание, мы увидим позже.

Захват Бурого Быка

Во время одного из поединков Кухулина со знаменитым чемпионом Натчранталом Маэв с третью своего войска совершает внезапную вылазку в Ольстер и проникает вплоть до Дунсеверика на северном побережье, грабя и разоряя все на своем пути. Бурый Бык, который первоначально находился в Квелгни (графство Даун), был предупрежден Морриган¹⁵⁰ о необходимости отступить, и вместе со своим стадом коров он укрылся в долине Сливгаллион, графство Армаг. Армаг. Там его находят налетчики Маэва и с триумфом уводят его вместе со стадом, пропуская Кухулайна, когда они возвращаются. Кухулен убивает предводителя эскорта - Буика, сына Банблая, но не может [pg 212] спасти Быка, и "это," говорят, "было самым большим оскорблением, нанесенным Кухулену во время набега."

Морриган

Набег следовало бы прекратить, ибо цель его была достигнута, но к этому времени воины четырех южных провинций¹⁵¹ собрались под началом Маэв для разграбления Ольстера, а Кухулен по-прежнему оставался одиноким стражником в походах. Маэв также не сдержала своего соглашения: против него выходили отряды по двадцать воинов за раз, и ему пришлось немало потрудиться, чтобы защитить себя. Теперь происходит любопытный эпизод поединка с Морриган. К Кухулайну явилась девушка в многоцветной мантии и сказала, что она - дочь короля, привлеченная рассказами о его великих подвигах, и пришла предложить ему свою любовь. Кухулен грубо отвечает ей, что он измучен войной и не может заниматься женщинами. "Тебе будет тяжело, - сказала тогда дева, - когда ты будешь иметь дело с мужчинами, а я буду у твоих ног, как угорь на дне брода". Затем она и ее колесница исчезли из его поля зрения, и он увидел лишь ворона, сидящего на ветке дерева, и понял, что говорил с Морриган.

Поединок с Лохом

Следующим чемпионом, посланным против него Маэв, был Лох, сын Мофебиса. Говорят, чтобы встретиться с этим героем, Кухулайну пришлось вымазать подбородок ежевичным соком, дабы имитировать бороду, дабы Лох не отказался сражаться с мальчишкой. Так они сражались в бросе, и [pg 213] Морриган вышла против него в облике белой телки с красными ушами, но Кухулайн пробил ей глаз броском своего копья. Затем она подплыла к нему по реке, как черный угорь, и обвилась вокруг его ног, и прежде чем он смог избавиться от нее, Лох ранил его. Затем она набросилась на него, как серый волк, и снова, прежде чем он смог одолеть ее, он был ранен Лохом. Тогда боевая ярость овладела им, и он обрушил на Лоха Гэ Болг, разорвав его сердце на две части. "Дай мне подняться, - сказал Лох, - чтобы я упал на лицо на твоей стороне брода, а не спиной к людям Эрина". "Это благо воина, о котором ты просишь", - сказал Кухулайн, - "и оно будет даровано". Так умер Лох; и, как рассказывают, Кухулайн впал в великое уныние, ибо был измотан непрерывным боем и тяжело ранен, и с самого начала набега ни разу не спал, лишь опираясь на копье; и послал он своего возницу Лаэга узнать, не сможет ли он призвать людей Ольстера, чтобы они наконец пришли ему на помощь.

Луг-защитник

Но когда вечером он в мраке и унынии лежал у могильного кургана Лерги, глядя на костры огромного войска, расположившегося напротив него, и на блеск их бесчисленных копий, он увидел, как сквозь строй воинов пробирается высокий и красивый воин, стремительно шагающий вперед, и никто из тех, через кого он проходил, не повернул головы, чтобы посмотреть на него, или, казалось, не видел его. На нем была туника из шелка, расшитая

золотом, и зеленая мантия, скрепленная серебряной брошью; в одной руке он держал черный щит, окаймленный серебром, а в другой - два копья. Незнакомец подошел к Кухулайну и нежно и ласково рассказал ему о его долгих трудах и бодрствовании, о его болезненных ранах, а в конце сказал: "Спи теперь, Кухулайн, у могилы в Лерге; спи [pg 214] и спи глубоко три дня, и на это время я займу твое место и буду защищать Брод от воинства Маэва". Тогда Кухулен погрузился в глубокий сон и транс, а незнакомец приложил к его ранам целебные бальзамы волшебной силы, так что он проснулся целым и свежим, и все время, пока Кухулен спал, незнакомец держал Брод против врага. И знал Кухулайн, что это Луг, отец его, пришедший из народа Дана, чтобы помочь сыну в час мрака и отчаяния.

Жертва мальчишеской дружины

Но все равно мужчины Ольстера оставались беспомощными. В Эмайн Маха находился отряд из трехсот пятидесяти мальчиков, сыновей всех вождей провинций, которых там воспитывали в оружии и благородстве, и они не пострадали от проклятия Маха, ибо оно пало только на взрослых мужчин. Но когда они услышали о тяжелом положении, в котором оказался Кухулайн, их недавний товарищ по играм, они надели легкие доспехи, взяли оружие и отправились за честь Ольстера, под предводительством юного сына Конора, Фолламана, чтобы помочь ему. И Фолламан поклялся, что никогда не вернется в Эманию без диадемы Айллелла в качестве трофея. Трижды они бросались на врага Маэва, и трижды перед ними падало их собственное число, но в конце концов их одолели и перебили, ни один не ушел живым.

Расправа над Муртхемни

Это было сделано, когда Кухулайн лежал в транс, и когда он проснулся, освеженный и здоровый, и услышал, что было сделано, его охватило бешенство, и он вскочил в свою боевую колесницу и яростно поехал вокруг и вокруг войска Маэва. И колесница вспахивала землю, пока колеи не стали похожи на валы крепости, а косы на колесах подхватывали и разрывали тела наседавших воинов, пока они не сгрудились вокруг лагеря, как стена, И когда Кухулен кричал в гнев, демоны, гоблины и дикие твари в Эрине вопили в ответ, так что от ужаса и грохота людское воинство металось туда-сюда, и многие гибли от оружия друг друга, а многие от ужаса и страха. И это было великое побоище, называемое резней Муртхемни, которое Кухулайн устроил, чтобы отомстить за дружину Эмании; шесть тысяч и десять принцев были тогда убиты из войска Маэва, а также лошади, женщины, волкодавы и простой народ без числа людей. Говорят, что Луг мак Этлинн сражался там со своим сыном.

Клан Калатин

Далее люди Эрина решили послать против Кухулайна в одиночном бою клан Калатина. [152](#) Калатин был волшебником, и он и его семь с двадцатью сыновьями составляли как бы одно существо, а сыновья были органами своего отца, и что бы ни делал один из них, все они делали одинаково. Все они были ядовиты, так что любое оружие, которым пользовался один из них, убивало за девять дней человека, которого оно только коснулось. Когда это многообразное существо встретилось с Кухулайном, каждая рука его сразу метнула копье, но Кухулайн поймал двадцать восемь копий на свой щит, и ни одно из них не пролило крови. Тогда он выхватил меч, чтобы отрубить копья, щетинившиеся от его щита, но когда он это сделал, клан Калатин бросился на него и повалил его на землю, ткнув лицом в гравий. При этом Кухулайн издал великий вопль беды от неравного боя, и один из [pg 216] ольстерских изгнанников, Фиаха сын Фираба, который был с войском Маэва и смотрел на бой, не выдержал, видя бедственное положение чемпиона, выхватил свой меч и одним ударом отрубил восемь с двадцать рук, которые вдавливали лицо Кухулайна в гравий брода. Тогда

Кухулайн поднялся и разрубил клан Калатин на части, так что ни один не остался в живых, чтобы рассказать Маэв о том, что сделал Фиаха, иначе он и тридцать сотен его последователей из клана Рюри были отданы Маэв на острие меча.

Фердия в бою

Кухулен одолел всех самых могучих людей Маэва, кроме самого могучего из них после Фергуса - Фердии, сына Дамана. И поскольку Фердия был старым другом и учеником Кухулина, он никогда не выходил против него; но теперь Маэв умоляла его пойти, а он не хотел. Тогда она предложила ему в жены свою дочь, Финдабаир из Прекрасных Бровей, если он согласится встретиться с Кухулайном у брода, но он не согласился. Наконец она велела ему ехать, чтобы поэты и сатирики Эрина не слагали о нем стихов и не выставляли его на позор, и тогда в гневе и печали он согласился ехать и велел своему вознице готовиться к завтрашнему бою. Услышав об этом, все его люди погрузились в уныние, ибо знали, что если Кухулайн и их господин встретятся, то один из них уже не вернется живым.

Очень рано утром Фердия поехала к броду, легла там на подушки и шкуры из колесницы и спала, пока не пришел Кухулайн. Только когда совсем рассвело, возница Фердии услышал гром приближающейся военной машины Кухулина, и тогда он разбудил своего господина, и два друга встретились лицом к лицу [pg 217] друг с другом через брод. И когда они поприветствовали друг друга, Кухулайн сказал: "Не тебе, о Фердия, следовало приехать, чтобы сразиться со мной. Когда мы были со Скатхой, разве не шли мы бок о бок в каждой битве, через каждый лес и пустыню? Разве не были мы сердечными спутниками, товарищами на пирах и собраниях? Разве не делили мы одно ложе и одну глубокую дрему?" Но Фердия ответила: "О Кухулин, о дивный подвижник, хотя мы вместе изучали поэзию и науки, и хотя я слышал, как ты рассказывал о наших дружеских подвигах, все же это моя рука ранит тебя. Я прошу тебя не вспоминать о нашем товариществе, о гончая Ольстера; оно не поможет тебе, не поможет".

Затем они стали спорить, с какого оружия им начать бой, и Фердия напомнила Кухулайну об искусстве метать маленькие копья, которому они научились у Скатха, и они согласились начать с них. Взад и вперед, через брод, гудели легкие копья, как пчелы в летний день, но когда наступил полдень, ни одно оружие не пробило защиту ни одного из чемпионов. Тогда они взялись за тяжелые ракетные копья, и вот уже наконец-то полилась кровь, ибо каждый из чемпионов то и дело ранил другого. Наконец день подошел к концу. "Давайте остановимся", - сказала Фердия, и Кухулен согласился. Тогда каждый бросил руки своему вознице, друзья трижды обнялись и поцеловались, и отправились отдыхать. Их кони стояли в одном загоне, возницы грелись у одного костра, а герои посылали друг другу еду и питье и целебные травы для лечения ран.

На следующий день они снова отправились к броду, и на этот раз, поскольку накануне Фердия выбрала оружие, он велел Кухулайну взять его [pg 218] сейчас. [153](#) Кухулайн выбрал тяжелые, широколезвийные копья для ближнего боя, и с ними они сражались из колесниц до захода солнца, погонщики и кони устали, а тело каждого героя было истерзано ранами. Тогда, наконец, они сдались и бросили свое оружие. И целовали они друг друга, как прежде, и, как прежде, делили все ночью, и мирно спали до утра.

Когда же наступил третий день битвы, Фердия опустил глаза, и Кухулин упрекнул его в том, что он вышел на бой против своего товарища за взятку в виде прекрасной девы, даже Финдабаир, которую Маэв предлагал каждому чемпиону и самому Кухулину, если тем самым будет завоеван Форд; но Фердия сказал: "Благородная гончая, если бы я не предстала перед тобой, когда меня позовут, моя верность была бы нарушена, и я была бы опозорена в

Раткрогане". Теперь настала очередь Фердии выбирать оружие, и они взялись за свои "тяжелые, сильно бьющие мечи", и хотя они вырывали друг у друга из бедер и плеч огромные куски плоти, ни один не мог одержать верх над другим, и в конце концов ночь положила конец бою. На этот раз они расстались в тяжести и мраке, не обменявшись дружескими любезностями, а их погонщики и кони спали отдельно. Страсти воинов теперь накалились до предела.

[pg 219]

Смерть Фердии

На четвертый день Фердия понял, что поединок будет решен, и вооружился с особой тщательностью. На нем была туника из полосатого шелка, украшенная золотыми блёстками, а поверх неё - фартук из коричневой кожи. На живот он положил плоский камень, большой, как мельничный жернов, а поверх него - прочный, глубокий железный фартук, ибо он боялся, что Кухулайн в тот день воспользуется Gae Bolg. И он надел на голову свой гребнеобразный шлем, усыпанный карбункулами и инкрустированный эмалями, и опоясался мечом с золотой рукоятью, а на левую руку повесил свой широкий щит с пятьюдесятью боками из бронзы. Так стоял он у брода, и в ожидании подбрасывал свое оружие и снова ловил его, и совершал множество чудесных подвигов, играя своим могучим оружием, как жонглер играет яблоками; и Кухулен, наблюдая за ним, сказал Лаэгу, своему погонщику: "Если я сегодня уступлю, упрекай и высмеивай меня и подстегивай меня к доблести, и хвали и подбадривай меня, если я справлюсь, ибо мне понадобится вся моя храбрость".

"О Фердия, - сказал Кухулен, когда они встретились, - каким будет наше оружие сегодня?" "Сегодня выбор за тобой", - ответила Фердия. "Тогда пусть будет все или любое", - сказал Кухулен, и Фердия, услышав это, пал духом, но сказал: "Да будет так", и тогда начался бой. До полудня они сражались копьями, и ни один не мог одержать верх над другим. Тогда Кухулен выхватил свой меч и попытался поразить Фердию за край его щита, но великан Фирболг отбросил его. Трижды Кухулен подпрыгивал высоко в воздух, пытаясь поразить Фердию через щит, но каждый раз, когда он опускался, Фердия ловила его за щит и отбрасывала, как маленького ребенка, в брод. А Лаэг насмехался над ним, восклицая: "Он отбрасывает тебя, как река отбрасывает [pg 220] свою пену, он перемалывает тебя, как жернов перемалывает пшеничное зерно; ты, эльф, никогда не называй себя воином".

И тут, наконец, неистовство Кухулина охватило его, и он расширился, как великан, пока не перевалил через Фердию, и свет героя запылал над его головой. Они сцепились, кружась и топчась, а демоны, гоблины и неземные твари лесов вопили с острия их мечей, и воды Форда в ужасе отпрянули от них, так что некоторое время они сражались на суше посреди речного русла. И вот Фердия обнаружил, что Кухулен на мгновение потерял бдительность, и поразил его острием меча, и тот глубоко вонзился в его плоть, и вся река окрасилась его кровью. После этого он сильно надавил на Кухулайна, нанося удары, так что Кухулайн не мог больше терпеть, и крикнул Лаэгу, чтобы тот бросил ему Гэ Болг. Когда Фердия услышал это, он опустил свой щит, чтобы защититься снизу, и Кухулейн вонзил свое копье через край щита и через нагрудник в его грудь. И Фердия снова поднял свой щит, но в этот миг Кухулайн схватил Gae Bolg в свои пальцы и погнал его вверх на Фердию, и оно пробило железный фартук и разорвало на три части жернов, ограждавший его, и глубоко вошло в его тело, так что каждая щель и трещина в нем была заполнена его колючками. "Довольно, - воскликнул Фердия, - я уже умер от этого. Зря я пал от руки твоей, о Кухулайн". Кухулайн подхватил его, когда он упал, и понес на север через брод, чтобы он умер на дальней стороне, а не на стороне людей Эрина. Потом он положил его на землю, и тут Кухулейна охватила слабость, и он уже падал,

когда Лаэг воскликнул: "Вставай, Кухулайн, ибо воинство Эрина надвигается на нас. Они не дадут ни одного боя после падения Фердии". Но Кухулайн сказал: "Зачем [pg 221] мне снова вставать, о слуга мой, ведь тот, кто лежит здесь, пал от моей руки?" И он упал в обморок, подобный смерти. А воинство Маэва с шумом и ликованием, с метанием копий и криками военных песен хлынуло через границу в Ольстер.

Но прежде чем покинуть брод, они взяли тело Фердии и положили его в могилу, и возвели над ним курган, и установили столб-камень с его именем и родословной в Огаме. А из Ольстера пришли некоторые из друзей Кухулина, и они отнесли его в Муртхемни, где омыли его и омыли его раны в ручьях, а его родственники из народа Данаан бросили в реки волшебные травы для его исцеления. Но он пролежал там в слабости и оцепенении много дней.

Восстание Ольстера

Суалтам, отец Кухулина, взял коня своего сына, Серого из Маха, и поехал снова, чтобы узнать, не сможет ли он каким-нибудь способом поднять людей Ольстера на защиту провинции. И поехал он с криком по всему миру: "Мужчин Ольстера убивают, женщин берут в плен, коней гонят!" Но они тупо смотрели на него, словно не понимая, о чем он говорит. Наконец он пришел в Эманию, а там были друид Катбад и король Конор, и все их вельможи и владыки, и Суалтам громко воскликнул к ним: "Мужчин Ольстера убивают, женщин уводят в плен, коней гонят; и только Кухулайн держит брешь в Ольстере против четырех провинций Эрина. Встаньте и защищайтесь!" Но Катбад лишь сказал: "Смерть уготована тому, кто так беспокоит короля"; а Конор сказал: "И все же это правда, что говорит этот человек"; и лорды Ольстера мотнули головами и пробормотали: "Истинно так".

Тогда Суалтам в гневе развернул коня и [pg 222] уже собирался уезжать, как вдруг Серый от неожиданности ударился затылком об острый край щита, лежавшего у него на спине, и тот снес ему голову, а голова упала на землю. И все же она продолжала кричать, пока лежала, и наконец Конор велел положить ее на столб, чтобы она могла отдохнуть. Но оно продолжало кричать и увещевать, и в конце концов в затуманенный разум короля начала проникать истина, а остекленевшие глаза воинов начали светиться, и постепенно чары проклятия Мача были сняты с их разумов и тел. Тогда Конор встал и произнес могучую клятву, сказав: "Небеса над нами, и земля под нами, и море вокруг нас; и если только небеса не обрушатся на нас, и земля не разверзнется, чтобы поглотить нас, и море не захлестнет землю, я верну каждую женщину к ее очагу, и каждую корову к ее скотине" 154. Его друид провозгласил, что час благоприятен, и король велел своим посланцам отправиться со всех сторон и призвать Ольстер к оружию, и он назвал им воинов, давно умерших, а также живых, ибо облако проклятия все еще оставалось в его мозгу.

И когда проклятие отступило от них, люди Ольстера с радостью прибежали на призыв, и со всех сторон скрежетали копья и мечи, надевали доспехи и запрягали боевые колесницы, чтобы выступить из провинции. 155 Одно войско пришло под командованием Конора Короля и Келтчара, сына Утекара Хорнскина, из Эмании на юг, а другое - с запада по самому следу войска Маэва. И напало войско Конора на восемь тысяч [pg 223] мужчин Эрина в Мите, которые уводили большую добычу женщин-невольниц, и они перебили всех мужчин из восьми тысяч и спасли женщин. Затем Маэв со своим отрядом отступила к Коннахту, но когда они достигли Слемон Миди, холма Слейн, в Мите, ольстерские отряды соединились там и приготовились к битве. Маэв послала своего гонца Мак Рота посмотреть на ольстерское войско на равнине Гарах и доложить о нем. Мак Рот вернулся с благоговейным описанием увиденного. При первом же взгляде он увидел, что равнина покрыта оленями и другими

дикими зверями. Их, объяснил Фергус, выгнали из лесов наступающие люди Ольстера. Когда Мак Рот взглянул во второй раз, он увидел туман, заполнивший долины, а вершины холмов возвышались над ним, как острова. Из тумана доносились гром, вспышки света и ветер, который едва не свалил его с ног. "Что это?" - спросила Маэв, и Фергус рассказал ей, что туман - это глубокое дыхание воинов, идущих в поход, свет - вспышки их глаз, а гром - лязг их боевых машин и лязг оружия, когда они идут в бой: "Они думают, что никогда не дойдут до него", - говорит Фергус. "У нас есть воины, чтобы встретить их", - говорит Маэв. "Они вам понадобятся, - говорит Фергус, - ибо во всей Ирландии, да что там, во всем западном мире, вплоть до Греции и Скифии, Брегонской башни¹⁵⁶ и острова Гадес, не найдется ни одного, кто мог бы противостоять людям Ольстера в их гневе".

Далее следует длинный отрывок с описанием внешности и снаряжения каждого из вождей Ольстера.

Битва при Гарахе

Битва произошла на равнине Гарах в Мите. Фергус, опираясь на двуручный меч [pg 224] , который, как говорили, при взмахе в бою образует круги, похожие на арку радуги, каждым ударом сметал целые ряды ольстерцев¹⁵⁷ , а свирепый Маэв трижды вонзался в сердце врага.

Фергус встретил Конора-короля и поразил его в золотой щит, но Кормак, сын короля, умолял сохранить жизнь отцу. Тогда Фергус обратился к Коналу из Побед.

"Слишком горяч ты, - сказал Коналл, - против народа твоего и рода твоего для распутства".¹⁵⁸ Тогда Фергус отказался от истребления ульстерменцев, но в ярости сражения он поразил своим радужным мечом холмы и сбил вершины трех маэлов Митских, так что они и по сей день остаются плосковерхими (mael).

Кухулайн в оцепенении услышал грохот ударов Фергуса и, медленно приходя в себя, спросил Лаэга, что это значит. "Это игра Фергуса на мечях, - ответил Лаэг. Тогда он вскочил на ноги, и его тело расширилось так, что с него слетели все повязанные на нем одежды, и он, вооружившись, бросился в бой. Здесь он встретил Фергуса. "Повернись, Фергус, - крикнул он, - я омою тебя, как пена в луже, я пройду по тебе, как хвост по кошке, я поражу тебя, как мать поражает своего младенца". "Кто это говорит со мной?" - вскричал Фергус. "Кухулен мак Суальтам; и теперь избегай меня, как ты обещал "¹⁵⁹.

"Я обещал даже это", - сказал Фергус и вышел из битвы, а с ним и люди Лейнстера и люди Мунстера, оставив Маэв с семьей сыновьями и хозяев Коннахта одних.

[pg 225]

Когда Кухулайн вступил в бой, был уже полдень; когда вечернее солнце пробилось сквозь листву деревьев, от его боевой колесницы остались лишь два колеса да горстка раздробленных ребер, а воинство Коннахта уже бежало к границе. Кухулайн догнал Маэв, которая присела под своей колесницей и молила о милости. "Я не имею обыкновения убивать женщин", - сказал Кухулен и защищал ее до тех пор, пока она не переправилась через Шеннон в Атлоне.

Бой быков

Но Бурый Бык из Квелгни, которого Маэв послал в Коннахт кружным путем, встретил белорогого Быка Айлелла на равнине Аэй, и два зверя сразились, но Бурый Бык быстро убил

другого и разбросал его осколки по земле так, что куски его были разбросаны от Раткрогана до Тары; а затем безумно носился, пока не упал замертво, ревя и извергая черную кровь, на Хребте Быка, между Ольстером и Айвеагом. Айлелл и Маэв заключили мир с Ольстером на семь лет, и ольстерцы вернулись домой в Эмайн Маха с великой славой.

Так закончился "Тейн Бо Куайльгне", или Скотокрадский рейд Квелгни; он был записан в "Книге Лейнстера" в 1150 году рукой Финна мак Гормана, епископа Килдара, и в конце написано "Благословение всем тем, кто верно произнесет "Тейн" в том виде, в каком он здесь изложен, и не будет произносить его в какой-либо другой форме".

Кухулен в Сказочной стране

Одна из самых странных историй в кельтской легенде рассказывает о том, как Кухулену, уснувшему после охоты, прислонившись к камню-столбу, привиделись две данаанские женщины, которые пришли к нему, вооруженные путьями, и поочередно били [pg 226] его, пока он не умер, и он не мог поднять руку, чтобы защититься. На следующий день и в течение года после этого он лежал в тяжелой болезни, и никто не мог его исцелить.

Тогда пришел человек, которого никто не знал, и велел ему пойти к камню-столбу, где он видел видение, и он узнает, что нужно сделать для его выздоровления. Там он нашел данаанскую женщину в зеленой мантии, одну из тех, кто наказывал его, и она рассказала ему, что Фанд, Жемчужина Красоты, жена морского бога Мананана, влюбилась в него, и она враждует со своим мужем Манананом, а ее царство осаждают три короля-демона, против которых просят помощи Кухулайна, и ценой его помощи должна быть любовь Фанд. Возница Лаэг был послан Кухулайном, чтобы сообщить о Фанд и ее послании. Он отправился в Сказочную страну, что лежит за озером, через которое он переплыл на волшебной лодке из бронзы, и вернулся домой с сообщением о непревзойденной красоте Фанд и чудесах королевства; и тогда Кухулин отправился туда. Здесь он сразился в густом тумане с демонами, которые по описанию напоминают морские волны - несомненно, мы должны понимать, что это народ разгневанного мужа Манананана. Затем он поселился у Фанд, наслаждаясь всеми прелестями сказочной страны в течение месяца, после чего попрощался с ней и назначил место для свидания на земле, в Стране тисового дерева, где она должна была его встретить.

Фанд, Эмер и Кухулен

Но Эмер услышала об этом свидании и, хотя обычно ее не беспокоили многочисленные измены Кухулина, в этот раз она пришла с пятьюдесятью своими девицами, вооруженными острыми ножами, чтобы убить Фанда. Кухулен и Фанд издали видят их колесницы, а [pg 227] вооруженных разъяренных женщин с золотыми застежками, сверкающими на груди, и готовятся защитить свою госпожу. Он обращается к Эмеру в любопытном стихотворении, описывая красоту, мастерство и магическую силу Фанд: "Нет ничего, чего бы не пожелал дух, чего бы она не получила". Эмер отвечает: "По-хорошему, леди, к которой ты привязался, ничуть не лучше меня, но новое всегда сладко, а известное - кисло; ты обладаешь всей мудростью времени, Кухулин! Когда-то мы жили в почете вместе, и могли бы жить до сих пор, если бы я мог найти благосклонность в твоих глазах." "Клянусь тебе, - сказал Кухулен, - и ты найдешь его, пока я жив".

"Отдай меня", - сказал тогда Фанд. Но Эмер сказала: "Нет, лучше пусть я буду покинутым". "Не так, - сказал Фанд, - это я должен уйти". "И охватила Фанд жажда плача, и душа ее была велика, ибо стыдно ей было быть покинутой и сразу же вернуться в свой дом; к тому же бушевала в ней великая любовь, которую она питала к Кухулайну" ¹⁶⁰.

Но Мананан, Сын Моря, знал о ее печали и позоре и пришел ей на помощь, никто не видел его, кроме нее одной, и она приветствовала его в мистической песне. "Вернешься ли ты ко мне?" - сказал Мананнан, - "или останешься с Кухулайном?" "По правде говоря, - сказала Фанд, - никто из вас не лучше и не благороднее другого, но я пойду с тобой, Мананан, ибо нет у тебя другого достойного товарища, кроме того, что есть у Кухулайна в Эмере".

И она отправилась к Мананану, а Кухулен, не видевший бога, спросил Лаэга, что происходит. "Фанд, - ответил он, - уходит с Сыном Моря, поскольку она не угодила тебе".

[pg 228]

Тогда Кухулен взлетел в воздух и скрылся из виду, и долго лежал, отказываясь от мяса и питья, пока наконец друиды не дали ему напиток забвения; и Мананан, как говорят, встряхнул свой плащ между Кухуленом и Фанд, чтобы они больше не встречались в [вечности](#)¹⁶¹.

Мечь Маэва

Хотя Маэв заключила мир с Ольстером после битвы при Гарехе, она поклялась убить Кухулена за весь тот позор и потери, которые он принес ей и ее провинции, и искала, как отомстить ему.

Жена чародея Калатина, которого Кухулен убил на броне, после смерти мужа произвела на свет шестерых детей, а именно трех сыновей и трех дочерей. Они были неправильной формы, отвратительные, ядовитые, рожденные для зла; и Маэв, услышав об этом, послала их учиться искусству магии не только в Ирландии, но и в Альбе; и даже в Вавилон они отправились в поисках тайных знаний, и вернулись они могучими в своем ремесле, и она выпустила их против Кухулайна.

Кухулен и Бланид

Кроме клана Калатин, у Кухулайна были и другие враги, а именно Эре, король Ирландии, сын Каэрпре, которого Кухулайн убил в бою, и Леви, сын Куроя, короля [Мунстера](#)¹⁶². Ибо жена Куроя, Бланид, влюбилась в Кухулайна, и она велела ему прийти и забрать ее из дуна Куроя, и следить за своим временем, чтобы [pg 229] напасть на дун, когда он увидит, что поток, вытекающий из него, побелел. Кухулайн и его люди ждали в лесу неподалеку, пока Бланид не решила, что время пришло, и тогда она вылила в ручей молоко трех коров. Тогда Кухулен напал на дун, захватил его врасплох, убил Куроя и унес женщину. Но Феркартна, бард Куроя, шел с ними и не подавал никаких признаков, пока, оказавшись рядом с Бланид, когда она стояла у края скалы Беара, не обхватил ее руками и не прыгнул с ней в пропасть, и так они погибли, а Курой был отомщен за свою жену.

Все это Маэв тайными посланиями, насмешками и увещеваниями возбудили против Кухулайна, и они ждали, пока не услышали, что проклятие Маха снова тяжело на людях Ольстера, и тогда они собрали войско и отправились на равнину Муртхемни.

Безумие Кухулина

И сначала Дети Калатина навели ужас и уныние на разум Кухулайна, и из чертополоха, пуховиков и трепещущих листьев леса они создали подобие вооруженных батальонов, шедших против Мертемни, и Кухулайну казалось, что он видит со всех сторон дым горящих жилищ, поднимающихся вверх. И два дня он сражался с призраками, пока не заболел и не изнемог. Тогда Катбад и люди Ольстера уговорили его удалиться на уединенную поляну, где

пятьдесят принцесс Ольстера, и среди них Ниам, жена его верного друга Конала Победоносного, ухаживали за ним, и Ниам заставила его поклясться, что он не покинет дун, где он находится, пока она не даст ему разрешения.

Но все равно Дети Калатина наполнили землю воинственными видениями, и дым и пламя поднимались вверх, и [pg 230] дикие вопли и стенания с болтовней, смехом гоблинов и пением труб и рогов разносились по ветру. И Баве, дочь Калатина, вышла в лощину и, приняв облик служанки Ниам, поманила ее и увела в дальний лес, наложив на нее заклятие блуждания, так что она заблудилась и больше не могла найти дорогу домой. Тогда Бэйв в облике Ниам отправился к Кухулайну и велел ему подняться и спасти Ольстер от врагов, которые его преследовали, и Морриган прилетела в облике огромного ворона туда, где сидел Кухулайн с женщинами, и каркнула о войне и резне. Тогда Кухулайн поднялся и позвал Лаэга, чтобы тот запряг его колесницу. Но когда Лаэг искал Серого Маха, чтобы запрячь его, конь бежал от него и сопротивлялся, и только с большим трудом Лаэг смог запрячь его в колесницу, а по его лицу текли крупные слезы темной крови.

Тогда Кухулин, вооружившись, поехал вперед; со всех сторон на него надвигались грозные фигуры и звуки, затуманившие его разум, а потом ему показалось, что он видит над валами Эмайн Маха огромный дым, озаренный вспышками красного пламени, и ему показалось, что он видит труп Эмера, переброшенный через валы. Но когда он пришел в свой дун в Муртхемни, там была жива Эмер, и она умоляла его оставить призраков в покое, но он не послушал ее и простился с ней. Затем он простился со своей матерью Дектерой, и она дала ему кубок вина, чтобы он выпил, но не успел он выпить его, как вино превратилось в кровь, и он отбросил его, сказав: "Конец моей жизни близок; на этот раз я не вернусь живым из битвы". Дектера и Катбад уговаривали его дождаться прихода Конала Победоносного, который был в отъезде, но он не согласился.

[pg 231]

Шайба у брода

Когда он подошел к броду на равнине Эмании, то увидел там на коленях у ручья юную деву, плачущую и причитающую, и она стирала в ручье груды окровавленных одежд и воинского оружия, и когда она подняла из воды капающий жилет или корсет, Кухулин увидел, что это его собственные вещи. А когда они перешли через брод, она исчезла из [виду163](#).

Снова клан Калатин

Затем, распрощавшись с Конором и женщинами Эмании, он снова повернул в сторону Мертемни и врага. Но по дороге он увидел на обочине трех старых простушек, каждая из которых была слепа на один глаз, отвратительных и жалких; они развели небольшой костер из палок и жарили на нем мертвую собаку на вертелах из рябины. Когда Кухулайн проходил мимо, они позвали его сойти и остаться с ними и разделить их пищу. "Не буду", - ответил он. "Если бы у нас был большой пир, - сказали они, - ты бы остался; не пристало великим презирать малых". Тогда Кухулин, чтобы не показаться неучтивым по отношению к убогим, прикурил, взял кусок жаркого и съел его, а рука, которой он его взял, была отрублена до самого плеча, так что прежней силы в ней уже не было. Ибо для Кухулина было гейсом подходить к очагу и брать с него пищу, и для него было гейсом есть от своего [тезки164](#).

[pg 232]

Смерть Кухулина

Недалеко от Слив Фуад, к югу от Армага, Кухулайн нашел войско своих врагов и яростно бросился на них, обрушивая на них "громовые удары" чемпиона, пока равнина не была усеяна их трупами. Тогда один сатирик, подстрекаемый Леви, приблизился к нему и потребовал его копье. ¹⁶⁵ "Получи его", - сказал Кухулайн и метнул его в него с такой силой, что оно прошло сквозь него и убило девять человек. "От этого копья падет король", - сказали Леви Дети Калатина, и Леви схватил его и метнул в Кухулайна, но оно поразило Лаэга, короля возниц, так что его кишки вывалились на подушки колесницы, и он простился со своим господином и умер.

Тогда другой сатирик потребовал копье, и Кухулен сказал: "Я не обязан исполнять более одной просьбы в один день". Но сатирик сказал: "Тогда я буду поносить Ольстер за твое неисполнение", и Кухулен, как и прежде, метнул в него копье, и теперь Эре поймал его, и на этот раз, отлетев назад, оно поразило Серого из Мача смертельной раной. Кухулен вытащил копье из бока коня, они попрощались, и Серый галопом ускакал с половиной ярма, висевшего на шее.

И в третий раз Кухулайн метнул копье в сатира, и Леви снова взял его и метнул обратно, и оно ударило Кухулайна, и кишки его вывалились в колесницу, а оставшийся конь, Черный Сейнгленд, сорвался с места и покинул его.

"Я бы хотел доехать до того берега озера, чтобы напиться", - сказал Кухулайн, понимая, что конец близок, и они позволили ему уехать, хотя он обещал вернуться к ним снова. И он собрал свои кишки в свою [pg 233] грудь и пошел к берегу озера, и выпил, и искупался, и снова вышел на берег, чтобы умереть. Недалеко был высокий камень-столб, стоявший к западу от озера, и он подошел к нему и перекинул свой пояс через него и вокруг груди, чтобы умереть стоя, а не лежа; и кровь его стекала маленьким ручейком в озеро, и выдра выходила из озера и лакала ее. И все собрались вокруг, но боялись подойти к нему, пока в нем еще теплилась жизнь, а над его челом сиял свет героя. Тогда на защиту его встал Серый Маха, разметаив врагов кусанием и пинками.

А потом прилетел ворон и уселся ему на плечо.

Леви, увидев это, приблизился, откинул волосы Кухулайна на одну сторону через плечо и мечом отсек ему голову; и меч выпал из руки Кухулайна и отсек руку Леви, когда тот упал. В отместку за это они взяли руку Кухулайна и понесли голову и руку на юг, в Тару, и там похоронили их, а над ними воздвигли курган. Но Коналл Победоносный, поспешивший к Кухулайну с вестью о войне, встретил Серого Мача, залитого кровью, и вместе они пошли к берегу озера и увидели его без головы, привязанного к столбу-камню, а конь подошел и положил голову ему на грудь. Коналл поехал на юг, чтобы отомстить за Кухулайна, и у реки Лиффи он настиг Леви, а поскольку у Леви была только одна рука, Коналл связал одну из них у него за спиной, и полдня они сражались, но ни один не мог одержать верх. Тогда подоспел конь Коналла, Росисто-красный, и вырвал кусок из бока Леви, а Коналл убил его, взял его голову и вернулся в Эмайн Мача. Но, войдя в город, они не стали демонстрировать триумф, ибо Кухулайна, Гончего Ольстера, больше не было.

[pg 234]

Восстановление Тейна

Традиционно считается, что историю "Тейна", или набега на скот, из Квелгни написал не кто иной, как Фергус мак Рой, но долгое время великий рассказ или сага были утеряны.

Считалось, что она была написана символами огама на деревянных шестах, которые бард, владевший ими, увез с собой в Италию, откуда они уже не вернулись.

Восстановление "Тейна" стало предметом целого ряда легенд, которые сэр С. Фергюсон в своих "Сказаниях западных гэлов" объединил в поэму такой силы, такого проникновения в дух гэльского мифа, что я осмеливаюсь воспроизвести большую часть ее здесь, рассказывая эту необычную и прекрасную историю. Говорят, что после потери "Тейна" Санчан Торпест, главный бард Ирландии, был однажды осмеян на пиру верховным королем Гуари за неспособность прочесть самую знаменитую и великолепную из гэльских поэм. Это до глубины души тронуло барда, и он решил вернуть утраченное сокровище. Далеко-далеко по Эрину и Альбе искал он следы уклада, но смог отыскать лишь разрозненные фрагменты. Он вызвал бы магическими искусствами дух Фергуса, чтобы тот научил его, даже ценой собственной жизни - похоже, такова была цена, которую требовали за вмешательство и помощь мертвых, - но место могилы Фергуса, где должны были быть произнесены заклинания, обнаружить не удалось. Наконец Санчан послал своего сына Мургена с младшим братом Эйменой отправиться в Италию и попытаться выяснить там судьбу посоха-книги. Братья отправились в путь.

"На восток, вширь, через Эрин, прямо по дороге, отправились они вдвоем,
Пока после многодневных странствий Мурген не потерял сознание у Лох-Эйна":

[pg 235]

"Дорогой мой брат, ты устал: я на помощь сейчас лечу:

А ты, пока я возвращаюсь, оставайся здесь, у этого Стоячего камня".

"Сиял закат красный и торжественный: Мурген, прислонившись, наблюдал

По углам колонны вырезаны буквенные штрихи огама.

"Это, верно, погребальный столб, - сказал он, - и в этих неглубоких строках
хранят доблестное имя какого-то воина, если бы я мог правильно написать знаки".

"Букву за буквой прослеживая, мягко он вдыхал звук каждой;

Звук за звуком переплетаясь, знаки обретали форму речи;

И от радости и удивленья, в основном, трепеща, частью от страха",

Мурген прочел легенду ясную: "ФЕРГУС, СЫН РОЯ, ЗДЕСЬ".

Тогда Мурген, хотя и знал о наказании, призвал Фергуса сжалиться над бедой сына и поклялся, что ради возвращения Тейна отдаст свою жизнь, оставит родных, друзей и любимую девушку, чтобы его отец больше не был опозорен. Но Фергус не подавал никаких знаков, и Мурген попробовал прибегнуть к другой мольбе:

"Он не шевелится. Любовь к женщинам тебе ни к чему, Фергус:

Любовь к детям, инстинкты человеческие, о них ты больше не заботишься:

Более широкое понимание, более глубокие прозрения принадлежат мертвым.

Поскольку для Любви ты не проснулся, Спящий, но проснись ради Песни.

"Ты, первый в ритмическом кадансе, слагающий жизни разноголосый рассказ,
войны вождей и любви дев, подарил поэму гэлам;

Теперь они утратили свою благороднейшую меру, и в темные дни, когда наступили тяжелые времена,

Песня будет единственным сокровищем, оставленным им на родной земле".

"Фергус поднялся. Вместе с ним поднялся туман, и в нем мелькнули

Как медные сандалии, слившиеся с зеленой мантией;

Но так густо тучи сомкнулись над ним, что Эймена, наконец, вернулась,

Не нашел на поле пред собою ничего, кроме тумана серого и огромного.

"Трижды пронзить туманные дали пыталась верная Эймена;

Трижды сквозь туманные дебри он возвращался к открытому воздуху;

Пока глубокий голос сквозь дымку не наполнил сумерки далеко и близко

И Ночь, зажегшая звездные огни, опустилась с небес, чтобы послушать.

[pg 236]

"Казалось, будто пастух на землю руно бросил.

Завистливые боги старой эпохи подняли его вверх из мрачных святилищ Греции;

Так белые туманы вьются и сверкают, Чтоб с неба просторы обнажить,

Звезды, увеличиваясь, склонялись и слушали опустевшие глубины воздуха.

"Всю ночь, окруженный туманами, Мурген лежал в паровозной решетке;

Всю ночь глубокий голос звучал под яркими, увеличивающимися звездами:

Но когда на восточных рубежах звезды померкли и туман отступил,

Встав у камня Фергуса, Мурген стоял вдохновленный.

"Назад к Санчану! Отец, поспеши, пока не прошел час власти,

Не спрашивай, как получить, но слушай, что потерянное наконец-то найдено!

Да, в этих словах бродят герои; и маршевая рифма

Перекачивает голоса эпох по эхом отдающимся кручам Времени".

"Пока все не было трижды рассказано, трижды пересказано,

Грустный и пристыженный, измученный и увядший, Мурген искал верную служанку.

"Ах, так измождена, ах, так изменилась; Ты в жизни и любви так сильна!

"Дорого купленные, - замялся Мурген, - жизнь и любовь я продал за песню!

"Горе мне, проигравшему сделку! Что может дать песня мертвому?"

"Слава бессмертна, - пробормотал Мурген, - пока мир радуется гэллов".

Слава, увы, цена, которую ты назначаешь, не окупит ни одной девичьей слезы".

И все же гордая месть, которую я приобрел для своего отца, не кажется мне дорогой".

"И вот, снова в Горт великолепный, когда расстелили питейные столы,

Санчан, как в старину, пришел и сел во главе стола.

Поднеси кубок Санчану Торпеста: двойные золотые кубки, бард, твои,

Если голосом и струной ты арфируешь Тейн-Бо-Куэйлгн, строка за строкой".

"Да, голосом и струной я пропою ее. Мурген на колени отцовское

Завел арфу: прелюдия не нужна, Санчан ударил по клавишам,

И, как бурлящая река, разом вырвавшаяся из пещер Конга,

Как из пещер Конга вырывается бурлящий поток песни.

[pg 237]

"Плывя по бурному потоку, люди спускаются вниз, и берега проплывают мимо:

Пойманный в лирический поток, Гурий, плененный, ухо и глаз,

Не слышал больше придворных насмешек, Не видел больше стен Горта",

Вместо них появились луга [Крив-Рой166](#) и королевский форт Эмании.

"Видение за видением, великолепное видение, - Санчан перекачивал ритмичную сцену;

Те, кто насмехался в похабных насмешках, Теперь, взирая, с удивленным видом

Сидели и, как славословящий владыка, Раскачивали тугие поводья песни,

Чувствовали, как пульс эмоций учащается - фантазии быстрее увязают.

"Жалость забрезжила на диких лицах, когда из-за любви к пленнице Кранн,

Маха, участвуя в скачках за выкуп, подпоясывала свои чресла, чтобы бежать

Навстречу ультоном коням; и, когда Дейдра на дороге

С головой бросилась на коней, веки ее наполнились кровью.

"Свет щедрого мужского пыла, под бровями расслабленными сиял,

Когда на границе Улада, в середине форда, стоял в одиночестве молодой Кучуллин,

Маэв и все ее хозяева: "Теперь, из любви к рыцарской игре,

Уступи юноше, что души его требует; Пусть хозяева поход свой задержат,

"Пока не будет дарована смерть, которой он жаждет; и на его могильном камне

Чемпионские похвалы, должным образом высеченные, сделают его имя и славу известными;

Ибо, в речи содержащий знак, век за веком не давал
приветствия лучше, чем "Узрите могилу героя".

"Что, еще один и еще, а он все еще или с боем зовет?

Ах, жребий на тебя пал, брат его по оружию, Фердия";

И зал от бурных рукоплесканий рыдал, как женщина, не понимая,

Когда чемпионы в паузах смертельного боя целовались.

"Теперь, из любви к земле и скоту, пока Кучуллин в бродах

Задерживает марш Коннаутской битвы, Скачи и поднимай северных лордов;

Стремительно, как разъяренные орлы, полетят они на зов разграбленной обители,

Из Дун-Деальги приведите их, приведите их из зала Красной Ветви!

[pg 238]

"Не слышали ли вы топот армий? Внемлите! Среди внезапного мрака,

Это удар боевой булавы Коналла пронесся по изумленному залу;

И, пока в зале становилось все темнее, король и придворные застыли от ужаса,

Слышали грохот военных повозок Кухуллина над головой.

"Наполовину в удивлении, наполовину в ужасе, не желая оставаться и не желая бежать,

Каждому умоляющему слушателю казалось, что тени королей проносятся мимо:

Но смутная радость удивления слилась наконец с овладевшим ими страхом,

Когда они услышали гром: "ФЕРГУС, сын Роя, здесь!

"Медно-песчаный, окутанный паром, движущийся в ледяном порыве,

Через дверной проем, переполненный ужасом, по столам Фергус прошел.

"Останови свою руку, о арфист, помилуй! Прекрати дикий неземной лепет!

Мурген, неси своему сиру его гвердон". Мурген сидел, точно глиняная фигура.

"Несите его на его теле рядом со мной: никогда больше в залах Горта

Пусть не насмехается надо мной скупой король: рабы Санчана - их спорт!

Но поскольку тоска девы нуждается в сострадании,

Ее ждет заработок, купленный дорогой ценой, ее - сдвоенные яркие кубки из золота".

"Чаши, - кричала она, - горького питья, бросьте их так далеко, как может бросить рука!

Пусть они тонут в океане, исчезают из виду и памяти!

Пусть соединения ритма, пусть связи смысла и звука

Таин-Бо погибнут вместе с ними, потерянные, словно их никогда не находили!

"Так вот и получается, что напев, восстановленный однажды такой смертельной ценой,

И не успев дочитать до конца, снова все потеряно:

Ибо девичье проклятье все еще со множеством пятен

В более грубых одеждах вымысла облекает оставшиеся фрагменты".

Призрачная колесница Кухулина

Однако Кухулен вновь появляется в впечатляющем образе в гораздо более поздней легенде христианского происхождения, которая содержится в "Книге коровы Дун" двенадцатого века. По преданию, он был вызван из ада святым Патриком, чтобы доказать [pg 239] истины христианства и ужасы проклятия языческому монарху Лаэри Мак Нилу, королю Ирландии. Лаэри вместе со святым Бененом, спутником Патрика, стоят на равнине Мак-Индок, когда порыв ледяного ветра едва не сбивает их с ног. Это ветер Ада, объясняет Бенен, после того как он открылся перед Кухулином. Затем равнину окутывает густой туман, и вскоре сквозь него вырисовывается огромная призрачная колесница с несущимися галопом лошадьми, серой и черной. Внутри нее находятся знаменитые двое - Кухулен и его возница, гигантские фигуры, вооруженные со всем величием гэльского воина.

Затем Кухулен обращается к Лаэри и призывает его "верить в Бога и святого Патрика, ибо не демон пришел к тебе, а Кухулен, сын Суалтама". Чтобы доказать свою личность, он рассказывает о своих знаменитых ратных подвигах, а в конце с горечью описывает свое нынешнее состояние:

"Как я страдал от бед,

О Лаэри, на море и на суше.

Но еще тяжелее была одна ночь.

Когда демон был разгневан!

Как ни велик был мой героизм,

Как ни тверд был мой меч,

Дьявол раздавил меня одним пальцем

В красный уголь!"

В конце он умоляет Патрика даровать ему рай, и легенда гласит, что молитва была исполнена и Лаэри поверил.

Смерть Конора мак Несса

Христианские представления сложились и вокруг смерти повелителя Кухулина, короля Ольстера Конора. Способ его смерти был следующим: Он совершил несправедливое и жестокое нападение на Месгедра, короля Лейнстера, [pg 240] в результате которого монарх погиб от руки Конала Победоносного. [167](#) Конал вынул мозги мертвого короля и смешал их с известью, чтобы сделать камень для пращи - такие "мозговые шары", как их называли, считались самыми смертоносными из ракет. Этот шар хранился в королевской сокровищнице в Эмайн Маха, где его однажды нашел чемпион Коннахта Кет, сын Мага, когда в маскировке пробирался по Ольстеру. Кет забрал его и всегда держал при себе. Вскоре после этого коннахтцы захватили в Ольстере трофейный скот, и ольстерцы под

предводительством Конора нагнали их у речного брода, который до сих пор называется Атнурчар ("Брод пращи") в Вестмите. Битва была неминуема, и многие дамы Коннахта пришли на свой берег реки, чтобы посмотреть на знаменитых ульстерских воинов, и особенно на Конора, самого статного мужчину своего времени. Конор хотел показать себя и, увидев на том берегу только женщин, приблизился к ним; но Кет, притаившийся в засаде, поднялся и метнул в Конора мозговой шар, поразив его в лоб. Конор упал, и его унесли с собой его последователи. Когда его, еще живого, доставили домой, в Эмайн Мача, его лекарь Финген заявил, что если извлечь шар из головы, то он умрет; его зашили золотой нитью, а королю велели воздерживаться от верховой езды и всех пылких страстей и нагрузок, и он поправится.

Через семь лет после этого Конор увидел, как солнце потемнело в полдень, и позвал своего друида, чтобы тот рассказал ему о причине этого предзнаменования. Друид, находясь в магическом трансе, поведал ему о холме в далекой стране, на котором стоят три креста с прибитыми к каждому из них человеческими фигурами, и один из них подобен Бессмертным. "Неужели он [pg 241] злодей?" - спрашивает Конор. "Нет, - отвечает друид, - это Сын Бога Живого", - и он рассказывает королю историю о смерти Христа. Конор впадает в ярость и, выхватив меч, рубит дубы в священной роще, восклицая: "Так расправлюсь я с его врагами", но от волнения и напряжения мозговой шар вырывается из его головы, и он падает замертво. Так свершилась месть Месгедры. С Конором и Кухулайном ушла слава Красной ветви и господство над Ольстером. В следующем, оссиановском, цикле ирландской легенды на сцену выходят другие персонажи, другое физическое окружение и совершенно иные жизненные идеалы.

Кет и вепрь Мак Дато

Коннахтский чемпион Кет, чьим главным подвигом было ранение короля Конора при Арднурчаре, фигурирует также в очень драматичной истории под названием "Резка кабана мак Дато". Сюжет ее таков:

Давным-давно в провинции Лейнстер жил богатый гостеприимный лорд по имени Месрода, сын Дато. Было у него два владения: гончая, которая могла обогнать любую другую гончую и любого дикого зверя в Эрине, и кабан, самый лучший и большой по размеру, которого когда-либо видел человек.

Слава об этой гончей разнеслась по всей земле, и многие князья и лорды жаждали обладать ею. И вот Конор, король Ольстера, и Маэв, королева Коннахта, послали гонцов к Мак Дато, чтобы попросить его продать им эту гончую за определенную цену, и оба гонца прибыли в дун Мак Дато в один и тот же день. Сказал коннахтский гонец: "Мы дадим тебе в обмен на гончую шестьсот дойных коров и колесницу с двумя лошадьми, лучшими из тех, что можно найти в Коннахте, а в конце [pg 242] года ты снова получишь столько же". И посланец короля Конора сказал: "Мы дадим не меньше, чем Коннахт, и дружбу и союз Ольстера, и это будет для тебя лучше, чем дружба Коннахта".

Тогда Месрода мак Дато замолчал и три дня не ел и не пил, не спал ночами, но беспокойно ворочался на своем ложе. Его жена заметила его состояние и сказала ему: "Долго ты постишься, Месрода, хотя хорошей пищи у тебя в изобилии; а ночью ты отворачиваешься лицом к стене, и хорошо я знаю, что ты не спишь. В чем причина твоей беды?"

"Есть такая поговорка, - ответил Мак Дато, - "Не доверяй денег рабу, ни тайны женщине"".

"Когда мужчина должен говорить с женщиной, - сказала его жена, - как не тогда, когда что-то не так? То, что не может решить твой ум, может решить другой".

Тогда Мак Дато рассказал жене о том, что его гончую просят одновременно и из Ольстера, и из Коннахта. "И кому бы из них я ни отказал, - сказал он, - они будут гонять мой скот и убивать моих людей".

"Тогда выслушай мой совет, - сказала женщина. "Отдай его им обоим и прикажи им прийти и принести его; и если нужно будет приструнить их, пусть они приструнят друг друга; но ни в коем случае не оставляй гончую у себя".

Мак Дато последовал этому мудрому совету и пригласил Ольстер и Коннахт на большой пир в тот же день, сказав каждому из них, что гончая достанется им после.

И вот в назначенный день Конор Ольстерский, и Маэв, и их дружины, состоявшие из князей и могучих людей, собрались в дуне Мак Дато. Там они застали большой пир, а для приготовления главного блюда Мак Дато [pg 243] убил своего знаменитого кабана, зверя огромных размеров. Теперь встал вопрос о том, кому достанется почетная обязанность разделать его, и Брикriu из Отравленного Языка, характерно, ради любимых им разборок, предложил, чтобы воины Ольстера и Коннахта сравнили свои главные ратные подвиги и отдали разделку кабана тому, кто лучше всех проявил себя в пограничных схватках, которые постоянно происходили между провинциями. После долгих слов и насмешек Кет сын Мага встает и стоит над кабаном с ножом в руке, бросая вызов каждому из ольстерских лордов сравниться с ним в доблести. Один за другим поднимаются они, Кускрид сын Конора, Келтчар, Мунремур, Лаэри Триумфатор и другие - Кухулен в этой истории не представлен, и в каждом случае Кет рассказывает какую-нибудь язвительную историю о поединке, в котором он оказался лучше, чем они, и один за другим они садятся, пристыженные и молчаливые. Наконец у дверей зала раздается приветственный крик, и ольстермцы ликуют: На сцене появился Коналл из Побед. Он подходит к кабану, и Кет и он приветствуют друг друга с рыцарской вежливостью:

"А теперь приветствую тебя, о Коналл, ты с железным сердцем и огненной кровью; острый, как блеск льда, вечно победоносный вождь; приветствую тебя, могучий сын Финнхома!" - сказал Кет.

И Коналл сказал: "Слава тебе, Кет, цветок героев, повелитель колесниц, бушующее море в битве; сильный, величественный бык; слава тебе, сын Мага!"

"А теперь, - продолжал Коналл, - поднимись с вепря и уступи мне место".

"Почему?" - ответил Кет.

"Ты хочешь состязаться со мной?" - сказал Коналл. "Воистину, ты получишь его. Богами моего народа я клянусь, что с тех пор, как я впервые взял в руки оружие, [pg 244] не было ни одного дня, чтобы я не убил коннахтца, ни одной ночи, чтобы я не совершил набег на них, ни разу я не спал, если под коленом у меня не лежала голова коннахтца".

"Признаюсь, - сказал тогда Кет, - что ты лучше меня, и я уступаю тебе кабана. Но если бы здесь был Анлуан, брат мой, он бы сравнялся с тобой в подвиге, и горе и позор, что его нет".

"Анлуан здесь", - крикнул Коналл и, вытащив из пояса голову Анлуана, бросил ее в лицо Кету.

Тогда все вскочили на ноги, поднялся дикий крик и шум, мечи вылетели сами собой, и в зале Мак Дато закипела битва. Вскоре воины вырвались через двери дуна и били и убивали друг

друга в открытом поле, пока коннахтцы не обратились в бегство. Гончая Мак Дато преследовала колесницу короля Айллелла Коннахтского, пока возница не отрубил ей голову, и так спор не был выигран ни одной из сторон, и Мак Дато потерял свою гончую, но сохранил свои земли и жизнь.

Смерть Кета

О смерти Кета рассказывается в "Истории Ирландии" Китинга. Возвращаясь из похода в Ольстер, он был настигнут Коналлом в месте, называемом Брод Кета, и они долго и отчаянно сражались. В конце концов Кет был убит, но Коналлу из Побед пришлось не легче, и он лежал, истекая кровью, когда его нашел другой чемпион Коннахта по имени [Беалку168](#). "Убей меня, - сказал ему Коналл, - чтобы не говорили, что я пал от руки одного коннахтца". Но Беэльку сказал: "Я не стану убивать человека на месте смерти, но я приведу тебя домой и вылечу, и когда ты снова наберешься сил [pg 245], ты сразишься со мной в одиночном бою". Тогда Беэльку положил Коналла на подстилку, принес его домой и ухаживал за ним, пока его раны не зажили.

Однако трое сыновей Беэлку, увидев, каков ольстерский чемпион во всей своей мощи, решили убить его до того, как состоится бой. Коналл хитростью добился того, что вместо него они убили собственного отца, а затем, прихватив головы трех сыновей, победоносно, как это было принято, отправился обратно в Ольстер.

Смерть Маэв

Рассказ о смерти королевы Маэв также сохранился у Китинга. Фергус мак Рой был убит Айллеллом броском копья, когда он купался в озере вместе с Маэв, а Айллелл был убит Коналлом, Маэв удалилась на [остров169](#) в Лох-Райве, где каждое утро рано купалась в бассейне неподалеку от места высадки. Форбей, сын Конора мак Несса, обнаружив эту привычку королевы, нашел однажды способ незаметно подойти к бассейну и измерить расстояние от него до берега материка. Затем он вернулся в Эманию, где отмерил полученное расстояние и, положив яблоко на шест с одного конца, постоянно стрелял в него из пращи, пока не стал настолько метким стрелком на этом расстоянии, что никогда не промахивался. Однажды на берегу Лох-Райва он увидел, как Маэв входит в воду, и, вложив пулю в пращу, выстрелил в нее с такой меткостью, что попал ей в середину лба, и она упала мертвой.

Великая королева-воительница царствовала в Коннахте, как говорили, восемьдесят восемь лет. Она является ярким примером [pg 246] того типа женщин, которых гэльские барды с удовольствием изображали. Мягкость и скромность отнюдь не были их обычными чертами, а, скорее, яростная жизнь, переполняющая их. Часто встречаются женщины-воительницы, такие как Скатха и Айфа, и вспоминаются галльские женщины с их могучими белоснежными руками, которых так опасно провоцировать, и о которых рассказывают классические писатели. Гэльские барды, во многом предвосхитившие идеи рыцарского романа, не ставили женщин на отдельное от мужчин место. Женщин судили и обращались с ними так же, как с мужчинами, - ни как с труженицами, ни как с богинями, и мы знаем, что уже в исторические времена они шли с мужчинами в бой, и эта практика прекратилась только в шестом веке.

Фергус мак Леда и маленький народ

Из всех историй Ультонского цикла, в центре которых не стоит фигура Кухулина, одной из самых интересных является история о Фергусе мак Леда и короле слабых людей. В этой

сказке Фергус предстает как король Ольстера, но поскольку он был современником Конора мак Нессы, а в "Скотоводческом рейде Квельгни" изображен следующим за ним на войну, мы должны заключить, что он действительно был субкоролем, как Кухулен или Оуэн из Ферни.

Повесть открывается в Фейлинне, или Стране слабых людей, расе эльфов, представляющих собой забавную пародию на человеческие институты в уменьшенном масштабе, но наделенных (как и карлики в целом в литературе о примитивных расах) магическими способностями. Иубдан¹⁷⁰, король Фейлинна, разгоряченный вином на пиру, хвастается величием своей власти и непобедимостью своих вооруженных сил - разве нет среди них силача Глоура, который своим топором, как известно, одним ударом срубает чертополох? Но королевский бард, [pg 247] Эйсирт, что-то слышал о заморской расе великанов в стране под названием Ольстер, один человек из которой мог бы уничтожить целый батальон "Маленького народца", и он неосторожно позволяет себе намекнуть об этом хвастливому монарху. За свою дерзость он немедленно попадает в тюрьму, и освобождается только после того, как обещает немедленно отправиться в страну могучих людей и привезти оттуда доказательства правдивости своей невероятной истории.

И вот он отправляется в путь; и в один прекрасный день король Фергус и его лорды обнаруживают у ворот своего Дуна крошечного паренька, великолепно одетого в одежды королевского барда, который требует входа. Его вносят на руках у Иды, королевского карлика и барда, и, очаровав двор своими мудрыми и остроумными речами и получив знатный подарок, который он тут же распределяет между поэтами и другими придворными Ольстера, он отправляется домой, прихватив с собой в качестве гостя карлика Иду, перед которым "Маленький народ" летает как перед "фоморским великаном", хотя, как объясняет Эйсирт, обычный человек из Ольстера может нести его как ребенка. Иубдан убежден в этом, но Эйсирт заставляет его под влиянием geise, рыцарских уз, от которых ни один ирландский вождь не может отказаться без стыда, самому отправиться, как это сделал Эйсирт, во дворец Фергуса и отведать королевской каши. Иубдан, увидев Иду, сильно встревожился, но собрался в путь и велел Бебо, своей жене, сопровождать его. "Ты поступил дурно, - говорит она, - когда приговорил Эйсирта к заточению; но, конечно, нет под солнцем человека, который мог бы заставить тебя услышать разум".

И вот они отправляются в путь, и сказочный конь Иубдана несет их по морю, пока они не достигают Ольстера, и к полуночи они стоят перед дворцом короля. "Попробуем каши, как и было задумано, - говорит Бебо, - и отправимся в путь до рассвета". Они пробираются внутрь и находят [pg 248] горшок с кашей, до края которого Иубдан может дотянуться, только встав на спину коня. Наклонившись вниз, чтобы достать кашу, он теряет равновесие и падает. Там, в густой каше, он и застревает, и на рассвете его находят черевички Фергуса с верным Бебо, который причитает. Они несут его к Фергусу, который удивляется, обнаружив в своем дворце еще одного маленького мужчину, да еще и с женщиной. Он радушно принимает их, но отказывается от всех призывов отпустить их. Далее в рассказе в духе широкого юмора пересказываются несколько раблезианских приключений, в которых участвует Бебо, и приводится очаровательное стихотворение, которое, как предполагается, было произнесено Иубданом в виде совета пожарному Фергусу относительно достоинств различных видов древесины для сжигания. Ниже приведены выдержки:

"Не жги милую яблоню с поникшими ветвями, с белыми цветами, к чьей благодатной голове каждый протягивает руку".

"Не сжигайте благородную иву, неизменное украшение поэм; пчелы пьют из ее цветов, все восхищаются изящным шатром".

"Нежное, воздушное дерево друидов, рябина с ее ягодами, это жги; но избегай слабого дерева, не жги стройный орешник".

"Не жги ясень с черными почками - древесину, что ускоряет колесо, что дает всаднику смену; пепельное копье - луч чешуи в битве".

В конце концов, "народ плача" приходит в большом количестве, чтобы просить освободить Иубдана. В ответ на отказ короля они насылают на страну разные беды: срывают колосья кукурузы, дают телятам высосать всех коров, оскверняют колодцы и т. д.; но Фергус непреклонен. В качестве богов земли, *dei terreni*, они обещают, что каждый год равнины перед дворцом Фергуса будут покрываться кукурузой без вспашки и посева, [pg 249] но все тщетно. Наконец Фергус соглашается выкупить Иубдана за лучшие из его сказочных сокровищ, и Иубдан рассказывает о них: о котле, который никогда не опустошается, об арфе, которая играет сама по себе; наконец, он упоминает о паре водяных башмаков, в которых человек может пройти над водой или под водой так же свободно, как по суше. Фергус принимает обувь, и Иубдан освобождается.

Обида Фергуса

Но смертному трудно добиться расположения Фейриленда - в волшебных дарах таится скрытая злоба, так оказалось и сейчас. Фергус не устал исследовать глубины озер и рек Ирландии; но однажды в Лох-Рури он встретился с ужасным чудовищем, Муирдрисом, или речным конем, обитавшим в этом озере, от которого он едва спасся, вылетев на берег. От ужаса этой встречи его лицо перекошилось; но поскольку нечистый человек не мог править в Ирландии, его королева и вельможи под каким-то предлогом постарались изгнать из дворца все зеркала и скрывали от него его состояние. Однажды, однако, он ударил подменышем служанку за какую-то неосторожность, и та, возмущенная, воскликнула: "Лучше бы ты, Фергус, отомстил речному коню, который исказил твое лицо, чем совершать отважные поступки с женщинами!" Фергус велел принести ему зеркало и посмотрелся в него. "Это правда, - сказал он, - это сделал речной конь из Лох-Рури".

Смерть Фергуса

В заключение можно привести слова из прекрасной поэмы сэра Сэмюэля Фергюсона на эту тему. Фергус [pg 250] надел волшебные башмаки, взял в руки меч и отправился в Лох-Рюри:

"День и ночь

Под волнами он отдыхал, скрытый от глаз,

Но все улынцы, что стояли на берегу.

Видели, как лох кипит и краснеет от его крови.

Когда на рассвете небо стало еще краснее.

Он поднялся, и в его руке была голова Мюрриса.

Исчезло пятно! На его красивом лице

Каждая черта симметрична и на своем месте:

И все, кто видел его, отмечали во всем его облике

Королевское самообладание, полное и безмятежное.

Он улыбнулся; он бросил свой трофей на берег,

Сказал: "Я, выживший, Ульстермен!" - и утонул".

Эта прекрасная сказка была полностью опубликована с эгертоновской рукописи мистером Стэндишем Хейзом О'Грейди в его "Сильве Гаделике". Юмористическое отношение к сказочному элементу в этой истории указывает на ее принадлежность к позднему периоду ирландской легенды, но трагическая и благородная развязка безошибочно указывает на ее принадлежность к ольстерской бардовской литературе, и она попадает в тот же порядок идей, если не была написана в тот же период, что и сказания о Кухулине.

Значение ирландских географических названий

Прежде чем оставить этот великий цикл легендарной литературы, давайте обратим внимание на то, что уже, возможно, привлекло внимание некоторых читателей, - на то, в какой степени его главные персонажи и эпизоды были отмечены в до сих пор сохранившихся географических названиях страны.¹⁷¹ Это верно для ирландской легенды в целом, и особенно это верно для Ультонийского цикла. На протяжении многих веков тьмы и забвения эти названия верно указывали на скрытые сокровища героической романтики [pg 251], которые труды наших дней теперь возвращают к свету. Название маленького городка Арди, как мы уже [видели](#)¹⁷², напоминает о трагической гибели Фердии от руки его "спутницы сердца", благороднейшего героя гэлов. Руины Дун Барух, где Фергуса пригласили на вероломный пир, до сих пор смотрят на воды Мойла, по которым Найси и Дейрдре плыли на свою гибель. Арднурчар, Холм брошенной пращи, в [Вестмите](#)¹⁷³, заставляет вспомнить историю о величественном монархе, толпе глазеющих женщин и склонившемся враге со смертоносным снарядом, несущим возмездие Месгедры. Название Армаг, или Ард Маха, Холм Маха, хранит память о невесте феи и ее героической жертве, а травянистый вал все еще можно проследить там, где богиня войны в более ранней легенде нарисовала его контур булавкой своей броши, когда основывала королевскую крепость Ольстера. Подобными примерами можно было бы заполнить многие страницы. Пожалуй, ни в одной современной стране географические названия не несут в себе столько легендарных ассоциаций, как в Ирландии. Поэзия и миф все еще тесно связаны с самой почвой этой земли - факт, в котором лежит готовое к использованию агентство для образования, для вдохновения, самого благородного вида, если бы у нас только хватило проницательности, чтобы увидеть его, и искусства, чтобы использовать его.

[pg 252]

ГЛАВА VI: СКАЗАНИЯ ОССИАНИЧЕСКОГО ЦИКЛА

Фианна Эрина

Как сказания Ультонийского цикла группируются вокруг героической фигуры Гончей Каллана, так и сказания Оссиановского цикла - вокруг Финна мак [Кумхала](#)¹⁷⁴, чей сын [Оисин](#)¹⁷⁵ (или Оссиан, как называл его Макферсон в притворных переводах с гэльского, впервые представивших его англоязычному миру) был поэтом, а также воином, и

традиционно является автором большинства из них. Предполагается, что события Ультонийского цикла происходили примерно во время рождения Христа. События Оссиановского цикла приходятся в основном на время правления Кормака Мак Арта, жившего в III веке н. э. Во время его правления Фианна Эрина, представляемая как своего рода военный орден, состоящий в основном из членов двух кланов, клана Баскна и клана Морна, и призванная служить Верховному королю и отражать иноземных захватчиков, достигла вершины своей славы под командованием Финна.

Летописцы древней Ирландии рассматривали историю Финна и Фианны в ее основных чертах как трезвую историю. Вряд ли это так. В период расцвета Фианны в Ирландии не было иноземных захватчиков, и сказания не бросают ни лучика света на реальную историю страны; они гораздо больше связаны со сказочной страной, населенной сверхъестественными существами, прекрасными или ужасными, чем с каким-либо участком реальной земли, населенным реальными мужчинами и женщинами. Современный критический читатель этих сказок скоро почувствует, что искать какую-либо основу для фактов в этом сверкающем [pg 253] мираже было бы бесполезно. Но этот мираж был создан поэтами и сказочниками, обладающими столь редким литературным даром, что он сразу же завладел воображением ирландских и шотландских гэлов.

Оссиановский цикл

Самые ранние из дошедших до нас сказаний этого цикла встречаются в рукописях одиннадцатого и двенадцатого веков, а сочинены они были, вероятно, на пару столетий раньше. Но цикл продолжался в состоянии жизненного роста в течение тысячи лет, вплоть до "Сказания об Ойсине в стране юности" Майкла Комина, написанного около 1750 года и завершившего долгую историю гэльской литературы.¹⁷⁶ По [оценкам](#)¹⁷⁷, если бы все сохранившиеся сказания и поэмы оссиановского цикла можно было напечатать, они заполнили бы около двадцати пяти томов размером с этот. Более того, очень большая часть этой литературы, даже если бы рукописей вообще не было, могла бы в течение последнего и предыдущих столетий быть восстановлена из уст того, что нелепо называют "неграмотным" крестьянством в Горных горах и в гэлоязычных районах Ирландии. Нам не может не быть интересно изучить характер литературы, которая была способна произвести такое заклинание.

В сравнении с Ультонским циклом

Начнем с того, что читатель окажется в совершенно иной атмосфере, чем та, в которой живут и двигаются герои Ультонийского цикла. Все говорит о более поздней эпохе, когда жизнь была мягче и спокойнее, когда люди больше жили в поселениях и городах, [pg 254] когда народ данаев был скорее феями, а не божествами, когда в литературе преобладали элементы чуда и романтики, а железная струна героизма и самопожертвования звучала реже. В оссиановской литературе есть осознанный восторг от дикой природы, от пейзажей, от пения птиц, от музыки погони по лесу, от таинственных и романтических приключений, что безошибочно говорит о времени, когда свободная жизнь под открытым небом "под деревом зеленым" вспоминается и идеализируется, но уже не является привычной жизнью для тех, кто ее прославляет. Существенно меняется и место действия. Конорийские сказания были продуктом литературного движения, берущего свое начало среди мрачных холмов или на суровых скалистых берегах Ольстера. В оссиановском цикле мы оказываемся в Средней или Южной Ирландии. Большая часть действия происходит среди мягкого колдовства килларнийского пейзажа, и разница между этими двумя регионами отражается в этических нравах сказаний.

В Ультонском цикле можно заметить, что как бы экстравагантно ни использовался сверхъестественный элемент, конечное значение почти каждой сказки, конец, к которому приводят все сверхъестественные механизмы, - это нечто реальное и человеческое, нечто, имеющее отношение к добродетелям или порокам, страстям или обязанностям мужчин и женщин. В оссиановском цикле, в общем и целом, это не так. Более благородная жилка литературы, похоже, исчерпана, и теперь мы имеем красоту ради красоты, романтику ради романтики, ужас или тайну ради возбуждения, которое они вызывают. Оссиановские сказания - это, в лучшем случае,

"Прекрасные явления, посланные, чтобы украсить мгновение".

Им не хватает того, что есть в самом благородном искусстве, как в [pg 255] самых благородных личностях, что имеет силу "предупреждать, утешать и повелевать".

Пришествие Финна

Король Кормак мак Арт, несомненно, был историческим персонажем, что, пожалуй, больше, чем мы можем сказать о Коноре мак Нессе. Стоит ли за славной фигурой его великого капитана Финна какая-либо реальная личность, сказать сложнее. Но для нашей цели нет необходимости углубляться в этот вопрос. Он был творением кельтского ума на одной земле и на одной стадии его развития, и наша задача - показать, какого героя ирландский ум любил идеализировать и создавать о нем истории.

Финн, как и большинство ирландских героев, имел отчасти данаанское происхождение. Его мать, Мурна из Белой Шеи, была внучкой Нуады из Серебряной Руки, который женился на Этлинн, дочери Балора Фоморийца, родившей Киану бога Солнца Луга. Отцом Финна был Кумхал сын Тренмора. Он был вождем клана Баскна, который соперничал с кланом Морна за лидерство в Фианне, и был свергнут и убит ими в битве при [Нохе178](#).

Среди клана Морна был человек по имени Лиа, владыка Луахара в Коннахте, который был казначеем Фианны и хранил Мешок Сокровищ, мешок из кожи журавля, в котором было волшебное оружие и драгоценности великой цены, дошедшие до нас со времен данайцев. И стал он казначеем клана Морна и по-прежнему хранил сумку в Рат Луахар.

Мурна, после поражения и смерти Кумхала, укрылась в лесах Слив [Блум179](#), и там родила ребенка-мужчину, которого назвала Демной. Опасаясь, [pg 256] что клан Морна найдет его и убьет, она отдала его на воспитание в дикий лес двум пожилым женщинам, а сама стала женой короля Керри. Демна же, когда он вырос и стал юношей, назвали Финном, или Прекрасным, за белизну его кожи и золотистые волосы, и под этим именем он всегда был известен впоследствии. Первым его подвигом было убийство Лиа, у которого был мешок с сокровищами Фианны, который он у него отобрал. Затем он разыскал своего дядю Криммала, который вместе с несколькими другими стариками, оставшимися в живых из числа вождей клана Баскна, спасся от меча в Каслкноке и жил в нищете и страданиях в глухих лесах Коннахта. Он снабдил их свитой и охраной из числа юношей, которые следили за его судьбой, и передал им Мешок с сокровищами. Сам же он отправился учиться поэзии и наукам у древнего мудреца и друида по имени Финегас, жившего на реке Бойн. Здесь, в бассейне этой реки, под ветвями орешника, с которых на ручей падали орехи Знания, жил Финтан - Лосось Знания, съев которого, человек обретал всю мудрость веков. Финегас много раз пытался поймать этого лосося, но безуспешно, пока Финн не стал его учеником. И вот однажды он поймал его и отдал Финну, чтобы тот приготовил его, приказав ему самому ничего не есть, но сообщить, когда он будет готов. Когда юноша принес лосося, Финегас увидел, что его лицо изменилось. "Ты ел семгу?" - спросил он. "Нет, - ответил Финн, - но когда

я насаживал его на вертел, мой палец обожгло, и я поднес его ко рту". "Возьми лосося знаний и съешь его, - сказал тогда Финегас, - ибо в тебе сбылось пророчество. А теперь иди, ибо я больше не могу тебя учить".

После этого Финн стал столь же мудрым, сколь сильным и [pg 257] смелым, и говорят, что всякий раз, когда он желал предсказать, что произойдет или что происходит на расстоянии, ему достаточно было положить в рот большой палец и укусить его, и желаемое знание приходило к нему.

Финн и гоблин

В это время Голл, сын Морна, был капитаном Фианны Эрина, но Финн, придя в мужское сословие, пожелал занять место своего отца Кумхала. Он отправился в Тару и во время Великого собрания, когда никто не мог поднять руку на другого в окрестностях Тары, сел среди королевских воинов и фианнов. Наконец король отметил его как чужака среди них и велел ему объявить свое имя и род. "Я Финн, сын Кумхала, - сказал он, - и я пришел, чтобы служить тебе, о король, как служил мой отец". Король принял его с радостью, и Финн поклялся ему в верной службе. Вскоре после этого наступило время года, когда Тару тревожил гоблин или демон, который приходил в сумерках и пускал огненные шары по королевскому городу, поджигая его, и никто не мог сразиться с ним, ибо, приходя, он играл на арфе такую сладкую музыку, что каждый, кто слышал ее, погружался в мечты и забывал обо всем на земле ради того, чтобы слушать эту музыку. Когда об этом рассказали Финну, он отправился к королю и сказал: "Могу ли я, если убью гоблина, получить место моего отца в качестве капитана Фианны?" "Да, конечно", - сказал король, и он связал себя с ним клятвой.

Среди воинов был старый последователь отца Финна, Кумхал, который владел волшебным копьем с наконечником из бронзы и заклепками из арабского золота. Наконечник хранился на шнурке в кожаном футляре, и оно обладало свойством: когда обнаженное лезвие прикладывалось ко лбу человека, оно [pg 258] наполняло его силой и боевой яростью, которые делали его непобедимым в любом бою. Это копье человек Фиаха дал Финну, научил его пользоваться им, и с ним он ждал прихода гоблина на валах Тары. Когда наступила ночь и туман начал сгущаться на широкой равнине вокруг холма, он увидел тень, стремительно приближающуюся к нему, и услышал звуки волшебной арфы. Но, приложив копье к челу, он стряхнул чары, и призрак скрылся в кургане фей Слив Фуад, а там Финн догнал его, убил и отнес его голову в Тару.

Тогда Кормак Король поставил Финна перед Фианной и велел им всем либо поклясться в повиновении ему как своему вождю, либо искать службу в другом месте. И первым присягнул Голл Мак Морна, а за ним и все остальные, и стал Финн капитаном Фианны Эрина и правил ею до самой смерти.

Главные люди Финна: Конан мак Лиа

С приходом Финна Фианна Эрина достигла своей славы, а с его жизнью слава их угасла. Ибо он управлял ими так, как никогда не управлял ни один другой полководец, и твердо, и мудро, и никогда не держал зла ни на кого, но свободно прощал человеку все проступки, кроме неверности своему господину. Рассказывают, что Конан, сын владыки Луахара, тот, у кого был Мешок с сокровищами и кого Финн убил в Рат Луахаре, семь лет был разбойником и мародером, изводил фианцев, убивая то человека, то гончую, обстреливал жилища и угонял их скот. Наконец они загнали его в угол в Карн-Леви, в Мюнстере, и когда он увидел, что ему уже не скрыться, он набросился на Финна, когда тот сидел после погони, и обхватил его сзади руками, удерживая в неподвижности. Финн понял, кто держит [pg 259] его таким

образом, и сказал: "Что ты хочешь, Конан?" Конан сказал: "Заключить с тобой договор о службе и верности, ибо я не могу больше уклоняться от твоего гнева". Тогда Финн рассмеялся и сказал: "Да будет так, Конан, и если ты окажешься верным и доблестным, я тоже буду хранить веру". Конан служил ему тридцать лет, и ни один человек из всей Фианны не был острее и выносливее в бою.

Конан мак Морна

Был и другой Конан, а именно мак Морна, большой и лысый, громоздкий в мужественных упражнениях, но язык его был горек и язвителен; не было ни одного высокого или храброго поступка, который Конан Лысый не высмеял бы и не принизил. Говорят, что когда его раздели, то на спине и ягодицах вместо мужской кожи оказалось черное овечье руно, и вот как это произошло. Однажды, когда Конан и некоторые другие члены Фианны охотились в лесу, они пришли к величественному дому с белыми стенами и цветной соломой на крыше и вошли в него, чтобы попросить гостеприимства. Но когда они оказались внутри, то не нашли никого, кроме большого пустого зала со столбами из кедрового дерева и шелковыми покрывалами, как в зале богатого господина. Посреди зала стоял стол, уставленный роскошными яствами из мяса вепря и оленины, и большой чан из тисового дерева, полный красного вина, и кубки из золота и серебра. И они с удовольствием принялись за еду и питье, ибо были голодны после погони, а вокруг раздавались разговоры и смех. Но вскоре один из них вскочил на ноги с криком страха и удивления, и все они оглянулись и увидели, что на их глазах гобеленовые стены сменились грубыми деревянными балками, а потолок - грязной копотью, как в хижине пастуха. И тут они поняли, что попали в ловушку каких-то волшебных чар, и все вскочили на свои [pg 260] ноги и направились к дверному проему, который уже не был высоким и величественным, а уменьшился до размеров лисьей земли - все, кроме Конана Лысого, который с жадностью пожирал все, что было на столе, и больше ни на что не обращал внимания. Тогда они окликнули его, и когда последний из них вышел, он попытался подняться и последовать за ними, но оказался прикован к креслу так, что не мог пошевелиться. Тогда двое из Фианны, видя его бедственное положение, бросились назад, схватили его за руки и изо всех сил дернули, а когда оттащили его, то оставили большую часть его одежды и кожу прилипшими к креслу. Тогда, не зная, что еще с ним делать в таком тяжелом положении, они надели ему на спину самое близкое, что смогли найти, а именно шкуру черного барана, которую они взяли из стада крестьянина неподалеку, и она выросла, и Конан носил ее до самой смерти.

Хотя Конан был трусом и редко вступал в бой с Фианной, рассказывают, что однажды от его руки пал один хороший человек. Это случилось в день великой битвы с пиратской ордой на Холме Резни в Керри. 180 Лиаган, один из захватчиков, выступил перед собравшимися и вызвал храбрейшего из фиан в одиночный бой, и фианы в насмешку вызвали Конана на поединок. Когда он появился, Лиаган рассмеялся, ибо силы у него было больше, чем ума, и сказал: "Глуп твой визит, лысый старик". Когда же Конан приблизился, Лиаган яростно поднял руку, и Конан сказал: "Воистину, ты в большей опасности от того, кто сзади, чем от того, кто впереди". Лиаган оглянулся, и в тот же миг Конан снес ему голову, а затем бросил меч и побежал в ряды смеющихся фианов. Финн же был очень зол, потому что победа досталась ему хитростью.

[pg 261]

Дермот О'Дайна

А одним из главных друзей Финна был Дермот из Любовного пятна. Он был так красив и благороден на вид, что ни одна женщина не могла отказать ему в любви, и говорили, что он

никогда не знал усталости, а его шаг в конце самого длинного дня битвы или погони был таким же легким, как и в начале. Между ним и Финном была великая любовь, пока не настал день, когда Финн, будучи уже стариком, должен был жениться на Грании, дочери Кормака, верховного короля; но Грания обязала Дермота по священным таинствам фианского рыцарства лететь с ней в брачную ночь, что он, вопреки своей воле, и сделал, тем самым получив свою смерть. Но Грания вернулась к Финну, и когда фианны увидели ее, то горько рассмеялись всем лагерем, ибо за двадцать таких, как Грания, они не отдали бы и пальца мертвеца.

Кильта мак Ронан и Ойсин

Еще одним из главных людей Финна был Килта мак Ронан, один из его стражников, сильный воин и златоуст, рассказывающий сказки и стихи. А еще был Ойсин, сын Финна, величайший поэт из гэлов, о котором мы расскажем далее.

Оскар

У Ойсина был сын Оскар, который был самым яростным бойцом в бою среди всех фианов. В своей девичьей битве он сразил трех королей, а в ярости по ошибке убил своего друга и единомышленника Линнея. Его женой была прекрасная Айдин, которая умерла от горя после смерти Оскара в битве при Гауре, и Ойсин похоронил ее на Бен Эдар (Хаут) и воздвиг над ней большой [pg 262] дольмен, который стоит там и по сей день. Оскар предстает в этой литературе как тип жесткой силы, с сердцем, "подобным скрученному рогу, окованному сталью", персонаж, созданный исключительно для войны, как меч или копье.

Геена мак Луга

Другим хорошим человеком, который был у Финна, был Геена, сын Луга; его мать была воинственной дочерью Финна, а отец - ее ближайшим родственником. Его воспитанием занималась женщина, носившая имя Фэйр Мэн, которая воспитала многих из Фианны. Когда пришло время братья за оружие, он предстал перед Финном и принес клятву верности, а Финн дал ему командование отрядом. Но Мак Луга оказался ленив и эгоистичен: он постоянно хвастался собой и своим мастерством владения оружием, никогда не обучал своих людей охоте на оленя или кабана и бил своих гончих и слуг. Наконец фианы под его началом пришли всей своей компанией к Финну в Лох-Лену, что в Килларни, и там они изложили свою жалобу на Мак Луга и сказали: "Выбирай, о Финн, кого ты хочешь получить: нас или сына Луги одного".

Тогда Финн послал к маку Луге и допросил его, но мак Луга ничего не смог сказать, почему Фианна не хочет его брать. Тогда Финн научил его вещам, подобающим юноше благородного происхождения и капитану людей, и были они таковы:

Устав Фианны

"Сын Луга, если вооруженная служба - твой удел, в доме великого человека будь тих, в узком проходе - угрюм.

Без вины не бей гончую твою; пока не установишь ее вину, не возводи обвинения на жену твою".

[pg 263]

"В битве не вступай в бой с шутком, ибо, о Мак Луга, он всего лишь дурак.

Не порицай никого, если он имеет дурную славу; не вставай, чтобы принять участие в драке; не имей ничего общего с безумцем или нечестивцем".

"Две трети мягкости твоей проявляй к женщинам и к тем, кто ползает по полу (малым детям), и к поэтам, а к простым людям не будь жесток.

"Не произноси развязных речей и не говори, что ты не уступишь того, что правильно; позорно говорить слишком жестко, если только не будет возможности исполнить твои слова.

"Пока ты жив, не оставляй своего господина; ни за золото, ни за другие награды в мире не оставляй того, кого ты обязался защищать".

"Вождю не делай насилия над его народом, ибо это не дело для человека нежной крови.

"Не рассказывай небылиц и не произноси неправды; не будь болтлив и необдуманно критичен. Не возбуждай против себя раздоров, каким бы хорошим человеком ты ни был.

Не будь завсегдатаем питейных заведений и не поносите стариков; не вступайтесь за людей низкого достатка".

"Раздавай мясо твое свободно; не будь скуп на знакомых твоих".

"Не навязывай себя вождю и не давай ему повода говорить о тебе плохо.

"Придерживайся своего снаряжения; держись за свое оружие, пока не закончится суровый бой с его оружейным блеском.

"Будь более склонен давать, чем отказывать, и следуй за мягкостью, о сын Луга".

И сын Луга, как сказано, прислушался к этим советам, отказался от своих дурных наклонностей и стал одним из лучших людей Финна.

[pg 264]

Характер Финна

Подобным вещам Финн учил и всех своих последователей, и лучшие из них стали похожи на него самого в доблести, мягкости и великодушии. Каждый из них любил репутацию своих товарищей больше, чем свою собственную, и каждый сказал бы, что по всем благородным качествам на всем свете нет человека, достойного считаться с Финном.

О нем говорили, что "он отдавал золото, словно листья леса, а серебро - словно пену морскую"; и что, чем бы он ни одарил человека, если тот впоследствии с ним расходился, он никогда не предъявлял ему претензий.

Поэт Ойсин однажды воспел его святому Патрику:

"Вот вещи, которые были дороги Финну.

Грохот битвы, веселье пира,

Вой его гончих по суровому лесу,

И пение черного дрозда в Леттер Ли,

"Скрежет гальки по берегу.

Когда они тащили его военные лодки в море,

Рассветный ветер свистит среди копий,
И волшебная песня трех его менестрелей".

Испытания Фианны

Во времена Финна никому не разрешалось стать одним из членов Фианны Эрина, если он не прошел через множество суровых испытаний на достойность. Он должен быть сведущ в Двенадцати книгах поэзии и сам должен уметь слагать стихи в риме и метре мастеров гэльской поэзии. Затем его закапывали до середины в землю, и он должен был, вооружившись щитом и ореховой палкой, защищаться от девяти воинов, бросавших в него копья, и если он был ранен, его не принимали. Затем его волосы заплетали в косы, и фианы гнали его по лесу. Если [pg 265] его настигали, или если коса его волос расплеталась, или если сухая палка ломалась под ногой, его не принимали. Он должен уметь перепрыгивать через рейку вровень со своим лбом и бегать с полной скоростью под одной рейкой вровень со своим коленом, и он должен быть способен во время бега вытащить колючку из своей ноги и никогда не снижать скорости. Он не должен брать с женой никакого приданого.

Кильта и Святой Патрик

Рассказывали, что один из фианов, а именно Кильта, дожил до глубокой старости и увидел святого Патрика, от которого принял крещение в веру Христову и которому рассказал много историй о Финне и его людях, которые записал писец Патрика. И однажды Патрик спросил его, как случилось, что Фианна стала столь могущественной и славной, что вся Ирландия воспевала их деяния, как это происходит и по сей день. Килта ответил: "Истина была в наших сердцах, сила - в наших руках, и что мы говорили, то и исполняли".

Это же рассказывали о Килте после того, как он увидел святого Патрика и принял веру. Однажды он оказался в Лейни, в Коннахте, где народ фей из кургана Дума ежегодно подвергался жестоким нападениям пиратов из-за океана. Они призвали Килту себе на помощь, и благодаря его советам и доблести захватчики были побеждены и изгнаны домой; но Килта был тяжело ранен. Тогда Кильта попросил Оуэна, провидца из племени фей, предсказать ему, сколько ему осталось жить, ведь он был уже очень стар. Оуэн сказал: "Пройдет семнадцать лет, о Килта, о справедливая слава, пока ты не упадешь в бассейн Тары, и это будет печально для всех домочадцев короля". "Так предсказал мне мой вождь и повелитель, мой опекун и любящий защитник Финн", - сказала Кильта. "А теперь какую плату вы дадите мне за то, что я спас [pg 266] вас от самого страшного несчастья, которое когда-либо постигало вас?" "Большую награду, - ответила народная фея, - даже молодость; ведь с помощью нашего искусства мы снова превратим тебя в юношу со всей силой и активностью твоего расцвета". "Нет, не дай Бог, - сказала Кельта, - чтобы я приняла на себя колдовскую форму или любую другую, кроме той, которой наделил меня мой Создатель, истинный и славный Бог!" И народ фей сказал: "Это слово настоящего воина и героя, и то, что ты говоришь, хорошо". И они исцелили его раны и все телесные недуги, которые у него были, и он пожелал им благословения и победы и отправился в свой путь.

Рождение Ойсина

Однажды, когда Финн со своими спутниками и собаками возвращался с охоты в свой дом на холме Аллен, на их пути появилась прекрасная олениха, и погоня устремила за ней, а она выбрала путь, который вел к их дому. Вскоре все преследователи остались далеко позади, кроме самого Финна и двух его гончих - Брана и Сколауна. Эти гончие были странной породы, ибо Тайрен, сестра Мурны, матери Финна, была превращена в гончую по

волшебству женщины из народа фей, которая любила мужа Тайрен - Уллана; и две гончие Финна были детьми Тайрен, родившимися у нее в таком облике. Из всех гончих в Ирландии они были лучшими, и Финн очень любил их, так что, говорят, за всю свою жизнь он плакал лишь дважды, и один раз - из-за смерти Брана.

Наконец, когда погоня шла по склону долины, Финн увидел, что олененок остановился и лег, а две гончие стали играть вокруг него и лизать его лицо и конечности. Тогда он велел никому не трогать ее, и она последовала за ними в Дун-оф-Аллен, играя с гончими по дороге.

[pg 267]

В ту же ночь Финн проснулся и увидел, что у его постели стоит прекраснейшая из женщин, которую когда-либо видели его глаза.

"Я - Саба, о Финн, - сказала она, - и я была олененком, за которым ты гнался сегодня. За то, что я не отдала свою любовь друиду из народа фей, которого зовут Темный, он наложил на меня это обличье своими чарами, и я носила его все эти три года. Но один его раб, жалея меня, однажды открыл мне, что если я смогу завоевать твоего великого Дуна Аллена, о Финн, то буду спасен от всех чар, и мой естественный облик вернется ко мне. Но я боялась быть разорванной на куски твоими собаками или израненной твоими охотниками, пока наконец не позволила догнать себя тебе одной, а также Брану и Сколауну, которые имеют человеческую природу и не причинят мне вреда". "Не бойся, дева, - сказал Финн, - мы, Фианна, свободны, и наши друзья-гости свободны; здесь нет никого, кто бы принуждал тебя".

Так Саба поселилась у Финна, и он сделал ее своей женой; и так глубока была его любовь к ней, что ни битва, ни погоня не доставляли ему удовольствия, и в течение многих месяцев он не отходил от нее ни на шаг. Она тоже любила его так же сильно, и их радость друг от друга была подобна радости бессмертных в Стране Юности. Но наконец до Финна дошла весть, что военные корабли северян находятся в Дублинском заливе, и он вызвал своих героев на бой: "Ибо, - сказал он Сабе, - люди Эрина дают нам дань и гостеприимство, чтобы мы защищали их от чужеземцев, и было бы позором взять у них это и не дать того, что мы, с нашей стороны, обещали." И он вспомнил великое изречение Голла мак Морна, когда однажды на них обрушилось могучее войско. "Человек, - сказал Голл, - живет ради своей жизни, но не ради своей чести".

Семь дней отсутствовал Финн, и изгнал он северян [pg 268] с берегов Эрина. Но на восьмой день он вернулся, и когда он вошел в свой дом, то увидел беду в глазах своих людей и их прекрасных женщин, а Саба не было на валу, ожидая его возвращения. Тогда он велел им рассказать о случившемся, и они сказали:

"Пока ты, наш отец и повелитель, вдали поражал чужеземцев, а Саба все время смотрела на проход, ожидая твоего возвращения, мы увидели однажды, как приближаешься ты, а Бран и Сколаун идут за тобой по пятам. И еще нам показалось, что мы слышим доносящиеся по ветру звуки охотничьего клича фианов. Тогда Саба поспешила к большим воротам, и мы не могли ее задержать, так стремилась она броситься к призраку. Но когда она приблизилась, то остановилась и издала громкий и горький крик, и тогда образ тебя поразила ее жезлом из орешника, и вот, там уже не было женщины, а был олень. Тогда гончие погнались за ним, и, когда он снова устремился к воротам дуна, они повернули назад. Мы все схватили оружие и побежали прогонять чародея, но когда добрались до места, ничего не было видно, только слышался топот летящих ног и рёв собак, и один думал, что это идёт отсюда, а другой -

оттуда, пока наконец шум не утих и всё не стало спокойно. Что мы могли сделать, о Финн, мы сделали; Сабы больше нет".

Финн ударил себя рукой по груди, но не произнес ни слова и ушел в свои покои. Никто не видел его ни в тот день, ни в последующие. Затем он вышел и распорядился делами Фианны, как прежде, но семь лет после этого он искал Сабу по всем отдаленным урочищам, темным лесам и пещерам Ирландии, и не брал с собой ни одной гончей, кроме Брана и Сколауна. Но в конце концов он отказался от всякой надежды найти ее снова и отправился на охоту, как в старые добрые времена.

[pg 269]

Однажды, когда он следовал за погоней на Бен Булбан в Слайго, он услышал, как музыкальное пение собак внезапно сменилось яростным рычанием и рыком, словно они сражались с каким-то зверем, и, поспешно подбежав, он и его люди увидели под большим деревом обнаженного мальчика с длинными волосами, а вокруг него гончие пытались схватить его, но Бран и Сколаун боролись с ними и не пускали их. А юноша был высок и крепок, и когда герои собрались вокруг него, он смотрел на них неотрывно, не обращая внимания на свору собак у его ног. Фианы отбили собак и привели юношу к себе домой, а Финн был очень молчалив и постоянно искал глазами его лицо. Со временем он обрел дар речи, и история, которую он рассказал, была такова:

Он не знал ни отца, ни матери, кроме ласковой оленихи, с которой жил в самой зеленой и приятной долине, закрытой со всех сторон высокими скалами, которые нельзя было одолеть, и глубокими пропастями в земле. Летом он питался фруктами и прочим, а на зиму запасался провизией в пещере. Иногда к ним приходил высокий человек с темным лицом, который говорил с матерью то ласково, то грозно, но она всегда в страхе отстранялась, а человек в гневе уходил. Наконец наступил день, когда темный человек долго говорил со своей матерью всеми тонами мольбы, нежности и гнева, но она по-прежнему держалась в стороне и не подавала никаких признаков, кроме страха и отвращения. Тогда темный человек приблизился и ударил ее ореховым жезлом, после чего повернулся и пошел своей дорогой, а она на этот раз последовала за ним, все еще оглядываясь на своего сына и жалобно причитая. А он, пытаясь идти следом, обнаружил, что не может пошевелить ни одной конечностью, и, закричав от ярости и опустошения, упал на землю, и чувства покинули его.

[pg 270]

Когда он пришел в себя, то оказался на склоне горы Бен Булбан, где пробыл несколько дней, разыскивая ту зеленую и скрытую долину, которую так и не нашел. А через некоторое время его нашли собаки; но о хинде, его матери, и о Темном Дрииде никто не знает конца.

Финн назвал его имя Ойсин (Маленький Олененок), и он стал известным воином, но еще больше он прославился своими песнями и сказаниями, так что и по сей день обо всем, что рассказывают о Фианне Эрина, люди говорят: "Так пел бард Ойсин, сын Финна".

Ойсин и Ниам

Случилось так, что туманным летним утром, когда Финн и Ойсин со многими спутниками охотились на берегу Лох-Лена, они увидели, что навстречу им едет дева, прекрасная необычайно, верхом на белоснежном коне. На ней было одеяние королевы: на голове золотой венец, а вокруг нее ниспадала темно-коричневая мантия из шелка, усыпанная звездами из красного золота, и стелилась по земле. На копытах ее коня были серебряные

башмаки, а на его голове красовался золотой гребень. Приблизившись, она сказала Финну: "Издалека пришла я, и вот наконец нашла тебя, Финн, сын Кумхала".

Тогда Финн сказал: "Какова твоя земля и род, дева, и чего ты хочешь от меня?"

"Мое имя, - сказала она, - Ниям из Золотых Волос. Я дочь короля Страны Юности, и привела меня сюда любовь к твоему сыну Ойсину". Затем она повернулась к Ойсину и заговорила с ним голосом той, которая никогда ничего не просила, но это было ей дано.

"Пойдешь ли ты со мной, Ойсин, в землю моего отца?"

И Ойсин сказал: "Поеду, и на край света"; ибо чары феи так овладели его [pg 271] сердцем, что он не заботился больше ни о чем земном, кроме любви Ниям из Золотой Головы.

Тогда дева рассказала о Заморской стране, куда она позвала своего возлюбленного, и пока она говорила, все вокруг погрузилось в мечтательную тишину, ни конь не дрожал, ни гончая не выла, ни малейшее дуновение ветра не шевелилось в лесных деревьях, пока она не закончила. И то, что она говорила, казалось им слаще и чудеснее, чем все, что они потом могли вспомнить, но, насколько они могли вспомнить, это было следующее:

"Восхитительна земля, о которой нет и речи,

Прекраснее, чем все, что когда-либо видели твои глаза.

Там круглый год плоды на деревьях,

И весь год цветут цветы.

"Там с лесных деревьев капает дикий мед;

Запасы вина и медовухи никогда не иссякнут.

Ни боль, ни болезнь не знают обитателя там,

Смерть и тлен никогда не приблизятся к нему.

"Пиршество не утомляет, погоня не утомляет,

И музыка не смолкнет в зале;

Золото и драгоценности Страны Юности

Превзойдут все великолепие, что когда-либо снилось человеку".

"У тебя будут лошади породы фей,

У тебя будут гончие, способные обогнать ветер;

Сто вождей будут следовать за тобой в войне,

Сто дев будут петь тебе во сне.

"Корона из забвенья будет на челе твоём,

А на боку твоём будет висеть волшебный клинок,

И станешь ты властелином всей Страны Юности,

И повелителем Нияма с золотой головой".

Когда волшебная песня закончилась, фианы увидели, как Ойсин сел на сказочного коня и заключил деву в свои объятия, и не успели они ни пошевелиться, ни заговорить, как она повернула голову своего коня и тряхнула звенящую уздечку, и по лесной поляне они скрылись, как луч света летит над [pg 272] землей, когда тучи гонят солнце; и никогда больше фианы не видели Ойсина, сына Финна, на земле.

Однако то, что случилось с ним потом, известно. Как странно было его рождение, так же странен был и его конец, ибо он видел чудеса Страны Юности смертными глазами и жил, чтобы рассказать о них смертными устами.

Путешествие в Сказочную страну

Когда белый конь со своими всадниками достиг моря, он легко побежал по волнам, и вскоре зеленые леса и берега Эрина скрылись из виду. И вот уже яростно светило солнце, и всадники погрузились в золотистую дымку, в которой Ойсин перестал понимать, где он находится, море или суша под копытами его коня. Но иногда в тумане им открывались странные виды: то вырисовывались, то исчезали башни и дворцовые ворота, а однажды мимо них пронеслась безрогая лань, за которой гналась белая гончая с одним красным ухом; и еще они видели, как мимо проскакала на коричневом коне молодая дева с золотым яблоком в руке, а за ней следовал молодой всадник на белом коне, за спиной его развевался пурпурный плащ, а в руке был меч с золотой рукоятью. И хотел бы Ойсин спросить принцессу, кто и что это за явления, но Ниам велела ему ни о чем не спрашивать и не обращать внимания ни на один призрак, который они могли бы увидеть, пока не прибудут в Страну Юности.

Возвращение Ойсина

Далее повествуется о том, как Ойсин встретил в Стране Юности различные приключения, в том числе спас пленную принцессу от фоморского великана. Но наконец, после трехнедельного, как ему показалось, пребывания в Стране Юности, он пресытился всевозможными удовольствиями [pg 273] и возжелал снова посетить родные края и повидаться со своими старыми товарищами. Он пообещал вернуться, когда сделает это, и Ниам подарила ему белого сказочного коня, который перенес его через море в Сказочную страну, но предупредила, что когда он снова достигнет Земли Эрин, то никогда не должен сходить с его спины и касаться ногой земли земного мира, иначе путь возвращения в Страну юности будет закрыт для него навсегда. Тогда Ойсин отправился в путь и снова пересек мистический океан, оказавшись наконец на западных берегах Ирландии. Здесь он сразу же направился к холму Аллен, где обычно находился дом Финна, но, пробираясь через лес, удивлялся тому, что не встретил никаких следов охотников-фианов, и тому, что люди, которых он видел пашущими землю, были небольшого роста.

Наконец, сойдя с лесной тропы на большую поляну, где обычно возвышался Алленский холм, широкий и зеленый, с валом, окружавшим множество белостенных жилищ, и большим залом, возвышавшимся посередине, он увидел лишь травянистые курганы, заросшие бурьяном и кустарником, а среди них паслась крестьянская корова. Тогда на него напал странный ужас, и он подумал, что какие-то чары из страны Фаэри завладели его глазами и насмеются над ним ложными видениями. Он раскинул руки и выкрикивал имена Финна и Оскара, но никто не откликался, и он подумал, что, может быть, гончие услышат его, и тогда он окликнул Брана и Сколауна и напряг слух, чтобы они уловили слабый шорох или шепот мира, от которого задерживались его глаза, но он услышал только вздох ветра в свирели. Тогда он в ужасе поскакал прочь от этого места, обратив лицо к восточному морю, ибо

намеревался исколесить Ирландию из стороны в сторону и из конца в конец в поисках какого-нибудь спасения от своих чар.

[pg 274]

Разбитое заклиние

Когда же он приблизился к восточному морю и оказался в месте, которое называется Долиной [дроздов181](#), то увидел в поле на склоне холма толпу людей, которые пытались откатить большой валун с обрабатываемой ими земли, и надсмотрщика, который руководил ими. Он поскакал к ним, намереваясь расспросить их о Финне и Фианне. Когда он приблизился, все остановили работу, чтобы взглянуть на него, ибо он показался им посланником народа фей или ангелом с небес. Он был выше и могущественнее всех известных им людей, с голубыми глазами-мечами и румяными щеками; во рту у него была россыпь жемчуга, а под ободком шлема громоздились яркие волосы. И когда Ойсин взглянул на их тщедушные формы, изуродованные трудом и заботами, и на камень, который они с трудом пытались сдвинуть с места, его охватила жалость, и он подумал: "Таких не было даже у чурлов Эрина, когда я уходил из них в Страну Юности", и он соскочил с седла, чтобы помочь им. Он подставил руку к валуну, мощным рывком поднял его с места и покатил вниз по склону. И подняли люди крик удивления и рукоплескания; но через мгновение крики их сменились воплями ужаса и страха, и побежали они, толкаясь и опрокидывая друг друга, чтобы спастись от страха, ибо свершилось чудо, ужасное на вид. У Ойсина лопнула подпруга седла, когда он отталкивался от камня, и он упал головой вперед на землю. В одно мгновение белый конь исчез с их глаз, как туманный венок, и с земли поднялся не молодой воин, а человек, пораженный глубокой старостью, белобородый и иссохший, протягивающий руки и стонущий от слабости и горечи. Его малиновый плащ и желтая шелковая туника были теперь лишь грубой домотканой материей, подвязанной пеньковым поясом, а меч с золотой рукоятью - грубым дубовым посохом, какие носят нищие, бродящие по дорогам от крестьянского дома к дому.

Когда люди увидели, что свершившаяся гибель не для них, они вернулись и нашли старика лежащим на земле с лицом, спрятым в руках. Тогда они подняли его и спросили, кто он и что с ним случилось. Ойсин оглядел их тусклыми глазами и наконец сказал: "Я был Ойсином, сыном Финна, и прошу вас сказать мне, где он живет, ибо его дом на Холме Аллена теперь в запустении, и я не видел его и не слышал его охотничьего рога от западного до восточного моря". Тогда мужчины странно посмотрели друг на друга и на Ойсина, и надсмотрщик спросил: "О каком финне ты говоришь, ведь в Эрине много людей с таким именем?" Ойсин сказал: "Конечно, о Финне мак Кумхале мак Тренморе, капитане Фианны Эрина". Тогда надсмотрщик сказал: "Ты глуп, старик, и ты сделал нас глупыми, приняв тебя за юношу, как мы сделали это некоторое время назад. Но теперь мы, по крайней мере, снова сообразили и знаем, что Финн сын Кумхала и весь его род мертвы вот уже триста лет. В битве при Гоуре пал Оскар, сын Ойсина, а Финн - в битве при Бреа, как рассказывают историки; и песни Ойсина, о смерти которого никто не знает, поют наши арфисты на пирах великих людей. Но теперь в Ирландию пришел [Говорун182](#), Патрик, и проповедовал нам Единого Бога и Христа Сына Его, чьей силой эти старые дни и пути отменены; и Финн со своей Фианной, с их пирами [pg 276] и охотой и песнями о войне и любви, не имеют среди нас такого почитания, как монахи и девы Святого Патрика, и псалмы и молитвы, которые ежедневно возносятся, чтобы очистить нас от греха и спасти от огня суда." Но Ойсин ответил, лишь наполовину услышав и еще меньше поняв то, что ему было сказано: "Если бы Бог твой умертвил Финна и Оскара, я бы сказал, что Бог - сильный человек". Тогда все закричали на него, некоторые стали бросать

камни, но надсмотрщик велел им оставить его, пока Талкенн не поговорит с ним и не прикажет, что нужно делать.

Ойсин и Патрик

И вот они привели его к Патрику, который обошелся с ним ласково и гостеприимно, и Патрику он рассказал обо всем, что с ним случилось. Патрик же велел своим писцам все тщательно записать, чтобы память о героях, которых знал Ойсин, и о радостной и свободной жизни, которую они вели в лесах, болотах и диких местах Эрина, никогда не была забыта среди людей.

Эта замечательная легенда известна только в современной ирландской поэме, написанной Майклом Комином около 1750 года, поэме, которую можно назвать лебединой песней ирландской литературы. Несомненно, Комин работал над более ранним традиционным материалом; но хотя древние оссиановские поэмы рассказывают о продлении жизни Ойсина, чтобы он мог встретиться со святым Патриком и поведать ему истории о Фианне, эпизоды ухаживания Ниама и пребывания в Стране Юности известны нам в настоящее время только в поэме Майкла Комина.

Заколдованная пещера

В этой сказке, которую я взял из издания С.Х. О'Грейди в "Сильва Гаделика", рассказывается, что Финн однажды устроил большую охоту в округе Коранн, в Северном Коннахте, [pg 277] которым правил некто Конаран, повелитель народа данаан. Разгневанный вторжением Фианны в свои охотничьи угодья, он послал трех своих дочерей-колдуний отомстить смертным.

Финн, как рассказывают, и Конан Лысый с двумя любимыми гончими Финна наблюдали за охотой с вершины холма Кешкорран и слушали крики загонщиков, звуки рога и рёв собак, когда, двигаясь по холму, они наткнулись на устье большой пещеры, перед которой сидели три ведьмы злобного и отвратительного вида. На трех кривых палках остролиста они скрутили мотки пряжи и пряли их, когда подросли Финн и его последователи. Чтобы рассмотреть их поближе, воины приблизились, как вдруг обнаружили, что запутались в нитях пряжи, которую ведьмы плели вокруг, словно паутину, и на них навалились смертельная слабость и дрожь, так что они легко связали их и унесли в темные недра пещеры. Затем прибыли другие члены отряда, разыскивая Финна. Все они испытали то же самое: от прикосновения заколдованной пряжи они потеряли всю свою силу и храбрость, и их связали и понесли в пещеру, пока вся партия не оказалась в узах, а собаки выли и выли снаружи.

Колдуны выхватили свои острые, с широкими ручками, закаленные мечи и уже собирались наброситься на пленников и зарубить их, но сначала оглянулись на устье пещеры, чтобы посмотреть, нет ли там какого-нибудь бродяги, которого они еще не схватили. В этот момент появился Голл Мак Морна, "яростный лев, факел натиска, великий душой", и завязалась отчаянная схватка, закончившаяся тем, что Голл зарубил двух ведьм на две части, а затем подчинил себе и связал третью, которую звали Ирнан. Она, когда он собирался убить [pg 278] ее, взмолилась о пощаде - "Конечно, для тебя лучше, чтобы Фианна была целой", - и он даровал ей жизнь, если она освободит пленников.

Они вошли в пещеру, и один за другим пленники были освобождены, начиная с поэта Фергуса Трулипса и "ученых мужей", и все они уселись на холме, чтобы прийти в себя, а Фергус пропел хвалебную песнь в честь спасителя Голла; и Ирнан исчез.

Вскоре они увидели, что к ним приближается чудовище - "шишковатая карга" с пылающими, налитыми кровью глазами, зияющей пастью, полной рваных клыков, ногтями, как у дикого зверя, и вооруженная, как воин. Она поручила Финну обеспечить ей одиночный бой с его людьми, пока она не насытится. Это была не кто иная, как третья сестра, Ирнан, которую пощадил Голл. Финн тщетно умолял Ойсина, Оскара, Килту и других лучших воинов Фианны встретиться с ней; все они упирали на невозможность после жестокого обращения и презрения, которому подверглись. Наконец, когда сам Финн уже собирался вступить с ней в бой, Голл сказал: "О Финн, сражаться с женщиной тебе не подобает", - и он выхватил меч для второй битвы с этим ужасным врагом. Наконец, после отчаянной схватки, он пробил ей щит и сердце, так что клинок торчал с дальней стороны, и она упала замертво. После этого фианны разграбили Конаран и завладели всеми его сокровищами, а Финн подарил Голл Мак Морне свою дочь, Кеву из Белой Шкуры, и, оставив Конаран в виде кучи тлеющих углей, они вернулись на Алленский холм.

Погоня в Сливегаллионе

Эта прекрасная история, приведенная в поэтической форме, как будто рассказанная Ойсином, в "Transactions" Оссианического общества, повествует о том, как Куллан Кузнец (здесь он представлен как [pg 279] данайское божество), живший на горах Сливегаллион или рядом с ними, в Ко. Армаг, имел двух дочерей, Айне и Милукру, каждая из которых любила Финна мак Кумхала. Они ревновали друг друга, и когда Айне однажды сказала, что никогда не получит мужчину с седыми волосами, Милукра придумала способ добиться любви Финна исключительно для себя. Тогда она собрала своих друзей-данаев вокруг маленького серого озера, что лежит на вершине Сливгаллиона, и они зарядили его воды чарами.

Это вступление, как можно заметить, имеет сильные признаки позднейшего дополнения к оригинальной сказке, сделанного в менее понятную эпоху или менее вдумчивым классом, в чьи руки попала легенда. Настоящий смысл превращения, о котором повествуется в этой истории, вероятно, гораздо глубже.

В рассказе говорится, что вскоре после этого гончие Финна, Брана и Сколауна, завели оленя у Алленского холма и гнали его на север, пока погоня не закончилась на вершине Сливегаллиона, горы, которая, как и [Сливенамон183](#) на юге, была в древней Ирландии настоящим средоточием данайской магии и легендарных преданий. Финн шел за гончими один, пока олененок не исчез на склоне горы. В поисках его Финн наконец пришел к маленькому озеру, что лежит на вершине горы, и увидел у его края прекрасную даму, которая сидела там и плакала. Финн спросил ее о причине ее горя. Она объяснила, что золотое кольцо, которым она очень дорожила, упало с ее пальца в озеро, и она поручила Финну узами гейза, чтобы он погрузился в озеро и нашел его для нее.

Финн так и сделал, и, нырнув в каждое углубление [pg 280] озера, он обнаружил кольцо и, прежде чем выйти из воды, отдал его даме. Она тут же погрузилась в озеро и исчезла. Финн решил, что на него наложено какое-то заклятие, и вскоре понял, в чем дело: выйдя на сушу, он упал от слабости и поднялся уже немощным стариком, снежноволосым и исхудавшим, так что даже его верные гончие не узнали его, а бегали вокруг озера в поисках своего пропавшего хозяина.

Тем временем Финн исчез из своего дворца на Алленском холме, и вскоре отряд отправился по следу, по которому его видели преследующим оленя. Они пришли к озеру на берегу Сливгаллиона и нашли там жалкого и бледного старика, которого стали расспрашивать, но он только бил себя по груди и стонал. Наконец, подозревая Килту к себе, старик слабо прошептал ему на ухо какие-то слова, и вот, это был сам Финн! Когда фианна прекратила

свои возгласы удивления и причитания, Финн шепотом поведал Килте историю своего зачарования и сказал, что автором его должна быть дочь Куллана Кузнеца, обитающего в кургане фей в Сливегаллионе. Фианна, взяв Финна на подводу, немедленно отправилась к кургану и принялась ожесточенно копать. Три дня и ночи они копали курган фей и наконец проникли в самые его глубины, как вдруг перед ними предстала дева, державшая в руках рог для питья из красного золота. Она протянула его Финну. Он отпил из него, и сразу же к нему вернулись красота и стройность, но волосы его по-прежнему оставались белыми, как серебро. Это тоже должно было быть восстановлено еще одной порцией, но Финн оставил все как есть, и серебристо-белые волосы остались до самой его смерти.

Эта история стала темой очень яркой [pg 281] аллегорической драмы "Маска Финна" мистера Стэндиша О'Грейди, который, без сомнения, справедливо интерпретирует эту историю как символ обретения мудрости и понимания через страдания. Вождь людей должен спуститься в озеро слез и познать слабость и отчаяние, прежде чем его дух сможет направить их к великим целям.

На вершине горы стоит старинный усыпальница, которую крестьяне района до сих пор считают - или считали во времена до появления школ-интернатов - обителью "Озерной ведьмы"; а таинственная избитая тропа, по которой никогда не ступали человеческие ноги и которая ведет от скалы-усыпальницы к берегу озера, приписывается хождению туда и обратно этого сверхъестественного существа.

Беседа древних"

Одна из самых интересных и привлекательных реликвий оссианской литературы - "Беседа древних", *Agallamh na Senorach*, длинное повествовательное произведение, датируемое примерно тринадцатым веком. Оно было опубликовано с переводом в книге О'Грейди "*Silva Gadelica*". Это не столько рассказ, сколько собрание историй, искусно вписанных в мифические рамки. В начале "Беседы" перед нами предстают фигуры Килта мак Ронана и Ойсина сына Финна, каждого из которых сопровождают восемь воинов - все, что осталось от великого братства Фианны после битвы при Гоуре и последующего рассеяния ордена. Перед нами предстает яркая картина того, как седые старые воины, отжившие свой век, в последний раз встречаются в дуне некогда знаменитой вождя по имени Камха, и как они меланхолично беседуют об ушедших днях, пока, наконец, на них не опускается долгая тишина.

[pg 282]

Кильта встречает святого Патрика

Наконец Килта и Ойсин решают расстаться: Ойсин, о котором мы больше ничего не слышим, отправляется в Курган фей, где живет его данаанская мать (здесь ее называют Блай), а Килта идет по равнинам Мит, пока не приходит в Драмдерг, где встречает святого Патрика и его монахов. Как это хронологически возможно, писатель не берется объяснить, и он не проявляет никакого знания легенды об Ойсине в Стране Юности. "Церковники, - говорится в рассказе, - увидели, что Кильта и его отряд приближаются к ним, и страх охватил их перед высокими людьми с огромными волкодавами, которые их сопровождали, ибо они не были людьми одной эпохи или одного времени с духовенством". Затем Патрик окропляет героев святой водой, после чего легионы демонов, витавших над ними, улетают на холмы и поляны, а "огромные люди сели". Спросив имя своего гостя, Патрик говорит, что у него есть к нему просьба - он хочет найти колодец с чистой водой, чтобы крестить жителей Брегии и Мифа.

Колодец Традабана

Кильта, знающий каждый ручей, каждый холм, каждую тропинку и каждый лес в стране, берет Патрика за руку и ведет его прочь, "пока, - как говорит писатель, - прямо перед собой они не увидели колодец, сверкающий и прозрачный. Размер и толщина кресс-салата и росшего на нем фетлахта, или ручьевой липы, приводили их в изумление". Затем Кильта начал рассказывать о славе и достоинствах этого места и произнес изящную лирику в его восхваление:

"О Колодец Пряди Двух Женщин, прекрасны твои крессы, пышные, ветвистые; с тех пор как твоими плодами [pg 283] пренебрегают, на тебе не растет твоя ручьевая липа. С берегов твоих можно увидеть форель, диких свиней в пустыне; оленей в твоих охотничьих краях, твоих пятнистых и красногрудых оленят! Твои мачты висят на ветвях деревьев; твоя рыба в устьях рек; прекрасны цвета твоих журчащих потоков, о ты, что лазурного цвета, и снова зеленые с отблесками окружающего леса". [184](#)

Святой Патрик и ирландская легенда

После того как воины были развлечены, Патрик спрашивает: "Был ли он, Финн мак Кумхал, добрым господином, с которым вы были?" Килта восхваляет щедрость Финна и подробно описывает славу его дома, на что Патрик отвечает:

"Если бы это не мешало нам вести благочестивую жизнь, не заставляло пренебрегать молитвой и не отвлекало от беседы с Богом, мы, беседуя с тобой, чувствовали бы, как быстро проходит время, воин!"

Кильта продолжает рассказывать о Фианне, и Патрик, попавший в сети чародея, восклицает: "Успех и благословение сопутствуют тебе, Килта! Для меня это облегчение духа и разума. А теперь расскажи нам другую сказку".

Так заканчивается экзорцизм "Беседы". Как обычно в начале ирландских сказок, ничто не может быть лучше; так легки штрихи, так счастливо сочетаются пафос, поэзия и юмор, и так много достоинства в обрисовке представленных человеческих характеров. Остальная часть пьесы состоит из изложения Кильтой огромного количества топографических и легендарных сведений, сопровождаемого неизменным "Успех и благословение сопутствуют тебе!" Патрика.

Они движутся вместе, воин и святой, по [pg 284] пути Патрика в Тару, и всякий раз, когда Патрик или кто-то другой из компании видит холм, крепость или колодец, он спрашивает Килту, что это такое, и Килта рассказывает его название и фианскую легенду, чтобы объяснить его, и так история блуждает по лабиринту легендарных преданий, пока их не встречает компания из Тары с королем во главе, который затем берет на себя роль вопрошающего. Коллоквиум" в его нынешнем виде резко обрывается в тот момент, когда начинается рассказ о том, как Лиа Фейл был вывезен из Ирландии. [185](#) Интерес "Коллоквиума" заключается в сказаниях Килты и текстах, вводимых в ходе их исполнения. Таких сказок около сотни, в них рассказывается о набегах и сражениях фианов, о любовных похождениях и пирах, но большее их количество связано с общением народа фей и фианны. С этим народом фианны поддерживают постоянные отношения, как любовные, так и военные. Некоторые из сказок отличаются большой проработанностью и написаны в самом высоком стиле, на который был способен писатель. Одна из лучших - о сказочном Бруге, или особняке Сливенамона, мимо которого Патрик и Кильта случайно проходили и о котором Кильта рассказывает следующую историю:

Бруг из Сливенамона

Однажды, когда Финн, Кельта и еще пять чемпионов Фианны охотились в Торахе, на севере, они разбудили прекрасного олененка, который бежал перед ними, и весь день преследовали его, пока не достигли горы Сливенамон к вечеру, когда олененок вдруг словно исчез под землей. Подобная погоня в оссиановской литературе - обычная прелюдия к приключениям в Сказочной стране. Ночь наступила быстро, вместе с ней пришли сильный снег и буря, и в поисках убежища Фианна обнаружила в лесу [pg 285] большой освещенный Бруг, или особняк, куда они и попросили разрешения войти. Войдя, они оказались в просторном зале, полном света, с восемьюдесятью воинами и столькими же прекрасными и желтоволосыми девами, одна из которых сидела на стуле из хрусталя и исполняла чудесную музыку на арфе. После того как фианских воинов накормили лучшими яствами и напитками, им объяснили, что их хозяева - Донн, сын Мидира Гордого, и его брат, и что они находятся в состоянии войны с остальным народом данаев и должны трижды в год сражаться с ними на зеленом поле перед Бругом. Сначала у каждого из двадцати восьми была тысяча воинов под началом. Теперь все они убиты, кроме присутствующих, а оставшиеся в живых послали одну из своих дев в образе олененка, чтобы заманить Фианну в свой сказочный дворец и заручиться их помощью в битве, которая должна состояться завтра. По сути, перед нами вариант известной темы спасения Сказочной страны. Финн и его спутники всегда готовы к бою, и завязывается отчаянная битва, которая длится с вечера до утра, ведь феи нападают ночью. Нападающие отбиты, потеряв более тысячи человек, но Оскар, Дермот и Мак Луга тяжело ранены. Их исцеляют с помощью волшебных трав; затем следуют новые сражения и другие приключения, пока, по прошествии года, Финн не вынуждает врага заключить мир и дать заложников, после чего Фианна возвращается на землю и вновь присоединяется к своим товарищам. Не успел Кельта закончить свой рассказ, стоя на том самом месте, где в снежную ночь они нашли дворец фей, как к ним приближается молодой воин. Он описывается следующим образом: "На нем была рубашка из королевского атласа, поверх нее - туника из той же ткани, на груди - пунцовая мантия с бахромой, подпоясанная золотым шишаком [pg 286] ; в руке - меч с золотой рукоятью, на голове - золотой шлем". Восхищение цветом и материальным великолепием жизни - очень заметная черта во всей этой литературе. Эта великолепная фигура оказывается Донном мак Мидиром, одним из восьми с двадцатью, которых спас Финн, и он приходит, чтобы отдать дань уважения за себя и свой народ Святому Патрику, который принимает у него ночное развлечение; в "Коллоквиуме" отношения Церкви и мира фей очень сердечны.

Три молодых воина

Нигде в кельтской литературе любовь к чуду и тайне не находит такого замечательного выражения, как в "Коллоквиуме". Автор этого произведения был мастером прикосновения, которое делает, так сказать, твердый каркас вещей полупрозрачным и показывает нам сквозь него отблески другого мира, смешанного с нашим, но отличного от него, имеющего другие законы и характеристики. Мы так и не можем понять, что это за законы. Кельт, по крайней мере в Ирландии, не систематизировал неведомое, а позволял ему на мгновение просвечивать сквозь непрозрачность этой земли, а затем убирал отблеск, прежде чем мы понимали, что увидели. Возьмем, к примеру, этот случай в рассказе Килты о Фианне. Три молодых воина приходят на службу к Финну в сопровождении огромной гончей. Они договариваются с ним, рассказывая, какие услуги могут оказать и на какую награду рассчитывают, и ставят условие, что разобьют лагерь отдельно от остальных воинов, а с наступлением ночи никто не должен подходить к ним или видеть их.

Финн спрашивает причину этого запрета, и она такова: из трех воинов один должен умирать каждую ночь, а двое других должны следить за ним; поэтому они не [pg 287] быть потревожены. Никаких объяснений этому нет, писатель просто оставляет нас с трепетом тайны на душе.

Прекрасная великанша

Снова обратимся к сказке о Прекрасной Великанше. Однажды Финн и его воины, отдыхая от погони за полуденной трапезой, увидели, что к ним приближается возвышающаяся фигура. Это оказалась юная дева-великанша, назвавшая свое имя Вивионн (Бибхионн), дочь Треона, из страны дев. Золотые кольца на ее пальцах были толстыми, как ядро вола, а красота ее была ослепительной. Когда она сняла свой золоченый шлем, весь усыпанный драгоценностями, ее прекрасные, вьющиеся золотые волосы распустились на семь локонов, и Финн воскликнул: "Великие боги, перед которыми мы преклоняемся, великое чудо, что Кормак, Этне и женщины Фианны сочтут за счастье увидеть Вивионн, цветущую дочь Треона!" Дева объяснила, что ее против воли обручили с женихом по имени Айда, сыном соседнего короля, и что, услышав от рыбака, которого занесло к ее берегам, о силе и благородстве Финна, она пришла искать у него защиты. Пока она говорила, фианны вдруг заметили вблизи еще одного гиганта. Это был юноша, гладколицый и необыкновенно красивый, с красным щитом и огромным копьем. Не говоря ни слова, он приблизился и, прежде чем удивленные фианны успели окликнуть его, вонзил свое копье в тело девы и скрылся. Финн, разгневанный таким нарушением его защиты, призвал своих вождей преследовать и убить убийцу. Кельта и другие преследовали его до морского берега и устремились за ним в прибой, но он вышел в море, и его встретила большая галера, которая унесла его в неведомые края. Вернувшись в Финн, они обнаружили, что девушка [pg 288] умирает. Она раздала им свое золото и драгоценности, и фианны похоронили ее под большим курганом и воздвигли над ней камень-столб с ее именем, написанным буквами огам, в месте, которое с тех пор называется Хребет Мертвой Женщины.

В этой сказке, помимо элемента тайны, присутствует элемент красоты. Эта ассоциация часто встречается в кельтской литературе этого периода; И, возможно, именно этим объясняется тот факт, что, хотя эти сказки, казалось бы, пришли ниоткуда и ведут ниоткуда, но движутся в мире грез, где нет ни погони, которая, казалось бы, должна закончиться в Сказочной стране, ни боя, который имел бы хоть какое-то отношение к земным нуждам или предметам, где все реалии склонны растворяться в волшебном свете и менять свои формы, как утренний туман, они все же остаются в памяти с тем призрачным очарованием, которое на протяжении многих веков поддерживало их у камина гэльского крестьянина.

Святой Патрик, Ойсин и Кильта

Прежде чем мы оставим "Коллоквиум", необходимо упомянуть еще один интересный момент, связанный с ним. Для широкой публики, вероятно, наиболее известными вещами в оссиановской литературе - я, конечно, имею в виду настоящую гэльскую поэзию, которая идет под этим именем, а не псевдо-Оссиана Макферсона - являются диалоги, в которых противопоставляются языческие и христианские идеалы, часто в духе юмористического преувеличения или сатиры. Самые ранние из этих произведений содержатся в рукописи под названием "Книга декана Лисмора", в которой Джеймс Макгрегор, декан Лисмора в Аргайлшире, примерно до 1518 года записал все, что он смог вспомнить или обнаружить о традиционной гэльской поэзии своего времени. Следует отметить, что до этого периода, да и

долгое время после него, шотландский и ирландский гэльский были одним языком и одной литературой, великие письменные памятники которой находились в Ирландии, хотя они [pg 289] в равной степени принадлежали и горным кельтам, и обе ветви гэлов имели абсолютно общий фонд поэтической традиции. Эти диалоги Ойсина и Патрика в изобилии встречаются как в Ирландии, так и в Горных горах, хотя, как я уже говорил, "Книга декана Лисмора" - это их первая письменная запись, дошедшая до нас. Какое же отношение эти диалоги имеют к диалогам Килта и Патрика, с которыми мы знакомимся в "Коллоквиуме"? Вопросы о том, какой из них действительно был первым, где они возникли и какое течение мысли или чувства каждый из них представлял, представляют собой, как отметил мистер Альфред Натт, литературную проблему величайшего интереса; и проблему, которую ни один критик еще не пытался решить или, более того, до недавнего времени даже не обращал на нее внимания. Ибо хотя эти две попытки представить в образной и художественной форме контакт язычества с христианством почти идентичны по механизму и структуре, за исключением того, что одна написана в стихах, а другая - в прозе, они сильно различаются по своей точке зрения.

В ойсинских [диалогах](#)¹⁸⁶ много грубого юмора и грубого богословия, напоминающих скорее английскую игру в чудеса, чем любое кельтское произведение, с которым я знаком. Святой Патрик в этих балладах, как замечает мистер Натт, "кислый и глупый фанатик, с утомительной монотонностью твердящий о проклятии Финна и всех его товарищей; суровый каторжник для бедного старого слепого великана, которому он не дает еды и над которым он разыгрывает убогие трюки, чтобы запугать его, чтобы заставить принять христианство". Теперь в "Беседе" нет ни слова обо всем этом. Кильта принимает христианство с искренним благоговением, и в спасении не отказывает друзьям и товарищам своей юности. [pg 290] Патрик, действительно, уверяет Килту в спасении нескольких из них, включая самого Финна. Один из данаанцев, бард Фианны, восхитил Патрика своим песнопением. Броган, писец, которому Патрик поручает записать легенды фиан, говорит: "Если музыка есть на небе, то почему бы ей не быть и на земле? Поэтому не следует изгонять менестрелей". Патрик отвечает: "И я ничего подобного не говорю"; и действительно, менестрелю за его искусство обещаны небеса.

Вот такие приятные отношения царят в "Коллоквиуме" между представителями двух эпох. Кильта представляет все вежливое, достойное, щедрое и доблестное в язычестве, а Патрик - все благородное и милосердное в христианстве; и вместо того, чтобы две эпохи стояли друг против друга в жестоком антагонизме и были разделены непроходимой пропастью, видно, что все лучшие черты каждой из них гармонируют и дополняют черты другой.

Сказки о Дермоте

Ряд любопытных легенд связан с Дермотом О'Дайной, которого называют одним из самых выдающихся последователей Финна мак Кумхала. Его можно назвать своего рода гэльским Адонисом, образцом красоты и привлекательности, героем бесчисленных любовных историй; как и Адонис, он погиб от руки дикого кабана.

Кабан из Бен Бульбена

Кабан не был обычным зверем. История его происхождения такова: Отец Дермота, Донн, отдал ребенка на воспитание Ангусу Óg в его дворце на Бойне. Его мать, которая была неверна Донну, родила другого ребенка Року, управляющему Ангуса. Однажды Донн, когда ребенок управляющего пробежал между его коленями, спасаясь от гончих, которые дрались на [pg 291] полу зала, ударил его двумя коленями, отчего тот умер на месте, а тело бросил среди гончих на полу. Когда управляющий нашел своего сына мертвым и узнал (с помощью Финна) причину этого, он принес друидский жезл и ударил им по телу, после чего на месте

мертвого ребенка появился огромный кабан, без ушей и хвоста; и он сказал ему: "Я поручаю тебе привести Дермота О'Дайна к его смерти"; и кабан выбежал из зала и бродил в лесах Бен Булбен в графстве Слайго до тех пор, пока его судьба не была исполнена.

А Дермот вырос в великолепного юношу, неутомимого в погоне, неустрашимого на войне, любимого всеми своими товарищами по Фианне, к которой он присоединился, как только достиг совершеннолетия.

Как Дэрмот получил свое прозвище

Его называли Дермотом из Любовного пятна, и любопытная и красивая народная сказка, записанная доктором Дугласом [Хайдом187](#), рассказывает о том, как он получил это прозвище. Однажды он с тремя товарищами, Голом, Конаном и Оскаром, охотился, а поздно вечером они искали место для отдыха. Вскоре они нашли хижину, в которой находились старик, молодая девушка, овца и кот. Здесь они попросили гостеприимства, и оно было им оказано. Но, как обычно в таких сказках, это был дом-загадка.

Когда они сели ужинать, овца встала и взобралась на стол. Один за другим фианны пытались сбросить ее, но она стряхивала их на пол. Наконец Голл сумел сбросить ее со стола, но и его она в конце концов победила и повалила всех под ноги. Тогда старик велел коту привести [pg 292] мокрицу обратно и закрепить ее, что тот с легкостью и сделал. Четыре чемпиона, охваченные стыдом, хотели немедленно покинуть дом, но старик объяснил, что они ничем не опозорились - мокрица, с которой они сражались, была Миром, а кот - силой, которая уничтожит сам Мир, а именно Смертью.

Ночью четверо героев легли отдохнуть в большой палате, туда же пришла спать и юная служанка; говорят, что от ее красоты по стенам комнаты разливался свет, как от свечи. Один за другим фианны подходили к ее ложу, но она отталкивала их всех. "Я принадлежала вам однажды, - говорила она каждому, - и никогда больше не буду". Последним подошел Дермот. "О Дэрмот, - сказала она, - ты тоже принадлежал мне однажды, и я никогда не смогу принадлежать тебе снова, ибо я - Молодость; но иди сюда, и я поставлю на тебе метку, чтобы ни одна женщина никогда не смогла увидеть тебя без любви". Затем она коснулась его лба и оставила там пятно любви, и это притягивало к нему любовь женщин до тех пор, пока он жил.

Погоня за Суровым Гилли

Погоня за Гиллой Дакаром - еще одна фианская сказка, в которой Дэрмот играет главную роль. Как гласит история, однажды фианны охотились на холмах и в лесах Мунстера, и когда Финн и его капитаны стояли на склоне холма, слушая лай гончих и звуки фианского охотничьего рога из темного леса внизу, они увидели, что к ним приближается огромный, уродливый, бесформенный человек, тащивший за узду большую кобылу с сырыми костями. Он объявил, что желает поступить на службу к Финну. Звали его, по его словам, Гилла Дакар (Суровый Гилла), потому что он был самым тяжелым слугой из всех, от кого лорду приходилось получать службу или послушание. Несмотря на такое [pg 293] бесперспективное начало, Финн, чьим принципом было никогда не отказывать никому, взял его на службу; и теперь фианны стали делать своего неотесанного товарища объектом всевозможных грубых шуток, которые закончились тем, что тринадцать из них, включая Конана Лысого, взобрались на коня Гилла Дакара. На это новичок пожаловался, что над ним издеваются, и в великом недовольстве потрусил прочь, пока не оказался за гребнем холма, тогда он подоткнул юбки и помчался на запад, быстрее любого мартовского ветра, к морскому побережью в графстве Керри. И тут же конь, который стоял неподвижно с поникшими ушами, пока тринадцать всадников тщетно пытались заставить его двигаться,

вдруг вскинул голову и пустился в бешеный галоп за своим хозяином. Фианна бежала рядом, изо всех сил хохоча, а Конан в ужасе и ярости ругал их за то, что они не спасли его и его товарищей. Наконец дело приняло серьезный оборот. Гилла Дакар погрузился в море, а кобыла последовала за ним со своими тринадцатью всадниками и еще одним, которому удалось уцепиться за ее хвост, когда она отплывала от берега; и все они вскоре исчезли в сказочном краю Запада.

Дермот у колодца

Финн и остальные фианны посоветовались, что делать, и в конце концов решили снарядить корабль и отправиться на поиски своих товарищей. После долгих дней плавания они достигли острова, охраняемого обрывистыми скалами. Дермот О'Дайна, как самый ловкий из всех, был послан взобраться на них и, если удастся, найти способ помочь остальным. Когда он добрался до вершины, то оказался в восхитительном краю, полном пения птиц, жужжания пчел и журчания ручьев, [pg 294] но без признаков жилья. Зайдя в темный лес, он вскоре пришел к колодцу, возле которого висел диковинный рог для питья. Когда он наполнил его, из колодца донеслось низкое, угрожающее журчание, но жажда не позволила ему прислушаться к ней, и он выпил все до дна. Вскоре через лес появился вооруженный воин, который жестоко упрекнул его за то, что он пьет из своего колодца. Рыцарь колодца и Дэрмот сражались всю вторую половину дня, но ни один из них не одержал верх над другим, а когда наступил вечер, рыцарь внезапно прыгнул в колодец и исчез. На следующий день произошло то же самое, а на третий Дэрмот, когда рыцарь уже собирался прыгнуть, обхватил его руками, и оба вместе упали вниз.

Спасение Сказочной страны

После мгновения темноты и транса Дэрмот оказался в Сказочной стране. Его разбудил человек благородного вида и отвел в замок великого короля, где его радушно приняли. Ему объяснили, что услуги такого чемпиона, как он, нужны для борьбы с соперничающим монархом Фаэри. Это тот же мотив, который мы находим в приключениях Кухулина с Фандом и который так часто встречается в преданиях кельтских фей. Финн и его спутники, обнаружив, что Дермот не вернулся к ним, нашли путь вверх по скалам и, пройдя через лес, вошли в большую пещеру, которая в конце концов вывела их в ту же землю, куда прибыл Дермот. Там же, как им сообщили, находятся четырнадцать фианнов, унесенных на кобыле Сурового Гилли. Конечно же, это был король, который нуждался в их услугах и таким способом переманил на свою сторону около тридцати лучших ирландских воинов. Финн и его люди вступают в бой с самыми добрыми намерениями, [pg 295] и рассеивают врага, как мякину; Оскар убивает сына короля-соперника (которого называют королем "Греции"). Финн завоевывает любовь дочери Таши из "Белого оружия", и история завершается восхитительной смесью веселья и таинственности. "Какую награду ты получишь за свои добрые услуги?" - спрашивает Финна король фей. "Когда-то ты был у меня в услужении, - отвечает Финн, - и я не возражаю против того, чтобы воздать тебе по заслугам. Пусть одна служба противостоит другой". "Никогда я на это не соглашусь", - кричит Конан Лысый. "Неужели я не получу ничего за то, что меня увезли на твоей дикой кобыле и увезли за море?" "Что же ты получишь?" - спрашивает король фей. "Ничего из твоего золота или товаров, - отвечает Конан, - но моя честь пострадала, и пусть моя честь будет успокоена. Посади, о король, на дикую кобылу тринадцать самых красивых своих женщин, а свою жену посади к ней на хвост, и пусть их доставят в Эрин так же, как нас доставили сюда, и я сочту, что нанесенное нам оскорбление вполне искуплено". На это король улыбнулся и, повернувшись к Финну, сказал: "О Финн, посмотри на своих людей". Финн повернулся, чтобы взглянуть на них, но когда он снова оглянулся, все изменилось - король фей, его приближенные и весь

мир Фаэри исчезли, и он обнаружил, что стоит со своими спутниками и прекрасной Ташей на берегу маленькой бухты в Керри, откуда Суровый Гилли и кобыла унесли его людей в воду. А потом все с веселыми сердцами отправились в большой лагерь Фианны на холме Аллен, чтобы отпраздновать свадебный пир Финна и Таши.

Влияние христианства на развитие ирландской литературы

Эта сказка с ее увлекательной смесью юмора, романтики, волшебства и любви к дикой природе может быть принята за типичный образец фианских легенд в их лучшем виде. [pg 296] По сравнению с конорийскими легендами они, как я уже отмечал, демонстрируют характерное отсутствие какого-либо героического или серьезного элемента. Это благородное начало угасло с растущим преобладанием христианства, которое присвоило для определенных религиозных целей более серьезную и возвышенную сторону кельтского гения, оставив для светской литературы только элементы чуда и романтики. Это было осуществлено настолько полно, что если легенды финнов сохранились до наших дней среди гэльского населения и были предметом литературной обработки до тех пор, пока на гэльском языке вообще существовала письменность, то более ранний цикл почти полностью исчез из народной памяти или сохранился лишь в искаженном виде; И если бы не ранние рукописи, в которых, к счастью, хранятся эти сказки, такое произведение, как "Тейн Бо Куайльгне" - величайшая вещь, несомненно, созданная кельтским гением в литературе, - сейчас было бы безвозвратно утеряно.

Сказки о Дейрдре и о Грании

Ничто не может лучше проиллюстрировать разницу между двумя циклами, чем сравнение сказки о Дейрдре с той, с которой мы сейчас имеем дело, - со сказкой о Дермоте и Грании. Последняя, с одной точки зрения, читается как эхо первой, настолько близко сходство между ними в общих чертах сюжета. Возьмем следующий скелет истории: "Прекрасная дева обручена со знаменитым и могущественным женихом, который намного старше ее. Она отказывается от него в поисках более молодого возлюбленного и останавливает свое внимание на одном из его последователей, галантном и прекрасном юноше, которого она уговаривает, несмотря на его нежелание, лететь с ней. Уйдя от преследования, они на некоторое время поселяются вдали от обманутого любовника, который тянет время, пока наконец, прикрываясь вероломным примирением, не добивается смерти своего младшего соперника и не возвращает себе [pg 297] владение дамой". Если бы изучающего кельтскую легенду попросили выслушать вышеприведенное изложение и сказать, к какому ирландскому сказанию оно относится, он, конечно, ответил бы, что это должно быть либо сказание о преследовании Дермота и Грании, либо о судьбе сыновей Усны; но кто из них это, он сказать бы не смог. Однако по тону и характеру эти две истории расходятся как полюса.

Грания и Дермот

Грания в истории Фиана - дочь Кормака мак Арта, верховного короля Ирландии. Она обручена с Финном мак Кумхалом, которого мы должны рассматривать в этот период как старого и изможденного войной, но все еще могучего воина. Знаменитые капитаны Фианны собрались в Таре на свадебный пир, и пока они сидят за мясом, Грания рассматривает их и спрашивает имена у друида своего отца, Дара. "Удивительно, - говорит она, - что Финн не попросил меня за Оисина, а не за себя". "Ойсин не посмел бы взять тебя", - говорит Дара. Грания, обойдя всю компанию, спрашивает: "Кто этот человек с пятном на лбу, со сладким голосом, с вьющимися русыми волосами и румяными щеками?" "Это Дермот О'Дайна, - отвечает друид, - белозубый, со светлым лицом, лучший в мире любовник женщин и девиц". Теперь Грания готовит сонное снадобье, которое наливает в чашку и передает через свою

служанку королю, Финну и всем, кроме вождей Фианны. Когда напиток подействует, она обращается к Ойсину. "Примешь ли ты от меня ухаживания, Ойсин?" - спрашивает она. "Не приму, - отвечает Ойсин, - ни от одной женщины, которая обручена с Финном". Грания, прекрасно зная, каким будет ответ Ойсина, обращается к своему настоящему знаку, Дермоту. Поначалу он отказывается иметь с ней [pg 298] что-либо общее. "Я налагаю на тебя узы, о Дермот, чтобы ты увез меня из Тары сегодня ночью". "Злые это узы, Грания, - говорит Дермот, - и зачем ты наложила их на меня перед всеми царскими сыновьями, что пируют за этим столом?" Тогда Грания объясняет, что любит Дэрмота с тех пор, как много лет назад из своей солнечной беседки увидела, как он участвует и побеждает в великом поединке по херлингу на зеленом поле в Таре. Дэрмот, все еще очень неохотно, говорит о достоинствах Финна, а также настаивает на том, чтобы у Финна были ключи от королевской крепости, чтобы они не могли уйти ночью. "В моей беседке есть потайная калитка, - говорит Грания. "Я под страхом смерти не пройду ни через одну калитку", - отвечает Дэрмот, все еще борясь с судьбой. Грания не желает слушать эти уловки - любой фианский воин, как ей рассказывали, может перепрыгнуть через частокол, используя копье как прыжковый шест; и она отправляется готовиться к побегу. Дэрмот в большом недоумении обращается к Ойсину, Оскару, Килте и остальным с вопросом, как ему поступить. Все они советуют ему хранить свои гейсы - узы, которые Грания наложила на него, чтобы помочь ей, - и он со слезами уходит от них.

У калитки он снова умоляет Гранию вернуться. "Конечно, я не вернусь, - говорит Грания, - и не расстанусь с тобой, пока смерть не разлучит нас". "Тогда иди вперед, о Грания", - говорит Дэрмот. Когда они прошли милью, "я действительно устала, о внук Дины", - говорит Грания. "Самое время устать, - говорит Дермот, делая последнее усилие, чтобы освободиться от пут, - и возвращайся теперь к своим домашним, ибо я даю слово истинного воина, что не понесу ни тебя, ни какую-либо другую женщину в вечность". "В этом нет нужды", - отвечает Грания, указывает ему, где найти лошадей и колесницу, и Дэрмот, смирившись с неизбежным, запрягает их, и они отправляются в путь к броду Луан на Шенноне. [188](#)

Преследование

На следующий день Финн, пылая от ярости, отправляется со своими воинами по их следу. Он прослеживает каждое место их стоянки и находит шалаш из плетня, который Дэрмот сделал для их убежища, и постель из мягкого камыша, и остатки съеденной ими пищи. И в каждом месте он находит кусок неразломанного хлеба или недожаренного лосося - тонкое послание Дермота Финну о том, что он уважает права своего господина и относится к Грании как к сестре. Но эта деликатность Дэрмота совсем не по душе Крании, и она передает ему свои пожелания способом, который любопытно перекликается с эпизодом из сказки о Тристане и Исеulte Бретанских, рассказанной Генрихом фон Фрейбергом. Они проходят по мокрому участку земли, и тут на Гранию обрушивается всплеск воды. Она обращается к своему спутнику: "Ты могучий воин, о Дэрмот, в битвах, осадах и набегах, но, похоже, эта капля воды смелее тебя". Этот намек на то, что он держится на слишком почтительном расстоянии, был воспринят Дермотом. Теперь все решено, и он больше никогда не встретится с Финном и его старыми товарищами, разве что на острие копья.

Сказка утрачивает оригинальность и очарование начальной сцены и несколько механически пересказывает ряд эпизодов, в которых Дермот подвергается нападению или осаде фианны и спасает себя и свою даму благодаря чудесам смелости или ловкости, или с помощью магических средств своего приемного отца, Ангуса Óg. Их преследуют по всей Ирландии, а дольмены в этой стране в народе ассоциируются [pg 300] с ними, называясь в крестьянских традициях "кроватями Дермота и Грании".

Характер Грании прорисован очень последовательно. Она не героическая женщина - в ней нет простых, пылких порывов и непоколебимой преданности Дейрдре. Последняя гораздо более примитивна. Грания - любопытный современный тип, который можно было бы назвать "невротическим" - волевой, беспокойный, страстный, но полный женского очарования.

Дэрмот и Финн заключают мир

После шестнадцати лет вне закона при посредничестве Ангуса с королем Кормаком и Финном для Дермота наконец-то заключен мир. Дермот получает свою вотчину, Кантрэд О'Дайна, и другие земли далеко на западе, а Кормак отдает Финну еще одну из своих дочерей. "Мирно жили они долгое время друг с другом, и говорили, что ни один человек, живший тогда, не был богаче золотом и серебром, стадами и отарами, чем Дермот О'Дайна, и ни один не делал больше добычи".¹⁸⁹ Грания родила Дермоту четырех сыновей и одну дочь.

Но Грания не успокоится, пока "два лучших человека, что есть в Эрине, а именно Кормак сын Арта и Финн сын Кумхала", не побывают в ее доме. "И откуда нам знать, - добавляет она, - может, тогда наша дочь получит достойного мужа?" Дэрмот соглашается с некоторой опаской; король и Финн принимают приглашение, и они со своими свитами целый год пируют в Рат Грании.

[pg 301]

Месть Финна

Однажды ночью, ближе к концу пиршественного года, Дэрмота пробуждает от сна лай гончей. Он вскочил, "так что Грания подхватила его, обняла двумя руками и спросила, что он видел". "Это голос гончей, - говорит Дермот, - и я удивляюсь, что слышу его ночью". "Спаси и сохрани тебя, - говорит Грания, - это народ данаев работает над тобой. Ложись снова". Но трижды голос гончей будит его, и на следующий день он отправляется, вооружившись мечом и пращей, а за ним и его гончая, чтобы посмотреть, что происходит.

На горе Бен Бульбен в Слайго он натывается на Финна с охотничьим отрядом Фианны. Однако сейчас они не охотятся, а на них охотятся, ибо они разбудили заколдованного вепря без ушей и хвоста, вепря Бен Бульбена, который в то утро убил тридцать человек. "А ты уходи, - говорит Финн, прекрасно зная, что Дэрмот никогда не отступит перед опасностью, - ведь ты под страхом смерти не должен охотиться на свинью". "Как же так?" - спрашивает Дермот, и тогда Финн рассказывает ему странную историю о смерти сына управляющего и его возрождении в виде этого кабана с его миссией мести. "Клянусь, - сказал Дэрмот, - ты устроил эту охоту, чтобы убить меня, о Финн; и если мне суждено умереть именно здесь, я не в силах теперь уклониться от этого".

Тогда зверь появляется на склоне горы, и Дэрмот натравливает на него гончую, но та в ужасе разбегается. Тогда Дэрмот пускает камень, который попадает кабану точно в середину лба, но даже не царапает его шкуру. Зверь уже близко, и Дэрмот ударяет его мечом, но оружие разлетается на две части, и ни одна щетина кабана не рассечена. [pg 302] Под ударом вепря Дермот падает на него и некоторое время носится, держась за его спину; но наконец вепрь стряхивает его на землю и, набросившись на него "стремительной, чрезвычайно могучей пружиной", вырывает ему кишки, а в это время Дермот, не выпуская из руки рукоять меча, выбивает мозги зверя, и тот падает замертво рядом с ним.

Смерть Дермота

Непримиримый Финн поднимается и встает над агонизирующим Дермотом. "Мне приятно видеть тебя в таком положении, о Дэрмот, - говорит он, - и я хотел бы, чтобы все женщины Ирландии видели тебя сейчас; ведь твоя превосходная красота превратилась в уродство, а твои прекрасные формы - в уродство". Дермот напоминает Финну о том, как однажды спас его от смертельной опасности, когда на него напали во время пира в доме Дерка, и просит исцелить его струей воды из своих рук, ибо Финн обладал волшебным даром возвращать здоровье любому раненому струей колодезной воды, набранной в две руки. "Здесь нет колодца", - говорит Финн. "Неправда, - говорит Дэрмот, - в девяти шагах от тебя находится лучший в мире колодец с чистой водой". Финн, наконец, по просьбе Оскара и фианны и после рассказа о многих подвигах, совершенных ради него Дермотом в былые времена, идет к колодцу, но прежде чем он подносит воду к Дермоту, она проваливается сквозь пальцы. Он идет во второй раз и снова пускает воду, "вспомнив о Грании", и Дэрмот, увидев это, страдальчески вздыхает. Тогда Оскар заявляет, что если Финн не принесет воду немедленно, то ни он, ни Финн не уйдут с холма живыми, и Финн снова идет к колодцу, но уже слишком поздно: Дермот мертв, прежде чем целебная струя успела достичь его губ. Тогда Финн берет гончую Дермота, вожди Фианны накидывают на мертвеца свои плащи, и они возвращаются в Рат Гранию. Грания, увидев гончую, которую вел Финн, догадывается о случившемся и падает в обморок на валу Рата. Оисин, когда она приходит в себя, отдает ей гончую, против воли Финна, и фианны уходят, оставив ее в печали. Когда люди из дома Грании отправляются за телом Дермота, они находят там Ангуса Ёг и его компанию из народа Дана, которые, издав три горьких и ужасных крика, уносят тело на позолоченной тележке, и Ангус заявляет, что хотя он не может вернуть мертвого к жизни, "я пошлю в него душу, чтобы он мог говорить со мной каждый день".

Конец Грании

Современный вкус требует романтической и сентиментальной концовки для такой сказки, и она действительно была дана в пересказе доктора П. В. Джойса в его "Старых кельтских романах", как и сказка о Дейрдре почти у каждого современного писателя, который обращался к ней.¹⁹⁰ Но кельтский сказочник считал иначе. Сказка о конце Дейрдре ужасно жестока, а о Грании - цинична и насмешлива; ни та, ни другая ничуть не сентиментальны. Поначалу Грания разгневана на Финна и посылает своих сыновей за границу учиться ратным подвигам, чтобы они могли отомстить ему, когда придет время. Но Финн, хитрый и дальновидный, каким он изображен в этой сказке, знает, как предотвратить эту опасность. Когда трагедия на Бен-Бульбене начинает понемногу затихать в неглубокой душе Грании, он посвящает себя ей, и, хотя поначалу его встречали презрение и негодование, он завораживает ее так сладко и с такой нежностью, что в конце концов подчиняет [pg 304] ее своей воле и несет ее в качестве невесты на Холм Аллена. Когда фианны увидели пару, идущую к ним в этом любовном обличье, они разразились хохотом и насмешками, "так что Грания склонила голову от стыда". "Мы надеемся, о Финн, - кричит Ойсин, - что отныне ты будешь хорошо хранить Гранию". Так Грания заключила мир между Финном и своими сыновьями и жила с Финном как его жена до самой его смерти.

Два потока фианских легенд

Следует заметить, что в этой легенде Финн не предстает как сочувствующий персонаж. Все наши интересы на стороне Дермота. В этом аспекте сказка типична для определенного класса фианских историй. Как в организации фианов существовали два соперничающих клана - клан Баскна и клан Морна, - которые иногда вступали в схватку за главенство, так и существуют два потока легенд, как бы вытекающих соответственно из одного или другого из

этих источников, в одном из которых Финн прославляется, а в другом - принижается в пользу Голла мак Морна или любого другого героя, с которым он вступает в конфликт.

Конец Фианны

История конца Фианны изложена в нескольких произведениях, в прозе и поэзии, но все они сходятся в том, что представляют это событие как трезвую историю, без сверхъестественной и мистической атмосферы, которой пропитаны почти все фианские легенды.

После смерти Кормака мак Арта к верховной власти в Ирландии пришел его сын Кэрбри. У него была прекрасная дочь по имени Сгеймх Солаис (Свет Красоты), которую попросил в жены сын короля Деки. Брак был заключен, и Фианна потребовала выкуп или дань в двадцать слитков золота, которые, как говорят, обычно выплачивались им в таких случаях. [pg 305] Похоже, что к этому времени Фианна превратилась в самостоятельную силу внутри государства, причем деспотичную, требующую от королей и подкоролей по всей Ирландии тяжелой дани и обременительных привилегий. Кэрбри решил сломить их, и ему представилась хорошая возможность сделать это. Поэтому он отказался платить выкуп и призвал всех провинциальных королей на помощь против Фианны, основная часть которой немедленно подняла восстание, отстаивая свои права. Старая вражда между кланом Басна и кланом Морна вспыхнула с новой силой: последний встал на сторону верховного короля, а клан Басна при поддержке короля Мюнстера и его войск, который один встал на его сторону, двинулся на Кэрбри.

Битва при Гауре

Все это звучит очень достоверно и правдоподобно, но сколько в этом реальной истории, сказать трудно. Решающая битва последовавшей войны произошла при Гоуре (Габре), название которой сохранилось в Гарристауне (Garristown), Со. Дублин. Соперники, выстроившись в боевой порядок, преклонили колени и поцеловали священную землю Эрина, прежде чем ринуться в бой. История битвы в поэтических версиях, одна из которых опубликована в "Transactions" Оссианического общества, а другая, более тонкая, в "The Fians" [Кэмпбелла](#)¹⁹¹, предположительно, была рассказана Ойсином Святому Патрику. Он придает большое значение подвигам своего сына Оскара:

"Мой сын проложил свой путь

сквозь батальоны Тары

Как ястреб сквозь стаю птиц,

Или скала, спускающаяся по склону горы".

[pg 306]

Смерть Оскара

Бой был на грани, и резня с обеих сторон была огромной. Говорят, после этой битвы в Эрине не осталось никого, кроме стариков и мальчиков. Фианна в конце концов была почти полностью истреблена, а Оскар убит. Он и король Ирландии Кэрбри встретились в одиночном бою, и каждый из них убил другого. Когда Оскар еще дышал, хотя на его теле не было ни одной раны, отец нашел его:

"Я нашел своего сына лежащим

На левом локте, щит у него под боком;

Правая рука его сжимала меч,

Кровь заливала его кольчугу.

"Оскар взглянул на меня...

Горе мне от этого зрелища!

Он протянул ко мне две руки,

пытаясь подняться, чтобы встретить меня.

"Я схватил руку моего сына

И сел по левую сторону от него;

И с тех пор я сижу рядом с ним,

Я не думал о мире".

Когда Финн (в шотландской версии) приходит оплакивать своего внука, он плачет:

"Горе, что не я пал

В бою на голом солнечном Гавре,

А ты был на востоке и западе

Маршировал перед фианами, Оскар".

Но Оскар отвечает:

"Это ты пал

В бою в солнечной Гавре,

Один вздох, восточный или западный,

Не раздался бы по тебе от Оскара".

[pg 307]

"Никто никогда не знал.

Что сердце из плоти было в моей груди,

Но сердце из витого рога

И стальные ножны над ним.

"Но вой собак рядом со мной,

И плач старых героев,

И плач женщин по очереди,

Вот что терзает мое сердце".

Оскар умирает, возблагодарив богов за безопасность отца, и Ойсин с Килтой поднимают его на копье и уносят под своим знаменем, "Грозным снопом", чтобы похоронить на поле, где он

погиб и где с его именем до сих пор связан большой зеленый курган. Финн не принимает никакого участия в битве. Говорят, что он приплыл "на корабле", чтобы осмотреть поле после битвы, и плакал над Оскаром, чего он никогда не делал, кроме как однажды, по своей гончей Брану, которого он сам убил по неосторожности. Возможно, упоминание о корабле указывает на то, что к этому времени он уже скончался и прибыл на землю из заморского царства Смерти.

В этом сказании о битве при Гауре есть меланхоличное величие, которое отводит ему особое место в оссианической литературе. Это подходящий дирг для великой легендарной эпохи. Кэмпбелл рассказывает, что шотландские крестьяне и пастухи при ее чтении снимали чепцы. Он добавляет странный и захватывающий фрагмент современного фольклора, связанный с ней. Говорят, что двое мужчин, которые шли ночью, вероятно, воруя овец или занимаясь каким-то другим хищническим промыслом, и рассказывали на ходу сказки Фиана, заметили две огромные теневые фигуры, разговаривающие друг с другом на другом конце поляны. Одна из них сказала другой: "Видишь того человека внизу? Я был вторым столбом битвы в день Гауры, а тот человек знает все об этом лучше меня".

[pg 308]

Конец Финна

Что касается самого Финна, то странно, что во всей сохранившейся массе оссиановской литературы не нашлось полного рассказа о его смерти. Есть упоминания о ней в поэтических легендах, и летописцы даже датируют ее, но эти упоминания противоречат друг другу, как и даты. Ни летописцы, ни поэты не могут пролить ясный свет на этот вопрос. Финн словно растворился в волшебном тумане, окутавшем многие его деяния при жизни. Однако народная традиция гласит, что он и его великие спутники, Оскар, Кельта, Ойсин и другие, никогда не умирали, а лежат, подобно кайзеру Барбароссе, закованные в заколдованную пещеру, где ждут назначенного времени, чтобы вновь появиться во славе и освободить свою землю от тирании и зла.

[стр. 309]

ГЛАВА VII: ПУТЕШЕСТВИЕ МАЭЛЬДУНА

Помимо легенд, которые группируются вокруг великих героических имен и имеют или, по крайней мере, претендуют на исторический характер, существует множество других, больших и малых, которые рассказывают о приключениях, лежащих исключительно в области романтики и вне земного пространства и времени. В качестве примера я привожу краткое изложение "Путешествия Маэльдуна", любопытнейшего и блестящего произведения, которое содержится в рукописи под названием "Книга коровы Дун" (около 1100 года) и других ранних источниках и отредактировано с переводом (которому я обязан следующими выдержками) доктором Уитли Стоуксом в "Revue Celtique" за 1888 и 1889 годы. Это лишь одно из множества подобных чудесных путешествий, встречающихся в древнеирландской литературе, но считается, что оно было самым ранним из них и образцом для остальных. В сокращенном и измененном виде, приведенном Джойсом в его "Старых кельтских романах", оно послужило темой для "Путешествия Маэльдуна" Теннисона, который превратил его в удивительное по ритму и цвету творение, воплотившее в себе своего рода аллегорию ирландской истории. В конце будет замечено, что мы имеем необычную

возможность узнать имя автора этого произведения примитивной литературы, хотя он и не утверждает, что сочинил, а лишь "привел в порядок" события "Путешествия". К сожалению, мы не можем сказать, когда он жил, но сказка в том виде, в котором она дошла до нас, вероятно, датируется девятым веком. Ее атмосфера полностью христианская, и она не имеет никакого мифологического значения, за исключением того, что преподносит урок, что прорицательские предписания волшебников должны быть послушны. Ни одно приключение или даже деталь, имеющая важное значение, не опущены в [pg 310] следующем кратком изложении истории, которая приводится так полно, потому что читатель может считать, что она представляет собой большой и важный раздел ирландского легендарного романа. Кроме источника, которым я обязан "Revue Celtique", я не знаю другого достоверного воспроизведения этой замечательной сказки на английском языке.

"Путешествие Маэлдуна" начинается, как это часто бывает в ирландских сказках, с рассказа о замысле его героя.

Был знаменитый человек из септа Оуэнс оф Аран по имени Эйлилл Край Боя, который вместе со своим королем отправился в поход на чужую территорию. Однажды они остановились на ночлег неподалеку от церкви и женского монастыря. В полночь Эйлилл, находившийся возле церкви, увидел, как некая монахиня вышла ударить в колокол на ноктюрн, и поймал ее за руку. В древней Ирландии религиозные люди не пользовались особым уважением во время войны, и Эйлилл не уважал ее. Когда они расстались, она сказала ему: "Откуда род твой и как имя твое?". Герой ответил: "Меня зовут Эйлилл из Края Битвы, и я из Оуэнахта Арана, что в Томонде".

Вскоре после этого Эйлилл был убит бродягами из Лейкса, которые сожгли над его головой церковь Дуклун.

В положенный срок у женщины родился сын, и она назвала его именем Маэлдун. Его тайно отвезли к ее подруге, королеве этой территории, и она воспитала Маэлдуна. "Поистине, прекрасен был его облик, и вряд ли найдется во плоти кто-либо столь прекрасный, как он. Так он рос, пока не стал молодым воином и не научился владеть оружием. Велики были тогда его яркость, веселье и игривость. В играх он превосходил всех своих товарищей и в метании мячей, и в беге, и в прыжках, и в бросании камней, и в скачках на лошадях".

Однажды гордый молодой воин, который был [pg 311] побежден им, насмеялся над ним, говоря, что он не знает о своем происхождении и роде. Маэлдун отправился к своей приемной матери, царице, и сказал: "Я не буду ни есть, ни пить, пока ты не скажешь мне, кто моя мать и мой отец". "Я твоя мать, - ответила царица, - ибо никто никогда не любил своего сына так, как я люблю тебя". Но Маэлдун настаивал на том, чтобы знать все, и в конце концов королева отвела его к его собственной матери, монахине, которая сказала ему: "Твоим отцом был Эйлилл из Оуэнса Аранского". Тогда Маэлдун отправился к своим сородичам и был хорошо принят ими; вместе с ним он взял в гости трех своих любимых приемных братьев, сыновей короля и королевы, которые его воспитали.

Через некоторое время Маэлдун оказался в компании молодых воинов, которые спорили, как поставить камень на кладбище разрушенной церкви Дуклун. Когда Маэлдун опускал камень, его нога попала на выжженный и почерневший камень, и один из находившихся рядом монахов по имени [Брикне192](#) сказал ему: "Лучше бы ты отомстил за того, кто был сожжен здесь, чем бросал камни на его сожженные кости".

"Кто это был?" - спросил Маэлдун.

"Айлилл, отец твой", - сказали ему.

"Кто убил его?" - спросил он.

"Изгнанники из Лейкса", - сказали они, - "и они уничтожили его на этом месте".

Тогда Маэлдун бросил камень, который собирался бросить, накинул на себя мантию и пошел домой; он спросил дорогу в Лейкс. Ему ответили, что туда можно добраться только по [морю193](#).

[pg 312]

По совету друида он построил ему лодку, или коракл, из шкур, трижды наложенных одна на другую; и волшебник также сказал ему, что его должны сопровождать только семнадцать человек, и в какой день он должен начать строительство лодки и в какой день он должен выйти в море.

И вот, когда его компания была готова, он отчалил и поднял парус, но прошел совсем немного, когда три его приемных брата спустились на берег и стали просить его взять их с собой. "Отведите вас домой, - сказал Маэлдун, - ибо никто, кроме тех, кто у меня есть, не может отправиться со мной". Но трое юношей не хотели разлучаться с Маэлдуном и бросились в море. Он повернул назад, чтобы они не утонули, и перенес их в свою лодку. Все, как мы увидим, были наказаны за этот проступок, а Маэлдун был обречен на скитания до тех пор, пока не искупит свою вину.

Ирландские бардовские сказания отличаются своими открытиями. В данном случае, как обычно, мизансцена придумана великолепно. Далее рассказывается о том, как, увидев на одном из островов убийцу своего отца, но не имея возможности высадиться на берег, Маэлдун и его отряд уплывают в море, где посещают множество островов и переживают на них множество странных приключений. Повесть становится, по сути, целым центоном историй и происшествий, некоторые из которых не очень интересны, а в других, как, например, в приключениях на острове Серебряного столба, острове Пламенного Рампарта или там, где происходит эпизод с орлом, кельтское чувство красоты, романтики и тайны находит свое непревзойденное, возможно, в литературе выражение.

В приведенном ниже переводе я опустил стихи, которые Джойс приводит в конце каждого приключения. Они просто пересказывают прозаическое повествование и не встречаются в самых ранних рукописных источниках.

[pg 313]

Остров рабов

Маэлдун и его команда гребли весь день и половину ночи, когда они подошли к двум маленьким голым островам с двумя крепостями на них, и с них послышался шум ссорящихся вооруженных людей. "Отойди от меня, - крикнул один из них, - ибо я лучше тебя. Это я убил Эйлиллу с Края Битвы и сжег из-за него церковь Дуклоуна, и ни один из моих сородичей не отомстил мне за его смерть. А ты никогда не делал ничего подобного".

Тогда Маэлдун собрался высадиться, а [Германа194](#) и Диуран Рифмач воскликнули, что Бог привел их к тому месту, где они будут. Но внезапно поднялся сильный ветер и унес их в безбрежный океан, и Маэлдун сказал своим братьям-приемникам: "Вы стали причиной этого, бросившись на борт вопреки словам друида". И они ничего не ответили, только молчали некоторое время.

Остров муравьев

Три дня и три ночи дрейфовали они, не зная, куда плыть, а на рассвете третьего дня услышали шум волнорезов и, как только взошло солнце, причалили к острову. Не успели они высадиться на берег, как встретили рой свирепых муравьев, каждый из которых был размером с жеребенка, спустившихся по мели в море, чтобы добраться до них; тогда они быстро уплыли и еще три дня не видели земли.

Остров больших птиц

Это был террасированный остров, вокруг него росли деревья, а на деревьях сидели большие птицы. Маэлдун высадился первым, один, и тщательно обыскал остров на предмет всякой [pg 314] нечисти, но, не найдя таковой, остальные последовали за ним, убили и съели многих птиц, а остальных взяли на борт своей лодки.

Остров свирепого зверя

Это был большой песчаный остров, а на нем - зверь, похожий на лошадь, но с когтистыми лапами, как у гончей. Он налетел на них, чтобы сожрать, но они вовремя отпрянули, и зверь забросал их галькой с берега, когда они отплывали.

Остров гигантских лошадей

Большой плоский остров, который по жребию первыми должны были исследовать Германа и Диуран. Они нашли огромный зеленый ипподром, на котором были следы лошадиных копыт, каждое из которых было размером с парус корабля, и валялись скорлупки орехов чудовищной величины, и много награбленного. Они испугались и поспешно отплыли, а с моря увидели скачки и слышали крики великого множества людей, подбадривающих то белого коня, то коричневого, и увидели огромных коней, бегущих быстрее ветра. [195](#) И они изо всех сил гребли прочь, думая, что наткнулись на сборище демонов.

Остров каменной двери

Прошла целая неделя, и тогда они нашли большой, высокий остров, на берегу которого стоял дом. Каменная дверь с задвижкой открывалась в море, и через нее морские волны забрасывали в дом лосося. Маэлдун и его отряд вошли в дом и обнаружили, что в нем [pg 315] нет людей, но для вождя, которому он принадлежал, была приготовлена большая кровать, и по кровати для каждого из его компании, а рядом с каждой кроватью - мясо и питье. Маэлдун и его спутники поели и попили вдоволь, а затем снова отплыли.

Остров яблок

К тому времени, как они прибыли сюда, они долго плыли, и пища подвела их, и они были голодны. У этого острова были обрывистые бока, с которых свисало дерево, и, когда они проходили вдоль скал, Маэлдун отломил веточку и держал ее в руке. Три дня и ночи они обходили скалы и не нашли входа на остров, но к тому времени на конце прута Маэлдуна выросла гроздь из трех яблок, и каждого яблока хватило команде на сорок дней.

Остров диковинного зверя

Вокруг этого острова была каменная ограда, а внутри ограды - огромное чудовище, которое мчалось вокруг острова. Однажды оно взобралось на вершину острова и совершило дивный подвиг: оно поворачивало свое тело внутри шкуры, причем шкура оставалась неподвижной, а шкура снова поворачивалась вокруг тела. Увидев группу, оно бросилось на них, но они

убежали, забрасывая их камнями, пока те гребли. Один из камней пробил щит Маэлдуна и застрял в киле лодки.

Остров кусающихся лошадей

Здесь было много огромных зверей, похожих на лошадей, которые постоянно вырывали куски плоти друг у друга из боков, так что весь остров залило кровью. Они поспешно отплыли, и теперь были удручены и полны [pg 316] жалоб, ибо не знали, где они находятся, и как найти руководство или помощь в своих поисках.

Остров Огненной Свиньи

С великой усталостью, голодом и жаждой они добрались до десятого острова, который был полон деревьев, усыпанных золотыми яблоками. Под деревьями ходили красные звери, похожие на огненных свиней, которые пинали деревья ногами, когда яблоки падали, и звери их съедали. Звери выходили только утром, когда множество птиц покидало остров и уплывало в море до полудня, а потом поворачивали и снова плыли вглубь острова до вечера и ели яблоки всю ночь.

Маэлдун и его товарищи высадились на берег ночью и почувствовали под ногами горячую землю от огненных свиней в их подземных пещерах. Они собрали все яблоки, какие только смогли, которые были полезны и от голода, и от жажды, нагрузили ими свою лодку и снова вышли в море обновленными.

Остров маленького кота

Яблоки подвели их, когда они, голодные и измученные жаждой, приплыли к одиннадцатому острову. Это была как бы высокая белая башня из мела, поднимающаяся к облакам, а на валу вокруг нее стояли большие дома, белые как снег. Они вошли в самый большой из них и не нашли в нем ни одного человека, только маленькая кошка играла на четырех каменных столбах, стоявших посреди дома, перепрыгивая с одного на другой. Она немного поглядывала на ирландских воинов, но не прекращала своей игры. На стенах домов висели три ряда предметов: один ряд брошей из золота и серебра, другой - шейных торков из золота и серебра, каждый размером с обруч бочки, третий - больших мечей с золотыми и серебряными рукоятками. В комнате [pg 317] лежали одеяла и блестящие одежды, а еще там были зажаренный бык, кусок бекона и множество спиртных напитков. "Это оставили для нас?" - спросил Маэлдун у кота. Она посмотрела на него мгновение, а затем продолжила свою игру. Так они ели, пили и спали, запасаясь тем, что осталось от еды. На следующий день, когда они собрались уходить из дома, младший из приемных братьев Маэлдуна взял со стены ожерелье и уже выносил его, как вдруг кошка "пронзила его, как огненная стрела", и он упал на пол кучкой пепла. Тогда Маэлдун, запретивший красть драгоценность, успокоил кошку, вернул ожерелье на место, а прах погибшего юноши они высыпали на берег моря и снова отправились в путь.

Остров Черной и Белой Овцы

Этот остров был разделен на две части медным частоколом, и на одной стороне стояло стадо черных овец, а на другой - белых. Между ними стоял большой человек, который ухаживал за стадом, и иногда он помещал белую овцу среди черных, когда она сразу же становилась черной, или черную овцу среди белых, когда она сразу же становилась белой. ¹⁹⁶ В качестве эксперимента Маэлдун бросил очищенную белую палочку в сторону черной овцы. Она тут же почернела, и они в ужасе покинули это место, так и не приземлившись.

Остров гигантского скота

Большой и широкий остров, на котором находилось стадо огромных свиней. Они убили маленькую свинью и зажарили ее на месте, так как она была слишком велика, чтобы нести ее на борт. Остров поднимался на очень высокую гору, и Диуран с Германом отправились посмотреть на страну с ее вершины. [pg 318] По пути им встретилась широкая река. Чтобы проверить глубину воды, Герман погрузил в нее древко своего копья, и оно сразу же забурило, как жидкий огонь. На другом берегу стоял огромный человек, охранявший, похоже, стадо волов. Он попросил их не беспокоить телят, и они, не останавливаясь, быстро отплыли.

Остров Мельницы

Здесь они обнаружили огромную и мрачную на вид мельницу и гигантского мельника, который молот на ней кукурузу. "Половина кукурузы вашей страны, - сказал он, - перемалывается здесь. Здесь перемалывается все, что люди жалеют друг у друга". Тяжелые и многочисленные грузы, которые они видели, шли к нему, и все, что в нем мололи, уносилось на запад. Тогда они перекрестились и отплыли.

Остров черных скорбящих

Остров, полный чернокожих людей, непрерывно плачущих и сетующих. Один из двух оставшихся приемных братьев высадился на нем, тут же почернел и стал плакать, как все остальные. Двое других отправились за ним, и их постигла та же участь. Тогда пошли еще четверо с головами, обмотанными тряпками, чтобы они не смотрели на землю и не дышали здешним воздухом, схватили двух потерявшихся и насильно унесли их, но не приемного брата. Двое спасенных не смогли объяснить свое поведение, сказав лишь, что должны были поступать так, как видели, как поступали вокруг них другие.

Остров четырех оград

Четыре ограды из золота, серебра, меди и хрусталя делили этот остров на четыре части: короли - на одну, королевы - на другую, воины - на третью, девы - на четвертую.

[pg 319]

Когда они высадились на берег, дева дала им еду, похожую на сыр, которая была по вкусу каждому, как он хотел, и опьяняющий напиток, который погрузил их в сон на три дня. Когда они проснулись, то оказались в море на своей лодке, а об острове и его обитателях ничего не было слышно.

Остров стеклянного моста

Здесь мы подходим к одному из самых тщательно продуманных и живописных происшествий этого путешествия. На острове, которого они достигли, стояла крепость с медными дверями и стеклянным мостом, ведущим к ней. Когда они попытались перейти мост, он отбросил их назад. ¹⁹⁷ Из крепости вышла женщина с кадкой в руках, подняла с моста стеклянную плиту, спустила кадку в воду и вернулась в крепость. Они ударили в медный портключ перед собой, чтобы получить вход, но мелодия, издаваемая бьющимся металлом, погрузила их в дремоту до самого утра. Так повторялось еще трижды, и каждый раз женщина произносила ироничную речь о Маэлдуэ. Но на четвертый день она вышла к ним через мост, одетая в белую мантию с золотым цирком на волосах, на румяных ногах - две серебряные сандалии, а на коже - шелковый платок.

"Приветствую тебя, о Маэлдун, - сказала она и поприветствовала каждого из команды по имени. Затем она провела их в большой дом и выделила диван для вождя и по одному для каждого трех его людей. Она дала им в изобилии еды и питья, все из одного ведра, и каждый нашел в нем то, что ему больше всего хотелось. Когда она ушла, они спросили Маэлдуна, не свататься ли им за эту деву. "Как бы [pg 320] вам повредило поговорить с ней?" - говорит Маэлдун. Они так и сделали, и она ответила: "Я не знаю и никогда не знала, что такое грех". Это повторяется дважды. "Завтра, - говорит она наконец, - вы получите ответ". Однако с наступлением утра они снова оказываются в море, и ни острова, ни крепости, ни дамы не видно.

Остров кричащих птиц

Они слышат издали великий крик и пение, словно пение псалмов, и, гребя день и ночь, приплывают наконец к острову, полному птиц, черных, коричневых и пестрых, все они кричат и говорят. Они уплывают, не высаживаясь на берег.

Остров анкоритов

Здесь они нашли лесистый остров, полный птиц, а на нем - одинокого человека, единственной одеждой которого были волосы. Они спросили его о стране и роде. Он рассказал им, что был выходцем из Ирландии, который отправился в море¹⁹⁸ с дерном своей родины под ногами. Бог превратил этот дерн в остров, добавив к нему фут ширины и по одному дереву на каждый год. Птицы - его родня, и все они ждут там Судного дня, чудесным образом вскормленные ангелами. Он развлекал их три ночи, а потом они улетели.

Остров чудесного фонтана

На этом острове был золотой вал и мягкая белая земля, похожая на пух. На нем они нашли другого анчоуса, одетого только в волосы. На нем был фонтан [pg 321], дающий сыроватку или воду по пятницам и средам, молоко по воскресеньям и в праздники мучеников, а эль и вино в праздники апостолов, Марии, Иоанна Крестителя и в приливы и отливы года.

Остров кузницы

Когда они приблизились к нему, то издали слышали грохот огромной кузницы и разговоры мужчин между собой. "Кажется, это маленькие мальчики", - сказал один из них, - "в маленьком корыте вон там". Они поспешно отплыли, но не поворачивали лодку, чтобы не показалось, что она летит; но через некоторое время из кузницы вышел огромный кузнец, держа в щипцах огромную массу раскаленного железа, которую он бросил вслед за ними, и все море вскипело вокруг нее, когда она упала за борт их лодки.

Море из прозрачного стекла

После этого они плыли, пока не вошли в море, напоминающее зеленое стекло. Чистота его была такова, что сквозь него были ясно видны гравий и песок моря; и не видели они там среди скал ни чудовищ, ни зверей, а только чистый гравий и зеленый песок. И долгое время в течение дня они плавали по тому морю, и велико было его великолепие и красота.¹⁹⁹

Подводный остров

Затем они оказались в море, тонком, как туман, и казалось, что оно не выдержит их лодку. В глубине они увидели крепости с крышами, а вокруг них - прекрасную землю. Там на дереве поселилось чудовищное чудовище, вокруг него - стада скота, а под ним - вооруженный воин. Несмотря на воина, чудовище все время [pg 322] протягивало длинную шею, схватывало

один из скотов и пожирало его. Сильно опасаясь, как бы им не утонуть в этом море, похожем на туман, они переплыли его и уплыли.

Остров пророчества

Прибыв сюда, они обнаружили, что вода поднимается высокими скалами вокруг острова, и, посмотрев вниз, увидели на нем толпу людей, которые кричали им: "Это они, это они", пока у них не перехватило дыхание. Тогда подошла женщина и забросала их снизу крупными орехами, которые они собрали и унесли с собой. Когда они уходили, то слышали, как люди кричали друг другу: "Где они теперь?" "Они ушли". "Нет." "Вероятно, - говорится в сказке, - это был некто, о ком островитяне имели пророчество, что он разорит их страну и изгонит их с их земли".

Остров изливающейся воды

Здесь из одной стороны острова вытекал большой поток, который переливался через него, как радуга, и падал на мель у дальней стороны. И когда они вонзали свои копья в поток над собой, то вытаскивали из него лосося, сколько хотели, и остров наполнялся зловонием тех, кого они не могли унести.

Остров Серебряного столба

Следующее чудо, к которому они пришли, стало одним из самых ярких и поражающих воображение эпизодов путешествия. Это была огромная серебряная колонна, четырехугольная, поднимавшаяся из моря. Каждая из четырех ее сторон была шириной в два гребка лодки. У ее подножия не было ни пяди земли, но она поднималась из безбрежного [pg 323] океана, и ее вершина терялась в небе. С этой вершины далеко в море была спущена огромная серебряная сеть, сквозь сетку которой они плыли. Когда они плыли, Диуран отколол кусок сети. "Не разрушай ее, - сказал Маэлдун, - ибо то, что мы видим, - дело рук могучих людей". Диуран сказал: "Во славу имени Божьего я делаю это, чтобы в нашу историю поверили, и если я снова доберусь до Ирландии, этот кусок серебра будет принесен мной на главный алтарь Армага". Две унции с половиной весил этот кусок, когда его потом измерили в Армаге.

"И тут услышали они голос с вершины вон того столба, могучий, ясный и отчетливый. Но не знали они ни языка, на котором он говорил, ни слов, которые он произносил".

Остров на пьедестале

Следующий остров стоял на подножии, или пьедестале, который возвышался над морем, и они не могли найти к нему доступа. В основании пьедестала была дверь, закрытая и запертая, которую они не смогли открыть, и уплыли, никого не увидев и ни с кем не поговорив.

Остров женщин

Здесь они обнаружили вал мощного дуна, окружавшего особняк. Они высадились, чтобы посмотреть на него, и сели на холме неподалеку. Внутри дюны они увидели семнадцать девиц, занятых приготовлением большой ванны. Через некоторое время к ним стремительно подъехал богато одетый всадник на скакуне, зажег свет и вошел внутрь, а одна из девушек взяла коня. Затем всадник вошел в ванну, и они увидели, что это женщина. Вскоре после этого одна из девиц вышла и пригласила их войти, сказав: "Вас приглашает королева". Они вошли в крепость и искупались, а затем сели за стол, каждый мужчина с девицей напротив

себя, а [pg 324] Маэлдун напротив царицы. И Маэлдун был женат на царице, а каждая из девиц - на одном из его людей, и с наступлением ночи каждому из них были отведены покои с балдахином. На утро они собрались уезжать, но царица не позволила им уехать и сказала: "Оставайтесь здесь, и старость никогда не постигнет вас, но вы останетесь такими, какие вы есть сейчас, на веки вечные, и то, что было у вас прошлой ночью, будет у вас всегда. И не будешь больше скитаться по океану от острова к острову".

Затем она рассказала Маэлдуну, что она - мать семнадцати девушек, которых они видели, а ее муж был королем острова. Теперь он умер, и она царствует вместо него. Каждый день она выходила на большую равнину в глубине острова, чтобы судить народ, а ночью возвращалась в дун.

Так они пробыли там три месяца зимы; но по истечении этого срока им показалось, что они пробыли там три года, и люди устали от этого и захотели отправиться в свою страну.

"Что мы найдем там, - сказал Маэлдун, - лучше, чем здесь?"

Но люди все еще роптали и жаловались, и наконец они сказали: "Велика любовь, которую Маэлдун питает к своей женщине. Пусть он остается с ней один, если хочет, а мы пойдем в свою страну". Но Маэлдун не хотел уходить за ними, и наконец однажды, когда королева была в отъезде и судила народ, они сели на свой корабль и вышли в море. Но не успели они отплыть далеко, как королева подъехала верхом с мотком бечевки в руке и бросила его им вслед. Маэлдун поймал ее в руку, и она вцепилась ему в руку так, что он не мог освободиться, а королева, держась за другой конец, притянула их обратно к суше. И оставались они на острове еще три месяца.

[pg 325]

Дважды повторялось то же самое, и в конце концов люди заговорили, что Маэлдун специально держит крючок, так велика была его любовь к женщине. В следующий раз другой человек поймал секиру, но она, как и прежде, цеплялась за его руку; тогда Диуран отрубил ему руку, и она вместе с секирой упала в море. "Когда она увидела это, то тотчас же начала стенать и кричать, так что вся земля закричала, стеная и крича". Так они спаслись с Острова женщин.

Остров красных ягод

На этом острове росли деревья с большими красными ягодами, которые давали опьяняющий и дурманящий сок. Они смешали его с водой, чтобы умерить его силу, наполнили им свои бочки и уплыли.

Остров Орла

Большой остров, с одной стороны которого были дубовые и тисовые леса, а с другой - равнина, на которой паслись стада овец, и небольшое озеро; там же они нашли небольшую церковь и крепость, а также древнего седого священника, одетого только в волосы. Маэлдун спросил его, кто он такой.

"Я пятнадцатый человек из монахов святого Бреннана из Бирра", - ответил он. "Мы отправились в паломничество в океан, и все они погибли, кроме меня одного". Он показал им скрижаль (? календарь) святого Бреннана, и они преклонили перед ней колени, а Маэлдун поцеловал ее. Они пробыли там некоторое время, питаясь овцами острова.

Однажды они увидели, что с юго-запада к ним приближается облако. Но когда оно приблизилось, они увидели взмахи шестерен и поняли, что это огромная птица. Она прилетела на остров и, приземлившись на холме у озера, принялась [pg 326] есть красные ягоды, похожие на виноград, которые росли на огромной ветке дерева, размером с взрослый дуб, и сок и осколки ягод падали в озеро, окрашивая всю воду в красный цвет. Опасаясь, что птица схватит их в свои когти и унесет в море, они спрятались в лесу и наблюдали за ней. Но через некоторое время Маэлдун вышел к подножию холма, и птица не причинила ему вреда, а остальные осторожно последовали за своими щитами, и один из них собрал ягоды с ветки, которую птица держала в когтях, но она не причинила им зла и вообще не обращала на них внимания. И увидели они, что она очень стара, а оперение ее потускнело и обветшало.

В полдень два орла поднялись с юго-запада и расположились перед огромной птицей, а затем, отдохнув немного, принялись за работу, собирая насекомых, которые кишели в ее челюстях, глазах и ушах. Так продолжалось до вечера, когда все трое снова наелись ягод. Наконец, на следующий день, когда великая птица полностью очистилась, она окунулась в озеро, и оба орла снова стали собирать и очищать ее. До третьего дня великая птица продолжала прихорашиваться и трясти шестернями, и перья ее стали блестящими и обильными, а затем, взмыв ввысь, она трижды облетела вокруг острова и удалилась в ту сторону, откуда прилетела, и полет ее стал быстрым и сильным; тогда им стало ясно, что это было ее обновление от старости к молодости, как сказал пророк: "Молодость твоя обновляется, как у орла" [200](#).

Тогда Диуран сказал: "Давайте искупаемся в том озере и обновимся там, где обновилась птица". "Нет, - сказал другой, - ибо птица оставила в нем свой яд". Но Диуран окунулся и выпил воду. С тех пор, пока он жил, глаза его были крепкими [pg 327] и зоркими, и ни один зуб не выпал из его челюсти, ни один волос не упал с его головы, и он никогда не знал ни болезней, ни немощей.

После этого они попрощались с якорем и снова отправились в океан.

Остров смеющихся людей

Здесь они обнаружили большую компанию людей, которые беспрестанно смеялись и играли. Они бросили жребий, кому войти на остров и исследовать его, и этот жребий выпал приемному брату Маэлдуна. Но когда он ступил на нее, то сразу же начал смеяться и играть вместе с остальными и не мог оторваться, не хотел возвращаться к своим товарищам. Тогда они оставили его и уплыли. [201](#)

Остров Пламенного Рампарта

И вот они увидели остров, который был невелик, и вокруг него был огненный вал, который непрерывно кружил вокруг него. В одной части вала было отверстие, и когда это отверстие оказалось напротив них, они увидели через него весь остров и увидели тех, кто жил на нем, мужчин и женщин, красивых, многочисленных, в украшенных одеждах, с золотыми сосудами в руках. И до слуха странников донеслась праздничная музыка, которую они издавали. Долго они стояли там, наблюдая это чудо, "и сочли его восхитительным для себя".

Остров Торийского монаха

Вдали среди волн они увидели на воде белую птицу. Приблизившись к ней, они увидели, что это престарелый человек, одетый только в белые волосы [pg 328] своего тела, и он распростерся на широкой скале.

"Из [Торакса202](#) я пришел сюда, - сказал он, - и там я вырос. Я был поваром в тамошнем монастыре, а церковную пищу продавал для себя, так что в конце концов у меня накопилось много одежд и медных сосудов, и книг в золотых переплетах, и всего, чего желает человек. Велика была моя гордость и высокомерие.

"Однажды, когда я копал могилу, чтобы похоронить одного чурбана, привезенного на остров, раздался голос снизу, где был похоронен святой человек, и он сказал: "Не кладите на меня труп грешника, святой, благочестивый человек!"

После спора монах похоронил труп в другом месте, и за это ему была обещана вечная награда. Вскоре после этого он вышел в море на лодке со всеми накопленными сокровищами, намереваясь, очевидно, бежать с острова с награбленным. Сильный ветер унес его далеко в море, и когда он оказался вне пределов видимости суши, лодка стояла на одном месте. Он увидел рядом с собой человека (ангела), сидящего на волне. "Куда ты идешь?" - спросил тот. "По приятному пути, туда, куда я сейчас смотрю", - ответил монах. "Он не был бы тебе приятен, если бы ты знал, что вокруг тебя", - сказал тот. "Насколько хватает глаз, вокруг тебя собралась толпа демонов за твое любостяжание и гордыню, и воровство, и другие злые дела. Лодка твоя остановилась и не сдвинется с места, пока ты не исполнишь мою волю, и адский огонь не овладеет тобой".

Он приблизился к лодке и положил руку на руку беглеца, который обещал исполнить его волю.

"Брось в море, - сказал он, - все богатство, что есть в твоей лодке".

[pg 329]

"Жаль, - сказал монах, - что оно пропадет".

"Ни в коем случае не пропадет. Найдется один человек, которому ты принесешь пользу".

Тогда монах бросил в море все, кроме одной маленькой деревянной чашки, а весла и руль отбросил. Человек дал ему сывортку и семь лепешек и велел оставаться там, где остановится его лодка. Ветер и волны несли его то туда, то сюда, пока наконец лодка не причалила к скале, где его нашли странники. Там не было ничего, кроме голой скалы, но, вспомнив, что ему было велено, он вышел на небольшой уступ, о который разбивались волны, и лодка тут же покинула его, а скала расширилась для него. Там он пробыл семь лет, питаясь выдрами, которые приносили ему лосося из моря, и даже пылающими дровами, на которых он их готовил, и каждый день его чаша наполнялась добрым напитком. "И ни сырость, ни жара, ни холод не влияют на меня в этом месте".

В полуденный час чудесная пища была принесена для всей команды, после чего древний человек сказал им:

"Вы все достигнете своей страны, а человека, убившего твоего отца, о Маэлдун, ты найдешь в крепости перед собой. Не убивайте его, но простите его, ибо Бог спас вас от множества великих опасностей, и вы тоже люди, достойные смерти".

Затем они попрощались с ним и отправились в свой привычный путь.

Остров Сокола

Этот остров необитаем, кроме стад овец и быков. Они высаживаются на него и едят, а один из них видит там большого сокола. "Этот сокол, - говорит он, - [pg 330] похож на соколов

Ирландии". "Понаблюдай за ним, - говорит Маэлдун, - и посмотри, как он от нас улетит". Он улетел на юго-восток, и они гребли за ним весь день до вечерни.

Возвращение домой

В сумерках они увидели землю, похожую на Ирландию, и вскоре подошли к небольшому острову, где пристали к берегу. Это был остров, где жил человек, убивший Эйлилла.

Они подошли к дуну, стоявшему на острове, и услышали, как в нем разговаривают люди, сидящие за мясом. Один человек сказал:

"Нам будет плохо, если мы сейчас увидим Маэльдуна".

"Тот Маэльдун утонул", - сказал другой.

"Может быть, именно он пробудит вас от сна сегодня ночью", - сказал третий.

"Если он придет сейчас, - сказал четвертый, - что нам делать?"

"На это нетрудно ответить", - сказал главный из них. "Великий прием должен быть ему оказан, если он придет, ибо он долгое время пребывал в великой скорби".

Тогда Маэлдун ударил деревянной колотушкой в дверь. "Кто там?" - спросил привратник.

"Маелдун здесь", - ответил тот.

Они спокойно вошли в дом, и им был оказан великий прием, и они облачились в новые одежды. И тогда они рассказали обо всех чудесах, которые явил им Бог, согласно словам "священного поэта", который сказал: *Naes olim meminisse juvabit*.[203](#)

[pg 331]

Затем Маэлдун отправился в свой дом и к своим сородичам, а Диуран Рифмач взял с собой кусок серебра, который он вырезал из сети столба, и положил его на главный алтарь Армага в триумфе и ликовании по поводу чудес, которые Бог сотворил для них. И они снова рассказали обо всем, что с ними случилось, и о всех чудесах, которые они видели на море и на суше, и об опасностях, которые они пережили.

История заканчивается следующими словами:

"Аэд Справедливый [Аэд [Финн204](#)], главный мудрец Ирландии, изложил эту историю так, как она изложена здесь; и сделал он это для улады ума и для людей Ирландии после него".

[стр. 332]

ГЛАВА VIII: МИФЫ И СКАЗАНИЯ КИМРИ

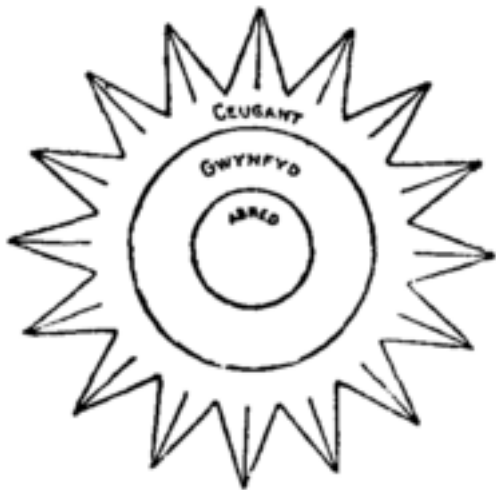
Бардовская философия

Отсутствие в ранней кельтской литературе какого-либо мирового мифа или философского рассказа о происхождении и устройстве вещей было отмечено в начале нашей третьей главы. В гэльской литературе, насколько мне известно, нет ничего, что хотя бы претендовало на то, чтобы отразить раннюю кельтскую мысль по этому вопросу. Иначе обстоит дело в Уэльсе. Здесь в течение значительного времени существовал свод учений, претендующих на

то, чтобы содержать часть, во всяком случае, той древней друидической мысли, которая, как говорит нам Цезарь, передавалась только посвященным и никогда не записывалась. Это учение в основном можно найти в двух томах под названием "Барддас" - сборнике, составленном из материалов, которыми владел валлийский бард и ученый по имени Ллевеллин Сион из Гламоргана в конце XVI века, и отредактированном с переводом Дж.А. Уильямсом ап Ителом для Валлийского общества рукописей. Society. Современные ученые-кельтоведы презируют претензии подобных работ на то, чтобы запечатлеть какую-либо действительно античную мысль. Так, мистер Айвор Б. Джон: "Все представления о бардовской эзотерической доктрине, включающей дохристианскую мифическую философию, должны быть полностью отброшены". И снова: "Глупости, которые говорят на эту тему, во многом объясняются не критическим изобретением псевдоантичных людей XVI-XVII и XVIII веков".²⁰⁵ И все же бардовский орден, несомненно, когда-то обладал такой доктриной. Этот орден довольно долго существовал в Уэльсе. И хотя ни один критически мыслящий человек не стал бы с [pg 333] уверенностью строить теорию дохристианской доктрины на документе шестнадцатого века, не кажется разумным полностью исключить возможность того, что некоторые фрагменты античных преданий могли сохраниться в бардовской традиции даже в столь позднее время.

Во всяком случае, "Барддас" - произведение, представляющее значительный философский интерес, и даже если оно не отражает ничего, кроме определенного течения симрийской мысли в XVI веке, оно не заслуживает внимания со стороны изучающего кельтские вещи. Чисто друидическим он даже не претендует быть, поскольку в нем в значительной степени фигурируют христианские личности и эпизоды из христианской истории. Но время от времени мы сталкиваемся с течением мысли, которое, каким бы оно ни было, определенно не является христианским и говорит о независимой философской системе.

В этой системе рассматриваются две первичные сущности - Бог и Китраул, которые обозначают, соответственно, принцип энергии, стремящейся к жизни, и принцип разрушения, стремящийся к небытию. Китраул воплощен в [Аннуне](#)²⁰⁶, что можно перевести как Бездна или Хаос. В начале не было ничего, кроме Бога и Аннуна. Организованная жизнь началась с того, что Бог-Слово произнес Свое невыразимое Имя, и образовался "Манред". Манред был первичной субстанцией Вселенной. Он был задуман как множество мельчайших неделимых частиц - атомов, по сути, каждый из которых является микрокосмом, ибо Бог завершен в каждом из них, и в то же время каждый является частью Бога, Целого. Вся полнота бытия, как она существует сейчас, представлена тремя концентрическими кругами. Самый внутренний из них, где жизнь зародилась из Аннуна, называется "Абрэд" и является стадией борьбы и эволюции - состязания жизни с Китраулом. Следующий - [pg 334] круг "Gwynfyd", или Чистоты, в котором жизнь проявляется как чистая, ликующая сила, достигшая победы над злом. Последний, крайний круг называется "Ceugant", или Бесконечность. Здесь все предикаты отпадают, и этот круг, графически представленный не ограничивающей линией, а расходящимися лучами, населен одним лишь Богом. Следующий отрывок из "Барддаса", в котором предполагаемое бардовское учение передается в форме катехизиса, поможет показать порядок идей, в котором двигался ум писателя:

Круги бытия

"В. Откуда ты пришел?

"О. Я пришел из Великого Мира, начав свой путь в Аннуне.

"В. Где ты сейчас? И как ты пришел к тому, что ты есть?

"О. Я нахожусь в Малом мире, куда пришел, пройдя круг Абреда, и теперь я Человек, находящийся в его конце и крайних пределах.

"В. Кем ты был до того, как стал человеком, в круге Абреда?

"О. Я был в Аннуне наименьшим из возможного, что было способно к жизни, и ближайшим к абсолютной смерти; и я пришел во всех формах и через все [pg 335] формы, способные к телу и жизни, в состояние человека по кругу Абреда, где мое состояние было суровым и тяжким в течение века веков, с тех пор как я был отделен в Аннуне от мертвых, по дару Бога, и Его великой щедрости, и Его неограниченной и бесконечной любви.

"В. Через сколько различных форм ты проходил, и что с тобой происходило?"

"О. Через все формы, способные к жизни, в воде, в земле, в воздухе. И случались со мной всякая суровость, всякая трудность, всякое зло и всякое страдание, и мало было добра или Гвинфида до того, как я стал человеком..... Гвинфид не может быть получен, если не видеть и не знать всего, но невозможно увидеть или узнать все, не претерпев всего..... И не может быть полной и совершенной любви, которая не производит тех вещей, которые необходимы для того, чтобы привести к знанию, которое вызывает Гвинфид".

Каждое существо, говорят нам, в конце концов достигнет круга Гвинфида.[207](#)

Многое здесь напоминает нам о гностической или восточной мысли. Конечно, она очень не похожа на христианскую ортодоксию шестнадцатого века. Как продукт кимрского ума того периода, читатель может принять его за то, чего он стоит, не утруждая себя ни античными теориями, ни их опровержениями.

Теперь обратимся к действительно древним произведениям, не философским, а творческим и образным, созданным британскими бардами и баснописцами Средневековья. Но прежде

чем мы перейдем к изложению того, что мы найдем в этой литературе, мы должны на мгновение задержаться, чтобы обсудить одну вещь, которую мы не будем обсуждать.

[pg 336]

Артурианская сага

Для большинства современных читателей, не занимавшихся специально изучением этой темы, упоминание о ранних британских легендах неизбежно вызовет в памяти славу Артурианской саги - они подумают о сказочном дворце в Керлеоне-на-Уске, рыцари Круглого стола, отправляющиеся навстречу рыцарским приключениям, поиски Грааля, виноватая любовь Ланселота, цветка рыцарства, к королеве, последняя великая битва у северного моря, путешествие Артура, тяжело раненного, но бессмертного, в мистическую долину Авалона. Но на самом деле в родной литературе средневекового Уэльса они не найдут почти ничего из этого - ни Круглого стола, ни Ланселота, ни Квеста Грааля, ни острова Авалон, пока валлийцы не узнали о них из-за границы; и хотя в этой литературе действительно существовал Артур, он совершенно не похож на Артура из того, что мы сейчас называем "Артурианской сагой".

Ненний

Самое раннее упоминание об Артуре можно найти в работе британского историка Ненния, который написал свою "Историю Британии" около 800 года. Он черпает свои сведения из различных источников - древних памятников и писаний Британии и Ирландии (в связи с последней страной он записывает легенду о Партолане), римских анналов и хроник святых, особенно святого Германа. Он представляет фантастически романизированный и христианизированный взгляд на историю Британии, выводя бриттов из троянской и римской родословной. Его рассказ об Артуре, однако, трезв и краток. Артур, который, согласно Неннию, жил в шестом веке, не был королем; его происхождение было менее благородным, чем у многих других британских вождей, которые, тем не менее, [pg 337] за его великие таланты военного императора, или *dux bellorum*, выбрали его своим вождем против саксов, которых он победил в двенадцати битвах, последняя из которых была при горе Бадон. Должность Артура, несомненно, была реликтом римской военной организации, и нет причин сомневаться в его историческом существовании, какой бы непроницаемой ни была завеса, которая сегодня скрывает его доблестные и часто победоносные сражения за порядок и цивилизацию в ту катастрофическую эпоху.

Джеффри Монмутский

Далее следует Джеффри Монмутский, епископ Сент-Асафа, который написал свою "Историю Британии" в Южном Уэльсе в начале двенадцатого века. Это произведение - дерзкая попытка сделать трезвую историю из массы мифических или легендарных сведений, в основном почерпнутых, если верить автору, из древней книги, привезенной его дядей Уолтером, архидиаконом Оксфорда, из Бретани. Упоминание Бретани в этой связи, как мы увидим, весьма знаменательно. Джеффри писал специально для того, чтобы увековечить подвиги Артура, который теперь предстает как король, сын Утера Пендрагона и Игерны, жены Горлуа, герцога Корнуолла, к которому Утер получил доступ в виде ее мужа благодаря магическим искусствам Мерлина. Он относит начало правления Артура к 505 году, рассказывает о его войнах с саксами и утверждает, что в итоге он завоевал не только всю Британию, но и Ирландию, Норвегию, Галлию и Дакию, а также успешно противостоял требованиям римлян о дани и повинностях. Свой двор он держал в Керлеоне-на-Уске. Пока он отсутствовал на континенте, ведя борьбу с Римом, его племянник Модред узурпировал его

корону и женился на его жене Гуанхумаре. Артур вернулся и, победив предателя в Винчестере, убил его [pg 338] в последней битве в Корнуолле, где сам Артур был тяжело ранен (542 г. н.э.). Королева удалилась в монастырь в Керлеоне. Перед смертью Артур передал свое королевство родственнику Константину, а затем таинственным образом был унесен на "остров Авалон", чтобы исцелиться, и "остальное - молчание". Волшебный меч Артура "Калибурн" (валлийское *Caladfwlch*; см. [с. 224](#), прим.) упоминается Джеффри и описывается как сделанный в Авалоне, слово, которое, по-видимому, подразумевает некую сказочную страну, страну мертвых, и может быть связано с норвежским Валхалом. Лишь в более поздние времена Авалон стали отождествлять с реальным местом в Британии (Гластонбери). В повествовании Джеффри нет ничего ни о Святом Граале, ни о Ланселоте, ни о Круглом столе, и, за исключением намека на Авалон, мистический элемент артурианской саги отсутствует. Как и Ненний, Джеффри находит фантастическое классическое происхождение бриттов. Его так называемая история совершенно бесполезна как запись фактов, но она оказалась настоящим рудником для поэтов и летописцев и имеет честь послужить темой для самой ранней английской трагической драмы "Горбодук", а также для шекспировского "Короля Лира"; А его автора можно назвать отцом - по крайней мере, с квазиисторической стороны - артурианской саги, которую он составил частично из записей исторического *dux bellorum* Ненния и частично из поэтических дополнений к этим записям, сделанных в Бретани потомками изгнанников из Уэльса, многие из которых бежали туда в то самое время, когда Артур вел свои войны против язычников-саксов. Книга Джеффри имела замечательный успех. Она была быстро переведена на французский язык Уэйсом, который написал "*Li Romans de Brut*" около 1155 года, с добавлением деталей из бретонских источников, и переведена с французского Уэйса на англосаксонский Лайамоном, который таким образом предвосхитил [pg 339] адаптации поздних французских прозаических романов Мэлори. За исключением нескольких ученых, которые безуспешно протестовали, никто не сомневался в его строгой исторической правде, и это имело важный эффект, придав ранней британской истории новое достоинство в оценке континентальных и английских принцев. Восседать на троне Артура считалось само по себе большой славой для монархов Плантагенетов, в которых не было ни капли артуровской или британской крови.

Сага в Бретани: Мария де Франс

Далее следует рассмотреть бретонские источники. К сожалению, до нас не дошло ни строчки древней бретонской литературы, и для получения знаний о ней мы должны полагаться на те упоминания, которые встречаются в произведениях французских писателей. Одна из самых ранних - англо-норманнская поэтесса, называвшая себя Мари де Франс и писавшая около 1150 года и позже. Среди прочего, она написала несколько "Лаис", или сказок, которые, как она недвусмысленно и неоднократно заявляет, были переведены или адаптированы из бретонских источников. Иногда она утверждает, что в точности передала оригинал того или иного писателя:

"Les contes que jo sai verais

Dunt li Bretun unt fait les lais

Vos conterai assez briefment;

Et cief [sauf] di cest coumencement

Selunc la lettre è l'escriture".

Об Артуре в этих сказках сказано немного, но события в них происходят в его время - *en cel temps tint Artus la terre* - и аллюзии, включающие упоминание Круглого стола, очевидно, подразумевают общее знание предмета теми, кому были адресованы эти бретонские "Лаис". Ланселот не упоминается, но есть "Лаи" о некоем Ланвале, который возлюблен королевой Артура, но отвергает ее, потому что у него есть любовница-фея на "острове Авалон". Гавейн [pg 340] упоминается, а в "Lai de Chevrefoil" рассказывается эпизод о Тристане и Исеулт, служанка которых, "Брангиен", упоминается таким образом, что предполагается, что слушатели знают, какую роль она играла в брачную ночь Исеулт. Короче говоря, мы имеем свидетельство существования в Бретани хорошо проработанного и развитого корпуса рыцарских легенд, собранных о личности Артура. Легенды настолько хорошо известны, что простые ссылки на персонажей и эпизоды в них воспринимаются так же хорошо, как в наше время воспринимались бы ссылки на "Идиллии" Теннисона. Поэтому "Лаис" Марии де Франс настойчиво указывает на Бретань как на истинную колыбель артурианской саги, на ее рыцарскую и романтическую сторону. Однако в них нет упоминания о Граале.

Христиан де Труа

И, наконец, главное, мы имеем дело с творчеством французского поэта Крестьяна де Труа, который в 1165 году начал переводить бретонскую "Лаис", как и Мари де Франс, и который практически ввел артурианскую сагу в поэтическую литературу Европы, придал ей основные очертания и характер. Он написал "Тристана" (ныне утраченного). Он (если не Уолтер Мар) ввел в историю Ланселота Озерного; он написал "Конте дель Грааль", в котором впервые появляется легенда о Граале и Персевале, хотя он оставил историю незаконченной и не рассказал нам, чем на самом деле был Грааль.²⁰⁸ Он также написал длинный *conte d'aventure* под названием "Erec", содержащий историю Герайнта и Энид. Это самые ранние из имеющихся у нас поэм [pg 341], в которых Артур из рыцарской легенды выходит на первый план. Каковы же были источники Христиана? Несомненно, в основном бретонские. Труа находится в Шампани, которая была присоединена к Блуа в 1019 году Эудесом, графом Блуа, и вновь воссоединена после периода лишения владений графом Теобальдом де Блуа в 1128 году. Мари, графиня Шампанская, была покровительницей Крестьяна. Тесные связи существовали и между владетельными князьями Блуа и Бретани. Ален II, герцог Бретани, в X веке женился на сестре графа де Блуа, а в первой четверти XIII века Жан I Бретань женился на Бланш де Шампань, а их дочь Аликс вышла замуж за Жана де Шастильона, графа Блуа, в 1254 году. Поэтому весьма вероятно, что благодаря менестрелям, посещавшим своих бретонских господ при дворе Блуа, начиная с середины десятого века, многие бретонские "лаи" и легенды попали во французскую литературу в одиннадцатом, двенадцатом и тринадцатом веках. Но несомненно и то, что сами бретонские легенды подверглись сильному французскому влиянию, и что именно "Материи Франции", как ее называли средневековые писатели²⁰⁹, то есть легендам о Карле Великом и его паладинах, мы обязаны Круглым столом и рыцарскими институтами, приписываемыми двору Артура в Кэрлеоне-на-Уске.

Блехерис

Не следует забывать, что (как подчеркивает мисс Джесси Л. Уэстон в своих бесценных исследованиях по артурианской саге) Готье де Денен, самый ранний из продолжателей или переработчиков Христиана де Труа, упоминает в качестве своего авторитета [pg 342] истории Гавейна некоего Блехериса, поэта, "родившегося и выросшего в Уэльсе". Считается, что этот забытый бард идентичен известному баснописцу Блехерису, упоминаемому Гиральдом Камбрэнским, и Брерису, которого Томас Бретанский привел в качестве авторитета для истории о Тристане.

Заключение о происхождении артурианской саги

В отсутствие, однако, какой-либо информации о том, когда и что именно написал Блехерис, я думаю, следует придерживаться мнения, что артурианская сага в том виде, в каком мы ее имеем сейчас, не валлийского и даже не бретонского происхождения. Валлийские изгнанники, колонизировавшие часть Бретани примерно в шестом веке, наверняка принесли с собой множество историй об историческом Артуре. Они также принесли с собой легенды о кельтском божестве Артаие, которому во Франции были найдены алтари. В конце концов эти персонажи слились в одно целое, как в Ирландии христианская святая Бригит слилась с языческой богиней Бригиндо.²¹⁰ Таким образом, мы получаем мифическую фигуру, сочетающую в себе возвышение бога с определенным местом жительства на земле и местом в истории. Так возникла сага об Артуре, которая в своей бретонской (но не валлийской) форме значительно обогатилась материалом, почерпнутым из легенд Карла Великого и его сверстников, а в Бретани и Уэльсе она стала центром, вокруг которого скопилась масса плавающих легендарных историй, связанных с различными кельтскими персонажами, человеческими и божественными. Христиан де Труа, работая над бретонским материалом, в конце концов придал ему ту форму, в которой он завоевал мир и в которой он стал в XII и XIII веках тем, чем в более поздние времена была легенда о Фаусте, - общепризнанным проводником идеалов и чаяний эпохи.

[pg 343]

Сага в Уэльсе

С континента, и особенно из Бретани, история Артура вернулась в Уэльс преображенной и прославленной. Покойный доктор Генрих Циммер в одном из своих ярких исследований этой темы отмечает, что "в валлийской литературе мы имеем определенные доказательства того, что южно-валлийский принц Рис ап Тевдвр, который был в Бретани, привез оттуда в 1070 году знания о Круглом столе Артура в Уэльс, где, конечно, они до сих пор были неизвестны".²¹¹ Известно, что многие бретонские лорды последовали за знаменем Вильгельма Завоевателя в Англию.²¹² Однако создатели саги в Уэльсе обнаружили, что там уже существовал значительный объем артурианской литературы совершенно иного характера. Помимо преданий об историческом Артуре, *dux bellorum* Ненния, там было кельтское божество Артайус. Вероятно, именно об этом божестве под именем Артура мы встречаем единственную подлинную валлийскую артуровскую историю, которой мы располагаем, - историю Килхвха и Олвен в "Мабиногионе". Многие из артуровской саги, заимствованной у Христиана и других континентальных писателей, было переведено и адаптировано в Уэльсе, как и в других европейских странах, но, по сути, в Уэльсе она произвела более позднее и менее сильное впечатление, чем в других странах. Она противоречила существующим валлийским традициям, как историческим, так и мифологическим; в ней было много материи, совершенно чуждой валлийскому духу, и она всегда оставалась в Уэльсе чем-то чуждым и неассимилированным. В Ирландию она вообще не попала.

Эти несколько вступительных замечаний, конечно, не претендуют на обсуждение артурианской саги - огромной темы с мириадами разветвлений, исторических, [pg 344] мифологических, мистических и прочих, - но лишь призваны указать на отношение этой саги к подлинной кельтской литературе и объяснить, почему мы так мало услышим о ней в последующих рассказах о гимских мифах и легендах. Это был великий духовный миф, который, возникнув из описанного выше составного источника, охватил весь континент, как и полагается его герою в вооруженном завоевании, но его нельзя рассматривать как особое

достояние кельтской расы, и в настоящее время он не сохранился, кроме как в виде перевода или адаптации, ни на одном кельтском языке.

Сравнение гэльских и кимрских легенд

Мифы и легенды кельтской расы, дошедшие до нас на валлийском языке, в некоторых отношениях отличаются от тех, которыми мы владеем на гэльском. Валлийский материал не такой полный, как гэльский, и не такой ранний. Сказки "Мабиногиона" в основном взяты из рукописи XIV века под названием "Красная книга Хергеста". Одна из них, роман о Талиесине, взята из другого источника, манускрипта семнадцатого века. Четыре древнейших сказания "Мабиногиона", как предполагают ученые, приобрели свою нынешнюю форму в десятом или одиннадцатом веке, а некоторые ирландские сказания, такие как история об Этайн и Мидире или о смерти Конари, восходят к седьмому или восьмому. Следует помнить, что история о вторжении Партолана была известна Неннию, писавшему около 800 года. Поэтому, как и следовало ожидать, мифологические элементы в валлийских романах обычно гораздо более запутаны и труднее поддаются расшифровке, чем в более ранних ирландских сказаниях. Мифический интерес стал меньше, а сюжетный - больше; цель барда - не столько передать священный текст, сколько [pg 345] развлечь княжеский двор. Мы также должны помнить, что влияние континентальных рыцарских романов явно ощутимо в валлийских сказках и, по сути, в конечном итоге полностью ими управляет.

Гэльская и континентальная романтика

Во многих отношениях ирландские кельты предвосхитили идеи этих романов. Возвышенная вежливость, с которой враги обращались друг к другу,²¹³ фантастическая гордость, не позволявшая воину воспользоваться раненым противником,²¹⁴ чрезвычайная пунктуальность, с которой соблюдались обязанности, приличествующие касте или должности каждого [человека](#)²¹⁵ - весь этот тон мыслей и чувств, который показался бы нам таким странным, если бы мы встретили его в классической литературе, покажется вполне знакомым и естественным в континентальных романах XII и последующих веков. За несколько столетий до этого он был замечен в гэльской литературе. Однако в ирландских романах, будь то ультонские или оссиановские, почти полностью отсутствует элемент, который с тех пор считается самым важным мотивом в романтической сказке. Это элемент любви, или, скорее, женопоклонства. Континентальный баснописец чувствовал, что без этого мотива действия ему никак не обойтись. Но "леди-любовь" английского, французского или немецкого рыцаря, чью благосклонность он носил, ради чьей милости терпел бесконечные лишения и опасности, не встречается нам в гэльской литературе. Ирландскому кельту показалось бы нелепым ставить сюжет серьезной истории в зависимость от страсти, которой средневековая Дульсинея вдохновляла своего верного рыцаря. В двух самых известных и популярных гэльских любовных историях, [pg 346] сказке о Дейрдре и "Погоне за Дермотом и Гранией", женщины - это ухажеры, а мужчины с большой неохотой совершают то, что, как они знают, является глупостью - уступают им. Эта романтическая, рыцарская любовь, идеализирующая женщину в богиню и превращающая служение своей даме в священный долг рыцаря, хотя и не достигла в Уэльсе тех высот, которых она достигла в континентальных и английских романах, все же отчетливо прослеживается там. Мы можем проследить его в "Килхвхе и Олвен", которая является сравнительно древней сказкой. Она хорошо развита в более поздних историях, таких как "Передур" и "Дама у фонтана". Это симптом того, насколько, по сравнению с ирландской, валлийская литература утратила свою чисто кельтскую направленность и подверглась иностранному влиянию - я, конечно, не говорю, что до полной потери.

Гэльская и кимрская мифология: Nudd

Самые древние из валлийских сказаний, те, что называются "Четыре ветви Мабиноги" ["216](#) , наиболее богаты мифологическими элементами, но они встречаются в более или менее узнаваемой форме почти во всех средневековых сказаниях, и даже, после многих преобразований, в Мэлори. Мы можем ясно различить некоторые мифологические фигуры, общие для всей Кельтики. Например, мы встречаем персонажа по имени Нудд или Ллудд, очевидно, солнечное божество. В Лиднее, на берегу Северна, был обнаружен храм римской эпохи, посвященный ему под именем Ноденс. На бронзовой табличке, найденной неподалеку, изображен бог. Он окружен ореолом и сопровождается летающими духами и тритонами. Мы вспоминаем о данайских божествах и их тесной связи с [pg 347] морем; и когда мы обнаруживаем, что в валлийской легенде к Нудду прилагается эпитет, означающий "из Серебряной Руки" (хотя ни одна из сохранившихся валлийских легенд не рассказывает о значении этого эпитета), нам нетрудно отождествить этого Нудда с Нуадой из Серебряной Руки, который возглавил данайцев в битве при [Мойтыре217](#). Под именем Ллудда у него, как говорят, был храм на месте собора Святого Павла в Лондоне, вход в который, согласно Джеффри Монмутскому, назывался на британском языке Parth Lludd, что саксы перевели Ludes Geat, наш нынешний Ладгейт.

[pg 350]

Боги дома Донов

```
Маноган Матонви (Manogan Māthonwy)|
|                                     |
|                                     |
| +-----+-----+
|         |         |
Beli-----+-----Dōn Māth
(Смерть,| (Богиня-мать, (богатство,
Ирландское Биле) | Ирландское Дана) увеличение)
|
|
|
+-----+-----+-----+-----+-----+-----+-----+
|         |         |         |         |         |         |
|         |         |         |         |         |         |
Gwydion-----+-----Arianrod | Amaethon | Nudd | Nynniaw
(Наука и | ("Серебряный | (сельское хозяйство)| или Лудд | и Пейбав
свет; истребитель | круга, "Рассвет- | | | (бог неба)|
богиня Прайдери)) | | | | | |
|         |         |         |
| Gilvaethwy Govannan | Penardun
| (кузнечное ремесло,| (м. Llyr)
| ирландский Гобан) |
+-----+-----+-----+
| | | | Gwyn
Nwyvre Llew Dylan (Warder of
(атмосферы, Ллав (морской бог) Аид, называемый
пространства) Гифес "Авалон" в
```

(бог солнца, Сомерсет)
ирландский
Lugh)

[pg 351]

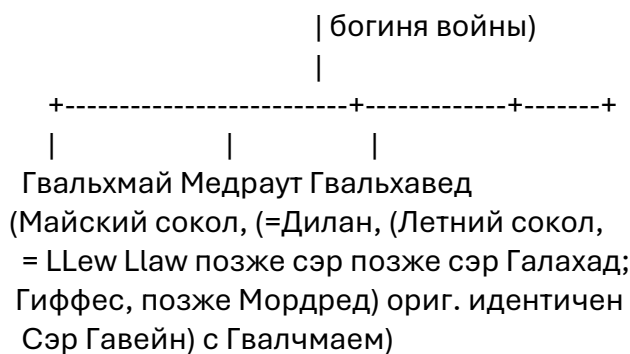
БОГИ ДОМА ЛЛИРА

Ивериад --+-- Ллир --- Пенардун --+-- Евросвидд
(= Ирландия --_и.е._ | (ирландский | (дочь | (западной земли | Lir) | Dōn)
западной земли | Lir) | Dōn) |
Аида) ||||
| | |
+-----+-----+ | +-----+-----+
Branwen--+--Matholwch	Nissyen Evnissyen			
(Любовь-	(Король			
богиня)	Ирландия)			
Бран | Манавыддан - Рианнон
(бог-великан | (ирландский Мана-
Аида | нан, бог Пвилла--+--Рхианнон
менестрель;| Море, (глава | ирландского мага).
впоследствии | чародей) Аида)|
Уриен) ||
Гверн Прайдери---Киква
(владыка
Аида)

[pg 352]

АРТУР И ЕГО РОД

Anlawdd
|
+-----+-----+-----+
| | |
Yspaddaden Custennin Kilwydd +- Goleuddydd
| | |
Олвен +-----+-----+ Килхвч --- Олвен
| | |
Гореу Эрбин Игерна +- Утер Бен
|| (= Бран)
Герайнт |
+-----+-----+
| |
Артур Лот -----+----- Гвиар
(=Гвидион) (=Люд)| (Гор, а

Ллир и Манавыддан

И снова, когда мы находим мифологическую личность по имени Ллир и сына по имени Манавыддан, играющих важную роль в валлийской легенде, мы можем с уверенностью связать их с ирландским Лиром и его сыном Манананом, богами моря. Ллир-Цестер, ныне Лестер, был центром поклонения Ллиру.

Ллев Ллав Гиффес

Наконец, мы можем указать на персонаж "Мабиноги", или сказки, под названием "Маф сын Матонви". Имя этого персонажа звучит как Llew Llaw Gyffes, что валлийский баснописец толкует как "Лев уверенной руки", а для объяснения имени рассказывается история, о которой мы расскажем позже. Но когда мы обнаруживаем, что этот герой демонстрирует характеристики, указывающие на то, что он является солнечным божеством, такие как удивительно быстрый рост с детства до зрелого возраста, и когда, кроме того, профессор Рис говорит нам, что Gyffes первоначально означало не "устойчивый" или "уверенный", а "длинный" [218](#), становится очевидным, что перед нами тусклое и изломанное воспоминание о божестве, которого гэлы называли Lugh [pg 348] of the Long Arm, [219](#) Lugh Lamh Fada. Непонятное имя сохранилось, и вокруг этого непонимания легендарная материя, витавшая в народном сознании, выкристаллизовалась в новую историю.

Эти соответствия можно было бы рассмотреть гораздо подробнее. Здесь достаточно указать на их существование как на свидетельство изначальной общности гэльской и симской мифологии. [220](#) В каждой литературе мы находимся в одном и том же кругу мифологических представлений. В Уэльсе, однако, эти идеи сложнее разглядеть; фигуры и их взаимоотношения на валлийском Олимпе менее точно определены и более изменчивы. Создается впечатление, что несколько разных племен воплощали одни и те же представления под разными именами и сплетали о них разные легенды. Бардовская литература в том виде, в котором мы ее имеем сейчас, свидетельствует то о главенстве одного из этих племенных культов, то о другом. Свести эти разноречивые рассказы к единству совершенно невозможно. Тем не менее, мы можем сделать кое-что, чтобы дать читателю ключ к разгадке лабиринта.

Дома Дона и Ллира

Можно выделить два великих божественных дома или семейства: дом Дон, богини-матери (представляющей гэльскую Дану), мужем которой является Бели, ирландский Биле, бог смерти, а потомками - Дети Света; и дом Ллира, гэльского Лира, который здесь представляет не данайское божество, а нечто более похожее на ирландских фоморов. Как и в случае с ирландским мифом, [pg 349] две семьи связаны межродовым браком - Пенардун, дочь Дона,

выходит замуж за Ллира. У самой Доун есть брат, Маф, чье имя означает богатство или сокровище (ср. греч. Pluton, ploutos), и они происходят от фигуры, характеризующейся нечетко, по имени Матонви (Māthonwy).

Дом Артура

В пантеон божеств, представленный в четырех древних "Мабиногах", позднее, из какого-то другого племенного источника, пришла еще одна группа во главе с Артуром, богом Артаем. Он занимает место Гвидиона, сына Дона, а другие божества его круга более или менее точно попадают на места других богов более раннего круга. Прилагаемые генеалогические планы призваны помочь читателю составить общее представление о взаимоотношениях и атрибутах этих персонажей. Однако следует иметь в виду, что эти табличные схемы неизбежно создают видимость точности и последовательности, которая не отражается на изменчивом характере реальных мифов в целом. Тем не менее, как схематическая карта очень запутанного и неясного региона, они могут помочь читателю, впервые попавшему в него, сориентироваться в нем, и это единственная цель, которой они призваны служить.

Гвин ап Нудд

Считается, что божество по имени Гвин ап Нудд, как и Финн в гэльских [легендах](#)²²¹, произвело более глубокое и прочное впечатление на народное воображение валлийцев, чем любое другое божество. Могучий воин и охотник, он славится треском ломающихся копий и, подобно Одину, собирает души умерших героев в своем теневом царстве, ибо, хотя он принадлежит [pg 353] родственникам светлых богов, Аид - его особый удел. Бой между ним и Гвитуром ап Грейдаулом (Виктором, сыном Скорчера) за Крейдилад, дочь Ллудда, который должен возобновляться каждый майский день до скончания времен, очевидно, представляет собой борьбу между зимой и летом за цветущую и плодородную землю. "Позже, - пишет Чарльз Сквайр, - он стал считаться королем Tylwyth Teg, валлийских фей, и его имя как таковое едва ли еще не вымерло в его последнем пристанище, романтической долине Neath..... Он - Дикий Охотник Уэльса и Западной Англии, и именно его стая иногда слышна ночью в пустынных местах".²²² Он выступает как бог войны и смерти в замечательной поэме из "Черной книги Каермартена", где он представлен как беседующий с принцем по имени Гвидднуо Гаранхир, который пришел просить его защиты. Я процитирую несколько строф: полностью поэму можно найти в превосходном томе мистера Сквайра:

"Я пришел из битвы и конфликта

Со щитом в руке;

Разбит шлем мой от ударов копий.

"Круглокопытный мой конь - мука битвы,

Феей зовусь я,²²³ Гвин, сын Нудда,

Любовник Крюрдилад, дочери Ллудда.

"Я был там, где была убита Гвендолин,

Сын Сейдава, опора песен,

Где вороны кричали над кровью.

"Я был там, где был убит Бран,
Сын Иверидда, прославившегося на весь мир,
Где кричали вороны на поле битвы.

[pg 354]

"Я был там, где был убит Ллашеу,
Сын Артура, воспетый в песнях,
Когда вороны кричали от крови.

"Я был там, где был убит Мьюриг,
Сын Каррейана, славный славой,
Когда вороны кричали над плотью.

"Я был там, где был убит Гваллауг,
Сын Гоолета, свершителя,
Сопротивлялся Ллоэгир, [224](#) сын Ллейнавга.

"Я был там, где были убиты воины Британии,
От востока до севера:
Я - провожатый могилы.

"Я был там, где были убиты воины Британии,
От востока до юга:
Я жив, они в смерти".

Мирддин, или Мерлин

Божество по имени Мирддин занимает в артуровском мифологическом цикле место бога неба и солнца Нудда. В одной из валлийских триад рассказывается, что Британия до того, как она была заселена, называлась Клас Мирддин, Замок Мирддина. Вспоминается ирландская мода называть любое излюбленное место "кошарой солнца" - это название Дейрдре применяет к своему любимому шотландскому дому в Глен Этиве. Профессор Рис предполагает, что Мирддин был божеством, которому специально поклонялись в Стоунхендже, который, согласно британской традиции, переданной Джеффри Монмутским, был воздвигнут Мерлином, чародеем, представляющим собой форму, в которую Мирддин превратился под влиянием христианства. Нам рассказывают, что обителью Мерлина был дом из стекла, или куст белокрыльника, усыпанный цветами, или некий дым или туман в воздухе, или же "не железо, не сталь, не дерево и не камень, а воздух [pg 355] без всякой другой вещи, чарами столь сильными, что они не могут быть разрушены, пока существует мир" [225](#). В конце концов он спустился на остров Бардси, "расположенный у крайней западной точки Карнарвоншира... в него он отправился с девятью сопровождающими бардами, взяв с собой "Тринадцать сокровищ Британии", отныне потерянных для людей". Профессор Рис указывает, что греческий путешественник по имени Деметрий, который, согласно описаниям, посетил Британию в первом веке нашей эры, упоминает остров на

западе , где, как предполагается, был заключен Кронос со своими сопровождающими божествами, а Бриарей сторожил его, пока он спал, "ибо сон был узами, выкованными для него". Несомненно, перед нами эллинизированная версия, как это было принято у классических авторов варварских мифов, британской истории о спуске бога Солнца в западное море и его заточении там силами тьмы с владениями и магическими способностями, принадлежащими Свету и Жизни.[226](#)

Нинниау и Пейбау

Два персонажа по имени Нинниау и Пейбау, которые фигурируют в генеалогической таблице, играют очень незначительную роль в симрийской мифологии, но одна история, в которой они появляются, интересна сама по себе и имеет прекрасную мораль. Они [представлены](#)[227](#) как два брата, короли Британии, которые шли вместе одной звездной ночью. "Видишь, какое у меня прекрасное дальнее поле", - сказал Нинниау. "Где оно?" - спросил Пейбау. "Там, в вышине, насколько хватает глаз", - ответил Нинниау, указывая на небо. "Но посмотри, сколько моего скота пасется на твоём поле", - сказал Пейбау. [pg 356] "Где они?" - спросил Нинниау. "Все золотые звезды", - ответил Пейбау, - "и луна - их пастух". "Они не должны пастись на моем поле", - воскликнул Нинниау. "Я говорю, что будут", - ответил Пейбау. "Не будут". "Будут". И так продолжалось: сначала они поссорились друг с другом, потом пошли войной, и армии были уничтожены, а земли опустошены, пока, наконец, оба брата не были превращены в волов в наказание за свою глупость и ссору.

Мабиногион"

Теперь мы переходим к произведению, в котором шестьдесят лет назад леди Шарлотта Гост собрала главные сокровища кимрских мифов и легенд и подарила их миру в переводе, который является одним из шедевров английской литературы. Название этой работы, "Мабиногион", является множественной формой слова Mabinogi, которое означает историю, входящую в набор ученика-барда, такую историю, которую каждый бард должен был обязательно выучить в рамках своего обучения, независимо от того, что он мог бы впоследствии добавить к своему репертуару. Строго говоря, "Мабиноги" в этом томе - это только четыре сказки, впервые приведенные в издании Альфреда Натта, которые были озаглавлены "Четыре ветви "Мабиноги"" и составляют единое целое. Они являются одними из самых древних реликтов валлийской мифологической саги.

Пвилл, глава Аида

Первая из них - история Пвила, принца Дифеда, и рассказывает о том, как этот принц получил титул Пен Аннун, или "Глава Аида" - Аннун - термин, под которым в валлийской литературе мы понимаем кельтскую Страну мертвых, или Сказочную страну. Это история, имеющая мифологическую основу, но дышащая чистейшим духом рыцарской чести и благородства.

[pg 357]

Говорят, однажды Пвилл охотился в лесу Глин Куч, когда увидел, как стая гончих, не его собственных, сбивает оленя. Эти гончие были белоснежного цвета с рыжими ушами. Если бы у Пвила был хоть какой-то опыт в этих делах, он бы сразу понял, что за охота предстоит, ведь это цвета Фаэри - рыжеволосый человек и рыжая гончая всегда ассоциируются с магией.[228](#) Однако Пвил отогнал чужих гончих и уже натравил своих на добычу, когда к нему подъехал всадник благородного вида и упрекнул его в неучтивости. Пвилл предложил загладить свою вину, и история перерастает в знакомый нам сюжет о спасении Сказочной страны.

Незнакомца зовут Араун, он король в Аннуне. Его притесняет и лишает имущества соперник, Хавган, и он просит помощи у Пвила, которого умоляет встретиться с Хавганом в одиночном бою через год. А пока он придаст Пвиллу свой облик, который будет править его королевством до того знаменательного дня, а Арон в облике Пвилла отправится управлять Дифедом. Он наставляет Пвила, как справиться с врагом. Хавган должен быть повержен одним ударом - если ему нанести еще один, он тут же воспрянет, как прежде.

Пвилл согласился продолжить это приключение и в форме Арауна отправился в королевство Аннун. Здесь он оказался в непредвиденном затруднении. Прекрасная жена Арона встретила его как своего мужа. Но когда пришло время им удалиться на покой, он прижался лицом к стене и не сказал ей ни слова, ни разу не прикоснулся к ней до самого утра. Тогда они встали, и Пвилл отправился на охоту, и управлял своим королевством, и делал все, как если бы был монархом страны. И какую бы привязанность он ни проявлял к королеве [pg 358] на людях в течение дня, каждую ночь он проводил так же, как и в этот первый раз.

Наконец настал день битвы, и, подобно вождям в гэльских сказаниях, Пвилл и Хавган встретились друг с другом посреди речного брода. Они сразились, и в первом же столкновении Хавган был отброшен на длину копья через крупу своего коня и упал смертельно раненный. 229 "Ради всего святого, - сказал он, - убей меня и заверши свое дело". "Я еще могу раскаться в этом", - ответил Пвилл. "Убей тебя, кто может, я не убью". Тогда Хавган понял, что пришел его конец, и велел своим вельможам унести его; и Пвилл со всем своим войском разогнал два королевства Аннун, и стал хозяином всей земли, и принял почести от князей и владык.

Затем он ускакал один, чтобы провести в Глин-Куче свое свидание с Ароном, как они назначили. Арон поблагодарил его за все, что он сделал, и добавил: "Когда ты приедешь в свои владения, то увидишь, что я для тебя сделал". Они еще раз обменялись фигурами, и каждый поехал в своем подобии, чтобы вступить во владение своей землей.

При дворе Аннуна день прошел в радости и пирах, хотя никто, кроме самого Аруна, не знал, что произошло что-то необычное. Когда наступила ночь, Арон целовал и ласкал свою жену, как прежде, и она долго размышляла о том, что могло послужить причиной его перемены в отношении к ней, как и его предыдущей перемены за год и один день до этого. И пока она размышляла об этом, Аравн дважды или трижды обращался к ней, но не получал ответа. Тогда он спросил ее, почему она молчит. "Скажу тебе, - ответила она, - что уже год я не говорила так много в этом [pg 359] месте". "Разве мы не говорили постоянно?" - спросил он. "Нет, - ответила она, - но вот уже год, как между нами нет ни разговоров, ни нежности". "Боже правый!" - подумал Арон, - "такого верного и твердого в дружбе человека я еще не находил". Затем он рассказал о случившемся своей царице. "Воистину, ты обрел верного друга", - сказала она.

А Пвилл, вернувшись в свои земли, созвал своих лордов и спросил их, как, по их мнению, он преуспел в своем царствовании за прошедший год. "Господи, - сказали они, - никогда еще мудрость твоя не была столь велика, и никогда еще ты не был столь добр и свободен в раздаче даров, и никогда еще справедливость твоя не была столь достойна, как в этом году". Тогда Пвилл поведал им историю своего приключения. "Воистину, господин, - сказали они, - возблаговари небо за то, что у тебя есть такая дружина, и не лишай нас правления, которым мы наслаждались весь этот год". "Я беру небеса в свидетели, что не утаю его", - ответил Пвилл.

Так оба короля укрепили дружбу, которая была между ними, и послали друг другу богатые дары - коней, гончих и драгоценности; в память об этом приключении Пвилл носил впредь титул "лорд Аннуна".

Свадьба Пвила и Рианнон

Недалеко от замка Нарберт, где Пвилл держал свой двор, был курган, называемый Курган Арберта, и считалось, что того, кто на него сядет, ждет странное приключение: либо он получит удары и раны, либо увидит чудо. Однажды, когда все его лорды собрались в Нарберте на пир, Пвилл заявил, что сядет на курган и посмотрит, что из этого выйдет.

Он так и сделал, и через некоторое время увидел приближающуюся [pg 360] нему по дороге, ведущей к кургану, даму в одеждах, сияющих как золото, и верхом на чистом белом коне. "Есть ли среди вас кто-нибудь, - обратился Пвилл к своим людям, - кто знает эту даму?" "Нет", - ответили они. "Тогда отправляйтесь к ней и узнайте, кто она такая". Но пока они ехали к леди, она удалялась от них, и как бы быстро они ни ехали, она все равно держалась на равном расстоянии от них, но, казалось, никогда не превышала той тихой скорости, с которой приближалась вначале.

Несколько раз Пвилл пытался догнать и расспросить госпожу, но все было напрасно - никто не мог к ней приблизиться.

На следующий день Пвилл снова поднялся на курган, и снова к нему приблизилась прекрасная дама на своем белом коне. На этот раз Пвилл сам погнался за ней, но она ускользала от него, как и его слуги, и наконец он воскликнул: "О дева, ради того, кого ты любишь больше всего, останься со мной". "Я останусь с радостью", - ответила она, - "и было бы лучше для твоего коня, если бы ты давно попросил его".

Тогда Пвилл спросил ее о причине ее приезда, и она сказала: "Я - Рианнон, дочь Хёвыдда [Хена230](#), и они хотели отдать меня в мужья против моей воли. Но не было у меня мужа, и все из-за моей любви к тебе; и не будет у меня его, если ты отвергнешь меня". "Клянусь небом!" - сказал Пвилл, - "если бы я мог выбирать среди всех дам и девиц мира, я бы выбрал тебя".

Тогда они договорились, что через двенадцать месяцев с того дня Пвилл придет и потребует ее во дворце Хёвыдда Хена.

Пвилл отправился на свидание со ста [pg 361] рыцарями, и для него был приготовлен великолепный пир, и он сел рядом со своей госпожой, а ее отец - по другую сторону. Пока они пировали и беседовали, вошел высокий пурпурно-волосый юноша королевской наружности, одетый в атлас, и приветствовал Пвила и его рыцарей. Пвилл пригласил его сесть. "Нет, я твой поклонник, - сказал юноша, - я пришел просить о милости". "Что пожелаешь, то и получишь", - недоверчиво ответил Пвилл, - "если это будет в моей власти". "Ах, - вскричала Рианнон, - почему ты дал такой ответ?" "Разве он не дал его перед всеми этими вельможами?" - ответил юноша; "А теперь я хочу получить твою невесту Рианнон, а также пир и пиршество, которые находятся в этом месте". Пвилл молчал. "Молчи столько, сколько пожелаешь", - сказала Рианнон. "Никогда человек не пользовался своим умом хуже, чем ты". Она рассказала ему, что пурпурно-волосый юноша - Гваль, сын Клуда, и это тот самый жених, от которого она бежала к Пвиллу.

Пвилл связан честью и словом, и Рианнон объясняет, что пир не может быть дан Гваулу, ибо это не в силах Пвила, но что она сама станет его невестой через двенадцать месяцев; тогда Гвал придет и потребует ее, и для него будет приготовлен новый свадебный пир. А пока она

договаривается с Пвиллом о плане и дает ему некий волшебный мешок, которым он должен воспользоваться, когда придет время.

Прошел год, Гваль явился согласно договору, и снова был устроен большой пир, на котором почетное место занимал он, а не Пвилл. Но когда компания веселилась, в зал вошел нищий, одетый в лохмотья и обутый в старые неуклюжие башмаки, с мешком, как это принято у нищих. Он смиренно просил у Гваула милостыню. Речь шла лишь о том, чтобы ему выдали полный мешок еды [pg 362] пиршества. Гваул с радостью согласился, и сопровождающий отправились наполнять мешок. Но сколько в него ни клали, он не становился полнее, понемногу в него попало все, что было на столах, и наконец Гваль воскликнул: "Душа моя, неужели твой мешок никогда не будет полон?" "Не будет, клянусь небом, - отвечал Пвилл - он, конечно, был переодетым нищим, - пока какой-нибудь человек, богатый землями и сокровищами, не заберется в мешок, не прижмет его ногами и не скажет: "Достаточно, что сюда положили"." Рианнон призвала Гваула проверить, насколько прожорлив мешок. Он опустил в него две ноги; Пвилл тут же задрал бока мешка над головой Гваула и завязал его. Затем он затрубил в рог, и рыцари, которые были с ним и прятались снаружи, ворвались внутрь, схватили и связали последователей Гваула. "Что в мешке?" - кричали они, а другие отвечали: "Барсук", и так они играли в игру "Барсук в мешке", ударяя и пиная его по залу.

Наконец из него раздался голос. "Господи, - вскричал Гваль, - если бы ты только услышал меня, я заслуживаю того, чтобы не быть убитым в мешке!" "Он говорит правду", - сказал Хёвыдд Хен.

Так было достигнуто соглашение, что Гваль обеспечит Пвила средствами, чтобы тот удовлетворил всех женихов и менестрелей, которые приедут на свадьбу, и оставил Рианнон, и никогда не пытался отомстить за то, что с ним сделали. Это было подтверждено поручителями, и Гваул со своими людьми был отпущен и отправился в свои края. А Пвилл женился на Рианнон и осыпал всех и вся королевскими подарками; наконец, когда пир был окончен, пара отправилась во дворец Нарберт в Дифеде, где Рианнон одарила богатыми подарками, браслетом и кольцом с драгоценным камнем всех лордов и леди [pg 363] своей новой страны, и они мирно правили страной и в тот год, и в следующий. Но читатель увидит, что мы еще не закончили с Гваулом.

Покаяние Рианнон

Теперь у Пвила все еще не было наследника престола, и вельможи уговаривали его взять другую жену. "Дайте нам еще год", - сказал он, - "и если после этого не будет наследника, то будет так, как вы хотите". До конца года в Нарберте у них родился сын. Но хотя шесть женщин сидели и смотрели за матерью и младенцем, под утро все они заснули, и Рианнон тоже спала, а когда женщины проснулись, оказалось, что мальчика нет! "Нас сожгут за это", - сказали женщины и в ужасе придумали страшный план: они убили детеныша стагаунда, которого только что пометали, и положили кости рядом с Рианнон, измазали ее лицо и руки кровью, пока она спала, а когда она проснулась и попросила ребенка, сказали, что она съела его ночью и одолела их с неистовой силой, когда они хотели ей помешать, и сколько она ни говорила, ни делала, шесть женщин упорно твердили эту историю.

Когда эту историю рассказали Пвиллу, он не стал прогонять Рианнон, как теперь снова умоляли его вельможи, но наложил на нее епитимью, а именно: она должна была каждый день сидеть у коновязи у ворот замка и рассказывать эту историю каждому незнакомцу, который приходил, и предлагать нести их на своей спине в замок. Так она и делала в течение года.

В то время жил человек по имени Тейрнион из Гвент-ис-Коэд, у которого была самая красивая кобыла в [pg 364] мире, но с ней случилось такое несчастье: хотя она жеребилась в ночь на первое мая, никто никогда не знал, что стало с жеребятами. Наконец Тейрнион решил докопаться до истины, и в следующую ночь, когда кобыла должна была жеребиться, он вооружился и стал караулить в конюшне. Кобыла жеребилась, жеребенок встал на ноги, и Тейрнион любовался его величиной и красотой, когда снаружи послышался сильный шум, в окно конюшни просунулась длинная когтистая рука и вцепилась в жеребенка. Тейрнион тут же ударил по руке мечом и отрубил ее по локоть, так что она упала внутрь вместе с жеребенком, а снаружи раздался сильный вой и шум. Он выбежал, оставив за собой дверь открытой, но ничего не мог разглядеть из-за темноты ночи, и пошел за шумом на небольшое расстояние. Затем он вернулся, и вот, у дверей он обнаружил младенца в пеленках и завернутого в атласную мантию. Он взял ребенка на руки и принес его к своей жене, которая спала. У нее не было детей, и она полюбила ребенка, когда увидела его, и на следующий день выдала своим женщинам, что родила его как своего собственного. И называли его Гври Золотоволосый, потому что волосы у него были желтые, как золото; и он так вырос, что через два года стал большим и сильным, как шестилетний ребенок; и вскоре жеребенка, который был жеребенком в ту же ночь, запрягли и дали ему ездить.

Пока все это происходило, Тейрнион выслушал историю о Рианнон и ее наказании. А когда мальчик подрос, он внимательно рассмотрел его лицо и увидел, что в нем есть черты Пвилла, принца Дифеда. Он рассказал об этом своей жене, и они решили, что ребенка следует отвезти в Нарберт, а Рианнон освободить от наказания.

Когда они приблизились к замку, Тейрнион с двумя рыцарями и ребенком верхом на своем жеребенке, у коновязи сидела [pg 365] Рианнон. "Вожди, - сказала она, - не ездите дальше; я понесу каждого из вас во дворец, и это будет мне наказанием за то, что я убила собственного сына и пожрала его". Но они не захотели нести и вошли. Пвилл обрадовался, увидев Тейрниона, и устроил для него пир. После этого Тейрнион рассказал Пвиллу и Рианнон о приключении человека и жеребенка и о том, как они нашли мальчика. "Вот он, сын твой, госпожа, - сказал Тейрнион, - и тот, кто сказал о тебе эту ложь, поступил неправильно". Все сидевшие за столом сразу же узнали в мальчике ребенка Пвила, а Рианнон воскликнула: "Я возвещаю небесам, что если это правда, то конец моим бедам". И вождь по имени Пендаран сказал: "Хорошо ты назвал сына своего Прайдери [беда], и хорошо станет ему имя Прайдери сын Пвила, владыки Аннуна". Было решено, что его будут звать Прайдери, и так он стал называться впредь.

Тейрнион поскакал домой, переполненный благодарностью, любовью и радостью; Пвилл предлагал ему богатые дары - коней, драгоценности и собак, но он не принял ни одного из них. И Прайдери был обучен, как подобает королевскому сыну, всем благородным приемам и достижениям, а когда его отец Пвилл умер, он стал править вместо него семью кантревами Дифеда. И добавил он к ним множество других справедливых владений, и наконец взял в жены Кикву, дочь Гвинн Гохойв, которая происходила из рода принца Каснара Британского.

Повесть о Бране и Бранвен

Бендигейд Вран, или "Бран Благословенный", под этим именем мы будем называть его здесь, когда он стал королем Острова Могучих (Британии), был однажды при своем дворе в Харлехе. С ним были его брат Манавиддан, сын Ллира, и его [pg 366] сестра Бранвен, и два сына, Ниссьен и Эвнисьен, которых Пенардун, его мать, родила Евросвиду. Ниссен был

юношей кротким, он мирил своих сородичей и заставлял их дружить, когда их гнев достигал высшей точки; но Эвнисиен не любил ничего так, как превращать мир в раздор и распри.

Однажды днем, когда Бран сын Ллира сидел на скале Харлеха и смотрел на море, он увидел тринадцать кораблей, быстро идущих из Ирландии при попутном ветре. Они были богато украшены, с мачт развевались яркие флаги, а на самом большом корабле, когда они приблизились, был виден человек, держащий щит острием вверх в знак [мира](#)²³².

Когда чужеземцы высадились на берег, они приветствовали Брана и рассказали о своих делах. С ними был Матолвх,²³³ король Ирландии; корабли были его, и он пришел просить руки сестры Брана, Бранвен, чтобы Ирландия и Британия могли объединиться и стать более могущественными. "Бранвен была одной из трех главных дам острова, и она была самой прекрасной девушкой в мире".

Ирландцы были гостеприимно приняты, и после совета со своими лордами Бран согласился отдать свою сестру за Матолвха. Место свадьбы было назначено в Аберфрау, и компания собралась на пир в шатрах, потому что ни один дом не мог вместить гигантскую фигуру Брана. Они пировали и веселились в мире и согласии, и Бранвен стала невестой ирландского короля.

На следующий день Эвнисиен случайно подошел к месту, где стояли [pg 367] кони Матолвха, и спросил, чьи они. "Это кони Матолвха, который женат на твоей сестре". "И что же, - сказал он, - они сделали с такой девой, как она, да еще и моей сестрой, отдав ее без моего согласия? Большого оскорбления они не могли мне нанести". Тогда он бросился на лошадей и отрезал им губы у зубов, уши - у головы, хвосты - у тела, а там, где мог захватить веки, отрезал их до кости.

Когда Матолвх услышал, что было сделано, он был разгневан и озадачен и велел своим людям отправиться в море. Бран послал гонцов узнать, что случилось, и, получив известие, отправил Манавыддана и еще двух человек, чтобы искупить вину. Матолвх должен был получить за каждого раненого здоровых коней, а в придачу - серебряный посох размером и ростом с него самого и золотую пластину размером с его лицо. "И пусть он придет и встретится со мной, - добавил он, - и мы заключим мир, как он того пожелает". Но что касается Эвнисиена, то он был сыном матери Брана, и потому Бран не мог предать его смерти, как он того заслуживал.

Волшебный котел

Матолвх принял эти условия, но не очень охотно, и Бран предложил другое сокровище, а именно волшебный котел, который обладал тем свойством, что если бросить в него убитого человека, то он выйдет оттуда здоровым и невредимым, только говорить он не сможет. Матолвх и Бран рассказали о котле, который, как оказалось, изначально был привезен из Ирландии. В той стране было озеро рядом с курганом (несомненно, курганом фей), которое называлось Озером котла. Здесь Матолвх однажды встретил высокого и плохо выглядевшего парня с женой больше его самого и котлом [pg 368], пристегнутым к спине. Они поступили на службу к Матолвху. По истечении шести недель жена родила сына, который был воином в полном вооружении. По всей видимости, мы должны понимать, что это происходило каждые шесть недель, так как к концу года у этой странной пары, которая, по-видимому, была богом и богиней войны, было несколько детей, чьи постоянные препирательства и бесчинства, которые они совершали по всей земле, сделали их ненавистными. Наконец, чтобы избавиться от них, Матолвх приказал сделать железный дом и заманил их в него. Заперев дверь, он насыпал в доме угли и раздул их до белого каления, надеясь зажарить всю семью

до смерти. Но как только железные стены раскалились до бела и стали мягкими, мужчина и его жена прорвались сквозь них и ушли, а дети остались и погибли. Затем за рассказ взялся Бран. Человек, которого звали Ллассар Ллаэсгивневид, и его жена Кимидеу Кимейнволл добрались до Британии, где их приютил Бран, и в благодарность за его доброту они отдали ему котел. И с тех пор они наполнили землю своими потомками, которые процветали повсюду и жили в сильных укрепленных бургах, и у них было лучшее оружие, которое когда-либо видели.

Так Матолвх получил котел вместе со своей невестой и отплыл обратно в Ирландию, где Бранвен развлекала лордов и леди страны и дарила каждому, когда он или она уезжали, "либо застёжку, либо кольцо, либо королевскую драгоценность на память, такую, с которой было бы почетно уезжать". И по истечении года Бранвен родила Матолвху сына, которого называли Гверн.

Наказание Бранвен

В этой истории есть непонятное место. На второй год, судя по всему, а не раньше, [pg 369] люди Ирландии возмутились оскорблением, нанесенным их королю Эвнисиеном, и отомстили за него, низведя Бранвен до положения кухарки, и велели мяснику каждый день бить ее по ушам. Они также запретили всем кораблям и паромам переправляться в Камбрию, а всех, кто попадал оттуда в Ирландию, заключали в тюрьму, чтобы весть о жестоком обращении с Бранвен не дошла до ушей Брана. Но Бранвен вырастила в углу своего корыта молодого скворца и однажды привязала к его крылу письмо и научила его, что делать. Он улетел в Британию и, найдя Брана в Каэр Сейонт в Арвоне, зажегся у него на плече, взъерошив перья, и письмо было найдено и прочитано. Бран немедленно подготовил большой хостинг для Ирландии и отплыл туда с флотом кораблей, оставив Британию под властью своего сына Карадавк и шести других вождей.

Вторжение Брана

Вскоре к Матолвху пришли гонцы, рассказавшие ему о дивном зрелище, которое они видели: на берегу моря рос лес, а рядом с лесом - гора с высоким хребтом посередине и двумя озерами, по одному с каждой стороны. И лес, и гора двигались к берегу Ирландии. Бранвен вызывают, чтобы она объяснила, если сможет, что это значит. Она говорит им, что дерево - это мачты и верфи флота Британии, а гора - это Бран, ее брат, выходящий на мелководье, "ибо ни один корабль не может вместить его"; хребет - это его нос, а озера - два [глаза](#)²³⁴.

Король Ирландии и его лорды сразу же посоветовались, как им справиться с этой опасностью; и план, который они согласовали, был следующим: Следует построить огромный [pg 370] зал, достаточно большой, чтобы вместить Брана - это, как надеялись, умиротворит его; там следует устроить большой пир для него и его людей, а Матолвх должен передать ему королевство Ирландии и оказать почести. Все это было сделано по совету Бранвена. Но ирландцы добавили свой хитрый прием. На двух кронштейнах на каждой из ста колонн в зале должны были висеть два кожаных мешка, в каждом из которых сидел вооруженный воин, готовый обрушиться на гостей, когда настанет момент.

Мешки с едой

Эвнисиен, однако, забрел в зал раньше остальных хозяев и, окинув все приготовления "свирепым и диким взглядом", увидел мешки, которые висели на столбах. "Что в этом мешке?" - спросил он одного из ирландцев. "Еда, добрая душа", - ответил ирландец. Эвнисиен положил руку на мешок и стал ощупывать его пальцами, пока не добрался до

головой человека, находившегося в нем. Тогда "он сжал голову, пока не почувствовал, что его пальцы сошлись в мозгу через кость". Он подошел к следующему мешку и задал тот же вопрос. "Еда", - сказал ирландский слуга, но Эвнисиен раздавил голову и этому воину, и так он поступил со всеми двумя сотнями мешков, даже с одним воином, чья голова была покрыта железным шлемом.

Затем начался пир, и воцарились мир и согласие, и Матолх передал залог Ирландии, который был вручен мальчику Гверну. И все они ласкали и жаждали прекрасного ребенка, пока он не подошел к Эвниссин, которая внезапно схватила его и швырнула в пылающий огонь на очаге. Бранвен бросилась бы за ним, но Бран удержал ее. Затем началось быстрое вооружение, шум и крики, [pg 371] и ирландцы и англичане сошлись в битве и сражались до наступления ночи.

Смерть Эвнисиена

Но ночью ирландцы раскалили волшебный котел и бросили в него тела своих мертвецов, которые на следующий день вышли оттуда как всегда здоровыми, но немymi. Когда Эвнисиен увидел это, его охватило раскаяние за то, что он завел людей Британии в такое положение: "Зло мне, если я не найду от него избавления". Он спрятался среди ирландских мертвецов, и на исходе второго дня его бросили в котел вместе с остальными, когда он растянулся так, что расколол котел на четыре части, а его собственное сердце разорвалось от этого усилия, и он умер.

Чудесная голова

В конце концов все ирландцы были убиты, и все англичане, кроме семерых, кроме Брана, который был ранен в ногу отравленной стрелой. Среди этих семерых были Придери и Манавыддан. Тогда Бран приказал им отрубить ему голову. "И возьмите ее с собой, - сказал он, - в Лондон, и там похороните на Белой [rope235](#), обращенной в сторону Франции, и ни один чужеземец не вторгнется на эту землю, пока она будет там. По дороге Глава будет разговаривать с вами и окажется таким приятным собеседником, как никогда в жизни. В Харлехе вы будете пировать семь лет, и птицы Рианнона будут петь вам. А в Гвалесе в Пенвро вы будете пировать четыреста лет, и Глава будет говорить с вами и не будет испорчен, пока вы не откроете дверь, выходящую в сторону Корнуолла. После этого вы можете больше не задерживаться, а отправиться в Лондон и похоронить Голову".

Тогда семеро отрубили Брану голову и отправились [pg 372] вперед, и Бранвен с ними, чтобы исполнить его повеление. Но когда Бранвен высадилась на берег в Абер-Алау, она воскликнула: "Горе мне, что я вообще родилась; два острова уничтожены из-за меня!" И она издала громкий стон, и сердце ее разорвалось. И сделали ей четырехугольную могилу на берегу Алау, а место то и по сей день зовется Иннис [Бранвен236](#).

Семеро узнали, что в отсутствие Брана Касваллан, сын Бели, завоевал Британию и убил шестерых вождей Карадаука. Волшебным искусством он набросил на Карадаука пелену иллюзии, и Карадаука видел только меч, который убивал и убивал, но не того, кто им владел, и сердце его разорвалось от горя при этом зрелище.

Затем они отправились в Харлех и оставались там семь лет, слушая пение птиц Рианнона - "все песни, которые они когда-либо слышали, были неприятны по сравнению с ними". Затем они отправились в Гвалес в Пенвро и нашли там прекрасный и просторный зал с видом на океан. Когда они вошли в него, то забыли всю печаль прошлого и все, что с ними случилось, и оставались там четыреста лет в радости и веселье, а дивная Голова говорила с ними,

словно живая. И барды называют это "развлечением Благородной Головы". В зале было три двери, и одна из них, выходящая в Корнуолл и к Аберу Хенвелину, была закрыта, а две другие открыты. По истечении времени Хейлин, сын Гвина, сказал: "Зло мне, если я не открою дверь, чтобы проверить, правда ли то, что было сказано". И он открыл ее, и сразу же на них обрушились память и печаль, и они сразу же отправились в Лондон и похоронили Голову на Белой горе, где она и оставалась [pg 373] до тех пор, пока Артур не откопал ее, ибо он не хотел, чтобы землю защищала только сильная рука. И это было "Третье роковое разоблачение" в Британии.

Так заканчивается эта дикая история, явно насыщенная мифологическими элементами, ключ к которым давно утерян. Оттенки северной свирепости, встречающиеся в ней, заставляют некоторых критиков подозревать влияние норвежской или исландской литературы в придании ей нынешней формы. Характер Эвнисиена, безусловно, подтверждает эту догадку. Типичный озорник, конечно, встречается и в чисто кельтских сагах, но не в таком сочетании с героическим напряжением, как в конце Эвнисиена, да и ирландский "ядовитый язык" не поднимается на такую же высоту даймолической злобы.

Повесть о Придери и Манавиддане

После событий, описанных в предыдущих историях, Придери и Манавиддан удалились во владения первого, и Манавиддан взял в жены Рианнон, мать своего друга. Жили они счастливо и благополучно, пока однажды, когда они находились в Горседде, или кургане, близ Нарберта, не раздался гром и не опустился густой туман, так что ничего не было видно вокруг. Когда туман рассеялся, перед ними предстала голая земля - ни домов, ни людей, ни скота, ни посевов не было видно, но все было пустынно и необитаемо. Дворец Нарберта еще стоял, но он был пуст и заброшен - не осталось никого, кроме Придери и Манавиддана и их жен, Киквы и Рианнон.

Два года они жили на провизии, которая у них была, и на добыче, которую они убивали, и на диком меде; а потом они начали уставать. "Пойдем в Ллоэгир, ["237](#) [pg 374] - сказал тогда Манавиддан, - "и поищем себе какое-нибудь ремесло, чтобы прокормиться". И они отправились в Херефорд и поселились там, а Манавиддан и Придери стали делать седла и кожанки, и Манавиддан украшал их голубой эмалью, как он научился у великого мастера Лласара Ллаэсгивида. Однако через некоторое время другие херефордские седельщики, обнаружив, что никто не хочет покупать ничего, кроме работ Манавиддана, сговорились убить их. И Прайдери сразился бы с ними, но Манавиддан счел за лучшее удалиться в другое место, что они и сделали.

Тогда они поселились в другом городе, где делали такие щиты, каких еще не видывали, но и здесь в конце концов соперничающие ремесленники изгнали их. То же самое случилось и в другом городе, где они делали обувь, и в конце концов они решили вернуться в Дифед. Тогда они собрали своих собак и стали жить охотой, как прежде.

Однажды они завели дикого белого кабана и тщетно гнались за ним, пока он не привел их к огромному и высокому замку, недавно построенному в таком месте, где они никогда не видели зданий. Кабан вбежал в замок, собаки последовали за ним, и Придери, вопреки совету Манавиддана, который знал, что здесь не обошлось без волшебства, отправился искать собак.

В центре двора он обнаружил мраморный фонтан, возле которого на мраморной плите стояла золотая чаша, и, пораженный богатой работой чаши, он взял ее в руки, чтобы

рассмотреть, но не смог ни отдернуть руку, ни произнести ни звука, а так и остался стоять, застыв и онемев, рядом с фонтаном.

Манавиддан вернулся в Нарберт и рассказал эту историю Рианнон. "Злым товарищем ты был, - сказала она, - и доброго товарища ты потерял".

[pg 375]

На следующий день она сама отправилась исследовать замок. Она обнаружила, что Придери все еще цепляется за чашу и не может говорить. Тогда она тоже взяла в руки чашу, и ее постигла та же участь, а сразу после этого раздался гром, опустился тяжелый туман, и когда он рассеялся, замок исчез вместе со всем, что в нем находилось, включая двух заколдованных странников.

Тогда Манавиддан вернулся в Нарберт, где теперь оставалась только Киква, жена Придери. И когда она не увидела там никого, кроме себя и Манавыддана, "она опечалилась так, что ей было все равно, жить ей или умереть". Увидев это, Манавыддан сказал ей: "Ты не права, если из-за страха передо мной ты так горюешь. Я заявляю тебе, что если бы я был в рассвете юности, я бы сохранил свою веру перед Прайдери, и перед тобой я также сохраню ее". "Небеса воздадут тебе по заслугам", - сказала она, - "так я и думала о тебе". И тогда она отважилась и обрадовалась.

Затем Киква и Манавыддан снова попытались прокормиться сапожным делом в Ллоэгире, но та же враждебность заставила их вернуться в Дифед. Однако на этот раз Манавыддан взял с собой груз пшеницы, посеял ее и подготовил три крофта для посева пшеницы. Так шло время, пока поля не созрели. И, взглянув на один из них, он сказал: "Я пожну это завтра". Но на следующий день, выйдя на серый рассвет, он не нашел там ничего, кроме голой соломы - все колосья были срезаны со стебля и унесены.

На следующий день то же самое произошло и со вторым участком. Но на следующую ночь он вооружился и сел наблюдать за третьим участком, чтобы увидеть, кто его грабит. В полночь, когда он наблюдал, он услышал громкий шум, и вот, могучее воинство мышей налетело на плот, они взобрались каждая на стебель, обгрызли [pg 376] колосья и удрали с ними. Он в гневе погнался за ними, но они бежали гораздо быстрее, чем он мог бежать, все, кроме одного, который двигался медленнее, и его ему едва удалось догнать, и он связал его в свою перчатку и отнес домой в Нарберт, а Кикве рассказал о случившемся. "Завтра, - сказал он, - я повешу пойманного разбойника", но Киква счел ниже своего достоинства мстить за мышь.

На следующий день он поднялся на Нарбертский курган и установил на самой высокой части холма две вилы для виселицы. Когда он это делал, навстречу ему вышел бедный ученый, и это был первый человек, которого Манавиддан видел в Дайфеде, кроме своих товарищей, с тех пор как началось его заколдовывание.

Ученый спросил его, что он делает, и умолял отпустить мышь: "Не подобает человеку твоего звания прикасаться к такому пресмыкающемуся, как эта". "Я не отпущу ее, клянусь Небом", - сказал Манавыддан, и так он и остался, хотя ученый предложил ему фунт денег, чтобы он отпустил ее на свободу. "Мне все равно, - сказал ученый, - только я не хотел бы, чтобы человек высокого звания прикасался к такой рептилии", - и с этими словами он отправился в путь.

Когда Манавыддан устанавливал перекладину на две вилки своей виселицы, к нему подъехал священник на лошади с атрибутами, и состоялся тот же разговор. Священник

предложил три фунта за жизнь мыши, но Манавыддан отказался принять любую цену за нее. "Охотно, господин, сделай, что тебе угодно", - сказал священник и тоже отправился в путь.

Тогда Манавыддан накинул петлю на шею мыши и уже собирался затянуть ее, как увидел, что к нему приближается епископ с большой свитой, состоящей из лошадей и слуг. Он остановил свою работу и попросил благословения у епископа. "Да благословит тебя Небо, - сказал епископ, - за каким делом ты [pg 377] ?" "Повесить вора", - ответил Манавыддан. Епископ предложил семь фунтов, "чтобы не видеть, как человек твоего ранга уничтожает столь мерзкое пресмыкающееся". Манавыддан отказался. Тогда предложили четыре с двадцатью фунтами, потом еще столько же, потом всех лошадей и поклажу епископа - все напрасно. "Поскольку за это ты не хочешь, - сказал епископ, - сделай это за любую цену, какую пожелаешь". "Я сделаю это", - сказал Манавыддан; "я хочу, чтобы Рианнон и Придери были свободны". "Это ты получишь", - сказал (притворный) епископ. Тогда Манавыддан требует, чтобы чары и иллюзия были навсегда сняты с семи Кантревов из Дифеда, и, наконец, настаивает, чтобы епископ рассказал ему, кто такая мышь и почему чары были наложены на страну. "Я Ллвид, сын Килкода, - отвечает чародей, - а мышь - моя жена; но то, что она беременна, ты никогда не мог ее догнать". Далее он дает объяснение, которое возвращает нас к первым "Мабиноги" о свадьбе Рианнон. Чары были наложены на землю, чтобы отомстить за зло, причиненное другу Ллвида, Гваулу сыну Клуда, с которым отец Придери и его рыцари играли в "Барсука в мешке" при дворе Хёвыдда Хена. Мышами были лорды и леди двора Ллвида.

Затем чародея заставляют пообещать, что он больше не будет мстить ни Придери, ни Рианнон, ни Манавыддану, и, вернув двух заколдованных пленников, отпускают мышь. "Тогда Ллвид ударил по ней волшебной палочкой, и она превратилась в молодую женщину, прекрасней которой не было на свете". Оглядевшись вокруг, Манавыддан увидел, что вся земля обработана и заселена, как в лучшие времена, и полна стад и жилищ. "Какое рабство, - спрашивает он, - было у Придери и Рианнон?" "У Придери на шее были засовы от ворот моего дворца, [pg 378] а у Рианнон на шее были ошейники от ослов, когда они возили сено". И таково было их рабство.

Повесть о Мате, сыне Матонви

Предыдущая сказка была волшебством и иллюзией, в которой мифологический элемент был лишь слабым. Однако в той, которую нам предстоит рассмотреть, мы находимся в явно мифологической области. Центральный мотив сказки - борьба Сил Света с Силами подземного мира за ценные владения последних, в данном случае за стадо волшебных свиней. В начале истории нас знакомят с божеством Матом, о котором бард рассказывает, что он не мог существовать, если его ноги не лежали на коленях девы, за исключением тех случаев, когда земля была потревожена войной.²³⁸ Мата представляют как повелителя Гвинедда, в то время как Прайдери правил полутора десятками кантревов на юге. С Матом были его племянники Гвидион и Гилветви, сыновья Дона, которые обходили земли вместо него, а сам Мат лежал, положив ноги на колени самой прекрасной девы той земли и времени, Гоувин, дочери Пебина из Доль Пебина в Арвоне.

Гвидион и свиньи Придери

Гилветви заболел любовью к Гоувин и открыл эту тайну своему брату Гвидиону, который обязался помочь ему в его желании. Однажды он пришел к Мату и попросил его разрешения отправиться в Придери и выпросить у него в подарок для Мата стадо свиней, которое подарил ему Араун, король Аннуна. "Это такие звери, - сказал он, - каких никогда не знали на [pg 379] этом острове... Их мясо лучше, чем мясо волов". Маф велел ему идти, и он вместе с

Гилветви и десятью спутниками отправился в Дифед. Они пришли во дворец Придери под видом бардов, и Гвидион, после того как его угостили на пиру, попросил рассказать двору сказку. Приведя всех в восторг своей речью, он попросил подарить ему свинью. Но у Придери был договор со своими людьми - не продавать и не дарить их, пока они не произведут в стране двойное количество. "Но ты можешь их обменять, - сказал Гвидион, и тогда он с помощью волшебства создал иллюзию двенадцати великолепно убранных лошадей и двенадцати гончих, отдал их Придери и как можно быстрее скрылся со свиньями, "ибо, - сказал он своим спутникам, - иллюзия продлится не более часа и до завтрашнего дня".

Задуманное свершилось: Прайдери вторгся в страну, чтобы вернуть своих свиней, Мат вышел навстречу ему с оружием в руках, а Гилветви воспользовался случаем и сделал Гоувин своей женой, хотя она и не хотела этого.

Смерть Прайдери

Война была решена в единоборстве Гвидиона и Прайдери. "И силой силы и свирепостью, и магией и чарами Гвидиона был убит Придери. И в Маэн Тириавк, над Меленридом, был он похоронен, и там же находится его могила".

Покаяние Гвидиона и Гилветви

Когда Маф вернулся, он узнал, что сделал Гилветви, и взял Гоувин в королевы, а Гвидион и Гилветви ушли в разбойники и жили на границах земли. Наконец они пришли [pg 380] и предстали перед Матом для наказания. "Вы не можете возместить мне мой позор, не считая смерти Прайдери, - сказал он, - но раз уж вы пришли сюда по моей воле, я немедленно приступлю к вашему наказанию". И он превратил их обоих в оленей и велел им снова прийти сюда через двенадцать месяцев.

Они пришли в назначенный срок, взяв с собой молодого олененка. Олененка привели в человеческий облик и окрестили, а Гвидион и Гилветви превратились в двух диких свиней. На исходе следующего года они вернулись с молодым, с которым поступили так же, как с олененком, а братья превратились в волков. Прошел еще год, они снова вернулись с молодым волчонком, как и прежде, и на этот раз их покаяние было признано законченным, им вернули человеческую природу, и Маф приказал омыть их, помазать и одеть в благородные одежды, как подобает.

Дети Арианрода: Дилан

Затем встал вопрос о назначении другой девственницы, и Гвидион предложил свою сестру Арианрод. Она приходит на церемонию, и Маф спрашивает ее, девственница ли она. "Не знаю, повелитель, кроме того, что я девственница", - отвечает она. Но она не выдержала магического испытания, навязанного Матом, и родила двух сыновей. Одного из них назвали Диланом, "Сыном волны", очевидно, в честь кимрского морского божества. Как только его окрестили, "он погрузился в море и плавал так же хорошо, как самая лучшая рыба, которая там была". Под ним ни одна волна не разбивалась". В валлийской легенде его имя овеяно дикой морской поэзией. По его смерти, которая, как говорят, произошла от руки его дяди Гованнона, все волны Британии и Ирландии оплакивали его. Рев прилива в устье реки Конвей до сих пор называют "предсмертным стоном Дилана".

[pg 381]

Ллев Ллав Гиффес

Другой младенец был схвачен Гвидионом и воспитан под его защитой. Как и другие солнечные герои, он рос очень быстро; когда ему исполнилось четыре года, он был таким большим, как будто ему было восемь лет, и самым красивым юношей, которого когда-либо видели. Однажды Гвидион взял его в гости к своей матери Арианрод. Она ненавидела детей, которые разоблачали ее ложные притязания, и укоряла Гвидиона за то, что он привел к ней мальчика. "Как его зовут?" - спросила она. "Воистину, - ответил Гвидион, - у него еще нет имени". "Тогда я возлагаю на него такую судьбу, - сказала Арианрод, - что у него никогда не будет имени, пока его не назову я". На этом Гвидион в гневе удалился и в ту ночь остался в своем замке Каэр Датил.

Хотя этот факт не отражен в данной сказке, следует помнить, что в более древней мифологии Гвидион является отцом детей Арианрода.

Как Ллев получил свое имя

Он решил дать имя своему сыну. На следующий день он отправился на берег под Каэр Арианрод, взяв с собой мальчика. Здесь он сел на берегу и, изображая мастера магии, стал похож на сапожника, а мальчик - на подмастерье, и начал делать обувь из осоки и водорослей, которой придал вид кордовской кожи. До Арианрод дошли слухи о чудесной обуви, которую делает странный сапожник, и она послала свою мерку за парой. Гвидион сделал их слишком большими. Она послала еще раз, и он сделал их слишком маленькими. Тогда она пришла сама, чтобы ее подогнали. Пока все это происходило, прилетела крапивница и зажглась на мачте лодки, а мальчик, взяв лук, пустил стрелу, которая пронзила ногу между сухожилием [pg 382] и костью. Арианрод восхитилась блестящим выстрелом. "Воистину, - сказала она, - лев попал в нее твердой рукой (llaw gyffes)". "Не благодари тебя, - воскликнул Гвидион, - теперь у него есть имя. Отныне он будет зваться Ллевом Ллавом Гиффесом".

Мы видели, что на самом деле это имя означает то же самое, что и гэльское Lugh Lamfada, Lugh (Light) of the Long Arm; так что перед нами случай, когда легенда выросла вокруг неправильно понятого имени, унаследованного из полузабытой мифологии.

Как Ллев взял в руки оружие

Ботинки тут же вернулись к осоке и водорослям, а Арианрод, разгневанный тем, что его обманули, наложил на мальчика новое проклятие. "Он никогда не возьмет в руки оружие, пока я не одарю его им". Но Гвидион, отправившись с мальчиком в Каэр Арианрод в образе двух бардов, с помощью волшебства создает иллюзию вылазки вооруженных людей вокруг замка. Арианрод дает им оружие, чтобы помочь в обороне, и таким образом снова оказывается обманутой превосходным ремеслом Гвидиона.

Цветочная жена Ллеу

Далее она говорит: "У него никогда не будет жены из той расы, что ныне населяет эту землю". Это вызвало затруднения, не под силу даже Гвидиону, и он обратился к Мату, верховному мастеру магии. "Хорошо, - сказал Маф, - мы с тобой попробуем создать ему жену из цветов". "И взяли они цветы дуба, и цветы метлы, и цветы лугового сладкого дерева, и создали из них деву, прекраснейшую и изящнейшую из всех, что когда-либо видел человек. И крестили они ее, и дали ей имя Блoduведд, или Цветочное лицо". Они женили ее на Ллеве и дали им кантрев Динодиг, чтобы [pg 383] править им, и там Ллев и его невеста жили некоторое время, счастливые и любимые всеми.

Предательство Ллева

Но Блодеуведд оказалась недостойна своего прекрасного имени и происхождения. Однажды, когда Ллев был в гостях у Маты, мимо дворца Ллева на охоту приехал владыка по имени Гронв Пебыр, и Блодуведд полюбила его с первого взгляда. В ту ночь они спали вместе, и в следующую, и в следующую, а потом задумали, как навсегда избавиться от Ллеу. Но Ллев, как и готический солнечный герой Зигфрид, неуязвим, за исключением особых обстоятельств, и Блодуэдд должна узнать у него, как его можно убить. Она делает это под видом заботы о его благополучии. Задача не из легких. Ллеу может быть убит только копьем, которое изготавливалось целый год и работало только во время Жертвоприношения по воскресеньям. Кроме того, его нельзя убить ни в доме, ни вне его, ни верхом, ни пешком. Единственный способ, по сути, заключается в том, что он должен стоять одной ногой на мертвом олене, а другой - в котле, который должен использоваться для бани и иметь соломенную крышу - если его ранят в таком положении копьем, сделанным по инструкции, рана может быть смертельной, не иначе. Через год, в течение которого Гронв орудовал копьем, Блодуведд попросила Ллева показать ей более подробно, от чего она должна защищаться, и он принял требуемую позу, чтобы угодить ей. Гронв, притаившийся в лесу неподалеку, метнул смертоносное копье, и отравленная головка вонзилась в тело Ллева, а древко отломилось. Тогда Ллев превратился в орла, с громким криком взлетел в воздух и больше не появлялся, а Гронв забрал его замок и земли и присоединил их к своим.

[pg 384]

Эти вести наконец дошли до Гвидиона и Маты, и Гвидион отправился на поиски Ллева. Он пришел в дом своего вассала, от которого узнал, что свиноматка, которая была у него, пропадала каждый день, и ее нельзя было выследить, но каждую ночь она исправно возвращалась домой. Гвидион последовал за свиноматкой, и она ушла далеко к ручью, который с тех пор называется Нант-и-Ллев, где остановилась под деревом и стала кормиться. Гвидион посмотрел, что она ест, и обнаружил, что она питается гнилой плотью, которая падает с орла, сидящего на дереве, и ему показалось, что этот орел и есть Ллев. Гвидион запел ему и постепенно спускал его с дерева, пока тот не оказался у него на коленях, тогда он ударил его своей волшебной палочкой и вернул ему облик Ллева, но изможденного до кожи и костей - "никто никогда не видел более жалкого зрелища".

Исцеление Ллева

Когда Ллев был исцелен, они с Гвидионом отомстили своим врагам. Блодуведд превратилась в сову и велела избегать дневного света, а Гронв был убит броском копья Ллева, которое прошло сквозь каменную плиту, чтобы достать его, и плита с отверстием, проделанным копьем Ллева, до сих пор стоит на берегу реки Синваэль в Ардудви. И Ллев во второй раз овладел своими землями и процветающе правил ими все свои дни.

Четыре предыдущих сказания называются "Четыре ветви Мабиноги", и в сборнике, называемом "Мабиногион", они составляют самую древнюю и важную часть.

Сон Максена Вледига

Следуя порядку сказок в "Мабиногионе", как они представлены в издании г-на Натта, мы переходим к одной, которая является чистым произведением выдумки, без [pg 385] мифического или легендарного элемента вообще. В ней рассказывается о том, как Максен Вледиг, император Рима, увидел яркий сон, в котором его привели в незнакомую страну, где он увидел короля в кресле из слоновой кости, вырезающего шахматные фигуры стальным

напильником из золотого стержня. Рядом с ним, на золотом троне, сидела прекраснейшая из дев, которых он когда-либо видел. Проснувшись, он обнаружил, что влюбился в девицу из сна, и послал гонцов в разные стороны, чтобы они, если смогут, нашли страну и народ, которые ему явились. Они были найдены в Британии. Туда отправился Максен, посватался к деве и женился на ней. В его отсутствие узурпатор захватил его империю в Риме, но с помощью своих британских друзей он отвоевал свои владения, и многие из них поселились там вместе с ним, а другие отправились домой в Британию. Последние брали с собой иноземных жен, но, как говорят, вырезали им языки, чтобы они не испортили речь бриттов. Так рано и так сильно проявилась преданность своему языку у кимров, о которых мифический бард Талиесин пророчествовал:

"Своего Бога они будут славить,
Свою речь они сохранят,
Свою землю они потеряют,
кроме дикой Валии".

История Ллудда и Ллевелиса

Эта история связана с предыдущей в разделе "Романтическая история Британии". В ней рассказывается о том, как Ллудд, сын Бели, и его брат Ллевелис правили соответственно Британией и Францией, и как Ллудд обратился за помощью к брату, чтобы остановить три чумы, терзавшие землю. Этими тремя бедствиями были, во-первых, присутствие демонической расы, называемой коранцами; во-вторых, страшный крик, который раздавался в каждом доме Британии в канун мая и [pg 386] пугал людей до потери рассудка; в-третьих, необъяснимое исчезновение всей провизии во дворе короля каждую ночь, так что на следующее утро нельзя было найти ничего, что не было бы съедено домочадцами. Ллудд и Ллевелис обсуждали эти вопросы через медную трубку, потому что коранцы могли слышать все, что говорилось, если только ветры долетали до нее - это свойство также приписывалось Мату, сыну Матонви. Ллевелис уничтожил коранцев, дав Ллудду множество ядовитых насекомых, которых следовало растолочь и разбросать над народом во время собрания. Эти насекомые должны были убить коранцев, но народ Британии был бы невосприимчив к ним. Крик Ллевелис объяснил тем, что он исходил от двух драконов, которые сражались друг с другом раз в год. Их нужно было убить, опьянив медовухой, которая должна была быть помещена в яму, вырытую в самом центре Британии, которая, как выяснилось при измерении, находилась в Оксфорде. Провизию, по словам Ллевелиса, забрал великан-волшебник, за которым Ллудд следил, как было велено, победил его в бою и сделал впредь своим верным вассалом. Так Ллудд и Ллевелис избавили остров от трех бедствий.

Сказки об Артуре

Далее мы переходим к пяти артуровским сказаниям, одно из которых, сказание о Килхвхе и Олвен, является единственной исконно артуровской легендой, дошедшей до нас в валлийской литературе. Остальные, как мы уже видели, в большей или меньшей степени являются отголосками артурианской литературы, созданной иностранцами на континенте.

Килхвх и Олвен

Килхвх был сыном Килидда и его жены Голеддид, и, как говорят, приходился Артуру двоюродным братом. Его мать [pg 387] умерла, Килидд взял другую жену, и она, приревновав его к пасынку, возложила на него поиски, которые обещали быть долгими и опасными. "Я заявляю, - сказала она, - что судьба твоя, - гэлы сказали бы geis, - не будет тебе подходящей жены, пока ты не получишь Олвен, дочь Испаддадена Пенкаура".²³⁹ И Килхвх покраснел при этом имени, и "любовь к деве пронеслась по всему его телу". По совету отца он отправился ко двору Артура, чтобы узнать, как и где он может найти и завоевать ее.

Далее в блестящем отрывке описывается, как юноша в расцвете своей красоты, на благородном коне, убранном золотом, в сопровождении двух белогрудых борзых с ошейниками из рубинов, отправляется в путь к королю Артуру. "И травинка не сгибалась под ним, так легка была поступь его коня".

Килхвч при дворе Артура

После некоторых трудностей с портье и сенешалем Артура, Каем, который не хотел впускать юношу, пока компания сидела за мясом, Килхвх был приведен в присутствие короля и объявил свое имя и желание. "Я ищу этого блага, - сказал он, - от тебя и от рук твоих воинов", - и затем он перечислил огромный список, полный мифологических персонажей и деталей - Бедвир, Гвин ап Нудд, Кай, [Манавиддан](#)²⁴⁰, Герайнт и многие другие, включая "Морврана сына Тегиды, которого никто не ударил в битве при Камлане из-за его уродства; все считали его дьяволом" и "Сандде Брыд Ангел, которого никто не тронул копьем в битве при Камлане из-за его красоты; все считали его ангелом-служителем." [pg 388] Список насчитывает десятки имен и включает множество женщин, как, например, "Крейддилад, дочь Ллудда из Серебряной Руки - она была самой прекрасной девой на трех островах Могучего, и за нее Гвитир, сын Грейдавла, и Гвин, сын Нудда, сражались каждое первое мая до гибели", а также две Исеулт и королева Артура Гвенхвивар. "Все это сын Килидда, Килхвх, заручился его благодеянием".

Однако Артур никогда не слышал ни об Олвен, ни о ее родственниках. Он пообещал разыскать ее, но по истечении года никаких вестей о ней не было, и Килхвх заявил, что уедет и оставит Артура посрамленным. Кай и Бедвир с проводником Кындделигом наконец-то отправляются на поиски.

Слуги Артура

Эти люди сильно отличаются от тех, кто назван теми же именами у Мэлори или Теннисона. Кай, говорят, мог девять дней находиться под водой. Он мог по желанию стать высоким, как лесное дерево. Его физическое телосложение было столь горячим, что ничто из того, что он нес в руках, не могло промокнуть под самым сильным дождем. "Очень тонкий был Кай". Что касается Бедвира - впоследствии сэра Бедивера, - то нам рассказывают, что никто не мог сравниться с ним в быстроте и что, хотя он был одноруким, на поле боя он мог сравниться с любыми тремя воинами; его копье наносило раны, равные ранам девяти. Кроме этих троих, в поход отправились также Гвир, знавший все языки, Гвальхмай, сын сестры Артура Гвиар, и Менв, который мог сделать участников похода невидимыми с помощью магических заклинаний.

Кастеннин

Они путешествовали, пока наконец не пришли к большому замку, перед которым стояла отара овец, которую держал [pg 389] пастух, имевший при себе мастифа, большого, как лошадь. Дыхание этого пастуха, как нам рассказывают, могло сжечь дерево. "Он не позволял

ни одному случаю пройти без того, чтобы не нанести вред". Однако он хорошо принял гостей, рассказал им, что он - Кустеннин, брат Испаддадена, чей замок стоял перед ними, и привел их домой к своей жене. Жена оказалась сестрой матери Килхвха, Голеуддидд, и она обрадовалась встрече с племянником, но опечалилась при мысли, что он пришел на поиски Олвен, "ибо никто не возвращался из тех поисков живым". Кустеннин и его семья, судя по всему, сильно пострадали от рук Испаддадена - все их сыновья, кроме одного, были убиты, потому что Испаддаден позавидовал брату в его доле их наследства. Поэтому они объединились с героями в их поисках.

Олвен с Белой тропы

На следующий день Олвен, как обычно, спустилась в дом пастуха, ибо каждую субботу она мыла там волосы, и каждый раз, когда она это делала, она оставляла все свои кольца в сосуде и никогда больше за ними не приходила. Она описана в одном из тех живописных отрывков, в которых кельтская страсть к красоте нашла столь изысканное выражение.

"Дева была одета в одеяние из шелка цвета пламени, а на шее у нее был ошейник из румяного золота, на котором были драгоценные изумруды и рубины. Голова ее была желтее цветка метлы, кожа - белее пены волны, а руки и пальцы - красивее цветков ветреницы среди брызг лугового фонтана. Глаз дрессированного ястреба, взгляд трехглавого сокола не был ярче ее. [pg 390] Грудь ее была снежнее груди белого лебедя, щеки - краснее самых красных роз. Всякий, кто видел ее, был исполнен ее любви. Четыре белых трилистника вырастали везде, где она ступала. И потому звали ее Олвен" [241](#).

Килхвх и она разговаривали вместе и любили друг друга, и она велела ему пойти и спросить ее об отце и не отказывать ему ни в чем, что он мог бы потребовать. Она поклялась, что не выйдет замуж без его воли, ибо его жизнь продлится лишь до времени ее брака.

Испаддаден

На следующий день все отправились в замок и увидели Испаддадена. Он отговорил их разными отговорками, а когда они уходили, бросил им вслед отравленный дротик. Бедвир поймал его и метнул обратно, ранив в колено, а Испаддаден проклял его на языке необычайной силы; казалось, слова трещат и плюются, как пламя. Так повторялось еще трижды, и наконец Испаддаден объявил, что нужно сделать, чтобы завоевать Олвен.

Задания Килхвха

Далее следует длинный ряд заданий. Огромный холм нужно вспахать, засеять и собрать урожай за один день; сделать это может только Аматаон сын Дона, а он не хочет. Гованнон, кузнец, должен избавляться от лемеха на каждом краю, но он не станет этого делать. Два вола Гвлвида должны тянуть плуг, и он не даст их. Нужно добыть мед в девять раз слаще пчелиного, чтобы приготовить брагет для свадебного пира. Волшебный котел, волшебная корзина, из которой можно достать любое мясо, какое только пожелает человек, волшебный рог, меч Гврнаха Великана - все [pg 391] это должно быть завоевано; и много других тайных и трудных вещей, всего около сорока, прежде чем Килхвх сможет назвать Олвен своей собственностью. Самый сложный квест - добыть гребень и ножницы, которые находятся между двумя ушами Тврха Трвита, короля, превращенного в чудовищного вебря. Для охоты на кабана необходимо выполнить ряд других заданий: добыть детеныша Грейда сына Эри, и определенный поводок, чтобы держать его, и определенный ошейник для поводка, и цепь для ошейника, и Мабона сына Модрона в качестве егеря, и коня Гведда, чтобы везти Мабона, и Гвина сына Нудда в помощь, "которого Бог поставил над выводком дьяволов в

Аннуне.....он никогда не пощадит их", и так далее до такой степени, что знаменитая эрика сыновей Туренна кажется пустяком по сравнению с ней. "С трудностями и ночами без сна будешь ты искать этот [выкуп за невесту], и если не получишь его, то и дочь моя не достанется тебе". На каждое требование у Килхвха есть один ответ: "Мне будет легко выполнить это, хотя ты, возможно, думаешь, что это будет нелегко. Я получу твою дочь, а ты потеряешь свою жизнь".

И вот они отправляются выполнять задания, а по дороге домой сталкиваются с великаном Гврнахом, меч которого Кай, прикинувшись полировщиком мечей, добывает хитростью. Добравшись до двора Артура и рассказав королю о том, что им предстоит сделать, он обещает свою помощь. Первым из чудес, которые они совершили, было обнаружение и освобождение Мабона, сына Модрона, "который был похищен у матери, когда ему было три ночи, и неизвестно, где он теперь, жив ли он или мертв". Гврхир спрашивает о нем у Оусела из Килгври, который так стар, что наковальня кузнеца, по которой он обычно клевал, износилась до размеров ореха, но он никогда не слышал о [pg 392] Мабоне. Но он ведет их к еще более древнему зверю, оленю из Рединвра, и далее к филину из Квм Кавлвида, орлу из Гверн Абви и лососю из Ллин Ллива, древнейшим из живых существ, и наконец они находят Мабона, заточенного в каменной темнице Глостера, и с помощью Артура освобождают его, и таким образом второе задание выполнено. Так или иначе, с помощью хитрости, доблести или магического искусства, достигаются все цели, включая последнюю и самую опасную - добыть "кровь черной ведьмы Ордду, дочери белой ведьмы Орвен, из Пенн-Нарт-Говида на границах Ада". Бой здесь очень похож на тот, что был у Финна в пещере Кешкорран, но в конце концов Артур рассекает ведьму надвое, и Кау Северной Британии получает ее кровь.

После этого они снова отправляются в замок Испаддадена, и он признает свое поражение. Гореу, сын Кустеннина, отрубает ему голову, и в ту же ночь Олвен становится счастливой невестой Килхвха, а войска Артура рассеиваются, каждый в свою землю.

Сон Ронабви

Ронабви был военачальником Мадавка, сына Маредудда, брат которого Йорверт поднял против него мятеж, и Ронабви отправился с войсками Мадавка, чтобы усмирить его. Зайдя с несколькими спутниками в убогую хижину, чтобы отдохнуть на ночь, он ложится спать на желтой телячьей шкуре у костра, в то время как его друзья лежат на грязных кушетках из соломы и веток. На телячьей шкуре он видит чудесный сон. Он видит перед собой двор и лагерь Артура - здесь это квазиисторический король, не легендарное божество из первой сказки и не Артур из французских рыцарских романов, - который движется к горе Бадон для великой битвы с язычниками. Персонаж по имени Иддаук [pg 393] его проводником к королю, который улыбается Ронабви и его друзьям и спрашивает: "Где, Иддаук, ты нашел этих маленьких человечков?" "Я нашел их, повелитель, вон там, на дороге". "Жаль мне, - сказал Артур, - что такие рослые люди, как эти, владеют островом после тех, кто охранял его в давние времена". Ронабви обратил внимание на камень в перстне короля. "Одно из свойств этого камня - давать тебе возможность помнить то, что ты видишь здесь сегодня ночью, и если бы ты не видел этот камень, то никогда бы не смог ничего вспомнить".

Различные герои и спутники, составляющие армию Артура, подробно описаны, со всеми яркими красками и тонкими деталями, столь любимыми кельтским сказочником. Главное происшествие, о котором повествуется, - игра в шахматы между Артуром и рыцарем Овайном, сыном Уриена. Во время игры рыцари Артура сначала преследуют и беспокоят воронов Овейна, но Артур, когда Овейн жалуется, лишь говорит: "Играй в свою игру". После этого вороны одерживают верх, и наступает очередь Овейна просить Артура заняться своей

игрой. Тогда Артур взял золотые шахматные фигуры, разбил их в пыль и попросил Овайна утихомирить Воронов, что и было сделано, и снова воцарился мир. Говорят, что Ронабви проспал на телячьей шкуре три дня и ночи, прежде чем очнулся от своего чудесного сна. В эпилоге говорится, что ни один бард не должен знать эту сказку наизусть и без книги, "из-за различных цветов, которые были на конях, и множества чудесных цветов оружия и убранства, и драгоценных платков, и камней, несущих добродетель". Сон Ронабви - это скорее великолепное видение прошлого, чем рассказ в обычном смысле этого слова.

[pg 394]

Дама у фонтана

Перед нами валлийское воспроизведение конте под названием "Шевалье со львом" Крестьяна де Труа. Главным героем сказки является Овайн, сын Уриена, который предстает в образе рыцаря-отступника, столь же чуждом духу кельтской легенды, сколь и привычным на континенте.

Приключение Каймона

Во вступлении нам рассказывают, что с Каймоном, рыцарем при дворе Артура, случилось странное и печальное приключение. Отправившись на поиски рыцарского подвига, он прибыл в великолепный замок, где его радушно приняли четыре с двадцатью девицами, из которых "наименее прекрасная была прекраснее Гвенхивар, жены Артура, когда она являлась прекраснейшей на торжествах в день Рождества Христова или на праздник Пасхи". С ними был знатный лорд, который, после того как Каймон поел, спросил о его делах. Каймон объяснил, что ищет себе пару в бою. Владыка замка улыбнулся и велел ему действовать следующим образом: Он должен идти по дороге вверх по долине и через лес, пока не придет на поляну с курганом посреди нее. На кургане он увидит чернокожего человека огромного роста с одной ногой и одним глазом, который держит в руках могучую железную дубину. Он находился в лесу, и вокруг него кормились тысячи диких животных, оленей, змей и прочих. Он покажет Каймону, что тот ищет.

Каймон последовал указаниям, и черный человек направил его туда, где под большим деревом должен был находиться фонтан; рядом с ним на мраморной плите стояла серебряная чаша. Каймон должен был взять чашу и [pg 395] выплеснуть на плиту полную чашу воды, как вдруг грянет страшная буря с градом и громом, раздастся чарующая музыка певчих птиц, появится рыцарь в черных доспехах на угольно-черном коне, с черным вымпелом на копье. "И если ты не найдешь беды в этом приключении, тебе не нужно искать ее до конца своей жизни".

Характер валлийского романа

Здесь мы сделаем небольшую паузу, чтобы отметить, насколько четко мы находимся в области средневековой романтики и насколько далеки от кельтской мифологии. Возможно, кельтская "Страна юности" отдаленно напоминала те края красоты и тайны, в которые артурианский рыцарь отправляется в поисках приключений. Но пейзажи, мотивы, происшествия совсем другие. И как же они прекрасны, как пронизаны волшебным светом романтики! Краски живут и светятся, лес шелестит в ушах, дыхание той весенней поры современного мира витает вокруг нас, когда мы следуем за одиноким всадником по травянистой тропе в неведомый мир опасностей и восторга. Хотя в некоторых отношениях континентальные сказки превосходят валлийские, они более вдумчивы, более глубоки, они не приближаются к ним в том изысканном мастерстве, с которым передается внешний облик

вещей, поддерживается атмосфера очарования, а читатель с неослабевающим интересом переходит от точки к точке в развитии сказки. Не отстают эти валлийские сказки и в благородном и рыцарском духе, которым они дышат. Вряд ли можно найти в литературе более тонкую школу воспитания характеров и нравов. Как странно, что в течение многих веков это сокровище, которому нет цены, оставалось незамеченным в [pg 396] нашей среде! И как глубока должна быть наша благодарность безымянным бардам, чья мысль создала его, и благородной вдохновенной руке, которая впервые сделала его достоянием всего англоязычного мира!

Поражение Каймона

Но вернемся к нашему рассказу. Каймон сделал то, что ему было приказано, появился Черный рыцарь, они молча опустили копыя и бросились в бой. Каймон был повержен на землю, а его противник, не удостоив его взглядом, продел древко своего копья через поводья коня Каймона и ускакал с ним в ту сторону, откуда пришел. Каймон вернулся пешком в замок, где никто не спросил его, как он проехал, но ему дали нового коня, "темно-гнедого полукровку с ноздрями красными, как алые", на котором он поехал домой в Каэрлеон.

Овейн и Черный рыцарь

Овейн, конечно же, был воодушевлен рассказом о Каймоне, и на следующее утро на рассвете он отправился на поиски таких же приключений. Все прошло, как и в случае с Каймоном, но Овейн ранил Черного рыцаря так сильно, что тот повернул коня и скрылся, а Овейн горячо его преследовал. Они подъехали к "огромному и великолепному замку". Они проехали через разводной мост, внешние ворота которого опустились, когда Черный рыцарь проезжал мимо них. Но Овейн был так близок к нему, что португепя опустилась за ним, перерубив его коня надвое за седлом, а сам он остался запертым между внешними воротами разводного моста и внутренними. Пока он находился в этом затруднительном положении, к нему подошла девушка и подарила кольцо. Когда он надевал его с перевернутым камнем и сжимал в руке, то становился невидимым, а когда за ним приходили слуги хозяина замка, он должен был ускользать от них и следовать за ней.

[pg 397]

Она так и сделала, зная, кто он такой: "Ибо как друг ты самый искренний, а как любовник - самый преданный".

Овейн поступил так, как ему было велено, и дева скрыла его. В ту же ночь в замке раздался громкий плач - его господин умер от раны, которую нанес ему Овейн. Вскоре после этого Овейн увидел хозяйку замка, и любовь к ней полностью овладела им. Спасшая его дева Лунед посваталась к нему, и он стал ее мужем, повелителем замка Фонтана и всех владений Черного рыцаря. И он стал защищать фонтан копьем и мечом, как это делал его предшественник, и заставлял побежденных противников выкупать себя за большие суммы, которые он раздавал своим баронам и рыцарям. Так он прожил три года.

Поиски Овейна

По прошествии этого времени Артур со своим племянником Гвальхмаем и проводником Каймоном отправился во главе войска на поиски вестей об Овайне. Прибыли они к фонтану и здесь встретили Овейна, причем ни один из них не знал другого, так как их шлемы были опущены. И сначала был повержен Кай, а затем Гвальхмай и Овейн сразились, и через некоторое время Гвальхмай был освобожден от шлема. Овейн сказал: "Господин мой Гвальхмай, я не знал тебя; возьми мой меч и мое оружие". Гвальхмай ответил: "Ты, Овайн,

победитель; возьми мой меч". Артур вежливо завершил спор, взяв мечи обоих, и затем все они поскакали в замок Фонтана, где Овейн развлекал их с великой радостью. И вернулся он с Артуром в Каэрлеон, пообещав своей графине, что пробудет там три месяца, а потом вернется.

[pg 398]

Овейн забывает свою госпожу

Но при дворе Артура он забыл свою любовь и свой долг и оставался там три года. По истечении этого срока приехала знатная дама на коне, убранном золотом; она разыскала Овейна и взяла у него с руки кольцо. "Так, - сказала она, - следует поступить с обманщиком, предателем, неверным, опозоренным и безбородым". Затем она повернула голову своего коня и уехала. А Овейн, переполненный стыдом и раскаянием, скрылся от людей и жил в пустынной стране с дикими зверями, пока тело его не истощилось, волосы не стали длинными, а одежда не сгнила.

Овейн и лев

В этом обличье, когда он был близок к смерти от непогоды и нужды, его приютили овдовевшая графиня и ее девицы и вернули ему силы с помощью волшебных бальзамов; и хотя они просили его остаться с ними, он снова отправился в путь, ища одинокие и пустынные земли. Здесь он нашел льва, сражающегося с огромным змеем. Овейн убил змея, а лев последовал за ним и играл вокруг него, словно борзая, которую он вырастил. И он кормил его, ловя оленей, часть которых Овейн готовил сам, а остальное отдавал льву на съедение; и зверь сторожил его по ночам.

Освобождение Лунед

Затем Овейн находит заключенную в темницу девицу, чьи вздохи он слышит, хотя не видит ни ее, ни его. Когда ее допросили, она сказала, что ее зовут Лунед, что она служанка графини, которую бросил муж, "а он был другом, которого я любила больше всего на свете". Двое из пажей графини обманули [pg 399] его, и за то, что она защищала его, ее приговорили к сожжению, если до истечения года он (а именно Овейн, сын Уриена) не явится избавить ее. А год должен был закончиться завтра. На следующий день Овейн встретил двух юношей, ведущих Лунед на казнь, и вступил с ними в бой. С помощью льва он одолел их, спас Лунед и вернулся в замок Фонтана, где примирился со своей любовью. И он взял ее с собой во двор Артура, и она была его женой, пока жила. И наконец, он побеждает черного великана, которому по-прежнему помогает лев, и освобождает четыре с двадцатью знатными дамами, а великан клянется отказаться от своих злых дел и содержать богадельню для путников, пока жив.

"И с тех пор Овейн жил при дворе Артура, очень любимый, как глава его семьи, пока не ушел со своими последователями, а это было войско из трехсот воронов, которое оставил ему [Кенверчин242](#). И куда бы ни отправлялся Овейн с ними, он одерживал победу. Вот и вся сказка о Леди Фонтана".

Сказка об Энид и Герайнте

В этой сказке, основанной, по-видимому, на "Эреке" Христиана де Труа, главный интерес не мифологический и не приключенческий, а сентиментальный. Как Герайнт нашел и добился своей любви - дочери великого лорда, павшего в злые дни; как он сражался за нее с Эдейрном, сыном Нудда - кимрского божества, превращенного в "рыцаря Воробыниного

Ястреба"; как, влюбленный в нее, он стал небрежен к своей славе и долгу; Как он неправильно понял слова, которые она [pg 400] прошептала над ним, когда считала его спящим, и усомнился в ее вере; как жестоко он обращался с ней; и в скольких горьких испытаниях она доказала свою любовь и верность - все это уже настолько знакомо английским читателям по "Энид" Теннисона, что нет необходимости задерживать нас здесь. В данном случае Теннисон очень точно следовал своему оригиналу.

Легенды о Граале: Повесть о Передуре

Повесть о Передуре представляет большой интерес и имеет большое значение в связи с происхождением легенды о Граале. Передур соответствует Персевалю из Христиана де Труа, которому мы обязаны самой ранней из сохранившихся поэм о Граале; но этот писатель оставил свою историю Грааля незаконченной, и мы так и не узнали от него, что именно представлял собой Грааль и что придавало ему значение. Когда мы обращаемся за светом к "Передуре", который, несомненно, представляет собой более древнюю форму легенды, мы оказываемся в недоумении. Ибо "Передур" можно назвать историей Грааля без Грааля.²⁴³ Странные личности, предметы и происшествия, которые формируют обычную обстановку для появления на сцене этого мистического сокровища, все здесь; мы вдыхаем саму атмосферу замка Грааля; но о самом Граале нет ни слова. Повествование посвящено лишь мести героя за убийство родственника, и только для этого ему открываются тайны Замка Чудес.

В самом начале повествования мы узнаем, что Передур занимал важное положение седьмого сына. Быть седьмым сыном в этом мире мистической романтики было [pg 401] равносильно тому, что он был отмечен судьбой для больших и странных удач. Его отец, Эвравк, граф Севера, и шесть его братьев пали в бою. Поэтому мать Передура, опасаясь подобной участи для своего младшего ребенка, воспитала его в лесу, скрыв от него все знания о рыцарстве и военном деле, а также о боевых конях и оружии. Здесь он вырос простым деревенщиной по манерам и знаниям, но с удивительной телесной силой и активностью.

Он отправляется на поиски приключений

Однажды он увидел на границе леса трех рыцарей. Все они были из двора Артура - Гвальхмай, Генейр и Овейн. Потрясенный этим зрелищем, он спросил у матери, что это за существа. "Это ангелы, сын мой", - ответила она. "По моей вере, - сказал Передур, - я пойду и стану ангелом вместе с ними". Он отправляется к ним и вскоре узнает, кто они такие. Овейн учтиво объясняет ему, как пользоваться седлом, щитом, мечом, всеми военными принадлежностями; вечером Передур выбрал костлявую лохматую лошадь и нарядил ее в седло и амуницию, сделанные из веток и подражающие тем, что он видел. Видя, что он намерен отправиться на рыцарские подвиги, мать дала ему свое благословение и различные наставления и велела искать двор Артура; "там самые лучшие, и самые смелые, и самые красивые из мужчин".

Его первый подвиг

Передур сел на своего Росинанта, взял в качестве оружия горсть остроконечных кольев и поскакал ко двору Артура. Здесь управляющий Кай грубо оттолкнул его за его деревенский вид, но карлик и карлица, которые целый год пробыли при дворе [pg 402], не сказав никому из присутствующих ни слова, воскликнули: "Славный Передур, сын Эвравка; приветствуют тебя Небеса, цветок рыцарей и свет рыцарства!" Кай укорил карликов за то, что они нарушили молчание, восхваляя такого парня, как Передур, а когда тот потребовал, чтобы его

привели к Артуру, велел ему сначала пойти и одолеть незнакомого рыцаря, который только что бросил вызов всему двору, швырнув кубок с вином в лицо Гвенхивар, и с которым все боялись встретиться. Передур быстро отправился туда, где развязный рыцарь, размахивая руками, ожидал противника, и в завязавшейся схватке пронзил ему череп одним из своих острых кольев и убил его. Затем Овейн вышел и увидел, что Передур тащит за собой своего павшего врага. "Что ты там делаешь?" - спросил Овейн. "Этот железный плащ, - ответил Передур, - никогда не снимется с него; во всяком случае, не моими усилиями". Тогда Овейн показал ему, как снять доспехи, и Передур, взяв их, оружие и коня рыцаря, поскакал искать новых приключений.

Здесь четко и ярко прорисован характер доблестного и чистосердечного простака *der reine Thor*.

Передур, покинув двор Артура, провел множество поединков, в которых с легкостью одержал победу, отправив побежденных рыцарей в Керлеон-на-Уске с сообщением, что он победил их ради чести Артура и на его службе, но что он, Передур, никогда больше не придет ко двору, пока не отомстит Каю за оскорбление, нанесенное гномам; Артур упрекнул его в этом и был сильно опечален.

Замок чудес

Теперь мы вступаем в ту атмосферу, которую читатель сразу же узнает в легенде о Граале. Передур [pg 403] прибыл в замок у озера, где нашел почтенного человека со слугами, которые ловили рыбу в озере. Когда Передур приблизился, престарелый человек встал и вошел в замок, и Передур увидел, что он хромым. Передур вошел и был радушно принят в большом зале. Когда они поели, старец спросил его, умеет ли он сражаться на мечах, и пообещал научить его всем рыцарским премудростям, а также "нравам и обычаям разных стран, вежливости, мягкости и благородной осанке". И добавил: "Я твой дядя, брат твоей матери". Наконец, он велел ему ехать и запомнить все, что он увидит, что может вызвать у него удивление, и не спрашивать о смысле этого, если никто не имеет любезности сообщить ему об этом. Это испытание на послушание и сдержанность, от которого зависит дальнейшее приключение.

Отправившись в дальнейший путь, Передур подъехал к обширному пустынному лесу, за которым находился большой замок, Замок Чудес. Он вошел в него через открытую дверь и обнаружил, что в большом зале сидит величественный, хриплоголовый человек со множеством пажей, которые приняли Передура с почестями. За мясом Передур сел рядом с хозяином замка, который спросил его, когда они закончили, умеет ли он сражаться на мечах. "Если бы меня научили", - ответил Передур, - "думаю, я бы смог". Тогда владыка дал Передуру меч и велел ударить им по большой железной скобе, которая была в полу. Передур так и сделал, и разрубил скобу надвое, но и меч разлетелся на две части. "Соедини две части вместе", - сказал владыка. Передур так и сделал, и они снова стали одним целым - и меч, и скоба. Так же поступили и во второй раз, и результат был тот же. В третий раз ни меч, ни скоба не воссоединились.

"Ты прибыл, - сказал владыка, - на две трети своей силы". Затем он заявил, что и он

[pg 404]

дядя Передура и брат того лорда-рыболова, у которого Передур остановился в предыдущую ночь. Пока они рассуждали, в зал вошли двое юношей с копьем огромных размеров, с острия которого на землю упали три струйки крови, и все, увидев это, стали причитать и

причитать с великим воплем, но владыка не обратил на это внимания и не прервал беседы с Передуром. Затем вошли две девицы, неся между собой большой поднос, на котором среди обилия крови лежала мужская голова. После этого плач и причитания стали еще более громкими, чем прежде. Но наконец они смолкли, и Передура отвели в его покои. Памятуя о предписании повелителя рыбаков, он не выказал удивления увиденным и не спросил о его смысле. Затем он снова отправился на поиски других приключений, которые происходили с ним в ошеломляющем изобилии и не имели никакого отношения к основной теме. Тайна замка раскрывается лишь на последних страницах повести. Голова в серебряном блюде принадлежала кузену Передура. Копье - оружие, которым он был убит и которым был ранен дядя Передура, владыка-рыбак. Передуру показали эти вещи, чтобы побудить его отомстить за обиду и доказать его пригодность к этому делу. Говорят, что "девять колдуний из Глостера" были теми, кто навел эти чары на родственников Передура. Узнав об этом, Передур с помощью Артура напал на колдуний, которые были убиты все до одной, и месть свершилась.

Конте дель Грааль

Сказка Христиана де Труа под названием "Конте дель Грааль" или "Персеваль ле Галлуа" положила начало истории в европейской литературе. Она была написана около [pg 405] 1180 года. Во вступительной части она совпадает с "Передуром", героя здесь зовут Персеваль. Его обучает рыцарским достижениям престарелый рыцарь по имени Гонеманс, который предостерегает его от лишних разговоров и вопросов. Когда он приходит в Замок Чудес, в зал вносят такие предметы, как копье с капающей кровью, "грааль" в сопровождении двух двустворчатых подсвечников, свет которых гаснет от сияния грааля, серебряная тарелка и меч, последний из которых отдаётся Персевалю. Кровоточащая голова в валлийской истории не фигурирует, и нам не сообщают, что это был за грааль. На следующий день, когда Персеваль выехал на дорогу, он встретил девицу, которая яростно упрекала его за то, что он не спросил о смысле увиденного - если бы он сделал это, хромым королем (который здесь отождествляется с владыкой Замка Чудес) снова стал бы целым. Грех Персеваля, бросившего мать вопреки ее желанию, стал причиной того, что ему не дали задать вопрос, который разрушил бы заклятие. Это очень грубая выдумка, поскольку судьба Передура явно заключалась в том, чтобы взять в руки оружие и добиться приключений с Граалем, и он не совершил никакого греха, поступая так. В дальнейшем Персеваль встречает девицу отвратительной наружности, которая проклинает его за то, что он не спросил о копье и других чудесах - если бы он сделал это, король был бы восстановлен и спокойно правил бы своей землей, но теперь девы будут посрамлены, рыцари убиты, вдовы и сироты сделаны.

Такая концепция эпизода с вопросом, как мне кажется, радикально отличается от той, которая была принята в валлийской версии. Для Передура характерно, что он всегда поступает так, как ему велит авторитет. Вопрос был испытанием на послушание и самоограничение, и [pg 406] он успешно выдержал это испытание. В сказочной литературе часто наказывают за любопытство, но никогда - за благоразумие и сдержанность. Уэльская сказка здесь сохраняет, как мне кажется, первоначальную форму сюжета. Но французские писатели приняли отказ задавать вопросы за неудачу героя и придумали поверхностную и нелепую теорию этого эпизода и его последствий. Однако, как ни странно, французская точка зрения нашла свое отражение в более поздних версиях валлийской сказки, и такой версией является та, которую мы имеем в "Мабиногионе". В конце истории Передур встречает отвратительную девицу, ужасы которой ярко описаны, и которая жестоко упрекает его за то, что он не спросил о смысле чудес в замке: "Если бы ты так поступил, король был бы здоров, а его владения - спокойны. Отныне же ему придется терпеть битвы и конфликты, его рыцари погибнут, жены овдовеют, а девицы останутся без доли, и все это из-за тебя". Я

считаю, что эта отвратительная девица - очевидная интерполяция в валлийскую сказку. Она пришла в нее прямо со страниц Хрестиена. То, что она изначально не принадлежала к истории о Передуре, очевидно из того факта, что в этой сказке хромой лорд, который просит Передура не задавать вопросов, по словам девицы, является тем самым человеком, который выиграл бы от того, что он это сделал. На самом деле Передур так и не задает этот вопрос, и он не играет никакой роли в развязке истории.

Неоконченная повесть Хрестиана рассказывает о дальнейших приключениях Персеваля и его друга и соратника Говена, но так и не объясняет значение таинственных предметов, которые видели в замке. Его продолжатели, среди которых первым был Готье, рассказывают, что Грааль - это чаша Тайной вечери, а копье [pg 407] - то, что пронзило бок Христа во время распятия; и что Передур в конце концов возвращается в замок, задает нужный вопрос и становится преемником своего дяди как хозяин замка и хранитель его сокровищ.

Вольфрам фон Эшенбах

В истории, изложенной Вольфрамом фон Эшенбахом, который писал около 1200 года - примерно на двадцать лет позже Хрестиана де Труа, с творчеством которого он был знаком, - мы встречаемся с новой и уникальной концепцией Грааля. Он говорит о рыцарях замка Грааля:

"Si lebet von einem steine

Des geslächte ist vîl reine ...

Es heizet lapsit [lapis] exillîs,

Der stein ist ouch genannt der Grâl. "244

Изначально он был спущен с небес полетом ангелов и помещен в Анжу, как наиболее достойный регион для его получения. Его сила поддерживается голубем, который каждую Страстную пятницу слетает с небес и возлагает на Грааль освященное воинство. Он хранится в замке Мунсальваше [Монтсальват] и охраняется четырьмя сотнями рыцарей, которые все, кроме своего короля, поклялись в девственности. Король может жениться, и действительно, чтобы сохранить престолонаследие, ему велит это сделать Грааль, который передает свои послания человечеству письмами, появляющимися на нем и исчезающими после расшифровки. Во времена Парцифалья королем является Анфортас. Он не может умереть в присутствии Грааля, но страдает от раны, которую, поскольку получил ее из-за мирской гордыни и в [pg 408] стремлении к незаконной любви, влияние Грааля не может исцелить, пока предназначенный для него освободитель не снимет заклятие. Это должен был сделать Парцифаль, задав вопрос: "Что тебя тревожит, дядя?". Во французской версии Персиваль терпит неудачу из-за любопытства, а в версии Вольфрама - из-за сочувствия. Во всяком случае, он терпит неудачу и на следующее утро обнаруживает, что замок пуст, а его лошадь стоит наготове у ворот; когда он уезжает, над ним насмеются слуги, появляющиеся в окнах башен. После многих приключений, совершенно не похожих на те, что описаны в "Конте дель Грааль" Хрестиана или в "Передуре", Парцифаль, женившийся на девице Кондвирамур, находит дорогу обратно в замок Грааля, куда не может попасть никто, кроме тех, кто предназначен и избран для этого самим Граалем, снимает заклятие, Его сын Лоэрангрейн становится рыцарем Лебеда, который отправляется за границу, исправляя ошибки, и которому, как и всем рыцарям Грааля, запрещено раскрывать свое имя и происхождение внешнему миру. Вольфрам рассказывает, что суть сказки он почерпнул у провансальского поэта Киота или Гиота - "Kyot, der meister wol bekannt", который, в свою очередь - но это,

вероятно, просто романтическая выдумка - утверждает, что нашел ее в арабской книге в Толедо, написанной язычником по имени Флегетанис.

Продолжатели Христиана

Какой именно материал был у Христиана де Труа, мы сказать не можем, но его различные соратники и продолжатели, в частности Манессье, все говорят о христианском характере предметов, показанных Персевалу в замке, и возникает вопрос, как они приобрели этот характер? Уэльская история, безусловно, наиболее архаичная форма легенды, показывает, что они не имели его с самого начала. Указание [pg 409] в одном из французских продолжений "Конте" Крестьяна может помочь нам выйти на след. Готье, автор этого продолжения, рассказывает нам о попытке Говена [сэра Гавейна] совершить приключение с Граалем. Частично ему это удастся, и этот полууспех приводит к тому, что земли вокруг замка, которые были пустынными и необработанными, вновь становятся цветущими и плодородными. Таким образом, Грааль, помимо других своих свойств, обладал талисманной силой, способствующей росту, богатству и омоложению.

Грааль как талисман изобилия

Символ рога изобилия и жизненной силы тесно связан с Граалем во всех версиях легенды. Даже в самой возвышенной и духовной из них, "Парцифале" Вольфрама фон Эшенбаха, это качество очень сильно выражено. Больной или раненый, взглянувший на него, не мог умереть в течение недели, а его слуги не могли состариться: "если бы человек смотрел на него двести лет, его волосы никогда бы не поседели". Рыцари Грааля жили благодаря ей, превращая во всевозможные яства и напитки хлеб, который подносили им страницы. Каждый получал из него пищу по своему усмотрению, à son gré - от этого слова gré, gréable, как предполагается, произошло имя Граль, возникшее во французских версиях.²⁴⁵ Это было удовлетворение всех желаний. В поэме Вольфрама Грааль, хотя и связан с Евхаристией, был, как мы видели, камнем, а не чашей. Таким образом, он предстает как реликт древнего камнепоклонничества. Примечательно, что подобный Камень Изобилия встречается и в валлийском "Передуре", хотя и не в качестве одной из тайн замка. Его [pg 410] охранял черный змей, которого Передур убил, а камень подарил своему другу Этлайну.

Кельтский котел изобилия

К этому времени читатель уже хорошо знаком с предметом, имеющим в кельтском мифе характер талисмана изобилия и омоложения. Как Котел Дагды он попал в Ирландию вместе с данайцами из их таинственной страны фей. В валлийской легенде Бран Благословенный получил его из Ирландии, откуда он снова вернулся в качестве части приданого Бранвен. В странной и мистической поэме Талиесина он представлен как часть трофеев Аида, или Аннуна, привезенных оттуда Артуром в трагическом приключении, о котором нет других сведений. По описанию Талиесина, он находился в Каэр Педриване, Четырехгранном замке Пвила; огонь, который его разогревал, раздувался дыханием девяти дев, его край был оправлен жемчугом, и на нем не мог приготовить пищу трус или человек, поклявшийся:²⁴⁶

"Разве я не претендую на славу, чтобы быть услышанным в песне

В Каэр Педриване, четырежды вращающемся?

Первое слово из котла, когда оно было произнесено?

Дыханием девяти дев он был нежно согрет.

Не котел ли это вождя Аннуна? Каков его фасон?

Ободок из жемчуга по краю.

В нем не сварится пища труса или того, кто отрекся.

И меч, сверкающий ярким пламенем, будет поднят над ним,

И оставлен в руке Ллеминавга.

[pg 411]

А перед дверью ворот [Уфферна247](#) горел светильник.

Когда мы отправились с Артуром - великолепный труд.

кроме семерых, никто не вернулся из Каэр [Ведвида248](#).

Еще более отдаленно котел олицетворяет Солнце, которое в самых ранних арио-индийских мифах предстает как золотой сосуд, изливающий свет, тепло и плодородие. Копье - это молниеносное оружие бога грома Индры, которое в норвежской мифологии предстает как молот Тора. Поиск этих предметов представляет собой идею восстановления неким божественным поборником благотворного порядка времен года, нарушенного временным отклонением, подобным тем, которые и по сей день приносят голод и опустошение в Индию.

Теперь в валлийском "Передуре" мы имеем четкий набросок оригинальной кельтской сказки, но Грааль в ней не фигурирует. Однако мы можем предположить, основываясь на продолжении поэмы Крестиена у Готье, что талисман изобилия фигурировал в ранних континентальных, вероятно бретонских, версиях легенды. По крайней мере, в одной из версий - той, на которой Вольфрам основывает свой "Парцифаль", - этим талисманом был камень. Но обычно это был не камень, а котел или сосуд, наделенный обычными атрибутами волшебного котла из кельтского мифа. Этот сосуд ассоциировался с копьем, из которого капала кровь. Вот те элементы, из которых неизвестный певец в порыве вдохновения превратил древнюю историю о мести и искуплении в мистическую романтику, которая сразу же завладела сердцем и душой христианства. Волшебный котел стал чашей Евхаристии, на копье была возложена вина более тяжкая, чем смерть родственника Передура [pg 412] .[249](#) Кельтская поэзия, немецкий мистицизм, христианское рыцарство и представления о магии, которые до сих пор цепляются за грубые каменные памятники Западной Европы - все это вместе взятое создало историю Грааля и придало ей ту странную притягательность, которая заставляет художника за художником воссоздавать ее на протяжении семисот лет. И кто сейчас может сказать, что его путь наконец пройден, а башни Монтсальвата растворились в тумане, из которого они возникли?

Повесть о Талиесине

Одна из сказок сборника, названного леди Шарлоттой Гост "Мабиногион", - история о рождении и приключениях мифического барда Талиесина, Амергина из кимрской легенды, - не содержится в рукописи XIV века под названием "Красная книга Хергеста". Она взята с сайта из рукописи конца шестнадцатого или семнадцатого века, и, судя по всему, никогда не пользовалась большой популярностью в Уэльсе. В ней можно найти много неясной поэзии, приписываемой Талиесину, и она намного старше прозы. Как отмечает г-н Натт в своем издании "Мабиногиона", цель этой сказки - скорее создать некий каркас для нанизывания

разрозненных кусков стихов, предположительно принадлежащих Талиесину, чем рассказать связную историю о нем и его делах.

История рождения героя - самое интересное в сказке. Жил, говорят, "во времена Артура из Круглого Стола" [250](#) человек по имени [pg 413] Тегид Воэль из Пенллина, жену которого звали Серидвен. У них родился сын по имени Авагдду, который был самым несчастным человеком на свете. Чтобы компенсировать недостаток красоты, мать решила сделать его мудрецом. Для этого, согласно искусству книг [Ферильта251](#), она прибегла к великому кельтскому источнику магического воздействия - котлу. Она начала варить "котел вдохновения и науки для своего сына, чтобы его прием был почетным из-за его знания тайн будущего состояния мира". Котел должен был кипеть год и один день, и только в трех каплях его должна была содержаться магическая благодать варева.

Она поставила Гвиона Баха, сына Гвреанга из Лланфайра, помешивать котел, а слепого по имени Морда - поддерживать огонь, и она произносила над ним заклинания и время от времени добавляла в него волшебные травы, как предписывала книга Фериллта. Но однажды в конце года три капли волшебного ликера вылетели из котла и зажглись на пальце Гвиона. Как и Финн мак Кумхал в аналогичном случае, он сунул палец в рот, и тут же был одарен сверхъестественной проницательностью. Он увидел, что получил то, что предназначалось Авагдду, и понял, что Серидвен уничтожит его за это, если сможет. Поэтому он бежал в свои земли, а котел, лишенный священных капель, теперь содержал только яд, сила которого разорвала сосуд, и жидкость потекла в ручей неподалеку и отравила лошадей Гвидно Гаранхира, которые пили воду. С тех пор ручей называется Яд коней Гвидно.

Серидвен пришла на место происшествия и увидела, что ее годовой труд пропал. В гневе она ударила Морду [pg 414] поленом дров и выбила ему глаз, а затем погналась за Гвионом Бахом. Он увидел ее и превратился в зайца. Она превратилась в борзую. Он прыгнул в реку и превратился в рыбу, а она преследовала его в облике выдры. Он стал птицей, а она - ястребом. Потом он превратился в пшеничное зерно и упал среди других зерен на молотилку, а она стала черной курицей и проглотила его. Девять месяцев после этого она носила его как младенца; она хотела убить его, но не могла из-за его красоты, "поэтому она завернула его в кожаный мешок и бросила в море на милость Божью".

Удача Эльфина

У Гвидно из рода отравленных коней была плотина для ловли лосося на берегу между Диви и Аберистуитом. И вот его сын Эльфин, нуждающийся и невезучий мальчик, однажды выловил кожаный мешок, который застрял на плотине. Они открыли его и обнаружили внутри младенца. "Вот сияющий лоб!" [252](#) - сказал Гвидно. "Талиесин да будет он наречен", - сказал Эльфин. И они бережно принесли ребенка домой и вырастили его как своего собственного. Это был Талиесин, главный бард племени цимри; и первой из его поэм была хвалебная песнь Эльфине и обещание удачи в будущем. И это было исполнено, ибо Эльфин день ото дня богател и славился, а король Артур любил и любил его.

Но однажды, когда люди превозносили короля Артура и все его имущество сверх меры, Эльфин похвастался, что у него жена добродетельнее всех при дворе Артура и бард искуснее всех королей; и бросили его в темницу, чтобы посмотреть, сможет ли он оправдать свое хвастовство. И пока он лежал там с серебряной цепью [pg 415] на ногах, послали некоего Рхуна ухаживать за женой Эльфина и приводить доказательства ее глупости; и говорили, что ни служанка, ни матрона, с которыми Рхун общался, не отзывались о нем дурно.

Тогда Талиесин велел своей госпоже скрыться, а она отдала свои одежды и драгоценности одной из кухарки, которая приняла Рун так, словно она была хозяйкой дома. После ужина Рун напоил служанку, и она опьянела и погрузилась в глубокий сон; тогда Рун отрезал ей один палец, на котором было кольцо с печаткой Эльфина, которую он незадолго до этого послал своей жене. Рун принес палец и кольцо на нем ко двору Артура.

На следующий день Эльфина вывели из тюрьмы и показали ему палец и кольцо. Тогда он сказал: "С вашего позволения, могущественный король, я не могу отрицать наличие кольца, но палец, на котором оно, никогда не принадлежал моей жене. Ибо это мизинец, и кольцо плотно сидит на нем, но моя жена едва могла удержать его на большом пальце. Кроме того, моя жена имеет обыкновение стричь ногти каждую субботу вечером, но этот ноготь не стригся уже месяц. И в-третьих, рука, которой принадлежал этот палец, месила ржаное тесто в течение трех дней, а моя жена никогда не месила ржаное тесто с тех пор, как она стала моей женой".

Тогда король разгневался, потому что его испытание провалилось, и приказал вернуть Эльфина в тюрьму, пока тот не докажет, что говорил о своем барде.

Талиесин, главный бард Британии

Тогда Талиесин отправился ко двору, и в один прекрасный день, когда барды и менестрели короля должны были петь и играть перед ним, Талиесин, когда они проходили мимо него, сидя тихо [pg 416] в углу, надул губы и заиграл "Blerwm, blerwm", приложив палец к губам. И когда барды пришли, чтобы выступить перед королем, на них было наложено заклятие, и они не могли ничего сделать, кроме как склониться перед ним и играть "Blerwm, blerwm", приложив палец к губам. И главный из них, Хейнин, сказал: "О король, мы не пьяны от вина, но немые под влиянием духа, который сидит в этом углу под видом ребенка". Тогда вывели Талиесина и спросили его, кто он такой и откуда пришел. И он запел следующим образом:

"Главный бард я в Эльфине,

И родина моя - край летних звезд;

Идно и Хейнин звали меня Мерддином,

И все существа будут звать меня Талиесин".

"Я был с моим Господом в высшей сфере,

Во время падения Люцифера в глубины ада;

Я нес знамя перед Александром;

Я знаю имена звезд от севера до юга.

"Я был в Ханаане, когда убили Авессалома,

Я был при дворе Дона перед рождением Гвидиона.

Я был на месте распятия милосердного Сына Божьего;

Я трижды был в темнице Арианрода.

"Я был в Азии вместе с Ноем в ковчеге,

Я видел разрушение Содома и Гоморры.

Я был в Индии, когда строился город Рома.

Теперь я пришел сюда к остатку [Трои253](#).

"Я был с моим Господом в яслях для осла,

Я укреплял Моисея в водах Иордана;

Я был на небосводе с Марией Магдалиной;

Я получила Музу из котла Серидвен.

"Я буду до судного дня на лице земли;

И неизвестно, будет ли тело мое плотью или рыбой".

[pg 417]

"Тогда я девять месяцев

В утробе ведьмы Серидвен;

Изначально я был маленьким Гвионом,

И в конце концов я стал Талиесином "[254](#).

Пока Талиесин пел, поднялся сильный штормовой ветер, и замок содрогнулся от его силы. Тогда король велел привести к нему Эльфина, и когда тот пришел, под музыку голоса и арфы Талиесина цепи сами собой распались, и он оказался на свободе. И много других стихов о тайных вещах прошлого и будущего спел Талиесин перед королем и его лордами, и предсказал он приход саксов в страну, и его притеснение кимров, и предсказал также свою кончину, когда наступит день его судьбы.

Заключение

На этом мы заканчиваем этот длинный обзор легендарной литературы кельтов. Материал очень обилен, и, конечно, в рамках такого объема невозможно проследить основное течение развития легендарной литературы вплоть до того момента, когда мифический и легендарный элемент полностью исчез, а его место заняло свободное литературное творчество. Однако мы надеемся, что читатель этих страниц получит общее представление о предмете, которое позволит ему понять значение тех сказаний, которых мы не смогли здесь коснуться, и вписать их в тот или иной великий цикл кельтской легенды. Следует заметить, что мы не затронули обширную область кельтского [pg 418] фольклора. Фольклор не рассматривался в рамках данной работы. Фольклор может иногда представлять собой деградировавшую мифологию, а иногда мифологию в процессе создания. В любом случае, его особенностью является то, что он принадлежит и исходит от класса, чья повседневная жизнь проходит в непосредственной близости от земли, тружеников поля и леса, которые с простой непосредственностью передают в сказках или чарах свои впечатления от природных или сверхъестественных сил, с которыми связана их собственная жизнь. Мифология, в собственном смысле этого слова, появляется только там, где интеллект и воображение достигли уровня развития, превышающего тот, который обычно доступен крестьянскому уму, - когда люди начинают координировать свои разрозненные впечатления и чувствуют импульс к тому, чтобы оформить их в поэтические творения, воплощающие универсальные идеи. Конечно, нельзя утверждать, что между мифологией и фольклором всегда можно

провести жесткую и твердую границу; тем не менее, это различие кажется мне обоснованным, и я старался соблюдать его на этих страницах.

После двух исторических глав, с которых началось наше исследование, цель книги скорее литературная, чем научная. Тем не менее, по мере возможности я старался приводить результаты недавней критической работы над реликвиями кельтских мифов и легенд, чтобы хоть как-то обозначить читателю характер связанных с ними критических проблем. Я надеюсь, что это в некоторой степени повысило ценность работы для студентов, не снижая при этом ее интереса для широкого читателя. Кроме того, я могу утверждать, что книга в этом смысле является научной, поскольку, насколько это возможно, избегает какой-либо адаптации своего материала к популярному вкусу. Такая адаптация, когда она делается с явной художественной целью, конечно, совершенно законна; если бы это было не так, мы должны были бы осудить половину великой [pg 419] поэзии мира. Но здесь целью было представить мифы и легенды кельтов такими, какие они есть на самом деле. Грубость не убиралась, болезненные или чудовищные вещи не подавлялись, за исключением нескольких случаев, когда необходимо было учитывать, что этот том обращен к более широкой аудитории, чем только научные студенты. Я думаю, читатель может рассчитывать на то, что здесь представлен честный и не слишком идеализированный рассказ о кельтском взгляде на жизнь и мир в то время, когда кельт еще жил свободной, независимой, естественной жизнью, вырабатывая свои концепции на кельтском языке и беря из чужих источников не больше, чем он мог усвоить и сделать своим собственным. Представленная таким образом легендарная литература является древнейшей неклассической литературой Европы. Одного этого, на мой взгляд, достаточно, чтобы обратить на нее наше внимание. Что касается других претензий, то многие страницы можно было бы заполнить цитатами из пронизательных похвал, возданных ей критиками не кельтской национальности, начиная с Мэтью Арнольда и ниже. Но здесь пусть она говорит сама за себя. Полагаю, она расскажет нам, что, как сказал Маэлдун об одном из чудес, встреченных им во время путешествия в Сказочную страну: "То, что мы видим здесь, было делом рук могучих людей".

[pg 421]

1.
Говоря о фамилии "Фримен", мистер Николсон добавляет: "Никто не был более "английским" в своих симпатиях, чем великий историк с таким именем, и, вероятно, никто не стал бы так упорно сопротивляться предположению, что он может быть валлийского происхождения; однако я встречал его близкого физического аналога в валлийском фермере (по фамилии Эванс), живущем в нескольких минутах езды от Пвелхели".

2.
Он говорит о "Нираксе, кельтском городе" и "Массалии [Марселе], городе в Лигурии, в стране кельтов" ("Fragmenta Hist. Græc.").

3.
В его "Premiers Habitants de l'Europe", vol. ii.

4.

"Завоевание Галлии Цезарем", стр. 251-327.

5.

Древние не были очень внимательными наблюдателями физических характеристик. Они описывают кельтов почти в тех же терминах, что и германские расы. Доктор Райс Холмс считает, что реальная разница в физическом плане заключалась в том, что у германцев волосы были светлыми, а у кельтов - рыжими. В интересном отрывке уже цитировавшейся работы (с. 315) он замечает, что, "делая все допущения на примесь другой крови, которая должна была значительно изменить тип первоначальных кельтских или галльских захватчиков этих островов, мы поражены тем фактом, что среди всех наших кельтскоговорящих сограждан можно найти многочисленные образцы типа, который также существует в тех частях Бретани, которые были колонизированы британскими захватчиками, и в тех частях Галлии, где галльские захватчики, по-видимому, поселились наиболее плотно, а также в Северной Италии, где кельтские захватчики когда-то были доминирующими; А также тем, что этот тип, даже среди более светлых его представителей, разительно отличается, как для случайного, так и для научного наблюдателя, от чистейших представителей древних германцев. Известная картина сэра Дэвида Уилки "Чтение газеты "Ватерлоо"" иллюстрирует, как заметил Дэниел Уилсон, разницу между двумя типами. Поставьте пертширского горца рядом с фермером из Сассекса. Оба будут светлокожими; но рыжие волосы и борода шотландца будут заметно контрастировать со светлыми волосами англичанина, а черты их лица будут отличаться еще сильнее. Помню, как в железнодорожном вагоне, следовавшем из Инвернесса в Лайри, я наблюдал за двумя егерями. Это были высокие, атлетически сложенные мужчины, явно принадлежащие к скандинавскому типу, который, как говорит доктор Беддоу, так распространен на крайнем севере Шотландии; но и по цвету кожи, и по общему облику они совершенно не походили на высоких, светлых хайлендеров, которых я видел в Пертшире. В их волосах не было ни малейшего следа рыжего, а длинные бороды были абсолютно желтыми. Распространенность рыжего цвета среди кельтоязычных народов, как мне кажется, является наиболее яркой характеристикой. Мы не только находим одиннадцать человек из каждой сотни, чьи волосы абсолютно рыжие, но и среди чернокожих и темно-коричневых можно обнаружить рыжий оттенок".

6.

См. карту сравнительной черноты, приведенную в книге Рипли "Расы Европы", с. 318. Во Франции, однако, бретонцы не являются темной расой по отношению к остальному населению. Они состоят частично из древних галльских народов и частично из переселенцев из Уэльса, которые были изгнаны саксонским нашествием.

7.

См. об этих именах в книге Холдера "Altceltischer Sprachschatz".

8.

Вергилий, возможно, означает "очень яркий" или прославленный, естественная форма для собственного имени. Ver в галльских именах (Vercingetorix, Vercassivellatus и т. д.) часто является интенсивной приставкой, как в современном ирландском fíor. Название деревни, где родился Вергилий, Анды (ныне Пиетола), - кельтское. Его любовь к природе, мистицизм и сильное чувство определенной декоративности в языке и ритме - ярко выраженные кельтские качества. Фразы Теннисона о нем, "любитель пейзажей, повелитель языка", наводят на размышления в этой связи.

9.

Птолемей, друг, а возможно, и сводный брат Александра, несомненно, присутствовал при этом инциденте. Его сочинение не сохранилось, но его цитируют Арриан и другие историки.

10.

Вспоминается народная сказка о Хенни Пенни, который пошел сказать царю, что небо падает.

11.

Книга Лейнстера - рукопись двенадцатого века. Версия "Таин", приведенная в ней, вероятно, датируется восьмым. См. de Jubainville, "Premiers Habitants", ii. 316.

12.

Доктор Дуглас Хайд в своей "Литературной истории Ирландии" (стр. 7) дает несколько иной перевод.

13.

Это также свидетельствует о высокой точности повествования Птолемея.

14.

Римская история рассказывает о различных конфликтах с кельтами в этот период, но де Жюбенвиль показал, что эти рассказы почти полностью мифические. См. "Premiers Habitants", ii. 318-323.

15.

Например, Моймелл (magh-meala), Медовая равнина, гэльское название Сказочной страны, и многие другие географические названия.

16.

Эти и многие другие примеры см. в "Premiers Habitants" де Жюбенвиля, ii. 255 sqq.

17.

Цитируется г-ном Ромилли Алленом в "Кельтском искусстве", с. 136.

18.

"Premiers Habitants", ii. 355, 356.

19.

Ирландский язык, вероятно, является более древней формой кельтской речи, чем валлийский. Об этом свидетельствуют многие филологические особенности ирландского языка, об одной из наиболее интересных можно кратко упомянуть. Гойдельские или гэльские кельты, которые, согласно общепринятой теории, первыми колонизировали Британские острова и были вытеснены последовательными волнами вторжения их континентальных сородичей на крайний запад, испытывали особую неприязнь к произношению буквы р. Таким образом, индоевропейская частица *pare*, представленная греческим *παρά*, рядом или близко, становится в ранних кельтских *are*, как в именах *Are-morici* (армориканцы, те, кто живет *ar muir*, у моря); *Are-dunum* (Ардин, во Франции); *Are-cluta*, место у реки Клота (Клайд), сейчас Думбартон; *Are-taunon*, в Германии (около гор Таунус) и т. д. Когда эту букву не просто отбрасывали, ее обычно заменяли на с (k, g). Но примерно в шестом веке до нашей эры в языке континентальных кельтов произошли удивительные изменения. Каким-то необъяснимым образом они приобрели способность произносить р и даже заменяли им существующие звуки с; таким образом, первоначальное *Cretanis* стало *Pretanis*, Britain,

число qetuares (четыре) стало petuares, и так далее. Кельтские географические названия в Испании показывают, что это изменение должно было произойти до завоевания этой страны кельтами, 500 г. до н. э. Сравнение многих ирландских и валлийских слов ясно показывает это избегание р на ирландской стороне и отсутствие каких-либо возражений против него на валлийской. Ниже приведены несколько иллюстраций:

Ирландский	валлийский	Английский
crann	пренн	дерево
мак	карта	тонна
ценн	ручка	голова
кламх (клав)	плюх	перо
cúig	сутенер	пять

Вывод о том, что ирландский язык должен представлять собой более древнюю форму языка, кажется очевидным. Примечательно, что даже до сравнительно позднего времени ирландцы сохранили свою неприязнь к р. Так, латинское Pascha (Пасха) они превратили в Casg; purpur, пурпурный, - в corcair, pulsatio (через французское pouls) - в cuisle. Следует отметить, однако, что Николсон в своих "Кельтских исследованиях" стремится показать, что так называемое индоевропейское р, то есть р, стоящее отдельно и не соединенное с другим согласным, произносилось гойдельскими кельтами в ранний период. Вряд ли можно сказать, что этот вопрос уже прояснен.

20.

Ирландцы, говорит Эдмунд Спенсер в своем "Взгляде на нынешнее состояние Ирландии", "используют общий язык, чтобы переговариваться между собой, узнавая новости, и если кто-нибудь встречает другого, его второй вопрос: "Какие новости?"".

21.

Сравните у Спенсера: "Я слышал, как некоторые великие воины говорили, что во всех службах, которые они видели за границей в графствах, они никогда не видели более красивого всадника, чем ирландец, и более храброго всадника, который бы шел в атаку... Они очень доблестны и выносливы, в большинстве своем отлично переносят холод, труд, голод и все трудности, очень деятельны и сильны руками, очень быстры ногами, очень бдительны и осмотрительны в своих предприятиях, очень внимательны в опасностях, очень презирают смерть".

22.

Сцена сдачи Верцингеторикса не описана Сезаром и опирается в основном на авторитет Плутарха и историка Флора, но принимается учеными (Моммзен, Лонг и др.) как историческая.

23.

Это было племя, получившее свое название от гезюма, разновидности кельтского копья, которое было их главным оружием. Торк, или витой воротник из золота, представлен в качестве типичного украшения на известной статуе умирающего галла, обычно называемой "Умирающий гладиатор". Многие образцы хранятся в Национальном музее Дублина.

24.

"Завоевание Галлии Сезаром", стр. 10, 11. Следует добавить, что кельты-аристократы, как и тевтоны, были долихоцефалами, то есть имели длинные головы пропорционально их ширине. Об этом свидетельствуют останки, найденные в бассейне Марны, который был густо

заселен ими. В одном случае был найден скелет высокого галльского воина с его боевой машиной, железным шлемом и мечом, который сейчас хранится в музее Сен-Жермен. Жители Британских островов в основном длинноголовые, круглоголовый "альпийский" тип встречается очень редко. Жители современной Франции - круглоголовые. Форма головы, однако, как теперь известно, отнюдь не является постоянным расовым признаком. Она быстро меняется в новой среде, как показывают измерения потомков иммигрантов в Америке. См. статью профессора Хэддона на эту тему в "Nature", 3 ноября 1910 года.

25.

Например, в "Тейн Бо Куайльгне" король Ольстера не должен разговаривать с посланником, пока друид Катбад не задаст ему вопрос. Вспоминаются строки сэра Сэмюэля Фергюсона в его ирландской эпической поэме "Конгал":

"... Ибо с тех пор, как Катбад задушил сыновей Уснаха в том мерзком море слизи, поднятом отвратительными заклинаниями у кровавых ворот Кривероя, королей, возглавляемых священниками, по-прежнему ждут гибель и бесчестье".

26.

Кельтис, Диармуид мак Кеарбхайль.

27.

В Индии также существовала практика, согласно которой человек, которого обидел вышестоящий или который сам считал себя таковым, садился перед порогом того, кто отказал ему в справедливости, и постился до тех пор, пока его правота не была восстановлена. В Ирландии этой церемонии приписывалась магическая сила, действие которой можно было предотвратить, если другой человек тоже постился.

28.

"Silva Gadelica", by S.H. O'Grady, p. 73.

29.

Приведенный здесь авторитет - это рассказ, содержащийся в пергаментной рукописи XV века, найденной в Лисморском замке в 1814 году и переведенной С.Х. О'Грейди в его "Сильве Гаделике". Повествование приписывается одному из офицеров двора Дермота.

30.

От греческого megas - большой и lithos - камень.

31.

См. с. 78.

32.

Обсуждение этого вопроса см. в книге Борлейза "Дольмены Ирландии", с. 605, 606.

33.

Профессор Риджуэй (см. Отчет Британской ассоциации за 1908 г.) утверждает, что мегалитические люди говорили на арийском языке; в противном случае, по его мнению, следы его влияния должны были сохраниться в кельтском, который его вытеснил. Вес авторитетов, а также прямые свидетельства, которыми мы располагаем, говорят против его мнения.

34.

См. Holder, "Altceltischer Sprachschatz." sub voce "Hyperboreoi."

35.

Таким образом, греческое *pharmakon* = лекарство, яд или чары; и мне сообщили, что центральноафриканское слово, обозначающее магию или чары, - *mankwala*, что также означает лекарство.

36.

Если Плиний имел в виду, что здесь она была впервые кодифицирована и упорядочена, то он, возможно, прав, но представления, на которых покоится магия, практически универсальны и имеют незапамятную древность.

37.

Приняты в 451 году до н. э. Ливий называет их "источником всех общественных и частных прав". Они стояли на Форуме до третьего века нашей эры, но теперь исчезли, за исключением фрагментов, сохранившихся в различных комментариях.

38.

См. "Revue Archeologique", t. xii., 1865, "Fouilles de René Galles".

39.

Нефрит не встречается в самородном состоянии ни в Европе, ни ближе, чем в Китае.

40.

Небольшие камни, кристаллы и драгоценные камни, однако, также почитались. Знаменитый Черный камень из Пергама был предметом посольства из Рима в этот город во время Второй Пунической войны, поскольку Сивиллины книги предсказывали победу его обладателям. Он был доставлен в Рим с великим ликованием в 205 году. Утверждается, что он был размером с мужской кулак и, вероятно, являлся метеоритом. Сравните с мифом Гесиода, в котором рассказывается о том, как Кронос съел камень, полагая, что это его потомок Зевс. Тогда можно было принять камень за бога.

41.

В данном издании заменено фотографией.

42.

См. "Архаические скульптуры" сэра Дж. Симпсона, 1867.

43.

Этот факт зафиксирован в "Анналах четырех магистров" под датой 861, а в "Анналах Ольстера" - под 862.

44.

См. "Transactions of the Royal Irish Academy", vol. xxx. pt. i., 1892, и "New Grange", by G. Coffey, 1912.

45.

Однако следует отметить, что в некоторых, а возможно, и во всех случаях декорирование проводилось до того, как камни были установлены на место. Так было и в Гавр'инисе.

46.

Он изменил это мнение в своей последней работе, "Нью-Грейндж", 1912 г.

47.

"Proc. Royal Irish Acad.", vol. viii. 1863, p. 400, и G. Coffey, op. cit. p. 30.

48.

"Les Sculptures de Rochers de la Suède", прочитанная на доисторическом конгрессе в Стокгольме, 1874 г.; см. G. Coffey, op. cit. p. 60.

49.

"Дольмены Ирландии", с. 701-704.

50.

"Религия Вавилонии и Ассирии".

51.

Хороший пример из Амаравати (после Фергюссона) приводит Бертран, "Rel. des G.", p. 389.

52.

Sergi, "The Mediterranean Race", p. 313.

53.

В Лёкебергете, Бохуслан; см. Монтеиус, указ. соч.

54.

См. "Древности Мексики" лорда Кингсборо, passim, и фрагмент мексиканской живописи Гумбольдта (воспроизведен в книге Черчварда "Знаки и символы первобытного человека").

55.

См. Сержи, указ. соч. стр. 290, об изображении Анкха на французском дольмене.

56.

"Bulletin de la Soc. d'Anthropologie", Paris, April 1893.

57.

"The Welsh People", pp. 616-664, где эта тема полностью обсуждается в приложении профессора Дж. Морриса Джонса. "Доарийские идиомы, которые до сих пор живут в валлийском и ирландском языках, произошли от языка, родственного египетскому и берберским языкам".

58.

Флиндерс Петри, "Египет и Израиль", стр. 137, 899.

59.

Цитирую по прекрасной гекзаметрической версии мистера Х.Б. Коттерилла.

60.

Валерий Максим (около 30 г. н. э.) и другие классические авторы упоминают об этой практике.

61.

Книга V.

62.

Де Жюбенвиль, "Ирландский мифологический цикл", с.191 sqq.

63.

Этимология слова "друид" больше не является нерешенной проблемой. Было высказано предположение, что последняя часть слова может быть связана с арийским корнем VID,

который появляется в слове "мудрость", в латинском *videre* и т.д. Теперь Турнейсен показал, что этот корень в сочетании с интенсивной частицей *dru* дает слово *dru-vids*, представленное в гэльском языке словом *draoi*, друид, так же как другой интенсив, *su*, с *vids* дает гэльское *saoi*, мудрец.

64.

См. Rice Holmes, "Cæsar's Conquest", p. 15, и pp. 532-536. Рис, как можно заметить, считает, что друидизм был религией коренных жителей Западной Европы "от Балтики до Гибралтара" ("Кельтская Британия", с. 73). Но мы знаем о нем только там, где кельты и дольменостроители объединились. Цезарь замечает о германцах, что у них не было друидов и они мало заботились о жертвенных церемониях.

65.

"Rel. des Gaulois", leçon xx.

66.

Цитируется по Bertrand, op. cit. p. 279.

67.

"Ирландский мифологический цикл" д'Арбуа де Жюбенвиля, p. 6l. "Диннсенх", о котором идет речь, является раннехристианским документом. Ни в языческой литературе Ирландии, ни в трудах святого Патрика не было найдено никаких следов существа, подобного Крому Круаху, и я считаю вполне вероятным, что даже во времена святого Патрика человеческие жертвоприношения стали лишь воспоминанием.

68.

Однако недавно изображение человеческих жертвоприношений было обнаружено в храме Солнца в древней столице Эфиопии Мероэ.

69.

"Вы [кельты], которые жестоким излиянием крови думаете умиротворить безжалостного Тевтата, ужасного Эса с его варварскими алтарями и Тарана, чье поклонение не мягче, чем у скифской Дианы", которому приносили в жертву пленников. (Лукан, "Фарсалия", i. 444.) Алтарь, посвященный Эсу, был обнаружен в Париже.

70.

Монт Меркюр, Меркёр, Меркурий, Монмартр (Mons Mercurii) и т. д.

71.

По сей день во многих частях Франции крестьяне используют такие термины, как *annuit*, *o'né*, *апнеце* и т. д., все они означают "сегодня ночью", *aujourd'hui* (Bertrand, "Rel. des G.", p. 356).

72.

Фили, или профессиональные поэты, как следует помнить, были ветвью друидического ордена.

73.

Например, Пелагий в V веке; Колумба, Колумбан и святой Галл в VI; Фридолин, названный Виатором, "Путешественник", и Фурса в VII; Вергилий (Феаргал) Зальцбургский, которому пришлось отвечать в Риме за учение о шарообразности Земли, в VIII; Дикуил, "Географ", и Иоганн Скот Эригена - главный ум своей эпохи - в IX.

74.

Деальгнайд. Здесь, как и в других местах, я был вынужден изменять ирландские имена так, чтобы их могли произносить английские читатели.

75.

См. с. 48, прим. 1.

76.

В этом повествовании я следую переводу Р. И. Беста "Ирландского мифологического цикла" д'Арбуа де Жюбенвиля.

77.

Де Жюбенвиль, "Ирландский мифологический цикл", с. 75.

78.

Произносится как "Йео ´хи". См. глоссарий для этого и других слов.

79.

Наука друидов, как мы видели, передавалась в стихах, и профессиональные поэты были ответвлением друидического ордена.

80.

Мейер и Натт, "Путешествие Брана", ii. 197.

81.

"Мойтура" означает "Равнина башен" - т.е. могильных памятников.

82.

Шекспир упоминает об этом в "Как вам это понравится". "Со времен Пифагора я никогда не была так зарифмована, - говорит Розалинда, - что была ирландской крысой, чего я почти не помню".

83.

Лион, Лейден, Лаон - все они в древности назывались Луг-дунум, крепость Луга. Лугуваллум - название города у Стены Адриана в римской Британии.

84.

Приведено им в примечании к "Четырем мастерам", т. I, с. 18, а также воспроизведено де Жюбенвилем.

85.

Две другие - "Судьба детей Лира" и "Судьба сыновей Усны". Истории о походе сыновей Туренна и детей Лира были полностью рассказаны автором в его "Высоких деяниях Финна и других бардовских романах", а история о сыновьях Усны (легенда о Дейрдре) - мисс Элеонорой Халл в ее "Кухулуне", обе изданы Harrap and Co.

86.

Перевод О'Карри из бардовской сказки "Битва при Мойтуре".

87.

О'Карри, "Нравы и обычаи", iii. 214.

88.

Древнеирландское деление года содержало только эти три сезона, включая осень в лето (O'Curry, "Manners and Customs", iii. 217)].

89.

S.H. O'Grady, "Silva Gadelica", p. 191.

90.

Рр. 104 sqq. и passim.

91.

О'Грейди, loc. cit.

92.

О'Грейди, loc. cit.

93.

См. p. 112.

94.

Мисс Халл подробно обсуждает этот вопрос во введении к своему бесценному труду "Сага о Кучуллине".

95.

См. повесть "Этайн и Мидир" в гл. IV.

96.

Название Тара происходит от косвенного падежа именительного падежа Teamhair, означающего "место широкой перспективы". Сейчас это широкий травянистый холм в графстве Мит, покрытый земляными сооружениями, изображающими широкую перспективу. Мит, покрытый земляными валами, представляющими собой места древних королевских построек, которые можно четко определить по древним описаниям.

97.

A.H. Leahy, "Heroic Romances", i. 27.

98.

См. с. 114.

99.

Я не могу согласиться с тем, что мистер О'Грейди отождествляет эту богиню с Даной, хотя ее имя, по-видимому, означает "Великая царица".

100.

Джеральд, четвертый граф Десмонд. Говорят, он исчез в 1398 году, а легенда гласит, что он до сих пор живет под водами Лох-Гура, и раз в семь лет его можно увидеть объезжающим берега на своем белом коне. Его прозвали "Джеральдом-поэтом" за "остроумные и гениальные" стихи, которые он сочинял на гэльском языке. Волшебство, поэзия и наука были объединены в единую концепцию в сознании древних ирландцев.

101.

"Популярные сказки Ирландии", Д. Фицджеральд, в "Revue Celtique", том iv.

102.

"Путешествие Брана", т. ii. стр. 219.

103.

По-ирландски - Сионнайн.

104.

Перевод Р. И. Беста.

105.

Солярные сосуды, встречающиеся в дольменной резьбе. См. гл. II. с. 71 sqq. Обратите внимание, что кельтские духи, хотя и невидимые, материальны и имеют вес; не то, что у Вергилия и Данте.

106.

Де Жюбенвиль, "Ирландский мифологический цикл", с. 136. Белтене - это современное ирландское название месяца мая, которое происходит от древнего корня, сохранившегося в древнеирландском слове *epelta*, "мертвый".

107.

"Ирландский мифологический цикл", с. 138.

108.

Я снова следую переводу де Жюбенвиля; но в связи с этой и предыдущими поэмами см. также "Transactions" Оссианического общества, vol. v.

109.

Телтин; назван так в честь богини Телты. См. с. 103.

110.

Произносится как "Ши". Буквально означает "Люди курганов [фей]".

111.

Произносится как "Ифа".

112.

Это имя означает "Служанка с прекрасного плеча".

113.

История, приведенная здесь в кратком изложении, полностью изложена в книге писателя "Высокие деяния Финна" (Harrap and Co.).

114.

Можно упомянуть, что слог "килл", который входит во многие ирландские географические названия (Килкенни, Киллини, Килкули и т. д.), обычно представляет собой латинское *cella*, монашескую келью, святилище или церковь.

115.

Клина (Клиодна) - данайская принцесса, о которой рассказывают легенду, связанную с заливом Гландор в графстве Корк. Корк. См. с. 127.

116.

См. с. 85.

117.

"Omnia monumenta Scotorum ante Cimbaoth incerta erant". Тиерна, умерший в 1088 году, был аббатом Клонмакнойса, великого монашеского и образовательного центра в средневековой Ирландии.

118.

Сравните прекрасную поэму современного кельтского писателя (сэра Сэмюэля Фергюсона) "Вдовый плащ" - то есть Британская империя во времена королевы Виктории.

119.

"Критическая история Ирландии", с. 180.

120.

Произносится как "El 'yill".

121.

Окончание ster в трех названиях ирландских провинций имеет норвежское происхождение и является пережитком завоеваний викингов в Ирландии. Только Коннахт, куда викинги не проникли, сохранил свое ирландское название без изменений. Предполагается, что Ольстер (по-ирландски Ulaidh) получил свое название от Оллава Фолы, Мунстер (Mumhan) - от короля Эохо Мумхо, десятого по счету после Эремона, а Коннахт был "землей детей Конна" - того, кого называли Конном из Сотни битв и который умер в 157 году н.э.

122.

Читатель, однако, может обратиться к сказаниям об Этайн и Мидире, полностью изложенным А.Х. Лихи ("Героические романы Ирландии") и автором в его "Высоких деяниях Финна", а также к сказаниям о Конари, переданным сэром С. Фергюсоном ("Стихи", 1886) в поэме, которую доктор Уитли Стоукс назвал самой благородной из когда-либо написанных ирландцами.

123.

Произносится как "Йео 'хи".

124.

Я цитирую перевод г-на А.Х. Лихи из рукописи Эгертона XV века ("Героические романы Ирландии", т. I, с. 12). Однако эта история встречается в гораздо более древних источниках.

125.

Буквы огама, состоящие из прямых линий, расположенных в определенном порядке вокруг оси, образованной краем квадратного камня-столба, использовались для надписей на могилах и вообще для письма до введения в Ирландии римского алфавита.

126.

Имеются в виду волшебные свиньи Мананана, которых каждый день убивали и съедали заново, и мясо которых сохраняло вечную молодость народа Дана.

127.

См. с. 124.

128.

Процитированное значение можно найти в Словаре под альтернативной формой geas

129.

Цитирую по переводу Уитли Стоукса, *Revue Celtique*, январь 1901, и последующие номера.

130.

Брегия - большая равнина, лежащая к востоку от Тары между Бойном и Лиффи.

131.

"Разрушение общежития да Дерга".

132.

Произносится как "Коохоо ´ лин".

133.

См. с. 150.

134.

Об этом божестве см. с. 121-123.

135.

Примечательно, что среди персонажей, фигурирующих в ульстонском легендарном цикле, встречается множество имен, частью которых является слово Си (гончая). Так, мы имеем Curoi, Cusorb, Beälsu и т. д. Речь, несомненно, идет об ирландском волкодаве, прекрасном образце доблести и красоты.

136.

Сейчас Луск - деревня на побережье в нескольких милях к северу от Дублина.

137.

Из-за сходства названия сверхъестественная страна Скатха, "Тенистая", была рано отождествлена с островами Скай, где пики Кучулейна до сих пор свидетельствуют о легенде.

138.

Это, конечно же, отец Кухулайна, Луг.

139.

Вероятно, это означает "копье живота". Этим страшным оружием Кухулайну суждено было в конце концов убить свою подругу Фердию.

140.

См. генеалогическую таблицу, с. 181.

141.

Miss Hull, "The Cuchullin Saga", p. lxxii, где подробно рассматривается солнечная теория Бурого Быка.

142.

Кумал был единицей стоимости в кельтской Ирландии. О нем упоминает святой Патрик. Он означал цену женщины-рабыни.

143.

Кюн, наложенный на них Махой. Sec p. 180.

144.

Кухулайн, как сын бога Луга, не был подвержен проклятию Маха, которое обрушилось на других ультонцев.

145.

Его предполагаемый отец, смертный муж Дектеры.

146.

В ирландской бардовской литературе, как и в гомеровских эпосах, целомудрие не являлось частью мужского идеала ни для богов, ни для людей.

147.

"Брод вилочного столба".

148.

Цитирую по переводу Стэндиша Хейза О'Грейди в "Саге о Кухуллине" мисс Халл.

149.

Ат-Фердиа, который произносится и пишется как "Арди". Находится в графстве Ко. Лут, на южной границе равнины Муртхемни, которая была территорией Кухулина.

150.

См. с. 126.

151.

В древней Ирландии было пять провинций, причем Мунстер считался за две, или, как объясняют некоторые древние власти, территория верховного короля в Мите и Вестмите считалась отдельной провинцией.

152.

Клан" на гэльском языке означает "дети" или "потомство". Клан Калатин = сыновья Калатина.

153.

Наряду со многим диким и варварским в этом ирландском эпосе "Тейн" читатель будет поражен идеалами вежливости и мягкости, которые нередко проступают в нем. Не стоит забывать, что, как отмечает мистер А.Х. Лихи в своих "Героических романах Ирландии", легенда о рейде Квелгни возникла не позднее, чем на столетие раньше всех остальных известных рыцарских романов, валлийских или континентальных. Она встречается в "Книге Лейнстера", рукописи двенадцатого века, а также в других источниках, и, несомненно, была значительно старше даты ее транскрипции там. "Вся эта история, - говорит мистер Лихи, - стоит в самом начале литературы современной Европы".

154.

Еще один пример сохранения формулы клятвы, произнесенной кельтскими посланниками Александру Македонскому. См. с. 23.

155.

"Восстание" - яркое выражение, используемое ирландскими писателями для обозначения клана или территории, выходящей на тропу войны. В аналогичном значении используется также "хостинг".

156.

См. с. 130.

157.

Меч Фергуса был сказочным оружием, называвшимся Каладхолг (твердый кортик), название которого - более известный артуровский "Экскалибур" - является латинизированным переводом.

158.

Имеется в виду Дейрдре.

159.

См. с. 211.

160.

Перевод А. Х. Лихи, "Героические романы Ирландии", т. I.

161.

Плащ Мананана (см. с. 125) олицетворяет здесь море в его разделяющей и отчуждающей силе.

162.

Этот Курой появляется в различных сказаниях Ультонийского цикла с атрибутами, которые показывают, что он не был смертным царем, а местным божеством.

163.

Это явление Шайбы Брода часто встречается в ирландских легендах.

164.

См. с. 164, где упоминается geis. "Его тетка", конечно же, относится к истории о гончей Каллана, стр. 183, 184.

165.

Отказать барду было делом чести; говорят, что один король отдал свой глаз, когда от него этого потребовали.

166.

Craobh Ruadh - общежитие "Красная ветвь".

167.

Эта история полностью описана в книге автора "Высокие поступки Финна".

168.

Произносится как "Бей-аль-ку".

169.

Инис Клотранн, ныне известный как Квакерский остров. Бассейна больше не существует.

170.

"Youb 'dan".

171.

Книга доктора П. В. Джойса "Ирландские названия мест" - кладезь информации по этому вопросу.

172.

Р. 211, прим.

173.

Название дано как холму, ard, так и броду, atha, под ним.

174.

Произносится как "Мак Кул".

175.

Произносится как "Ушин".

176.

Разумеется, с учетом того, что нынешнее возрождение гэльского как разговорного языка может привести к открытию новой главы в его истории.

177.

См. "Оссиан и оссианская литература", Альфред Натт, стр. 4.

178.

Сейчас Каслнок, недалеко от Дублина.

179.

В королевском графстве.

180.

Холм до сих пор носит название Нокканар.

181.

Гланисмол, недалеко от Дублина.

182.

Талкенн, или "Адзе-голова", - так ирландцы называли святого Патрика. Вероятно, оно связано с формой его тонзуры.

183.

Произносится как "Рукав-на-моне": ударение на последний слог. Означает "Гора женщин-фей".

184.

Перевод С. Х. О'Грейди.

185.

См. с. 105.

186.

Примеры этих стихов были опубликованы с переводами в "Transactions of the Ossianic Society".

187.

Заимствовано из рассказа крестьянина из Ко. Голуэй и опубликованы в Ренне в книге д-ра Хайда "An Sgeuluidhe Gaodhalach", т. ii (без перевода).

188.

Теперь Атлон (Atha Luain).

189.

Насколько значимо это наивное указание на то, что в кельтской Ирландии набеги на соседей считались естественным и похвальным занятием деревенского джентльмена! Сравните рассказ Спенсера об идеалах, проповедуемых ирландскими бардами его времени, "Взгляд на нынешнее состояние Ирландии", с. 641 (издание "Глобус").

190.

Доктор Джон Тодхантер в своих "Трех ирландских бардовских сказках", как мне кажется, один сохранил античную концовку сказки о Дейрдри.

191.

"Waifs and Strays of Celtic Tradition", Argyllshire Series. Сказка была записана в стихах, слово в слово, под диктовку Родерика мак Фадьена в Тири, 1868 год.

192.

Здесь, очевидно, вспоминается Брикриу из Отравленного Языка, злодей из Ультонии.

193.

Араны - это три острова у входа в залив Голуэй. Они представляют собой прекрасный музей таинственных руин.

194.

Произносится как "Ghermawn" - буква "G" твердая.

195.

Скачки были особым развлечением для древних ирландцев, и упоминаются в поэме девятого века, посвященной маю, как одна из достопримечательностей этого месяца. Название месяца май, приведенное в древнем галльском календаре, означает "месяц скачек".

196.

То же самое явление зафиксировано в качестве свидетеля Передура в валлийской сказке с таким названием в "Мабиногионе".

197.

Как мост в Ската'т Дун, [стр. 188](#).

198.

Вероятно, мы должны понимать, что он был анкоритом, искавшим островок, на котором можно было бы поселиться в уединении и созерцании. Западные острова Ирландии изобилуют развалинами хижин и оранжерей, построенных монахами-одиночками или небольшими общинами.

199.

Теннисон был особенно счастлив в описании этих подводных островов.

200.

Пс. ciii. 5.

201.

Это избавляет от последнего из приемных братьев, который не должен был присоединяться к партии.

202.

Остров Тори, у побережья Донегала. Там находился монастырь и церковь, посвященная святому Колумбе.

203.

"Однажды мы будем наслаждаться воспоминаниями об этих вещах". Цитата из Вергилия, "Æн." i. 203 "Священный поэт" - это перевод *vates sacer* Горация.

204.

Этот мудрец и поэт не был идентифицирован ни по каким другим записям. Хвала и благодарность ему, кем бы он ни был.

205.

"Мабиногион", с. 45 и 54.

206.

Произносится как "Аннун". Этим словом в ранней литературе называли Аид или Сказочную страну.

207.

"Барддас", т. I. стр. 224 sqq.

208.

Как это ни странно, но характер этого объекта отнюдь не был определен с самого начала. В поэме Вольфрама фон Эшенбаха это камень, наделенный магическими свойствами. Слово это было образовано ранними сказочниками от слова *gréable* - нечто приятное для обладания и наслаждения, из которого можно было получить *à son gré* все, что пожелаешь из хороших вещей. Легенда о Граале будет рассмотрена позже в связи с валлийской сказкой "Передур".

209.

Отличается от другого великого хранилища поэтических легенд - "Мать Бретани", т. е. артурианской саги.

210.

См. с. 103.

211.

"Cultur der Gegenwart", i. ix.

212.

Их список приводится в "Histoire de Bretagne" Лобино.

213.

См., например, стр. 243 и 218, прим.

214.

См. с. 233, а также аналогичный случай в книге автора "Высокие деяния Финна", с. 82.

215.

См. с. 232 и рассказ о возвращении "Тейна", с. 234.

216.

"Пвилл, король Дифеда", "Бран и Бранвен", "Мат Сор из Матонви" и "Манавыддан, сын Ллира".

217.

См. с. 107.

218.

"Лекции Хибберта", с. 237-240.

219.

См. с. 88, 109 и т. д. Lugh, конечно, = Lux, Свет. Кельтские слова Lamh и Llaw использовались безразлично для обозначения руки или кисти.

220.

Мистер Сквайр в своей "Мифологии Британских островов", 1905, собрал воедино в ясной и привлекательной форме самые последние результаты исследований по этому вопросу.

221.

Финн и Гвин - соответственно гэльская и кимрская формы одного и того же имени, означающие "светлый" или "белый".

222.

"Мифология Британских островов", с. 225.

223.

Смысл здесь представляется сомнительным и передается по-разному.

224.

Lloegyr = саксонская Британия.

225.

Рис, "Лекции Хибберта", цитируя древнюю сагу о Мерлине, опубликованную Обществом английского текста, стр. 693.

226.

"Мифология Британских островов", с. 325, 326; и Рис, "Хиббертские лекции", с. 155 sqq.

227.

В "Iolo MSS.", собранных Эдвардом Уильямсом.

228.

См., например, с. 111, 272.

229.

Здесь мы видим, что далеко ушли от примитивной кельтской легенды. Герои сражаются, как средневековые рыцари, верхом на лошадях, опрокидывая друг друга копьями, а не на колесницах или пешком, и не с помощью странного оружия, которое фигурирует в гэльских рассказах о битвах.

230.

Hēn, "древний"; эпитет, обычно подразумевающий древность, связанную с мифологической традицией.

231.

Произносится как "Pry-dair 'y".

232.

Очевидно, это был треугольный норманнский щит, а не круглый или овальный кельтский. Уже было замечено, что в этих валлийских сказаниях рыцари, когда сражаются, наклоняются друг к другу с копьями.

233.

Читатель может произнести это "Матолау".

234.

Сравните описание Мак Кехта в сказке об Обители Де Дерга, с. 173.

235.

Там, где сейчас стоит Лондонский Тауэр.

236.

Эти истории в Ирландии и Уэльсе всегда связаны с реальными местами захоронений. В 1813 году на месте, которое традиционно считалось усыпальницей Бранвена, была найдена погребальная урна с пеплом и полусгоревшими костями.

237.

Саксонская Британия.

238.

Это искаженное воспоминание о практике, которая, по-видимому, существовала при дворах валлийских принцев, когда высокопоставленный чиновник держал ноги короля на коленях, пока тот сидел за мясом.

239.

"Боярышник, король великанов".

240.

Боги из рода Донов, таким образом, представляются слугами Артура, который в этой истории, очевидно, является богом Артаем.

241.

"Она из Белой Тропы". Сравните описание Этайн, с. [157](#), [158](#).

242.

Других упоминаний об этом Кенверчине или о том, как Овайн получил свою воронью армию, о которой также говорится в "Сне Ронабви", нет. Очевидно, перед нами кусок античной мифологии, вплетенный в более современную ткань.

243.

Например, бретонская сказка "Перонник-дурак", переведенная в "Le Foyer Breton" Эмиля Сувестра. Слог Per, встречающийся во всех формах имени героя, означает в валлийском и корнуэльском языках чашу или сосуд (ирландское coire - см. с. 35, примечание). В любом случае удовлетворительного происхождения последней части имени не найдено.

244.

"Их питает камень самой благородной природы... он называется *lapsit exillîs*; камень также называют Граалем". Термин *lapsit exillîs*, по-видимому, представляет собой искажение *lapis ex celis*, "камень с небес".

245.

Истинное происхождение - от низкого латинского *cratella*, маленького сосуда или чаши.

246.

Аналогичное избирательное действие приписывает Граалю Вольфрам. Его может поднять только чистая дева, когда несет в зал, и язычник не может увидеть его или получить от него пользу. Эта же идея ярко выражена в рассказе о ранней истории Грааля, написанном Робером де Борроном около 1210 года: нечистый и грешный не может получить от него пользу. Боррон, однако, вообще не затрагивает тему Персеваля или "поисков" в этой истории.

247.

Аид.

248.

Caer Vedwyd означает "Замок веселья". Я следую версии этого стихотворения, приведенной Сквайром в его "Мифологии Британских островов", где его можно прочесть полностью.

249.

Сочетание предметов в замке Грааля очень знаменательно. Это были меч, копье и сосуд, или, по некоторым версиям, камень. Это магические сокровища, привезенные данайцами в Ирландию - меч, копье, котел и камень. См. с. 105, 106.

250.

Круглый стол не встречается упоминаний в кимрских легендах ранее XV века.

251.

Вергилий, в его средневековом образе мага.

252.

Талиесин.

253.

Упоминание о мнимом троянском происхождении бриттов.

254.

Я несколько сократил эту любопытную поэму. Связь с идеями переселения, как в легенде о Туане мак Карелле (см. с. 97-101), очевидна. Последним этапом Туана, как можно вспомнить, была рыба, а Талиесин попал в лососевую плотину.